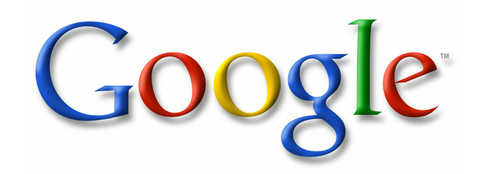
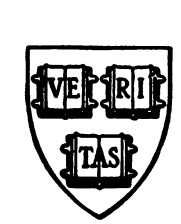

VE RI
TAS

И. Я. ГУРЛЯНДЪ.

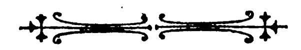
Прив.-доц. Демидовскаго Юридическаго Лицея.

ЯМСКАЯ ГОНЬБА

ВЪ

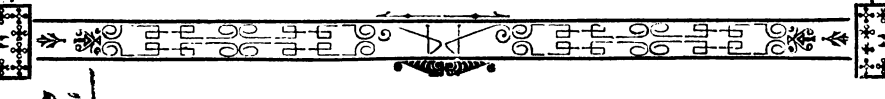
МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ

ДО КОНЦА XVII ВѢКА.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1900.

11'a IAkrlench Gurland

И. Я. ГУРЛЯНДЪ.

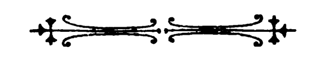
Прив.-доц. Демидовскаго Юридическаго Лицея.

ЯМСКАЯ ГОНЬБА

ВЪ

МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ

ДО КОНЦА XVII ВѢКА.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1900.

Rus. Gur.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
15 Января 1900 г. Директоръ *С. Шпилевскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Исторія ямской гоньбы—рядъ страницъ по исторіи русской администраціи. При сравнительной неразработанности общаго вопроса о внутреннемъ управленіи московскаго государства до конца 17 вѣка, попытка подойти къ этому вопросу путемъ изученія исторіи отдѣльныхъ отраслей управленія можетъ принести несомнѣнную пользу: никакимъ инымъ путемъ не опредѣляются съ такой отчетливостью подробности рисунка въ уже намѣченномъ контурѣ, а этимъ естественно устанавливаются границы тѣмъ обобщеніямъ, которыми, за неимѣніемъ болѣе детальныхъ изслѣдованій, поневолѣ должна удовлетворяться наука. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ не указать, что самый фактъ выбора нами именно данной специальной темы среди ряда другихъ специальныхъ темъ отнюдь не случаенъ. Ямская гоньба, съ одной стороны, вызывала о себѣ особую заботу власти, съ другой-же стороны, ямская гоньба съ особой тяжестью ложилась на населеніе. Вполнѣ понятно, что историческій ходъ развитія ямской гоньбы долженъ былъ опредѣленно выразить основныя начала взаимоотношеній между властью и населеніемъ, т. е. то главное и преимущественное, что характеризуетъ собой строй внутренняго управленія.

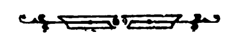
Мы вовсе не имѣемъ въ виду, однако, придать нашей работѣ преувеличенное значеніе. Это—попытка посильнаго разсмотрѣнія частнаго вопроса по исторіи русской администраціи и только. Все время мы твердо помнили, что не можетъ быть плодотворной попытка строить общіе выводы на частныхъ наблюденіяхъ; поэтому, быть можетъ, иногда и къ явному вреду для своей работы, мы останавливались всегда тамъ, гдѣ кончалось непосредственное значеніе нашего специальнаго матерьяла. Мы останавливались даже и тогда, когда было очевидно, что еще одинъ шагъ, и мы по-

дошли бы къ рѣшенію общаго вопроса. Иначе мы были бы непослѣдовательны: одно изъ двухъ:—или терпѣливо ждать, пока общее само собой создастся изъ детально разработанныхъ частей, или, спѣша къ общему, вносить это общее въ частное, быть можетъ, этимъ блистательно разрѣшить широкую задачу, но вѣрнѣе—рисковать, что, въ концѣ концовъ, частное будетъ лишь загромождать путь къ общему, потерявъ къ тому-же и самостоятельное значеніе.

Пользуясь случаемъ, спѣшимъ выразить нашу глубокую, сердечную признательность всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, способствовавшимъ намъ въ предпринятой нами работѣ. Особенную-же признательность обязаны мы выразить глубокоуважаемому Сергѣю Михайловичу Шпилевскому, временемъ, знаніями и рѣдкой по тщательности подбора изданій библіотекой котораго мы въ такой широкой мѣрѣ пользовались, а также и глубокоуважаемому Евгенію Ивановичу Якушкину, благодаря указаніямъ котораго мы могли въ извѣстной мѣрѣ пополнить наше знакомство съ провинціальными изданіями и мѣстными источниками.

Сердечно благодаримъ и всѣхъ библіотекарей и хранителей рукописей въ архивахъ и библіотекахъ, гдѣ намъ приходилось работать. Какъ много, напримѣръ, вниманія и предупредительности встрѣтили мы со стороны г. Рождественскаго при нашихъ занятіяхъ въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Большую помощь оказалъ намъ въ Архивѣ Министерства Юстиціи П. И. Ивановъ.

Съ благодарностью вспоминаемъ мы и тѣ многіе долгіе часы которые такъ внимательно удѣлялъ намъ проф. Липинскій. Считаемъ долгомъ благодарить и проф. Чечулина за хлопоты, благодаря которымъ мы такъ быстро получили доступъ къ матерьяламъ, хранящимся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

ВАЖНѢЙШІЯ ДОПУЩЕННЫЯ СОКРАЩЕНІЯ. [1])

П. С. Р. Л.—Полное Собраніе русскихъ лѣтописей.
А. Э.—Акты Археографической Экспедиціи.
А. И.—Акты Историческіе.
Д. А. И.—Дополненія къ актамъ историческимъ.
А. Ю.—Акты Юридическіе.
А. Юр. Кал.—Акты, относящіеся до юридическаго быта.
Р. И. Б.—Русская Историческая Библіотека, изд. Археогр. Ком.
Г. Г. Д.—Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ.
П. Кн. Новг.—Новгородскія писцовыя книги.
П. Кн. Моск. Г. Писцовыя книги Московскаго государства.
Сб. Ист. Общ.—Сборникъ Историческаго Общества.
П. Д. Сн. Памятники дипломатическихъ сношеній.
А. Гр. Распр.—Акты гражданской расправы, изд. проф. Ѳедотова—Чеховскаго.
Кн. Разр.—Книги разрядныя, изд 2-го Отдѣленія
П. С. З. Полное Собраніе Законовъ.
А. М. Г.—Акты Московскаго Государства, подъ ред. Н. А. Попова.
А. С. М.—Акты Спасскаго Монастыря, изд. Вахромѣева.
А. Юшк.—Акты, изд. Юшковымъ.
Угл. Акт.—Угличскіе акты, изд. Липинскаго.
Оп. Щук. Муз.—Сборники старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина.
Вор. Акты (Втор.)—Воронежскіе акты, изд. Александрова-Дальника и Второва.
Вор. Акты, изд. Ст. Ком.—Матерьялы для исторіи ворон. и сосѣднихъ губерній (Воронежскіе акты), изд. Ворон. Губернск. Статистич. Комит.
Акт. Ряз. Акты рязанскаго края, изд. Пискарева.
Акт. Гарел.—Старинные акты по г. Шуѣ, изд. Гарелина.
Арх. Баюш. Архивъ кн. Баюшева, редакц. Загоскина.
Мож. А.—Можайскіе акты, собр. о. архимандритомъ Діонисіемъ.
А. Возн. Мон.—Акты Нижегородскаго Вознесенскаго Печерскаго Монастыря, изд. Титова.
Л. Зан. Арх. К.—Лѣтопись занятій Археографической Комиссіи.

---

[1]) Считаемъ своей обязанностью извиниться передъ читателемъ: несмотря на возможное вниманіе, приложенное нами при печатаніи настоящей книги, намъ не удалось достичь полнаго единообразія при сокращеніяхъ. Впрочемъ, отступленія эти едва-ли могутъ затруднить читателя. Такъ, мы иногда цитируемъ А. А. Э. вмѣсто принятаго нами А. Э. (Акты Археограф. Экспедиціи), иногда Акты Воз. Печ. Нижег. Мон., а обыкновенно—Воз. Печ. мон. и т. под. Мы должны также извиниться за произвольное обозначеніе Актовъ, относящ. до юрид. быта посредствомъ А. Юр. Кал. (т. е. изд. Калачева). Это сокращеніе въ первыхъ листахъ произошло случайно, а затѣмъ было оставлено нами ради возможнаго единообразія.

А. явл. Аляб.—Записная книга крѣпостныхъ актовъ, явленныхъ дьяку Алябьеву, ред. Лаппо-Данилевскаго.

Симб. Сб.—Симбирскій Сборникъ, изд. Языкова, Хомякова и Валуева.

Оп. Долм. Арх. № 962.—Подробная опись 962 рукописямъ начала 17 до начала 19 стол. „Долматовскаго Архива“, изд. Костр. Губ. учен. Архивной комиссіи.

Тр. Арх. Ком.—Труды (данной) Губернской ученой архивной комиссіи

Роз дѣло о Θеодорѣ Шакловитомъ, изд. Археогр Комиссіи

Челоб. Всполох—Челобитная дьяка ямского приказа Григорія Всполохова, изд. Императорскаго Общества Любителей древней письменности.

Ж. М. Н. Пр.—Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Вр. О. И. Д.—Временникъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Ч. О. И. Д.—Чтенія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Др. Вивл.—Новиковская Древняя Россійская Вивліоθика

Рус. Ист. Сб. Погод.—Русскій Историческій Сборникъ, ред. Погодина.

Юр Сб—Юридическій Сборникъ Мейера.

Арх. ист. практ. св.—Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, ред. Калачева

А. М. Ю.—Архивъ Министерства Юстиціи.

А. М. И. Д.—Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Рум. Муз.—Румянцевскій Музей.

Имп. Публ. Б.—Императорская Публичная библіотека.

Кн. пер. ям. сл. Книги переписныя ямскихъ слободъ въ Архивѣ Министерства Юстиціи.

П. Д. С. Л.—Приказныя дѣла старыхъ лѣтъ въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Гарел. Собр.—Гарелинскія собранія въ Румянцевскомъ Музеѣ.

Q. IV, №№ 260—264 и 334—Новгородскія устройныя книги въ Публичной библіотекѣ.

О. IV, 9—Указная книга ямского приказа въ Публичной библіотекѣ.

Кромѣ того: т.—томъ, стр.—страница, л.—листъ рукописи, ц. с.—цитированное сочиненіе, дан. кн.—наше изслѣдованіе, пр.—примѣчаніе. Вездѣ показаны нумера актовъ, если передъ цифрой не обозначено стр., т. е., что имѣется въ виду страница даннаго изданія.

ВВЕДЕНІЕ.

Большая часть работъ, посвященныхъ вопросу о ямской гоньбѣ до конца 17 вѣка почти не занималась изученіемъ историческаго развитія этого учрежденія. Неудивительно, что обыкновенно въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ о ямской гоньбѣ послѣдняя отъ начала ея возникновенія представляется все въ томъ-же видѣ, въ какомъ, въ дѣйствительности, мы встрѣчаемъ ее лишь начиная со второй половины 16 вѣка, иногда съ присоединеніемъ особенностей, свойственныхъ, быть можетъ, одному 17 вѣку. Сверхъ того, въ этихъ же работахъ мы не рѣдко встрѣчаемъ обобщенія, неправильно основанныя на указаніяхъ, имѣвшихъ, въ дѣйствительности, лишь мѣстное, а иногда и случайное значеніе. Наконецъ, ни одна изъ спеціальныхъ работъ не охватывала и половины тѣхъ вопросовъ, которые возникаютъ, во всякомъ случаѣ, должны возникать при научномъ разсмотрѣніи исторической судьбы ямского строя.

Впрочемъ, оно и понятно: спеціальныя изслѣдованія о ямской гоньбѣ, имѣющія извѣстную научную цѣнность, относятся, главнымъ образомъ, къ тому времени, когда актовый матерьялъ былъ сравнительно мало изученъ, а работа въ архивахъ—сравнительно мало доступна. Статьи же болѣе поздняго времени лишены всякаго научнаго значенія, такъ какъ въ нихъ обыкновенно приняты на вѣру данныя прежнихъ работъ, что повело къ повторенію многихъ старыхъ ошибокъ; что-же касается собраннаго вновь матерьяла, то, какъ оказалось, онъ былъ использованъ неудовлетворительно, нерѣдко—просто не понятъ.

Несравненно болѣе сдѣлано для выясненія судьбы ямской гоньбы изслѣдователями общихъ вопросовъ по исторіи русскаго права, преимущественно—историками финансовъ и экономическаго быта. Въ нихъ работахъ можно найти не

только весьма цѣнныя отдѣльныя замѣчанія, но иногда и содержательные, хотя и краткіе очерки, всего ямского строя. Довольно много замѣчаній по различнымъ отдѣльнымъ вопросамъ ямского строя и управленія разсѣяно также въ провинціальныхъ изданіяхъ, именно—въ статьяхъ, посвященныхъ изученію прошлаго отдѣльныхъ мѣстностей.

Вотъ тотъ литературный матерьялъ, который предшествовалъ появленію нашей работы, насколько намъ удалось его собрать. Собственно о ямской гоньбѣ до конца 17 вѣка и только о ней мы знаемъ лишь одну статью—проф. Домбровскаго. [1]) Составленная исключительно по первоисточникамъ, небольшая статья эта, хотя вскользь и упоминается въ ней, что о ямахъ заботились еще Іоаннъ III и его преемники, имѣетъ въ виду ямскую гоньбу лишь со времени Бориса Годунова. Указавъ, что до установленія ямскихъ охотниковъ ямскую повинность выполняли крестьяне каждаго посада и волости поочередно, авторъ предполагаетъ, что ямскіе охотники были выдвинуты самимъ населеніемъ и только впослѣдствіи признаны правительствомъ, которое начало о нихъ заботиться. Какъ слѣдствіе такихъ заботъ явились ямскія деньги, особый сборъ на гоньбу. Домбровскій, между прочимъ, отмѣтилъ, что гоньба въ пермскомъ краѣ была устроена особымъ образомъ. Какимъ именно—этимъ вопросомъ онъ не занялся. Нѣсколько строкъ авторомъ посвящены и обзору сибирской гоньбы, но о ней онъ зналъ, главнымъ образомъ, лишь то, что заключается въ путешествіи Эбергарда Избрандидеса 1692—1694 г.г. [2]) Домбровскій въ своей статьѣ допустилъ рядъ фактическихъ неточностей. Такъ, онъ приписалъ введеніе загонныхъ книгъ Борису Годунову, установленіе ямскихъ стройщиковъ—Михаилу Ѳеодоровичу; думалъ также, что веденіе загонныхъ книгъ на ямахъ было поручаемо особымъ цѣловальникамъ (явное смѣшеніе стройной гоньбы съ мірскими ямскими отпусками); отождествилъ ямскихъ приказчиковъ съ приставами, посылавшимися на ямы по поводу какого-либо отдѣльнаго случая и т. д. Мы потому упоминаемъ объ этихъ неточностяхъ, что они вошли

---

[1]) Жур. Мин. Нар. Просв. 1841 г., ч. XXXI, стр. 123–132, О ямахъ до конца 17 вѣка.

[2]) Древн. Вивліоѳика, изд. 2-ое, т. VIII.

постепенно чуть-ли не во всѣ статьи о ямской гоньбѣ и почти до позднѣйшаго времени.

Изъ работъ, разсматривавшихъ ямскую гоньбу въ связи съ исторіей русской почты, упомянемъ главнѣйшія: Каразина [1]), Сергѣева [2]), неизвѣстнаго автора въ „Прибавленіяхъ къ общимъ циркулярамъ по главному управленію почтъ и телеграфовъ" [3]), Руфа Иванова, [4]) Бржозовскаго [5]), Лешкова [6]), Шпилевскаго [7]), Конивеца [8]) и Хрущова [9]). Остальныя статьи или совсѣмъ ужъ не имѣютъ значенія самостоятельныхъ изслѣдованій, или касаются лишь одной какой-нибудь частности по исторіи русской почты, а въ соотвѣтствіи съ этимъ и ямской гоньбы. [10])

---

[1]) Рукоп. Арх. М. И. Д., библ. № 226 396. Аналогичное-же значеніе имѣетъ и рукопись неизвѣстнаго автора, подъ заглавіемъ „О почтѣ", хранящаяся въ Импер. Публич. Библ., F, IV, № 648. Здѣсь повторяется Миллеръ, затѣмъ приводятся краткія свѣдѣнія о Ямскомъ приказѣ и нѣсколько указовъ, въ томъ числѣ и указъ о подводахъ по Миллеровскому списку, какимъ пользовался и Каразинъ. Судя по почерку и переплету, эта рукопись находится въ неразрывной связи съ рукописью подъ заглавіемъ „Свѣдѣнія, касающіяся до первоначальнаго учрежденія почтъ въ Россіи, составленныя по распоряженію гр. В. П. Кочубея въ 1806 г." Имп. Публ. Биб. F, IV, № 647. Эта-же рукопись составлена по матерьяламъ Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Для исторіи собственно почты обѣ рукописи—цѣнный матерьялъ.

[2]) Историческій взглядъ на почтовое управленіе въ Россіи, Каз. 1840 г.

[3]) Историческое обозрѣніе почтъ въ Россіи, Прибавл. къ общ. цирк. по главн. упр. п. и тел., 1843 г., № 5.

[4]) О древнемъ ямскомъ учрежденіи въ Россіи; Новг. Губ. Вѣд., 1849 г.№№ 48—51.

[5]) Историческое развитіе русскаго законодательства по почтовой части, Юрид. Сборн. Мейера, 1855 г., стр 341—409.

[6]) Историческій очеркъ русскаго законодательства о путяхъ сообщенія и ямской гоньбѣ, Москвитянинъ, 1852 г., I, стр. 1—36. Таже статья вошла и въ Исторію русскаго общественнаго права въ 17 в., стр. 316—329.

[7]) О благоустройствѣ по Уложенію, Вр. О. И. Д., 1855 г., кн. 24 стр. 24—32.

[8]) Русская почта, Вѣстникъ Европы, 1869 г., 11, стр. 278—305.

[9]) Очеркъ ямскихъ и почтовыхъ учрежденій отъ древнихъ временъ до царствованія Екатерины II, Пет. 1884 г.

[10]) Напримѣръ, брошюра, изданная въ 1860 г. почтовымъ департаментомъ, подъ заглавіемъ: „Описаніе постепеннаго развитія почтовой гоньбы въ Россіи", гдѣ, напримѣръ, учрежденіе постоянныхъ ямовъ относится ко времени Алексѣя Михайловича. Также статья Гана, напе-

Къ этой-же группѣ слѣдуетъ отнести и статью Миллера о ямскомъ приказѣ, напечатанную имъ вмѣстѣ съ его извѣстіями о другихъ приказахъ подъ общимъ заглавіемъ „Московскіе и другіе старинные приказы“ въ Новиковской Вивліоѳикѣ [1]), а также и замѣчанія Успенскаго, помѣщенныя въ его извѣстномъ изслѣдованіи о русскихъ древностяхъ [2]). Сюда-же относятся и замѣчанія, находящіяся въ исторіи Карамзина [3]) Наконецъ, къ этой-же группѣ отнесемъ и болѣе раннія замѣчанія Шторха [4]), а также работы

чатанная въ Сборн. Статист. свѣдѣній о Россіи, 1854 г., стр. 161 „О почтахъ въ Россіи“, гдѣ повторяются исходные пункты Лешкова, но съ большей опредѣленностью, а потому и съ большимъ ущербомъ для точности. Въ этой-же статьѣ, не дающей ни одного новаго факта, повторяются ошибки неизвѣстнаго автора статьи въ „Прибавл.“. Такъ, статью великокняжескаго Судебника о ѣздѣ авторъ понимаетъ какъ таксу ямскихъ прогоновъ; слово „прожиточный“ понимаетъ, какъ „прожившійся“ и изъ этого дѣлаетъ выводъ объ „образѣ мыслей правительства тогдашняго времени о ямскихъ охотникахъ“. Ямской строй въ его цѣломъ онъ считаетъ проявленіемъ „младенческаго состоянія всѣхъ отраслей государственнаго управленія“. Сюда-же надо отнести статью Фабриціуса. Почта и народное хозяйство въ Россіи въ 17 столѣтіи, Петерб. 1864 г., имѣющую извѣстное значеніе для исторіи собственно почтъ, но малоцѣнную для исторіи ямской гоньбы, о которой упоминается лишь вскользь. Сюда-же отнесемъ статью М. П скаго. „Исторія почтъ въ Россіи“, напечатанную во Влад. Губ. Вѣд. 1849 г. Статья исполнена недоразумѣній, по крайней мѣрѣ, въ той небольшой части ея, гдѣ говорится о ямской гоньбѣ. Такъ, Д. А И. I, 105 понята, какъ отдача ямского управленія частному лицу въ награду; ямщики названы служилыми людьми, утверждается, что ямы были доступны всеобщему пользованію и т. д. Статья эта перепечатана цѣликомъ въ Моск. Губ. Вѣд. 1849 г., № 2 и въ Вѣд. Моск. Городск. Полиціи, 1849 г., №№ 115 и 116. Еще меньшій интересъ представляетъ статья „Почты въ Россіи“, напечатанная въ „Харьк. Губ. Вѣд.“, 1863 г., №№ 47, 48. Статья эта—слабый пересказъ работы Бржозовскаго.

[1]) Вивліоѳика, изд. 2-ое, т. XX. стр. 412. Какъ намъ удалось установить изъ рукописи Миллера (Арх. М. Ин. Д, библ. № 388, тетр. 4) эта статья была написана для Новиковскаго изданія Миллеромъ. См. нашу замѣтку въ Чт. О. И. Д. 1899 г. кн. 3, стр. 20 24. Подробности въ „Приложеніяхъ“ подъ № 1.

[2]) Опытъ повѣствованія о древностяхъ русск., ч. 2, стр. 182—183, изд. 1812 г.

[3]) Изд. Эйнерлинга, т. VI, стр. 222, т. VII, стр. 126.

[4]) Storch, Historische statist. Gemälde des Russichen Reichs, изд. 1803 г. ч. VII, стр. 241 и сл., 386 и сл.

историковъ русскихъ финансовъ Гагемейстера [1]) и графа Толстого [2]). Хотя всѣ эти изслѣдователи разсматривали вопросъ о ямской гоньбѣ не спеціально, а лишь въ связи съ той или иной главной своей задачей, но нельзя не присоединить ихъ къ указанной группѣ, такъ какъ разсѣянныя въ ихъ работахъ общіе взгляды на ямской строй и свѣдѣнія о немъ оказали несомнѣнное вліяніе на спеціальныя работы по исторіи ямской гоньбы въ связи съ исторіей русской почты.

Первый камень положилъ Миллеръ. Отнеся появленіе ямского строя ко времени Бориса Годунова, онъ высказалъ, что первоначально сообщеніе велось на средства князя или его посланныхъ. Успенскій, упомянувъ, что свѣдѣнія о ямскомъ приказѣ встрѣчаются уже подъ 1516 г., не затруднился повторить мнѣніе Миллера; вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, онъ нашелъ нужнымъ оговориться, что нерѣдко для посылокъ собирались и подводы съ населенія. Шторхъ какъ бы протестовалъ противъ мнѣнія Миллера, устанавливая, что ямская гоньба создалась подъ вліяніемъ частной промышленности и что, слѣдовательно, правительство лишь воспользовалось уже готовымъ учрежденіемъ. Карамзинъ и Гагемейстеръ отнесли учрежденіе ямовъ къ великокняженію Іоанна III.

Если не считать Каразина, повторившаго въ своей работѣ (она извѣстна намъ только въ рукописи; по происхожденію своему, это—докладная записка министру о постепенномъ развитіи почтъ) статью Миллера, дополнивъ ее нѣкоторыми данными о ямскомъ приказѣ, не представляющими, впрочемъ, сейчасъ никакой цѣны, а также имѣющей значеніе лишь курьеза гипотезой о происхожденіи ямщиковъ отъ племени Ямь или Емь, то первая попытка дать болѣе или менѣе систематическій очеркъ исторіи ямской гоньбы принадлежитъ Сергѣеву. Но онъ, главнымъ образомъ, повторилъ Миллера, развивъ мысль Успенскаго о томъ, что, кромѣ ѣзды гонцовъ на счетъ князя или собственный, была еще ѣзда и на обывательскихъ подводахъ. Неизвѣстный авторъ въ „Прибавл. къ общ. цирк.“, статью котораго еще

[1]) Розыск. о финансахъ древней Россіи, изд. 1833, стр. 69.
[2]) Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи, изд. 1848 г., стр. 50—56.

Лешковъ называлъ замѣчательной, [1]) руководствуясь всей предшествовавшей литературой, пытался объединить взглядъ Миллера съ изученными имъ актами о ямѣ и ямщикахъ въ рязанскомъ княжествѣ (главнымъ образомъ, А. И. I, 13) и потому пришелъ къ выводу, что, хотя въ старыя времена сообщеніе велось на счетъ князя и его посланныхъ, но уже со времени Олега Рязанскаго слѣдуетъ считать начало ямскихъ учрежденій Вмѣстѣ съ этимъ ему пришлось неизбѣжно коснуться и вопроса объ участіи населенія въ ямской организаціи. Но, смѣшивая поминутно подводную повинность съ ямской и послѣднюю съ стройной гоньбой, онъ не могъ притти ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ. Данными, добытыми Домбровскимъ, онъ пользовался мало такъ что намѣченное послѣднимъ различіе между стройной гоньбой и гоньбой міромъ осталось безъ развитія. Авторъ, однако, повторилъ ошибку Домбровскаго о загонныхъ книгахъ, введя въ обращеніе еще и рядъ новыхъ ошибокъ. Такъ, онъ истолковалъ статью великокняжескаго Судебника о ѣздѣ, какъ росписаніе ямскихъ прогоновъ, а слово „прожиточный“ понялъ въ смыслѣ „прожившійся“, что дало ему поводъ къ невѣрному выводу, будто въ ямщики набирались тѣ, отъ кого не было бы больше никакой пользы.

Гораздо шире воспользовался извѣстнымъ тогда актовымъ матерьяломъ, а отчасти и предшествовавшей литературой о ямской гоньбѣ (хотя онъ цитировалъ только Карамзина и Гагемейстера) гр Толстой, авторъ работы, для своего времени весьма примѣчательной. Въ краткомъ очеркѣ ямской повинности онъ установилъ слѣдующія положенія: съ половины 14 вѣка на границахъ селеній (отсюда названіе ямы, межи) князьями устраивались особыя слободы, куда всѣ селенія обязывались поставлять извѣстное число ямщиковъ съ лошадьми; кто жилъ далеко отъ ямовъ, могъ вносить деньги, которыя назывались ямскими деньгами. Первая обязанность, по мнѣнію Толстого, называлось ямской посохой, вторая--ямщиной. Этому раздѣленію, основанному на А. Э. III, 30 и А. И. III, 154, авторъ придаетъ большое значеніе.

---

[1]) Лешковъ, ц. с., въ Москвитянинѣ, стр. 23, примѣч. 2. Лешковъ повторяетъ это со словъ Голохвастова. Акты о родѣ Голохвастовыхъ 1848 г., стр. 135.

Управленіе ямами авторъ сосредоточилъ въ рукахъ земскихъ старостъ и цѣловальниковъ, если ямъ былъ въ селеніи; если же ямъ былъ внѣ селенія, въ особой ямской слободѣ, то, по мнѣнію автора, ямомъ управлялъ ямской староста, стройщикъ или приказчикъ, которыхъ, повидимому, авторъ отождествлялъ. Ямской староста, по мнѣнію автора, долженъ былъ ежегодно отчитываться передъ намѣстникомъ и лучшими людьми.

Воспользовавшись въ самыхъ широкихъ размѣрахъ данными, разработанными гр. Толстымъ, составили свои статьи какъ Руфъ Ивановъ, такъ и Бржозовскій. Въ отличіе отъ гр. Толстого Ивановъ признаетъ особенно большое значеніе въ исторіи ямской гоньбы за удѣльнымъ періодомъ; удѣльная борьба представлялась ему естественной причиной развитія ямской гоньбы. Мнѣніе Карамзина о появленіи ямовъ при Іоаннѣ III онъ рѣшительно отвергаетъ, не приводя, впрочемъ, серьезныхъ данныхъ. Авторъ дѣлаетъ двѣ любопытныя выписки (одну изъ Двинского лѣтописца, другую изъ подлинныхъ актовъ Тверского Желтиковскаго монастыря) характеризующія нѣкоторыя черты быта ямскихъ охотниковъ. Въ общемъ, изслѣдованіе написано съ несомнѣннымъ интересомъ къ вопросу, но безъ достаточнаго запаса матеріаловъ. Въ литературѣ эта статья всѣми забыта.

Много больше посчастливилось работѣ Бржозовскаго: до позднѣйшаго времени, напримѣръ, она цитируется какъ авторитетное изслѣдованіе [1]). Между тѣмъ, не говоря уже о томъ, что автору были извѣстны лишь Акты Юридич. и Акты Арх. Экс., какъ въ общихъ взглядахъ на ходъ развитія ямской гоньбы онъ ни на шагъ не пошелъ дальше своихъ предшественниковъ, такъ и въ разработкѣ фактической стороны, внеся мало существеннаго, онъ повторилъ многія ошибки предъидущихъ авторовъ, въ особенности-же гр. Толстого, котораго мѣстами повторилъ цѣликомъ, и Домбровскаго. Онъ не уловилъ даже отмѣченныхъ уже намековъ Домбровскаго на отличіе стройной гоньбы отъ

[1]) Ссылки на Бржозовскаго находимъ, между прочимъ, и у такого компетентнаго изслѣдователя, какъ Лаппо-Даниловскій, „Организація прямого обложенія". Напримѣръ, стр. 15, прим. 1, стр. 372, пр. 2.

способа гоньбы, который практиковался въ Пермскомъ краѣ, и на особое значеніе сибирской гоньбы, хотя достаточно широко пользовался и его работой. Авторъ, вмѣстѣ съ Миллеромъ, считаетъ, что гоньба велась первоначально на средства князя и его гонцовъ. Причину перехода къ подводной повинности онъ видитъ, подобно Иванову, въ удѣльной системѣ, которая требовала болѣе частыхъ сношеній князей между собой. Къ началу 15 вѣка подводная повинность приняла форму ямской гоньбы Система этой послѣдней въ изображеніи автора мало чѣмъ отличается отъ той, которую описалъ гр. Толстой. Въ отличіе отъ послѣдняго, однако, онъ признаетъ наличность татарскаго вліянія на ямскія учрежденія, что, впрочемъ, въ дальнѣйшемъ не препятствуетъ ему пытаться доказать византійское вліяніе. Вмѣстѣ съ гр. Толстымъ онъ проводитъ параллель между ямской посохой и ямщиной, вмѣстѣ съ нимъ же ставитъ во главѣ ямовъ ямскихъ прикащиковъ или стройщиковъ, которыхъ отождествляетъ, а въ другомъ мѣстѣ, вмѣстѣ съ Домбровскимъ, отождествляетъ ямского прикащика съ приставомъ; вмѣстѣ съ Домбровскимъ же, приписываетъ Борису Годунову какой-то указъ о прогонахъ (произвольное толкованіе А. Э. II., 18); вмѣстѣ съ неизвѣстнымъ авторомъ статей въ „Прибавленіяхъ“ неправильно объясняетъ значеніе устройныхъ книгъ и т. д.

Одновременно со статьей Бржозовскаго (во время печатанья послѣдней) появилась статья Лешкова. Авторъ изслѣдовалъ вопросъ о ямской гоньбѣ въ связи съ вопросомъ о порядкѣ сообщеній до Петра I. Первоначально статья появилась въ „Москвитянинѣ“, а затѣмъ вошла съ небольшими редакціонными поправками въ извѣстное изслѣдованіе автора объ общественномъ правѣ. Исходя изъ того, что ямская гоньба у насъ также древня, какъ и повинность давать подводы, изъ которой естественно гоньба произошла (основаніемъ автору служитъ А. Э. I, 5), авторъ думаетъ, что гонебная повинность первоначально была общей, личной, натуральной. Въ актахъ 14 в. авторъ видѣлъ уже дальнѣйшее развитіе этой повинности, когда въ отдѣльныхъ княжествахъ были указаны особенные пункты, ямы, вдоль общественныхъ путей сообщенія, для усиленія и ускоренія

гоньбы первоначальной. Со времени уничтоженія удѣловъ, отдѣльные ямы отдѣльныхъ княжествъ слились въ одно общее учрежденіе московскаго княжества и дана возможность установить непрерывное движеніе по всей сѣти ямскихъ дорогъ въ Россіи. Отличіе между гоньбой до 14 вѣка и послѣдующей Лешковъ видѣлъ въ томъ, что, начиная съ 14 вѣка, изъ личной она стала общинной. Приведя это толкованіе въ связь съ основной мыслью о роли общины въ процессѣ историческаго развитія внутренняго управленія доимператорскаго періода, авторъ утверждалъ, что не будь общины, не была бы возможна и ямская гоньба. Такимъ образомъ, ходъ развитія гоньбы представлялся Лешковымъ такъ: сначала личная повинность, а затѣмъ общинная, но послѣдній періодъ распадался на два подпеpіода—когда гоньба велась общинами, прилегавшими къ ямской дорогѣ и когда вновь повинность была сдѣлана общею, какъ встарину. Неудивительно, что авторъ далѣе рѣшается утверждать, что ямская гоньба была доступна частному пользованію, уравнивая этимъ ямскую повинность и оправдывая сдѣлки общинъ, подлежавшихъ повинности—сдѣлки, ведшія ихъ къ какому-нибудь вознагражденію за исключительную службу. Однако, Лешковъ не думалъ, чтобы ходъ исторіи гоньбы остановился на періодѣ, когда она была общей общинной. Неуравнительность и жалобы на нее, какъ слѣдствіе такого порядка, привели къ замѣнѣ непосредственной общинной повинности посредственной, которая, лежа на всякомъ городѣ или селеніи, выполнялась отдѣльными лицами, замѣнявшими общину, охотниками, выбранными отъ общины. Это произошло во второй половинѣ 16 вѣка. Въ половинѣ же 17 столѣтія, наконецъ, произошелъ переходъ натуральной ямской повинности въ денежную, вмѣстѣ съ тѣмъ и ямское учрежденіе становится какъ бы государственнымъ.

За работой Лешкова несомнѣнно остается та заслуга, что въ ней впервые обращено серьезное вниманіе на различные фазисы, пережитые ямскимъ строемъ на протяженіи его исторіи. Шаткость отправныхъ точекъ зрѣнія препятствовала автору достаточно разъяснить значеніе каждаго изъ этихъ фазисовъ, хотя бы и подъ тѣмъ угломъ, подъ какимъ онѣ ему представлялись. Неопредѣленныя выраженія и неясныя сопоставленія, къ которымъ, быть мо-

жетъ, въ силу этой именно шаткости отправныхъ пунктовъ, часто прибѣгалъ авторъ, еще болѣе повредили статьѣ. Интересно отмѣтить: всѣ кто потомъ пробовалъ повторять Лешкова, должны были ограничиться формальнымъ пересказомъ его общей мысли, чтобы потомъ оставить ее одинокой среди ряда фактовъ, ей противорѣчащихъ.

За Лешковымъ остается и та заслуга, что онъ первый попытался раскрыть бытовое положеніе ямскихъ охотниковъ. Отсутствіе матеріала помѣшало ему сдѣлать въ этомъ направленіи что-либо законченное.

Подробнѣе другихъ повторилъ Лешкова Шпилевскій, разсматривавшій ямскую гоньбу, главнымъ образомъ, настолько, насколько она отразилась въ Уложеніи. Но работа Шпилевскаго уже значительно богаче матерьяломъ. Шпилевскій-же исправилъ и нѣкоторыя ошибки Лешкова и другихъ предшествовавшихъ авторовъ. Такъ онъ опредѣленно различалъ стройную гоньбу отъ гоньбы міромъ, которую называлъ подводной повинностью, на основаніи Доп. къ Актамъ Историческимъ (авторъ пользовался только четвертымъ томомъ), опредѣлилъ распоряженія о гоньбѣ, изданныя во второй половинѣ 17 вѣка, чѣмъ болѣе выдвинулъ разницу между старымъ порядкомъ и позднѣйшимъ и т д. Но одновременно авторъ повторилъ и ошибки гр. Толстого и Лешкова. Такъ, ямского прикащика отождествилъ съ приставомъ, во главѣ стройныхъ ямовъ поставилъ цѣловальниковъ и т. д.

Къ этой-же группѣ, какъ сказано выше, мы отнесемъ и работы Конивеца и Хрущова. По времени онѣ позднѣйшія, но то, что выработала наука, начиная съ конца 50-хъ годовъ, какъ въ смыслѣ иныхъ пріемовъ отношенія къ матерьялу, такъ и въ смыслѣ иного освѣщенія отдѣльныхъ историческихъ моментовъ, прошло для авторовъ, видимо, безслѣдно. Въ особенности это слѣдуетъ сказать о статьѣ Конивеца. Это—такая смѣсь вымысла и дѣйствительности, что потребовалось бы не мало труда, чтобы только выяснить, что основано авторомъ на точныхъ данныхъ, что неправильно понято и что прямо сочинено. Начавъ совершенно основательно съ опроверженія Миллеровскаго взгляда на то, что будто-бы въ старыя времена сообщенія велись на счетъ князя и его людей, а не населенія, авторъ въ довольно произвольныхъ чертахъ излагаетъ далѣе тѣ мѣста лѣтописей (по

Карамзину), изъ которыхъ будто бы можно опредѣлить, что такое „повозъ“, въ чемъ разница между „повозомъ“ и „подводой“, что такое „станъ“ и т. д. Произвольно установивъ затѣмъ, что ямъ означаетъ повинность, какъ дань подать авторъ считаетъ ямщиной и мыть и тамгу, и вѣсчее, и помѣрное, и пятно. Затѣмъ авторъ дѣлаетъ неожиданный скачекъ и переходитъ къ Іоанну III, при которомъ, оказывается было слѣдующее ямское устройство: дороги, связующія Москву съ провинціальными городами, принимаются въ государственную собственность, относятся къ разряду статей яма, отчего и называются ямскими; по дорогѣ устраиваются въ намѣченныхъ мѣстахъ, по плану и системѣ, ямскіе дворы, на ямскихъ дворахъ поселяются по два должностныхъ лица придворнаго вѣдомства ямщики; ямомъ называется округъ, приписанный къ ямскому двору; къ обязанности ямщиковъ относится: сборъ съ своего округа дани и ямской вещественной повинности и доставка ея по принадлежности, требованіе подводъ къ ямскому двору для перевозки сборовъ, для гонцовъ и проѣзжающихъ, которые предъявятъ подорожныя грамоты великаго князя или удѣльнаго, надзоръ за исправленіемъ дорогъ; къ обязанности ямского округа относится: уплата даней и повинностей, по вновь составленному положенію, съ сохъ (ссылка на Карамзина), поставка подводъ, исключительно по требованію однихъ ямщиковъ; исправленіе ямскихъ дорогъ, пролегающихъ по ямскому округу, устройство мостовъ и гатей, постановка верстъ, посадка деревьевъ и проч. (Стр. 282—283). Въ такомъ-же родѣ описаны и остальные періоды, а всѣхъ ихъ столько, сколько царствованій, такъ что, напримѣръ, время Бориса Годунова у автора—лучшее время ямщиковъ, а Василій Шуйскій уже „спѣшитъ нанести ударъ ямскому сословію“. Въ этой-же статьѣ читаемъ, что при Іоаннѣ III, „вся сущность ямской системы направлена къ ограниченію яма какъ общаго произвола и къ установленію государственнаго порядка“, что при Василіи Ивановичѣ ямщики, въ качествѣ приставовъ, взыскиваютъ на крестьянахъ ѣздовые по деньгѣ на двѣ версты, что при Ѳедорѣ Іоанновичѣ подводная повинность въ ямскихъ округахъ прекращается, что при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ ямщикамъ разрѣшено наниматься, „у гостей и у всякихъ людей подъ товары вольными цѣнами“,

чѣмъ допущены къ государственному извозу и частныя лица и т. д. Тутъ-же, конечно, собраны во-едино и всѣ неточности, допущенныя предшественниками: ямскіе приказчики отождествляются съ приставами иногда посылавшимися для береженья по частнымъ случаямъ, загонныя книги отождествляются съ устройными и проч. Тѣмъ не менѣе, и эта статья принесла свою пользу: авторъ ея первый такъ рѣшительно высказался противъ Миллеровскаго воззрѣнія на происхожденіе гоньбы и, послѣ Лешкова, былъ единственнымъ, развившимъ мысль о постепенности въ исторіи ямскихъ учрежденій, о развитіи формъ этихъ учрежденій. Автору повредило незнакомство съ матерьяломъ и стремленіе къ такой опредѣленности, при которой можно было-бы различать ямскія учрежденія при Борисѣ Годуновѣ отъ ямскихъ учрежденій при Василіи Шуйскомъ.

Наконецъ, книга г. Хрущева. Глава, посвященная въ этой книгѣ ямскому строю, излагаетъ отрывочные факты, безъ связи другъ съ другомъ, если не считать связью мысль, заимствованную у Лешкова, но своеобразно передѣланную: по толкованію г. Хрущева, ямскіе охотники явились будто-бы слѣдствіемъ замѣны личной повинности безличной. Авторъ ввелъ въ обращеніе нѣсколько новыхъ фактовъ: онъ первый пользовался въ архивѣ рукописью Каразина, пользовался также и „устройными книгами“ Публичной библіотеки [1]). Пользовался онъ ими, однако, мало, а то, что

---

[1]) Устройныя книги новгородскихъ ямовъ, о которыхъ тутъ идетъ рѣчь—памятникъ весьма большого значенія и далеко не для одной только исторіи ямской гоньбы. Всѣхъ книгъ извѣстныхъ подъ этимъ общимъ названіемъ, шесть. Онѣ хранятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ подъ №№ 260 264 включительно и подъ № 334 въ отдѣлѣ—IV, въ подъотдѣлѣ—Q. Названіе „устройныя“ далеко не исчерпываетъ содержанія всѣхъ этихъ книгъ. Вотъ болѣе подробное описаніе этого памятника.

1) Q. IV, № 260. Въ этой книгѣ заключаются устройныя Вышневолоцкаго яма 1573 г. (лл. 1—24). Книга Вышневолоцкаго яма извѣстна уже по печатному изданію въ Рус. Ист. Биб., II., № 52. Затѣмъ идутъ устройныя: Крестецкаго яма 1606 г., Яжелбицкаго яма 1606 г., Бронницкаго (годъ неизвѣстенъ, но, судя по именамъ воеводъ и дьяковъ и потому, что Бронницкій ямъ строился одновременно съ остальными восемью большими ямами по Московской дорогѣ -1573 г.) Заечевскаго 1573 г., Крестецкаго 1573 г., Яжелбицкаго 1573 г., Валдайскаго 1573 г., Ядровскаго 1573 г., Хотѣловскаго 1573 г., Вышневолоцкаго 1573 г.,

использовалъ, приведено не точно, какъ указалъ еще Ли-

(тутъ повторяются на листахъ 299—329 цѣликомъ листы 1-24, т. е. Р. И. Б. II, 52), Выдропускаго 1574 г., Вражскаго 1574 г., Пшасскаго 1574 г., Раетскаго 1574 г., Сухловскаго 1574 г., Дубровенскаго 1574 г.

2) Q. IV, № 261. Въ этой книгѣ устройныя: Луєскаго яма 1573 г., Бронницкаго 1586 г., Заечевскаго 1586 г., Крестецкаго 1586 г., Яжелбицкаго 1586 г., Кожемяцкаго 1586 г., Орѣшковскато 1586 г., Расцкаго, Сухловскаго, Дубровенскаго, Пшасскаго, Вражскаго 1580 г. Съ Л. 144 идетъ „книга, сколько прибыло. вытей не приписанныхъ къ ямамъ стряпней по устрою Игнатія Вельяминова и дьяка Собаки Васильева“, т. е. 1586 г. Далѣе устройная Бронницкаго яма 1601 г. съ 222 л. Книга заканчивается перечнемъ кто съ какихъ вытей на какомъ яму въ охотникахъ.

3) Q. IV, № 262. Въ этой книгѣ устройныя двухъ новгородскихъ слободъ—алексѣевской и котельницкой 1586 г., съ Л. 1-16. Съ Л. 16 списки съ устройныхъ книгъ пшасскаго и сухловскаго ямовъ 1603 г., съ Л. 31—исторія сухловскаго яма. Съ л. 101-устройныя 1600 г. Ладожскаго яма, съ л. 150—устройныя окольныхъ и промежуточныхъ ямовъ.

4) Q. IV, № 263. Въ этой книгѣ собрано все дѣлопроизводство по устроенію въ 1586 г. двухъ новгородскихъ слободъ—алексѣевской и котельницкой. Тутъ: наказы изъ Москвы, наказы стройщикамъ, доклады архіепископу, переписка съ Москвой, акты объ отводѣ земель, (весьма цѣнный матерьялъ по исторіи экспропріаціи), челобитныя по поводу экспропріированныхъ земель, указы по этимъ челобитнымъ, отводныя, челобитныя ямщиковъ на отводъ черезъ земли, а не сразу съ одного, челобитныя ямщиковъ на притѣсненія воеводъ, указы по нимъ. Съ л. 201—235 выписки изъ старыхъ писцовыхъ книгъ конца первой половины 16 вѣка.

5) Q. IV, 264. Эта книга находится въ непосредственной связи съ предъидущей. Она, какъ и № 263, не является собственно устройной. По крайней мѣрѣ, съ л. 65, гдѣ описывается, какъ ямскіе охотники раздѣлили между собой отведенныя имъ земли. Это—книга раздѣльная. Съ л. 108 на самой книгѣ обозначено: „дѣловыя книги“. Помимо спеціальнаго интереса для исторіи ямской гоньбы эти книги представляютъ и тотъ общій интересъ, что изъ нихъ мы видимъ, какъ разверстывались отводимыя земли повытно и какъ учитывался уже затраченный на данную землю трудъ, если земля поступала въ новый раздѣлъ. Съ л. 115 книги переписныя. Затѣмъ идутъ опять „дѣловыя книги“ Алексѣевской и Котельницкой слободъ 1599 г. и 1600 г. Съ л. 211 идутъ необыкновенно любопытныя книги „окладныя бобылей“ заечевскаго и крестецкаго ямовъ, а также переписная книга бобылей Тѣсовскаго яма. Съ л. 226—переписная пневскихъ охотниковъ. Съ л. 238—278 и 348 350—сыскныя и распросныя рѣчи о двухъ умершихъ ладожскихъ охотникахъ 1599 г. и устроеніе на ихъ мѣсто новыхъ. Съ л. 278—341 - переписныя разныхъ слободъ, Съ л. 351—392 книги выдѣльныя государева хлѣба 1624—1626 г.г. Съ л. 392 до конца книги распросныя рѣчи о запустѣвшихъ ямскихъ слободахъ послѣ 1617 г.

хачевъ [1]); иное къ тому же было неправильно понято. Напримѣръ, авторъ утверждаетъ на основаніи этихъ книгъ, что къ яму приписывалось нѣсколько вытей сельскаго населенія и что представители этихъ обязательныхъ для ямовъ вытей ямщики назывались „вичьлыми". Авторъ далѣе утверждаетъ, что „устройныя книги" Публичной Библіотеки одно и тоже, что загонныя книги. Это показываетъ, что авторъ совсѣмъ не зналъ того чѣмъ пользовался.

Ко второй группѣ авторовъ мы отнесемъ всѣхъ тѣхъ писателей, отдѣльныя замѣчанія которыхъ о ямской гоньбѣ, а иногда и краткіе очерки ея въ цѣломъ или въ частяхъ, явились результатомъ вполнѣ самостоятельной работы во всякомъ случаѣ, результатомъ новаго пересмотра тѣхъ данныхъ, которыми пользовались вышеуказанные авторы, а также и изученія цѣлаго ряда новыхъ данныхъ. Сюда отнесемъ Соловьева [2]), Чичерина [3]), Незабитовскаго [4]), Владимірскаго-Буданова [5]), Лаппо-Данилевскаго [6], Милюкова [7]), Лихачева [8]). Нѣсколько среднее положеніе между этими двумя группами занимаетъ Бѣляевъ [9]).

Бѣляевъ, насколько намъ извѣстно, никогда не изучалъ вопроса о ямской гоньбѣ спеціально. Поэтому, хотя онъ

6) Q. IV, № 334. Съ л. 1—110 эта книга—точная копія съ л. 1—97 Q. IV, № 262. Съ л. 110 289 идутъ устройныя бронницкаго, заечевскаго, валдайскаго, ядровскаго и хотѣловскаго 1606 г. и поперечныхъ ямовъ 1603 г Съ л. 289 301 списокъ съ платежныхъ книгъ 1596 г. До 379 л. кромѣ устройныхъ 1604 г. двухъ поперечныхъ ямовъ (на Бѣлой) находимъ еще устройныя 1606 г. Вышневолоцкаго и Выдропускаго ямовъ. Съ л. 379 385 межевая выпись Бронницкаго яма 1636 г. и съ л. 385—межевая выпись того-же яма 1650 г.

[1]) Разрядные дьяки, стр. 54, пр. I.

[2]) Изд. Обществ. Пользы, I, стр. 216, 1543.

[3]) Областныя учрежденія въ Россіи въ 17 в., изд. 1856 г., стр. 199, 379, 540 и др.

[4]) Собр. сочин., Кіевъ, 1884 г., О податной с стемѣ въ Моск. госуд., стр 12, 22, 26 и др.

[5]) Обзоръ Исторіи русск. права, 3-е изд. 1900 г., стр. 226 227.

[6]) Организація прямого обложенія, изд. 1890 г., стр. 14—15, 365—377.

[7]) Спорные вопросы финансовой исторіи Московск. государства, изд. 1892 г., стр. 21—23, 90—92. Отдѣльныя замѣчанія въ „Госуд. Хоз. Россіи въ первой четверти 18 вѣка", изд. 1892 г., стр. 7—8, 105—107, 152.

[8]) Разрядные дьяки 16 вѣка, изд. 1888 г., стр. 49—55.

[9]) Лекціи по исторіи русск. законодат. 1879 г., стр. 272, 497, 502; его-же „О поземельномъ владѣніи"—Вр. О. И. Д., кн. 11, стр. 38—9.

и не повторилъ цѣликомъ мысли Лешкова о ямскомъ строѣ, какъ слѣдствіи превращенія личной подводной повинности въ общинную, но едва-ли онъ не ближе другихъ примыкалъ къ этому воззрѣнію. Въ общемъ его основное положеніе таково: первоначально ямская гоньба лежала на всѣхъ городскихъ и сельскихъ жителяхъ; они отправляли ее натурой или сами, или нанимая за себя вольныхъ людей. Эти вольные люди и составили, подъ вліяніемъ правительственныхъ мѣръ, классъ ямщиковъ. Тутъ же онъ повторилъ и старую ошибку о ямскихъ стройщикахъ, которые будто-бы смотрѣли за исправностью ямской гоньбы, завѣдывали судомъ и управой между ямщиками.

Замѣчанія Соловьева касаются лишь вопроса о времени учрежденія первыхъ ямовъ и времени учрежденія ямского приказа. Особое значеніе мы придаемъ указаніямъ Чичерина. Онъ первый отчетливо разграничилъ организацію мірской ямской гоньбы отъ организаци стройной гоньбы. Не изслѣдовавъ проводимую имъ параллель въ настоящемъ объемѣ, онъ, однако, указалъ также и на отличіе ямскихъ мірскихъ денегъ отъ ямскихъ денегъ, шедшихъ въ казну. Онъ первый выдѣлилъ должность ямского приказчика въ особую должность, хотя затѣмъ и отказался отъ ближайшаго опредѣленія этой должности. Такимъ образомъ, уже однимъ этимъ онъ значительно подвинулъ впередъ разъясненіе вопроса. Незабитовскаго интересовалъ преимущественно вопросъ о ямскихъ деньгахъ, въ судьбѣ которыхъ онъ отличилъ два періода: до начала 17 вѣка и послѣ. Владимірскій-Будановъ въ сжатомъ, но весьма содержательномъ очеркѣ изложилъ слѣдующій взглядъ: первоначально снабженіе подводами и проводниками княжескихъ гонцовъ составляло общую обязанность всего населенія; послѣдняя, однако, падала всей своей тяжестью на тѣ пункты, которые лежали на болѣе проѣзжихъ дорогахъ; около половины 15 вѣка эта повинность была приведена въ новый порядокъ (цѣль этого новаго порядка—уравненіе тяжести), а именно: вмѣсто становъ устраиваются на большихъ путяхъ слободы ямщиковъ, избираемыхъ со всего населенія. Такимъ образомъ, авторъ устанавливаетъ непосредственный переходъ отъ подводной повинности къ гоньбѣ ямскими слободами. Разсматривая бытъ ямскихъ охот-

никовъ, авторъ высказывается за общинное землепользованіе ямщиковъ. Происхожденіе ямскихъ денегъ авторъ видитъ въ недостаточности земельнаго обезпеченія ямовъ.

Полнѣе другихъ разработаны данныя о ямской гоньбѣ Лаппо-Данилевскимъ. Интересуясь ямской гоньбой настолько, насколько этотъ институтъ отражалъ на себѣ общую финансовую политику 17 вѣка, авторъ, однако, коснулся и бытовой стороны организаціи. Авторъ подробнѣе другихъ остановился на матерьялахъ, свидѣтельствовавшихъ о различномъ устройствѣ ямской гоньбы, смотря по мѣстности. Ему принадлежитъ заслуга болѣе подробнаго разъясненія вопросовъ о томъ, какъ устраивались ямы, какъ производилась раскладка при устроеніи или обновленіи яма, какъ производился отводъ земли ямскимъ охотникамъ и т. д. Авторъ использовалъ при этомъ довольно значительную часть архивнаго матерьяла. Исторіи развитія ямскихъ учрежденій, соотвѣтственно основной задачѣ своего изслѣдованія, авторъ не коснулся вовсе, ограничившись исключительно изученіемъ данныхъ о гоньбѣ 17 вѣка. Поэтому неудивительно, что небольшая экскурсія, дѣлаемая авторомъ въ 16 вѣкъ, привела его къ неточностямъ Такъ, онъ поставилъ различіе между большими ямскими деньгами и малой ямщиной въ параллель съ княжескимъ и татарскимъ ямами. Эта неточность тогда-же вызвала рядъ указаній со стороны Милюкова, которому вообще принадлежитъ заслуга новаго пересмотра матерьяла о ямскихъ деньгахъ, возвышеніе оклада которыхъ въ 17 вѣкѣ онъ привелъ въ связь съ общимъ процессомъ перехода отъ старыхъ налоговъ къ новымъ, имѣвшаго мѣсто въ началѣ 17 вѣка. Наконецъ, за Лихачевымъ остается заслуга новаго пересмотра матерьяла о началѣ ямского приказа (вопросъ, впрочемъ, оставленъ имъ безъ опредѣленнаго разрѣшенія) и о ямскихъ дьякахъ.

Извѣстное значеніе въ литературѣ вопроса о ямской гоньбѣ до конца 17 вѣка слѣдуетъ признать и за нѣкоторыми изслѣдованіями о ямской гоньбѣ въ той или иной мѣстности. Особенно выдѣляются работы Спицына [1]) о гоньбѣ въ вятскомъ краѣ, которую авторъ излагаетъ въ связи съ ис-

[1]) Подати, сборы и повинности на Вяткѣ въ 17 в., Вятка, 1887 г. Стр. 6—13

торіей соликамской и чердынской гоньбы; Буцинскаго [1]), изслѣдовавшаго вопросъ о бытѣ первыхъ засельниковъ Сибири, въ томъ числѣ и о бытѣ сибирскихъ ямскихъ охотниковъ; въ этой работѣ можно найти немало цѣннаго архивнаго матеріала; Вейнберга [2]), написавшаго работу о воронежской почтѣ; Михайлова [3]) о службѣ козьмодемьянскихъ ямщиковъ; Доброклонскаго [4]), коснувшагося въ изслѣдованіи о слугахъ и крестьянахъ Солотчинскаго монастыря и вопроса объ исполненіи послѣдними ямской повинности. Всѣ эти работы разнаго значенія, но каждая изъ нихъ даетъ какой-либо новый матерьялъ. Отдѣльныя указанія можно найти еще у Заринскаго [5]), пользовавшагося мѣстнымъ матерьяломъ по исторіи казанской ямской слободы, Мерцалова [6]), пользовавшагося мѣстными матерьялами по вологодской ямской слободѣ и у др. Сюда-же отнесемъ и старую работу Словцова [7]), слѣпо, впрочемъ, повторившаго за Миллеромъ все, что послѣднимъ сказано о ямской гоньбѣ въ Вивліоѳикѣ и въ исторіи Сибири.

Наконецъ, отдѣльныя указанія и замѣчанія мы нашли въ работахъ (придерживаемся хронологическаго порядка): Иванова [8]), Панова [9]), Неволина [10]), Горбунова [11]), Муллова [12]),

---

[1]) Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ насельниковъ, Харьк. 1889 г., стр. 43-45, 88 91, 96 и др.

[2]) Воронежск. почта, Воронежск. юбилейн. сборн., 1886 г., стр. 405 440.

[3]) О службѣ Козьмодемьянскихъ ямщиковъ, Казанск. Губ. Вѣд. 1856 г., №№ 12, 13, 21, 22, 25 28. Въ этой статьѣ находимъ весьма цѣнные матерьялы.

[4]) Солотчинскій монастырь, его слуги и крестьяне въ 17 в., Ч. О. И. Д. 1888 г., 1, стр. 61.

[5]) Очерки древней Казани, 1877 г. стр. 182 183.

[6]) Вологодская старина, стр. 35 и сл.

[7]) Историческое обозрѣніе Сибири, 1838 г., т. I, стр. 15 16, 34 36.

[8]) Описаніе государственнаго архива старыхъ дѣлъ, 1850 г. стр. 74. Данныя о ямск. приказѣ.

[9]) Московскіе приказы. Моск. Вѣд., 1855 г., № 82, стр. 332. Данныя о ямскомъ приказѣ, впрочемъ весьма скудныя.

[10]) Образов. управл. Полн. собр. соч., т. VI, изд. 1859 г., стр. 167. Данныя о ямскомъ приказѣ.

[11]) Льготныя грамоты, жалованныя монастырямъ, въ Арх. Ист. и Практ. Свѣд. Калачова, 60—61 г.г., кн. 5, стр. 28 и сл., стр. 77 и сл.

[12]) Историческое обозрѣніе правительствен. мѣръ по устройству городск. общ. управл., 1864 г., стр. 34. О сословіи ямщиковъ.

Горчакова [1]) Никитскаго [2]), Дмитріева [3]), Борзаковскаго [4]), Ильинскаго [5]) Соколовскаго [6]), Леонтовича [7]) Ключевскаго [8]), Сергѣевича [9]), Чечулина [10]), Иловайскаго [11]). Миклашевскаго [12]). Повторяемъ опять: всѣ эти работы самаго различнаго значенія, но для исторіи ямской гоньбы каждая представляетъ какой нибудь интересъ—или небольшой новой подробностью, или попыткой установить общій взглядъ, или даже тѣмъ, что авторъ безъ провѣрки присоединяется къ тому или иному ходячему мнѣнію.

Сдѣланный перечень отнюдь не является исчерпывающимъ, но, кажется, нами не упущено изъ вида ничего, что могло бы существенно повліять на слѣдующій невольно напрашивающійся выводъ: до сихъ поръ мы не имѣемъ ни одного изслѣдованія, въ которомъ съ достаточной полнотой были бы сгруппированы если не всѣ сохранившіяся данныя по исторіи развитія и организаціи ямской гоньбы до конца 17 вѣка, то хотя бы главнѣйшія изъ нихъ. Восполнить этотъ пробѣлъ и явилось основной задачей предлагаемой книги. Въ ней мы даемъ посильную попытку выяснить ходъ постепеннаго развитія ямскихъ учрежденій, значеніе и организацію ихъ, а также пытаемся опредѣлить тѣ бытовыя условія, которыя сложились на почвѣ этихъ учрежденій.

Достаточно было перваго знакомства съ матерьяломъ,

---

1) О земельныхъ владѣніяхъ всерос. митрополитовъ, патріарховъ, Св. Сунода, изд. 1871 г., стр. 275, 417. Данныя о гоньбѣ также и въ приложеніяхъ къ этому труду.

2) Очеркъ внутренней исторіи Пскова, 1873 г., стр. 304. Интересное свѣдѣнье объ особомъ псковскомъ ямскомъ дьякѣ.

3) Исторія судебныхъ инстанцій, стр. 124. О ямск. приказѣ.

4) Исторія тверского княжества, 1876 г., стр. 215.

5) Городское населеніе новгородск. области въ 16 в., Журналъ Мин. Народн. Просв., т. 185, 1876 г., стр. 242. О ямскихъ слободахъ.

6) Исторія сельской общины на сѣверѣ Россіи, 1877 г., стр. 42: его-же—Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія, 1878 г., стр. 11. О ямскихъ слободахъ.

7) Древній монголо-калмыцкій или ойратскій уставъ взысканій, 1879 г., стр. 271.

8) Боярская дума, изд. 2-ое. 1883 г., стр. 279.

9) Лекціи и изслѣдованія, 1883 г. стр. 416, 430—431.

10) Города московскаго государства 16 в., 1889 г., стр. 328.

11) Исторія Россіи, т. III. изд. 1890 г., стр. 443, 451.

12) Къ исторіи хозяйствен. быта москов. госуд., ч. I, изд. 1894 г. стр. 89 91.

чтобы сдѣлалось очевиднымъ, что ямскія учрежденія пережили въ своей исторической судьбѣ рядъ измѣненій, прежде чѣмъ сложились въ ту форму, какая до послѣдняго времени обыкновенно изображается въ литературѣ, какъ основная. Достаточно было также провѣрить данныя, которыми пользовались предшествовавшіе авторы, чтобы замѣтить, какъ различно складывалась ямская гоньба въ различныхъ мѣстностяхъ московскаго государства. Эти два вывода привели къ убѣжденію въ необходимости заново пересмотрѣть весь уже извѣстный матерьялъ, что, въ свою очередь, породило рядъ вопросовъ, требовавшихъ новыхъ матеріаловъ. Какъ мы воспользовались собранными данными—судить не намъ, но нашимъ оправданіемъ въ случаѣ допущенныхъ ошибокъ, будетъ служить то, что мы находились въ исключительномъ положеніи: изслѣдованія нашихъ предшественниковъ, за указанными выше исключеніями, только препятствовали установленію правильныхъ точекъ зрѣнія на отдѣльныя свидѣтельства документовъ.

Изученный матерьялъ привелъ насъ главнымъ образомъ, къ слѣдующимъ двумъ положеніямъ: во первыхъ, къ необходимости раздѣлить исторію ямской гоньбы на три періода, во вторыхъ, къ необходимости строго разграничить двѣ параллельно существовавшія формы ямской гоньбы: гоньбу по стройнымъ ямамъ и гоньбу въ видѣ мірскихъ отпусковъ. Что касается дѣленія на періоды, то мы руководствовались тутъ не соображеніями объ удобствѣ разсмотрѣнія, а слѣдующими причинами: для отдѣленія второго періода отъ перваго такая причина въ томъ, что на смѣну ямщика начальника яма и мірскихъ очередныхъ людей, гонявшихъ гоньбу, явились ямскіе охотники. Такъ какъ такая замѣна означала переустройство всего ямского строя, то, очевидно, что акты одного періода могутъ быть приводимы въ подтвержденіе данныхъ о другомъ періодѣ не иначе, какъ послѣ тщательной провѣрки, насколько въ данномъ случаѣ разница во времени не вліяла на различіе въ условіяхъ и отношеніяхъ. Гранью между вторымъ и третьимъ періодомъ мы ставимъ смутное время. Разстройство, въ которомъ находилось государство въ началѣ 17 вѣка, естественно должно было отразиться и на ямскомъ строѣ. Ямы запустѣли, ямскіе охотники разбре-

лись,—когда, слѣдовательно, начали возобновлять ямы, если не многое, то иное стало устраиваться, хотя и по старой памяти, но не всегда по старому точному образцу. Поэтому опять таки и документами конца 16 вѣка не всегда можно доказывать то, что наблюдается въ 17 вѣкѣ и наоборотъ. Каждый разъ необходимо приходится взвѣшивать и соображать всю совокупность условій Кромѣ того, первая половина 17 вѣка была временемъ развитія спеціальнаго законодательства о ямской гоньбѣ, при чемъ иныя нормы вносили нѣчто совсѣмъ новое, дотолѣ вовсе невѣдомое практикѣ, иныя являлись непосредственнымъ развитіемъ старой практики, наконецъ иныя—возобновленіемъ старой практики, но съ видоизмѣненіями въ частностяхъ. Достаточно было уловить эти оттѣнки, чтобы понять всю безплодность совмѣстнаго разсмотрѣнія ямского строя второй половины 16 вѣка съ ямскимъ строемъ 17 вѣка.

Что-же касается различенія стройной гоньбы отъ мірскихъ отпусковъ, то необходимость такого различенія достаточно ясна изъ представленнаго уже очерка положенія вопроса о ямской гоньбѣ въ литературѣ. Отсутствіе этого различенія было источникомъ главнѣйшихъ ошибокъ и неточностей, служило поводомъ къ насильственному толкованію актовъ, породило рядъ недоразумѣній, разобраться въ которыхъ теперь стоитъ несомнѣнно много труда Въ настоящемъ опытѣ мы выдѣляемъ вопросъ о мірскихъ ямскихъ отпускахъ въ особую главу.

Въ особую-же главу мы выдѣляемъ и сибирскую гоньбу. На это были двѣ причины: отчасти сибирская гоньба по самому существу тѣхъ особыхъ условій, среди которыхъ она была учреждена, приняла нѣсколько иную организацію, отчасти можно прослѣдить, какъ эта своеобразность организаціи сибирской гоньбы вліяла на строй гоньбы во внутреннихъ московскихъ областяхъ.

I.

Всѣ вопросы, связанные съ вопросомъ о ямахъ, объ ихъ устройствѣ, о ямской гоньбѣ, о повинностяхъ, вытекавшихъ изъ ямской организаціи и т. д. только со времени великаго князя Іоанна III могутъ быть обоснованы болѣе или менѣе точными данными. О времени предшествовавшемъ мы можемъ судить въ гораздо большей степени на основаніи аналогій и предположеній.

Трудно думать, чтобы домонгольская Русь не знала извѣстныхъ способовъ, которыми пользовались для неизбѣжныхъ сношеній. Слагается государство, устанавливаются отношенія, ведется борьба за силу, власть, во имя расширенія однѣхъ областей на счетъ другихъ, по неволѣ сносятся посольствами, мѣняются вѣстями, пересылаются гонцами. Въ предѣлахъ каждаго владѣнія выдѣлившійся центръ нуждается въ установленіи связи съ остальной территоріей; ратное дѣло, съ одной стороны, сборъ податей, съ другой, придавали этой потребности особое значеніе. Но мы, пользуясь тѣми свѣдѣніями, которыя сохранились до насъ, имѣемъ право лишь въ общихъ чертахъ намѣчать разрѣшеніе возникающихъ здѣсь вопросовъ.

Долго повторялось мнѣніе, что въ старыя времена, когда за государевымъ дѣломъ кто куда посыланъ былъ, онъ или на своихъ лошадяхъ, или на свой счетъ ѣздилъ, а иногда съ позволенія для такой поѣздки получалъ лошадей, которыхъ по окончаніи поѣздки отдавалъ въ государеву казну. [1]) Но, какъ ни скудны свѣдѣнія, дошедшія до

[1]) Это мнѣніе впервые было высказано Миллеромъ въ его извѣстной статьѣ о „Ямскомъ приказѣ" въ т. XX, изд. 2. Вивліоѳики. стр. 412. Такое мнѣніе Миллера, можно думать, было основано на томъ, что дѣйствительно, когда кто либо посылался за рубежъ, то въ ближайшемъ передъ рубежомъ городѣ онъ за счетъ великаго князя покупалъ лошадей. „А

насъ о „старыхъ временахъ“, если понимать подъ ними времена до великаго князя Іоанна III, все-же слѣдуетъ опредѣленно сказать, что сношенія на собственныя средства князей, если и велись, то развѣ въ видѣ исключенія. Какъ правило, сносились на средства населенія, которое несло для удовлетворенія этой потребности извѣстную повинность, часто весьма для него тяжелую. Въ землѣ Новгородской эта повинность уже въ началѣ 13 вѣка называлась *повозомъ*, въ другихъ земляхъ *подводой*. Какъ увидимъ дальше, объ условіяхъ такой подводной повинности въ актахъ конца 13 вѣка (А. А. Э., I, 1) говорится, какъ о чемъ-то установившемся изстари—можно думать, что подводная повинность была извѣстна населенію много раньше 13 вѣка.

Правда, еще подъ 984 г. лѣтописецъ говоритъ о Радимичахъ, что они „прешедъше ту ся вселиша и платятъ дань, Руси повозъ везутъ и до сего дне“ (П. С. Р. Л., I, стр. 36) но Соловьевъ, какъ извѣстно, уже объяснилъ, что подъ повозомъ здѣсь правильнѣе понимать тотъ способъ собирать дань, при которомъ племена сами привозили ее въ опредѣленное княземъ мѣсто, въ отличіе отъ ѣзды князя на полюдье. [1]) Для 1209 г., однако, мы встрѣчаемъ въ лѣтописи

велѣлъ бы еси ему ѣхати до рубежа на подводахъ; а на рубежѣ, куда ему ѣхати, и ты бы ему въ той волости велѣлъ взяти подводы, далъ бы еси ему грошей; а приказалъ бы еси ему, чтобы ѣхалъ не мотчая, лошадей бы не жаловалъ: гдѣ у него которая подвода устанетъ, и онъ бы мѣнялъ да грошей придавалъ, а утеряется и онъ бы купилъ“ Сб. Ист. Общ., т. XXXV, стран. 69 (1492 года). Или еще: „и какъ пріѣдетъ въ Можаескъ, и вы бы взяли зъ города одинадцать подводъ добрыхъ да дали Митѣ да Третьяку до Вилны да тѣ бы есте подводы оцѣнили зъ людми зъ добрыми; которая зходитъ, и язъ велю той паcмъ заплатити, а которая утеряется, и язъ тою велю цѣну заплатити“. Сб. Ист. Общ., XXXV, стран. 82 (1493 года). См. тамъ-же, стр. 443—444 и др. Мнѣніе Миллера повторено и въ „Выпискѣ о первоначальномъ заведеніи и дальнѣйшемъ образованіи почтъ въ Россіи“, сдѣланной по предписанію Мин. Ин. Д. А. Я. Будберга, въ 1807 г. (Рук. въ Арх. М. И. Д., № 226—396). Его же находимъ и въ рукописи Импер. Публич. Библ. „О почтѣ“ F. IV, 648. Это-же мнѣніе повторено Успенскимъ, Опытъ повѣствованія о древн. рус., ч. 2 стр. 182—183, изд. 1812 г., Сергѣевымъ, Истор. взглядъ на почтовое управленіе въ Россіи, изд. 1840 г., § 5. То-же мнѣніе повторилъ еще и Бржозовскій въ его статьѣ „Историческое развитіе законодательства по почтовой части“, въ Юридич. Сборн. Мейера стр. 345.

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. I, стр. 216, изд. Товарищ. „Общ. Польза“. Съ этимъ несогласенъ Владимірскій-Будановъ, Обзоръ ист. рус

уже довольно опредѣленное указаніе, что въ новгородской землѣ подъ повозомъ понималась обязанность давать подводы. Это именно то мѣсто лѣтописи, гдѣ разсказывается, какъ новгородцы, сотворивъ вѣче на посадника Дмитра и на братью его, вспоминаютъ при перечисленіи винъ посадника: „повелѣша.... по купцемъ виру дикую и повозы возити и все зло". [1]) Данное мѣсто становится опредѣленнѣе, если сопоставить его съ обычной формулой договоровъ новгородцевъ съ князьями: „а дворянамъ твоимъ по селомъ у купцовъ повозовъ не имати разве ратной вѣсти". [2]) Можно, слѣдовательно, думать, что обязанность давать подводы, распространявшаяся въ принципѣ въ мирное время не на все населеніе, въ дѣйствительности вела къ злоупотребленіямъ со стороны князей и ихъ слугъ, въ общемъ была въ тягость населенію, въ военное же время не знала ограниченій.

Дальнѣйшихъ разъясняющихъ извѣстій о повозѣ намъ не удалось найти; объ аналогичной-же *подводѣ* мы знаемъ нѣсколько больше. Если судить по указаніямъ значительно позднѣйшаго времени (а на это въ данномъ случаѣ мы имѣемъ право, такъ какъ, если бы время тутъ что либо измѣнило, то именно подобныхъ указаній мы не имѣли бы), подъ подводой понимались только лошади, а не лошади вмѣстѣ съ санями или телѣгой. [3]) Кто обязанъ былъ давать лошадей, тотъ могъ быть обязанъ давать и кормъ. Обыкновенно о кормѣ говорится рядомъ съ подводой. Изъ подводной повинности вытекала и обязанность давать проводниковъ, хотя и эта повинность могла являться самостоятельной.

пр., стр. 91, который думаетъ, что повозъ состоялъ въ доставленіи средствъ передвиженія для военныхъ дружинъ, княжескихъ данщиковъ и гонцовъ.

[1]) П. С. Р. Л., т. III стр. 30.

[2]) Г. Г. и Д., т. I, 1, 3, 6, 7, 9, 15, 20.

[3]) Такъ, обыкновенно подорожныя 17 в. опредѣляютъ точно подводы съ телѣги или съ сани (Ар. М. И. Д. II. Д. С. Л., 1606 г. св. 3. № 1, пачка подорожныхъ; А. Ю., 364, III; Рум., Муз. Гарелин. Собр. и др.) Для 1504 мы встрѣчаемъ такое-же объясненіе въ подорожной толмачу Селѣ, Пам. Дипл. Снош. I, стр. 112. Такое обозначеніе для сѣвера встрѣчаемъ еще у Корнилія де Бруина: „ямщики доставляютъ однѣхъ только лошадей" Чт. О. И. и Д. 72 г., 1 стр. 31. Встрѣчается указаніе: подводы верхи (А. Ю. 364, IV и др.).

Издревле кормъ, проводники и подводы являлись повинностями, которыми тянули къ городу, которыя отбывались съ погостовъ. „Оть даютъ съ погостовъ кормъ и подводы по пошлинѣ“ (А. А. Э., I, 1). „Не надобѣ имъ потягнути къ городу ни въ которую дань, ни въ подвода, ни въ станъ, ни въ который проторъ“ — читаемъ въ жалованныхъ грамотахъ еще 14 вѣка (А. А. Э., I, 4 и др.). Распорядкомъ по исполненію этихъ повинностей завѣдывали мірскія власти; напримѣръ, на Двинѣ — посадники, старосты и скотники (А. Э., I, 1).

Изъ цѣлаго ряда данныхъ мы узнаемъ, что повинности эти всегда тяготили населеніе, которое смотрѣло поэтому на освобожденіе отъ нихъ не только въ цѣломъ, а хотя бы и въ части, какъ на дѣйствительную льготу. Соотвѣтственно съ этимъ, освобожденіе давалось только въ виду уважительныхъ причинъ и каждый разъ, т. е. для каждой данной мѣстности, опредѣлялось точно въ жалованной грамотѣ. Освобожденіе давалось людямъ, поселеннымъ и селившимся на монастырскихъ земляхъ, послѣднимъ охотнѣе, чѣмъ первымъ, обыкновенно, однако, и тѣмъ, и другимъ на срокъ, но для инокняженцевъ срокъ большей частью удлинялся. Встрѣчаемъ также случаи освобожденія людей, заселявшихъ пустынныя дотолѣ мѣста, погорѣльцевъ и т. д. [1]) Обязан-

[1]) Льготы давались князьями по разнымъ соображеніямъ, но преимущественно изъ желанія привлечь въ княжество путемъ монастырской колонизаціи новое населеніе. Это видно изъ преимуществъ, которыя обыкновенно предоставлялись инокняженцамъ (а кого къ себѣ игуменъ призоветъ людей изъ иного княженья, а не изъ моее отчини). Иногда и старожильцы и инокняженцы уравнены (напр. А. Э. т. I, 38, 374 и др.). Иногда и старожильцы и инокняженцы освобождаются безсрочно (А. Э. т. I. 52, 60 и др.). Но по большей части льгота дается на срокъ (отъ 20 2 л.), при чемъ съ преимуществами для инокняженцевъ. Напримѣръ, старожильцы не освобождаются, а инокняженцамъ дается десятилѣтняя льгота—А. Э., 17, 18, 20 и др.; 20-лѣтняя льгота А. Э. I, 36; 15 лѣтняя льгота А. Ю. К., I, 31, № VI; тутошніе на 5 лѣтъ, инокняженцы на 15 лѣтъ— А. Э., т. I, 23, старожильцы на 3 г., инокняженцы на 10 л.—А. Э. т. I, 21; старожильцы на 5 л., инокняженцы на 10 л.—А. Э., т, I, 44; старожильцы на 10 лѣтъ, инокняженцы на 15 л.—А. Э. т I, 51; старожильцы на 2 г., инокняженцы на 10 лѣтъ А. И., т. I, 25, 36. Встрѣчаются и такія выраженія и то деи село и деревня опустѣло и люди деи разошлися... и кого архимандритъ тѣхъ людей и т. д. (Р. И. Б., т. II, 20). Ср. Горбуновъ, Льготн. грам., жалов. мон. въ 13—15 в.в., Арх. Ист. и Практ. Св. Калачова, 60 —

ностью населенія давать кормъ, подводы и проводниковъ пользовались во зло княжескіе слуги и гонцы: брали лишнія подводы, брали силою, нерѣдко при этомъ не обращая вниманія на то, что данная мѣстность пользовалась льготой. Князья пытались поэтому ввести въ отправленіе подводной повинности и въ пользованіе сю нѣкоторый порядокъ: заказывалось ѣздить новыми, не пошлыми дорогами (А. Э. I, 61, 65 и др.); для наблюденія надъ этимъ иногда (со второй половины 15 вѣка это дѣлается, видимо, постоянной практикой) въ данныхъ селахъ ставились особые пристава (А. Э. I, 82, 113 и др.); указывалось опредѣленно, что ратная вѣсть (почти общая оговорка въ жалованныхъ грамотахъ Іоанна III) пріостанавливаетъ значеніе льготъ (А. Э. I, 121, 150, А. И. I, 75, 83, 86, Д. А. И., I, 48 и др.); что такое-же значеніе имѣетъ и княжеская подорожная (А. Э. I, 86, 123 и др.); дѣлалось различіе между княжескими гонцами и прочими слугами, при чемъ послѣднимъ запрещалось требовать подводы, когда они ѣздятъ на его, князя, службу или которыми иными дѣлами своими-жъ (наприм.—А. Э. I, 81), а иногда и вообще: „никоторыми дѣлами", „всякіе ѣздоки не емлютъ, также и гонцы мои Великаго Князя безъ грамоты не емлютъ".

Населеніе, какъ уже сказано выше, само вело раскладку повинности, но уравнительность достигалась съ трудомъ, и потому, вѣроятно, нерѣдки были случаи вмѣшательства князей въ мірскіе распорядки: считавшіе себя обочтенными, обращались съ жалобами, результатомъ которыхъ являлись различныя мѣропріятія. Главными поводами для этихъ жалобъ были злоупотребленія мірскихъ властей при нарядѣ подводъ въ предѣлахъ стана, посада, погоста, злоупотребленія со стороны подмогавшихъ сосѣдей, также пропуски, т. е. нежеланіе смѣнять сосѣдскія подводы своими, чѣмъ, конечно, наносился ущербъ интересамъ сосѣдей, наконецъ—отказы въ счетѣ, т. е. нежеланіе однихъ платить другимъ по спеціальному ранѣе установленному разсчету слѣдуемыя

61 г.г., кн. 5, стр. 28 и сл. Можно отмѣтить также мотивъ желаніе поднять пашню въ доселѣ глухихъ мѣстахъ. А. Э., т. I, 44, 46, 135 и др. Встрѣчаются льготы и по случаю пожаровъ А. Э., I, 63; по случаю какого-нибудь спеціальнаго обстоятельства, напр. постройка монастырск. ограды—А. Э. I, 190.

за лишніе отпуски или вообще по подмогѣ въ отпускахъ деньги. Подлинныхъ дѣлъ этого рода мы не знаемъ для времени до послѣдней четверти 16 вѣка. Но если уравнительность не достигалась и при сравнительно развитой административной системѣ, нѣтъ основаній думать, что она достигалась въ болѣе раннее время. Поэтому едва-ли будетъ ошибкой по дѣламъ болѣе поздняго времени судить о времени предшествовавшемъ. Къ тому же и изъ самихъ извѣстныхъ намъ дѣлъ видно, что обыкновенно жалобы одной волости на другую по поводу подводной повинности носили хроническій характеръ: это были старинные споры, которымъ къ тому-же не предвидѣлось и конца. Такъ, напримѣръ, Еренчане и Усольцы стояли на Москвѣ для суда въ 1582 г., но изъ дѣла видно, что они судились уже и въ 1578 г. (Арх. Мин. И. Дѣлъ П. Д. С. Л., Св 1, № 1); можно сказать утвердительно, что они судились и до того; съ ними-же мы не разъ встрѣчаемся и въ теченіи 17 вѣка. То-же можно сказать и про судьбище между людьми Ковской, Кондалацкой и Керетецкой волостей и людьми Соловецкаго монастыря: по ихъ дѣлу имѣется указъ отъ 1597 г., но изъ указа видно, что счетъ между волостями старинный (Д. А. И., I, 140); съ тѣмъ-же счетомъ встрѣчаемся, напримѣръ, и въ 1667 г. (Д. А. И., V, 43). Мѣняются формы суда, но сущность отношеній все та-же; всѣ тѣ-же и нормы, являющіяся результатомъ этихъ судбищъ.

Изъ этихъ данныхъ можно также заключить, что подводы и кормъ, и проводники выставлялись лишь по мѣрѣ надобности, при чемъ, какъ общее правило, лишь для дѣлъ князя и управленія. Организація правильныхъ и постоянныхъ сношеній еще не имѣла мѣста. Сношенія частныхъ лицъ производились каждымъ за его счетъ и страхъ. [1])

Но все это еще не было ямской гоньбой, т. е. такой организованной системой сообщенія, гдѣ заранѣе заготовленныя подводы всегда на извѣстныхъ пунктахъ ждутъ требованія и гдѣ существуютъ спеціальныя лица, вѣдающія распорядокъ по этому дѣлу. Правда, ямская гоньба могла бы и естественно развиться на почвѣ подводной повинности, но

---

[1]) Гагеймейстеръ, Розысканія о финансахъ древней Россіи стр. 23. Ср. также Погодинъ, Древн. русск. исторія т. II, стр. 419, 527.

такъ-ли это было въ дѣйствительности? Въ нашемъ распоряженіи нѣтъ никакихъ точныхъ данныхъ, которыя доказывали бы самобытность ямской гоньбы и, наоборотъ, мы не можемъ не считаться съ цѣлымъ рядомъ данныхъ, которыя прямо указываютъ на наличность если не прямого заимствованія у татаръ, то несомнѣннаго вліянія татарскаго образца.

Первыя упоминанія о *ямѣ* мы находимъ не раньше нашествія татаръ. Насколько извѣстно, впервые этотъ терминъ отыскивается въ ярлыкѣ хана Монгутимира, [1]) который, освобождая митрополита и церковныхъ людей отъ разныхъ сборовъ и повинностей, упоминаетъ и объ освобожденіи отъ яма (1270—1276 г.г.). Существуетъ рядъ предположеній [2])

---

[1]) Г. Г. и Д., II, 2 Ср. ibid, 7.

[2]) Въ пользу мнѣнія о происхожденіи ямской гоньбы подъ непосредственнымъ вліяніемъ татаръ высказались: Соловьевъ, т. I, стр. 1544; Леонтовичъ, Ойратскій уставъ, стр. 271; Лаппо-Данилевскій, Организація прямого обложенія, стр. 14—15; Милюковъ, Спорные вопросы финансовой исторіи московск. госуд., стр. 21—22; Хрущевъ, Очеркъ ямск. и почтов. учрежд., стр. 3. Лаппо-Данилевскій не просто считаетъ татарскіе порядки образцомъ для русскихъ, а полагаетъ, что первоначально повинность эта и отправлялась въ пользу хана и его посланныхъ. Милюковъ возражаетъ противъ такого утвержденія. Мысль Лаппо-Данилевскаго является лишь развитіемъ словъ Соловьева: „ямы возникли сначала безъ сомнѣнія вслѣдствіе татарскихъ отношеній“. Бржозовскій, ц. с., стр. 347, рѣшается сказать только, что та форма, въ которой ямская повинность существовала въ продолженіи 14 и частью 15 в. не была, можетъ быть, безъ всякаго соотношенія съ подобными-же учрежденіями орды. Такая осторожность со стороны автора объясняется, конечно, дѣлаемой имъ далѣе попыткой найти доказательства византійскаго вліянія на формы нашихъ ямскихъ учрежденій (стр. 355—358). Впрочемъ, эту мысль авторъ самъ называетъ недоказанной. Владимірскій-Будановъ ограничиваетъ вліяніе татаръ лишь тѣмъ, что они сдѣлали тяжелую повинность снабженія подводами и проводниками княжескихъ гонцовъ, самихъ князей и ихъ дружинниковъ особо памятной (Обзоръ ист. рус. пр., изд. 3-е стр. 226). Остальные писатели или вовсе не касаются даннаго вопроса, или склонны считать ямскія учрежденія самобытно развившимися изъ подводной повинности. Такъ, въ особенности, думалъ Лешковъ, въ его статьѣ „О путяхъ сообщенія, Москвит. 1852 г., кн. 1, стр. 23, также въ его „Русск. нар. и госуд.“, стран. 317 и сл. Видимо, такъ-же думаетъ и Лихачевъ, Разрядн. дьяки, стр. 49. Отмѣтимъ оригинальную попытку Берендса „Госуд. хоз. Швеціи“, т. I, стр. 179 - 181. Авторъ думаетъ, что замѣчаемое имъ сходство между шведскими skjutsbönderne и нашими ямщиками заставляетъ считать ямы учрежденіемъ, предшествовавшимъ эпохѣ мон-

о происхожденіи слова „ямъ“, но, принимая во вниманіе недоказанность этихъ предположеній и имѣя въ виду заявленія оріенталистовъ, слѣдуетъ принять, что слово „ямъ“

гольскаго ига, и занесеннымъ къ намъ варягами. Татары, по словамъ автора, только воспользовались ямами для своихъ цѣлей. Попытка эта, очевидно, противорѣчитъ всему тому, что мы знаемъ о ямахъ у монголовъ и китайцевъ; кромѣ того, не можетъ быть согласована съ тѣмъ фактомъ, что въ новгородской землѣ, т. е. тамъ, гдѣ прежде всего слѣдовало бы искать слѣдовъ указываемаго вліянія, еще въ первой половинѣ XV вѣка (1437 или 1456—1462 г.), какъ видно изъ извѣстной новгородской грамоты о черномъ борѣ (А. Ар. Эксп., т. I, 32) ѣзда производилась на мірскихъ подводахъ отъ стану до стану (съ десяти сохъ по двѣ подводы отъ стану). Своеобразна также попытка Конивеца, „Русск. госуд. почта“, Вѣстн. Евр. 1869, 11 стр. 281, гдѣ авторъ считаетъ, что ямомъ называлась вообще всякая повинность, какъ данью вообще всякая подать. Эта попытка находится въ связи съ производствомъ слова ямъ отъ славянскаго глагола яти, имати, брать. Послѣдняя мысль была высказана еще Соловьевымъ, т. I, стр. 1697. Соловьевъ, однако, говоритъ такъ: „названіе ямовъ произошло или отъ русскаго слова емлю, или, что еще вѣроятнѣе, отъ татарскаго ямъ, дорога“. Можно думать, что производство ямовъ отъ иманья основывается на показаніи Даніила Принца изъ Бухова, который (русск. перев. въ Чт. О. И. Д., 1876 г., 4, стр. 72) говоритъ: „эти деревни (ямскія слободы) обыкновенно называются ямами отъ иманья (ab apprehensione)“ Опроверженіе мысли Канивеца сдѣлано подробно Хрущевымъ, ц. с., стр. 3, примѣч. Есть еще объясненіе слова ямъ отъ ямы или межи. Такъ говоритъ гр. Толстой, Ист. финанс. учрежд. Россіи, стр. 50. Соловьевъ, стр. 1697, опровергаетъ эту гипотезу. Ср. Хрущевъ, ц. м. Совершенно несообразную гипотезу находимъ въ рукописи Каразина, „Историч. запис. о почтахъ“, хранящейся въ Ар. Ин Д. Ссылаясь на Ростовскую лѣтопись, авторъ производитъ слово ямъ отъ имени народа Яма или Еми, обитавшаго отъ сѣверной стороны Ладожскаго озера до Двины и вверхъ до Бѣла-озера, иначе называвшагося Заволочью. Этотъ народъ издревле былъ конницей новгородской. Ссылаясь на Двинскаго лѣтописца, авторъ говоритъ, что лошади у Заволочанъ не только были легкія, но и въ такомъ количествѣ, что они снабжали ими сосѣдственныя стороны. Новгородцы брали съ Заволочанъ дань не только деньгами, но и лошадьми. Когда въ 1464 г. Іоаннъ III покорилъ это племя, онъ разселилъ Емь, учредивъ за одно и ямы. Послѣ изслѣдованій о племени Емь или Ямъ Лерберга, Шегрена и Барсова едва-ли можно придавать гипотезѣ, допускающей у новгородцевъ финскую конницу, какое-либо значеніе. Еще болѣе несообразную гипотезу приводитъ Діевъ, въ „Изъясн. Правды Русск.“ Ж. М. Н. Пр. 1839 г., ч. XXII, стр. 61. Діевъ думалъ что ямщиками могли быть „изгои“. Въ основу гипотезы авторъ положилъ простое созвучіе словъ „изгой“ и „изгонный“ (напримѣръ, изгонныя книги, изгонъ, и т. д.)

было занесено къ намъ татарами. [1]) У татаръ этимъ словомъ обозначалась налагавшаяся на подвластные народы дань, собиравшаяся для поддержанія почтовой организаціи въ ордѣ [2])

[1]) По словамъ оріенталистовъ „дзямъ“ по монгольски – дорога, дзямчи гонецъ, проводникъ, путеводитель. „Дз“ при переходѣ монгольскихъ словъ въ татарскій языкъ мѣняется на „я“. Это было указано еще въ работѣ Бржозовскаго, ц. с., стр. 346, прим. 1. На основаніи изученія Тимуръ-Кутхукова ярлыка проф. Березинъ (Ханск. ярл., вып. 2., стр. 31) говоритъ: ямчи-шусунчи-ларъ означаетъ почтмейстеръ (не почтовый-ли приказъ?). Слово ямъ принято и въ русскомъ языкѣ, гдѣ производное „ямщикъ“ сходно и по звуку съ тюркскимъ „ямчи“, а еще болѣе съ персидскимъ „ямджикъ“—гонецъ. Первоначально „ямчи“ означалъ смотрителя почтоваго, а уже впослѣдствіи слово это перешло въ унизительное значеніе. Ср. Ж. М. Нар. Просв. 1850 г., т. 68, статья Березина, Внутр. устр. Золотой Орды. стр. 11 и 20. Въ китайскомъ языкѣ для однороднаго понятія—слова iamb, ianli, какъ это видно изъ описанія путешествія Марко-Поло, изд. Мюллера 1671 г., кн. 2. гл. 23. Въ переводѣ г. Шемякина (Чт. Об. Ист. и Др., 62 г., 2, стр. 275)—кн. 2, гл. 20. Вмѣсто Iamb въ изданіи Мюллера—Ianli. По словамъ Бюрка, въ рукописи Марко-Поло—Iamb. См. примѣч. къ перев. г. Шемякина, loco cit. Ср. также примѣч. Неймана—Ч. О. И. Д., 62 г., 4, стр. 510—511. Интересно, что Iamb, Ianli. дзямъ, дзямчи, ямчи, ямджикъ и, наконецъ, русское ямъ – слова столь разныхъ языковъ, но родственнаго значенія. Это наводитъ на мысль объ одномъ и томъ-же проводникѣ какъ этихъ словъ, такъ и заключенныхъ въ нихъ понятій. Легко предположить, что роль проводника въ данномъ случаѣ сыграли татары.

[2]) Березинъ, Ханскіе ярлыки, 2 вып. стр. 31. Гаммеръ-Пургсталль, „Geschichte der goldenen Horde“ изд. 1840 г., стр. 242 (Отзывы объ этой работѣ см. въ той-же книгѣ, стр. 543—642, а также въ Ж. М. Н. Пр., 1836 г., т. XI, стр. 158—159), ссылаясь на Рубруквиса (Замѣчательное путешествіе въ Тартарію и Китай), указываетъ, что ямами (у Рубруквиса - Iani) назывались лица, которымъ была поручаема забота о доставленіи къ мѣсту пословъ и объ ихъ содержаніи въ дорогѣ. Обращаясь, однако, къ подлиннику, мы не видимъ твердыхъ основаній къ такому выводу. Рубруквисъ (Гаеское изд., въ сборникѣ Бержерона, 1735 г.) въ гл. 17, стр. 31, говоритъ: „нашъ проводникъ обратился къ одному несторіанпу, по имени Коятъ, который былъ однимъ изъ главныхъ при этомъ дворѣ (Сартака). Онъ заставилъ насъ пройти довольно далеко къ одному важному господину, по имени Яна. Такъ называютъ того, кто обязанъ принимать пословъ“. Въ гл. 29, стр. 62 читаемъ: „мы не нашли на дорогѣ (отъ озера Байкалъ до стоянки Менгу-Хана) никакихъ другихъ людей, кромѣ яни, т. е. людей спеціально назначенныхъ для того, чтобы изо дня въ день встрѣчать и сопровождать пословъ“. Въ первомъ случаѣ рѣчь очевидно, идетъ о главномъ начальникѣ почтъ, (это видно, между прочимъ, изъ описанія важности и великолѣпія, среди котораго

Въ виду сравнительной скудости доступныхъ неоріенталисту памятниковъ, рисующихъ внутренній бытъ орды. мы не могли и думать о попыткѣ возстановить картину почтовой организаціи у татаръ. Мы знаемъ только, что такая организація была, что она перешла къ татарамъ изъ Китая и что татары занесли ее съ собой и въ Золотую орду.

О китайскихъ ямахъ мы узнаемъ нѣкоторыя подробности изъ описанія Марко-Поло (начало 13 в.). По его словамъ, на каждомъ большомъ пути изъ Камбалу онъ встрѣчалъ станціи съ домами для пристанища, называемыя Iamb—почтовые дома. На каждой станціи содержалось всегда на готовѣ 400 сильныхъ лошадей. Для жизни въ этихъ мѣстахъ, обработыванія земли и содержанія наготовѣ лошадей для почтовой службы назначались особые люди. Марко Поло считалъ, что такихъ станцій въ царствѣ великаго хана десять тысячъ. [1]) Нельзя сомнѣваться, что описанныя Марко Поло станціи существовали и до Марко-Поло. Такъ, о курьерскихъ лошадяхъ говорится еще въ одномъ изъ эпизодовъ войны Чингизъ-хана съ китайцами, [2]) но, вѣроятно, почтовыя станціи въ Китаѣ существовали и много раньше этой войны Мы не знаемъ, когда появилась почтовая организація у татаръ, но извѣстно, что Чингизъ-ханъ предписалъ султану учреждать постоянныя почты, дабы знать скоро о всѣхъ событіяхъ въ государствѣ. Это извѣстіе находится у арабскаго писателя Макризи, изложившаго общее содержаніе такъ называемой ясы Чингизъ хана. [3]) D'Ohsson, [4]) осно-

---

принялъ онъ Рубруквиса; во второмъ — о людяхъ, живущихъ при почтовыхъ домикахъ. См. дальше въ описаніи Марко-Поло). Въ гл. 17, на стр. 31, послѣ слова „Яна" сдѣлана выноска на поляхъ, въ которой сказано „Московиты называютъ теперь ямами тѣхъ, кто обязанъ готовить подводы ѣдущимъ ко двору ихъ князя". Но эта выноска принадлежитъ не Рубруквису, какъ видимо, думалъ Гаммеръ-Пургсталль, а Бержерону; относится, слѣдовательно, не ко второй половинѣ 13 вѣка, а ко второй половинѣ 17 в.

[1]) Marco Polo, 1 c.

[2]) Разсказъ объ убіеніи Гемикай-Каана, см. Эрдманъ, Предки Чингизъ-хана, Ж. М. Н. Пр., 1843 г. ч 38, стр. 88 и примѣч.

[3]) Березинъ, Очеркъ внутр. устройства Улуса Джучіева, Труды, Вост. Отд. Арх. Общ., 1864 г., ч. VIII, стр. 406 и 413. Леонтовичъ, Древній монголо-калмыцкій или ойратскій уставъ взысканій, стр. 193.

[4]) D'Ohsson, Histoire des mongols, изд. 1834 г., т. I, стр. 307. Объ Алаи-ед-динѣ — ibid. стр. XVII - XXVII.

вываясь на показаніяхъ персидскаго историка Алаи-ед-дина, приводитъ, что Чингизъ-ханъ, по примѣру того, что существовало въ Китаѣ, устроилъ станціи для подставы лошадей (stations de relais) на большихъ дорогахъ, чтобы облегчить путь государственнымъ чиновникамъ, гонцамъ и вѣстникамъ. Почтовыя лошади подставлялись жителями, обязанными давать курьерамъ и кормъ, и подводы для провоза дани. Спеціальныя правила опредѣляли, кто и при какихъ условіяхъ имѣлъ право пользоваться этими лошадьми. Къ концу 13 вѣка обязанность населенія выставлять на станціи почтовыхъ лошадей, какъ видно изъ разсказа Рашидъ-Эддина, повела къ столь серьезнымъ злоупотребленіямъ со стороны ханскихъ чиновниковъ и курьеровъ, что явилась необходимость произвести въ этомъ отношеніи рядъ существенныхъ реформъ по всѣмъ видимостямъ, частью пополнить, частью видоизмѣнить правила, установленныя Чингизъ-ханомъ. Каждый,—разсказываетъ Рашидъ, [1])—ѣздилъ съ многочисленной свитой и жилъ на счетъ тѣхъ мѣстъ, которыя проѣзжалъ Сдѣлалось обыкновеннымъ посылать курьеровъ по самымъ пустымъ поводамъ, и это практиковали всѣ, начиная отъ хатуній и принцевъ крови, кончая оруженосцами и ловчими. Злоупотребленія дошли до того, что на большихъ дорогахъ можно было встрѣтить больше гонцовъ, чѣмъ другихъ путешественниковъ и что тысячи лошадей на каждой станціи не хватало подъ нихъ. Тогда брались лошади изъ стадъ, пасшихся въ окрестностяхъ. Хватали лошадей чужестранцевъ, мирныхъ гражданъ, ѣхавшихъ по своимъ дѣламъ. Гонцы были немилосердны въ своихъ требованіяхъ корма, денегъ и обирали часто платья, тюрбаны, все, что видѣли Брали всего обыкновенно болѣе, чѣмъ это полагалось по предписаніямъ, и то, что имъ было уже не нужно продавали. Это повело къ тому, что жившіе у большихъ дорогъ уходили въ горы, а на станціяхъ трудно было найти и двухъ лошадей въ хорошемъ состояніи. Историкъ описываетъ далѣе, какъ гонцы воевали другъ съ другомъ изъ-за очереди, изъ за самой возможности дви-

[1]) Это описаніе мы приводимъ въ краткомъ изложеніи, пользуясь переводомъ D'Ohsson, ц. с., т. IV, стр. 397—404 и сличая съ переводомъ Березина. Полный переводъ исторіи Рашидъ-Эддина напечатанъ Березинымъ въ Труд. Восточ. Отд. Археол. Общ., 1858—1888 г.г.

нуться далѣе, осложнявшейся уже однимъ тѣмъ, что каждый гонецъ, зная, какъ тяжело ему будутъ доставаться лошади и кормъ, бралъ съ собой цѣлые отряды. Газанъ, бывшій тогда ханомъ, задумавъ произвесть реформы, не могъ уничтожить зло сразу: зло, освященное обычаемъ, слишкомъ укоренилось. Въ концѣ концовъ, однако, онъ установилъ число лошадей для своихъ гонцовъ, велѣлъ снабжать ихъ особыми удостовѣреніями, запретилъ давать почтовыхъ лошадей всѣмъ гонцамъ, кромѣ ханскихъ, наконецъ, ввелъ прогонную плату и запретилъ брать кормы.

Съ тѣми-же началами перешла почтовая организація и въ Золотую орду. По крайней мѣрѣ, это можно заключать изъ разсказа Плано-Карпини, описавшаго состояніе орды при внукѣ Чингизъ-хана Бату, въ первой половинѣ 13 вѣка. По словамъ Плано-Карпини, [1]) отправляемымъ гонцамъ, сколько бы ихъ не было и куда бы ни было, обязаны были давать немедленно лошадей (equos subditit os, т е. подводимыхъ, подставляемыхъ) и содержаніе. Откуда бы не приходили (къ императору татарскому) къ нему съ данью или посольствомъ, обязаны также давать подъ нихъ лошадей, подводы (currus) и содержаніе. Подробнѣе объ этихъ equos subdititios [2]) мы узнаемъ изъ описанія пути Плано-Карпини изъ Кіева къ татарамъ и обратно. Въ 120 верстахъ отъ Кіева въ Каневѣ (Canova), зависѣвшемъ, по словамъ Карпини, непосредственно отъ татаръ, начальникъ селенія далъ послу и его спутникамъ лошадей съ проводникомъ до другого селен я. (Кн. I, гл. 1, стр. 11). На первой татарской заставѣ (сторожевомъ пунктѣ—custodia) татары сказали, что дадутъ послу лошадей и проводника до Коррензы. Получивъ отъ нихъ лошадей, съ которыхъ татары сошли, отправилось посольство съ татарскимъ проводникомъ до Коррензы (такъ звали одного изъ темниковъ ханскихъ). (Кн. I, гл. 2, стр. 15). Отъ Коррензы до Батыя они получили новыхъ лошадей. Выѣхавъ во вторникъ на второй недѣлѣ великаго поста, они ѣхали съ утра до ночи, а часто даже и ночью, такъ скоро, какъ только могли скакать лошади, которыхъ мѣня-

[1]) Собраніе путешествій къ татарамъ, пер. Языкова, изд. 1825 г., Плано-Карпини, кн. II, гл. 5, стр. 149.

[2]) Еще equos subductitios. Гаклюйтъ переводитъ—poste horses, Языковъ подводы; см. ц. с., стр. 266, объясн. 6.

ли (equos recentes) раза по три и по четыре въ день. (Кн I, гл. 3, стр. 17). И черезъ Команію отъ Батыя ѣхали очень скоро, потому что мѣняли лошадей разъ по пяти и болѣе въ день (equos recentes), выключая, когда проѣзжали степью. (Кн. I, гл. 5, стр. 25). Мѣнять часто лошадей приходилось и далѣе, когда ѣхали землей Монголовъ, которыхъ послы называли татарами (quos Tartaros appellamus) кн. I, гл. 7, стр. 32). Говоря о налогахъ, какими отягчаютъ татары своихъ данниковъ Плано-Карпини упоминаетъ и объ обязанности давать проѣзжающимъ гонцамъ лошадей и содержаніе. [1]) Описывая нравы татаръ, Плано-Карпини разсказываетъ, что самые низшіе служители татаръ (minime garconnes eorum) и гонцы, если не имѣли лошадей, кого бы ни встрѣчали на лошади, заставляли слѣзать долой и лошадь уводили куда хотѣли. [2]) Изъ разсказа Плано-Карпини мы узнаемъ также, что полученіе лошадей по пути обезпечивалось особой грамотой (Батыя) за печатью: грамота угрожала смертной казнью за ослушаніе (кн. II, гл. 9, стр. 217; о видѣ на свободный проѣздъ—de conductu см. также кн. I, гл 17, стр. 61).

Кромѣ отдѣльныхъ намековъ, встрѣчающихся въ сказаніяхъ различныхъ восточныхъ авторовъ, [3]) о характерѣ почтовой организаціи въ ордѣ свидѣтельствуетъ до извѣстной степени и такъ называемый Ойратскій уставъ. [4]) Хотя уставъ былъ изданъ только въ 1640 г., но можно счи-

---

[1]) Кн. II, гл. 4, стр. 109, Ср. замѣчанія у Березина, Внутр. устр Золотой Орды, стр. 21—22.

[2]) Кн. II, гл. 4, стр. 109 110. Ср. также стр. 151, гдѣ сказано: гонцамъ воеводскимъ, куда бы они не были посланы, обязаны, какъ императорскіе, такъ и другіе люди, давать безпрекословно лошадей и содержаніе, и погонщиковъ, и служителей". Въ общемъ,—картина, весьма напоминающая то, что мы уже знаемъ изъ разсказа Рашидъ-Эддина.

[3]) Напримѣръ, у Эльмуффадаля, гдѣ почтовыя лошади названы „юлакъ". Сборн. матерьяловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды, В Тизенгаузена, т. I, стр. 192. Юлакъ назывались курьеры и ихъ подручныя лошади—Гаммеръ-Пургсталль, ц. с., стр. 242. Почтовые домики были черезъ каждые три парассанга—Тамъ-же стр. 243. Также и въ описаніи путешествія Ибнбатуты; у Тизенгаузена, ц. с. стр. 302 и сл.

[4] Пользуемся текстами, приведенными въ соч. Леонтовича „Древній Монголо-Калмыцкій или ойратскій уставъ взысканій, стр. 65—151. Этимъ сочиненіемъ мы пользовались, принявъ во вниманіе и критическія указанія Н. Попова, Ж. М. Н. Пр., 1879 г., 205, стр. 302—318.

тать достаточно выясненнымъ, что въ главнѣйшихъ чертахъ онъ представляетъ собой кодификацію обще-монгольскаго племенного обычнаго права, нормы котораго сложились много ранѣе времени изданія устава и вѣроятнѣе всего были весьма родственны тѣмъ большею частью обычно-правовымъ нормамъ, которыя нашли выраженіе въ извѣстной намъ лишь въ отрывкахъ ясѣ Чингизъ-хана. [1]) Изъ этого устава видно, что почтовыя лошади (Postpferde, по тексту Палласа) безъ всякихъ отговорокъ должны были даваться каждымъ, кто бы онъ ни былъ, если посланный ѣдетъ для нужнѣйшихъ дѣлъ, то есть для всенародной пользы, буде заболѣетъ главный владѣтель или его супруга и во время приближенія великаго непріятеля. [2]) (По тексту Палласа: 1) по дѣламъ духовенства и религіи, 2) по дѣламъ князя и 3) съ извѣстіями къ князю о войнѣ или вражескомъ нападеніи). Но лошади духовныхъ лицъ, видимо, ни въ какомъ случаѣ не брались подъ посланныхъ. [3]) Ѣдущимъ по нужнѣйшимъ дѣламъ, если они далеко ѣдутъ, полагалось на мѣстѣ ночевки по барану. Если они брали лишнее, подлежали наказанію. [4]) Подлежали наказанію и тѣ, кто ложно выдавалъ себя за посланца. [5]) Посланцы, въ свою очередь, оберегались уставомъ отъ обидъ. Эти постановленія—по всей вѣроятности, отголосокъ тѣхъ реформъ Газана, о которыхъ, какъ мы уже знаемъ, разсказываетъ Рашидъ-Эддинъ. [6])

Если всѣхъ этихъ данныхъ недостаточно, чтобы возстановить картину почтовой организаціи въ ордѣ, то достаточно, съ другой стороны, чтобы утверждать, что организація несомнѣнно существовала. Ознакомившись съ удобствами почтовой системы Китая, монголы разносили основы этой организаціи повсюду, куда толкали ихъ завоевательныя ихъ стремленія. Устанавливая по опредѣленнымъ, постоянно од-

---

[1]) Леонтовичъ, ц. с. стр. 13—18 и 188—212.

[2]) Ст. 20, по тексту Палласа—ст. 17.

[3]) Ст. 24, по тексту Палласа—ст. 21.

[4]) Ст. 35, по тексту Палласа 29.

[5]) Ст. 34, по тексту Палласа 28. Уставъ говоритъ о посланцахъ еще въ ст. 31, 32, 36, 124.

[6]) Указъ Газана о почтовой реформѣ приведенъ цѣликомъ въ Zeitschrift für Geschichts und Staatskunde 1835 г., 45. Къ сожалѣнію, мы нигдѣ не могли достать этой книги. Ея нѣтъ и въ Императ. Публ. Библ.

нимъ путямъ, сакмамъ или шлягамъ, [1]) почтовыя станціи (точнѣе—пункты, гдѣ всегда должны были быть наготовѣ свѣжія лошади), они тѣмъ самымъ связывали разбросанное по громадному степному пространству населеніе въ одно цѣлое, приближали его къ мѣсту стоянки хана, облегчая вмѣстѣ съ тѣмъ и подвозъ дани съ подвластныхъ народовъ. Насколько серьезное значеніе придавали они такому порядку, видно изъ того, что въ золотой ордѣ существовала особая должность (едва-ли не коллегіальная) почтмейстера—ямчи-шусунчи-ларъ. [2]) Какъ мы уже видѣли, такая организація нисколько не уменьшала значенія требованія, по которому каждый долженъ былъ при извѣстныхъ условіяхъ облегчать путь посланному и вообще ѣдущему къ хану или отъ хана. Это можетъ служить еще однимъ доказательствомъ того, какую важность придавали въ ордѣ правильности и быстротѣ сношеній.

Съ самыхъ первыхъ извѣстій о регулярной ямской гоньбѣ въ Московской Руси она представляется во многихъ отношеніяхъ устроенной по образцу татарскихъ почтъ. Какъ и въ золотой ордѣ, гнали отъ перегона до перегона; какъ и тамъ, на каждомъ перегонѣ спеціальныя лица должны были заботиться о доставленіи ѣдущимъ лошадей, кормъ (хотя и не всегда), проводниковъ; какъ и тамъ, порядокъ ѣзды опредѣлялся особыми грамотами, которыя назывались у насъ подорожными грамотами; наконецъ, какъ и тамъ, устанавливалось правило, что лицо, пользующееся подорожной, почитается ѣдущимъ по приказанію государя, а, слѣдовательно, не должно быть ни въ какомъ случаѣ задерживаемо. Послѣднее опредѣлялось отчетливо указаніемъ, что не только ямщики по ямамъ, т. е. спеціально назначенныя для данной цѣли лица, но гдѣ ямовъ нѣтъ „всѣ люди безъ омѣны, кто чей ни буди“ (это выраженіе, какъ увидимъ дальше, имѣетъ свою исторію) должны давать ѣдущимъ средства и способы для дальнѣйшей поѣздки. [3]) Тутъ, слѣ-

[1]) Березинъ, Очеркъ, внутр. устр. улуса Джучіева, стр. 456, пр. 7. Сакма—дорога, это выраженіе мы встрѣчаемъ весьма часто и въ нашихъ актахъ. Напримѣръ, Акты Московск. Госуд., I, стр. 2, 3, 57, 58, 60, 147, 149, 189 и др.

[2]) Березинъ, Ханск. ярлык., 2 вып., стр. 31.

[3]) Всѣ эти данныя ясно усматриваются изъ слѣдующей подорож-

довательно, выступаетъ на первый планъ тождественный обѣимъ системамъ основной принципъ: ѣдущій съ подорожной служитъ правительственную службу; всѣ, кто способствуетъ этой службѣ, также служатъ правительственную службу. Одинаковость основного принципа и одинаковость цѣлаго ряда формъ его выраженія – одно это заставляло бы признать русскую ямскую гоньбу устроенной по татарскому образцу.

Но разнося съ собой начала такой организаціи, едва-ли татары навязывали ее подвластнымъ народамъ. Во первыхъ, этому противорѣчатъ, какъ подмѣчено уже давно, тѣ типическія особенности вторженія кочевниковъ въ осѣдлыя страны, и ихъ тамъ господства, которыя удается уловить, несмотря на несомнѣнную скудость памятниковъ. Кочевники обыкновенно устраняли себя отъ всякой заботы о покоренной странѣ, отъ всякаго управленія ею и даже отъ труда собирать подати съ покоренныхъ. Это достигалось посредствомъ оставленія страны въ рукахъ туземныхъ владѣльцевъ, съ обращеніемъ ихъ въ данниковъ, т. е. въ орудія для полученія отъ покоренныхъ въ пользу побѣдителей всего, что первые могли доставить послѣднимъ Такъ властвовали и

ной великаго князя Іоанна III, одной изъ довольно раннихъ изъ числа извѣстныхъ намъ. Подорожная была выдана въ 1504 г. толмачу Селѣ, вез шему изъ Москвы посла Максиміанова Юстуса Кантингера. (П. Д. Сн., I, стр. 124). Въ ней читаемъ: „чтобы есте давали (по дорозѣ отъ Москвы до Волочка по ямомъ ямощикамъ) Селѣ толмачю, на Максиміанова на королева человѣка на Юдока на Кантингеря двѣ подводы простыхъ да третью подводу съ телѣгою и съ проводникомъ да на Осифа бы есте на жидовина давали подводу простую да подводу съ телегою и съ проводникомъ, да трема бы есте сокольникомъ: Сенкѣ, да Ивашку, да Гридѣ давали три-же подводы простыхъ, а Селѣ бы есте толмачю давали двѣ подводы простыхъ да третью подводу подъ кормъ съ телегою и съ проводникомъ. А отъ Волочка Мстою рѣкою до Нова города по ямамъ ямощикомъ и всѣмъ людемъ безъ омѣнны чей кто нибуди, чтобы есте давали Селѣ толмачю суды и гребцовъ подъ нихъ и кормника, и подъ кречаты, и подъ ихъ рухлядь, и подъ кормъ. А изъ Новагорода до Иванягорода по ямомъ ямощикомъ, чтобы есте давали Селѣ толмачю на Юдока, на жида, и сокольникомъ, и самому Селѣ подводы простые и съ телѣгами и съ проводники подъ рухлядь и подъ кормъ по тому-жъ. А какъ поѣдетъ Селя и сокольники съ Иваногорода къ Москвѣ назадъ, и вы бы ямощики Селѣ и сокольникомъ и до Москвы давали пять подводъ отъ яму до яму, не издержавъ ни часу, по сей моей грамотѣ“.

монголы надъ Русью. [1]) Во вторыхъ, кажется, нельзя сомнѣваться, что первоначально на Руси татарскимъ словомъ „ямъ“ обозначали не гоньбу по ямамъ, а особый сборъ, платимый въ орду. Березинъ, какъ уже сказано выше, прямо называетъ ямъ видомъ татарскаго налога, собираемаго съ подвластныхъ народовъ. Къ тому-же приводитъ насъ и разсмотрѣніе княжескихъ договоровъ и завѣщаній: „а коли придетъ дань или ямъ,—читаемъ мы тутъ [2]),—и княгиня моя дастъ съ тѣхъ волостей и селъ по розчету, што ся иметъ“. Дань и ямъ, слѣдовательно, одинаково приходятъ и одинаково даются съ волостей по разсчету. Ямъ какъ и дань, черезъ великихъ князей шелъ въ орду: „а переменетъ Богъ орду, не иму давати татарамъ и тобѣ имати дань и ямъ собѣ“. [3]) Для сбора яма посылались особые сборщики—ямщики, ямники, упоминаемые рядомъ съ другими видами сборщиковъ: „въ околицу его не въѣзжаютъ ни ямщикъ, ни боровщикъ, ни бобровникъ“, или; „ни поѣздове, ни ключницы, ни ямникъ, ни боровникъ“. [4]) Этотъ сборъ, видимо, имѣлъ значеніе какъ бы откупа въ пользу татаръ отъ ямской повинности, не отбывавшейся въ натурѣ. Точнѣе—такой сборъ являлся примѣромъ распространенія на подвластный народъ понятій, привычныхъ для побѣдителей и очень удобныхъ, чтобы служить предлогомъ для новыхъ поборовъ. Понятіе оставалось безъ содержанія, но это не мѣшало пользоваться имъ для финансовыхъ цѣлей. Такъ какъ обязанность давать подводы была извѣстна у насъ много раньше татарскаго нашествія, то и нужды татаръ въ средствахъ сообщенія должны были найти достаточное удовлетвореніе въ этой уже извѣстной повинности. Татарамъ не было къ-тому же никакой выгоды настаивать на введеніи въ русской землѣ регулярной гоньбы по образцу татарской, такъ какъ откупъ отъ нея могъ охватывать все населеніе, въ то время, какъ исполненіе повинности въ натурѣ, осуществлявшееся и безъ

---

[1]) В. Григорьевъ, „Объ отнош. между кочев. народ. и осѣдл. госуд.“ Ж. М. Н. Н. Пр., т. 178, стр. 4.

[2]) Г. Г. Д., I, 39, 40—42.

[3]) Г. Г. Д., I, 43—44, 49 50.

[4]) А. И., I, 2, 13, 14, 36.

того въ видѣ подводной повинности, главнымъ образомъ, падало бы на придорожное населеніе.

Если бы татары, разгромивъ землю русскую, ввели въ ней свои ямы, то естественнѣе всего было бы найти какіе-либо слѣды этихъ ямовъ въ великомъ княжествѣ рязанскомъ, этой всегда первой жертвѣ татарскаго погрома. Такихъ слѣдовъ, однако, нѣтъ. [1]) Если бы татарскій ямъ понимался какъ учрежденіе для облегченія гоньбы, то слѣдовало бы ожидать, что найдутся какія-либо указанія на особыхъ татарскихъ чиновниковъ, которые завѣдывали бы такой гоньбой. Такихъ указаній также нѣтъ. Предположивъ даже, что татары, поручая сборъ дани князьямъ, поручали имъ и заботу о татарскихъ ямахъ, мы не имѣемъ основанія думать, чтобы князья стали отягощать и безъ того отягощенное татарскими поборами населеніе новой повинностью въ дополненіе къ повинности давать кормъ и подводы, существовавшей издревле, вполнѣ пригодной и для татарскаго проѣзда. Первыя-же упоминанія о ямѣ, какъ сказано выше, встрѣчаются уже въ послѣдней четверти XIII вѣка, т. е въ самый разгаръ татарскаго гнета. Наконецъ, если бы ямъ съ самаго начала означалъ повинность держать на извѣстныхъ пунктахъ лошадей для проѣзда, то очевидно, пришлось бы предположить, что ямская натуральная повинность, несомнѣнно болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ подводная, и подводная натуральная повинность были лишь двумя выраженіями одного и того-же понятія. Тогда непонятно, почему ямъ и подвода упоминаются рядомъ другъ съ другомъ въ одномъ и томъ-же ханскомъ ярлыкѣ. Подвода есть повинность давать лошадей проѣзжающимъ гонцамъ, княжескимъ слугамъ и т. д.; ямъ является тутъ сборомъ на устроеніе гоньбы татарами у себя въ ордѣ, точнѣе откупомъ за не-

---

[1]) Въ Приб. къ общ. цирк. по главн. упр. почтъ и тел. 1843 г., № 5, стр. 2. авторъ видитъ въ грамотахъ Олега Рязанскаго важныя свѣдѣнія о началѣ ямской гоньбы. Но такое мнѣніе основано, очевидно, на пониманіи „ямьщика“ и „ямника“, какъ ямского стройщика. Иловайскій, Ист. Ряз. Кн. въ Сочин., изд. 1884 г., стр. 193, считаетъ дань и ямъ въ Рязанскомъ княжествѣ податьми. Отмѣтимъ, кстати, что еще и въ 1501 г. въ рязанской землѣ ямовъ не было, что видно изъ наказовъ великаго князя Іоанна III при отпускѣ кафинскаго посла, ѣхавшаго на Рязань и Ряжскъ. Сб. Ист. Общ., т. XLI, стр. 411—413.

отбывавшуюся въ натурѣ повинность, видомъ татарскаго налога. [1]) По логикѣ вещей денежный сборъ, создавшійся подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ-же потребностей, какъ и натуральная повинность, могъ иногда отождествляться съ натуральной повинностью. Вотъ почему нашему предположенію не можетъ противорѣчить и то, напримѣръ, что въ извѣстной уставной грамотѣ великаго князя Василія Дмитріевича и митрополита Кипріана, мы, между прочимъ, находимъ слѣдующее указаніе: „а ямъ по старинѣ шестый день, а коли мои села князя великаго дадутъ тогда и митрополичьи дадутъ". [2]) Здѣсь ямъ ни въ какомъ случаѣ не обозначаетъ сбора, указывая, что уже не только къ этому времени (1389—1404 г.г.), но и раньше (въ грамотѣ сказано: по старинѣ) ямъ иногда понимался въ смыслѣ повинности. Но понималась-ли здѣсь повинность собственно ямская, т. е. регулярная гоньба отъ яма до яма? Едва-ли. Гораздо вѣрнѣе предположить, что „ямъ" употребленъ въ грамотѣ вмѣсто „подвода", т. е. натуральная повинность названа именемъ сбора, еще не имѣвшаго, быть можетъ, въ дѣйствительности опредѣленнаго назначенія, и смѣшиваемаго съ натуральной повинностью, что не разъ встрѣчается въ актахъ и значительно позднѣйшаго времени, и именно тамъ, гдѣ, вмѣсто ямскихъ учрежденій, ямскую гоньбу гоняли міромъ. Подробнѣе объ этомъ мы здѣсь говорить не будемъ, но прибавимъ, что ни въ костромскомъ городѣ Лухѣ, ни въ владимірской Сенегской волости, о которыхъ говорится въ уставной грамотѣ, мы не встрѣчаемъ ямскихъ учрежденій еще и пятьдесятъ лѣтъ спустя. [3]) Князья русскіе, во многихъ отношеніяхъ, какъ

---

[1]) Горбуновъ, Льготн. грам., жалован. мон. въ 13—15 в.в., Арх. ист. и практ. свѣд Калачова, 60—61 г., кн. 5, стр. 77, говоритъ: „кажется. ямомъ назывался уже существовавшій въ это время денежный сборъ съ тѣхъ селъ и деревень, которые по отдаленности отъ линіи сообщеній, тѣмъ самымъ исключались отъ обязанности отправлять ямскую повинность въ натурѣ". Милюковъ, ц. с., стр. 22, соглашаясь съ этимъ, думаетъ, однако, что въ общемъ, вѣроятно, ямъ древнѣйшихъ документовъ означаетъ повинность, а не налогъ.

[2]) А. Э., I, 9.

[3]) Любопытно сравнить: еще до нашихъ почти дней тамъ, гдѣ отбываютъ гоньбу міромъ, берется понедѣльно тройка съ пая или по лошади на недѣлю, А. Харузинъ, Свѣдѣн. о казацк. общ. на Дону, стр. 276.

извѣстно, и довольно быстро усвоившіе финансовую систему орды, постепенно стали, сверхъ ямского сбора въ орду собирать ямской сборъ и въ свою пользу. По крайней мѣрѣ, уже въ грамотахъ конца 14 вѣка встрѣчаемъ указанія на ямъ и на татарскій ямъ, какъ на два различныхъ сбора. Такъ, нерѣдко при освобожденіи отъ подводъ и яма, въ грамотахъ дѣлается оговорка: „опричь татарскаго яму". [1]) Однако, и съ возникновенія этого особаго ямского сбора въ пользу князей нѣтъ еще достаточныхъ основаній предполагать начало регулярной гоньбы. Собирая ямъ въ свою пользу, князья только сохраняли тутъ терминологію, къ которой населеніе успѣло привыкнуть, но обозначеніе налога могло не соотвѣтствовать его назначенію [2]); если случайно и соотвѣтствовало, хотя, повторяемъ, доказательствъ въ пользу такого соотвѣтствія мы не могли найти, то все таки было бы безполезно искать здѣсь слѣдовъ какой либо системы.

Къ этимъ-же выводамъ приводитъ насъ еще и слѣдующее. Въ чьихъ интересахъ было въ описываемое время стремиться къ учрежденію регулярной гоньбы? О томъ, что татары были достаточно обезпечены подводной повинностью, мы уже говорили, какъ говорили и о томъ, что откупъ отъ устройства ямовъ, который могъ взиматься со всего населенія, былъ для нихъ гораздо выгоднѣе. Населеніе не имѣло цѣли стремиться къ устройству регулярной гоньбы, потому что послѣдняя явилась бы лишь новой тяжестью, придаткомъ къ повинности подводной. Кромѣ того, она не освобождала бы и отъ яма, какъ сбора, такъ какъ не въ обычаяхъ финансовой системы того времени было уничтожать сборы, разъ заведенные. Регулярная гоньба не представляла тогда серьезныхъ выгодъ и для князей, такъ какъ, если бы существовала, дѣлала бы владѣнія каждаго болѣе доступными, подвергая, слѣдовательно, новымъ опасностямъ въ эпоху и безъ того смутную и тяжелую. Кромѣ того, регулярная гоньба

---

[1]) А. И., т. I, 74, А. Юр. б. (Кал.), т. I, 31, XI, XIV, XVII. Подобныхъ указаній весьма много въ жалованныхъ грамотахъ, изданныхъ въ позднѣйшее время. Напр., въ Актахъ, изд. Юшковымъ, въ Актахъ Спасскаго монастыря, въ Актахъ, изд. Шумаковымъ и т. д.

[2]) Кури, „О прям. налог. въ древн. Руси", Юрид. Сб. Мейера, стр. 142, со словъ Карамзина, считаетъ конецъ 14 вѣка временемъ, когда дань взималась и представлялась въ орду самими князьями.

потребовала бы довольно сложной системы управленія, для каковой не было ни силъ, ни средствъ въ порабощенной татарами и раззоренной удѣльной системой странѣ. Для непосредственныхъ-же надобностей каждаго князя и его чиновниковъ съ успѣхомъ могла служить все та-же исконная повинность населенія давать подводы. кормъ и проводниковъ.

Такимъ образомъ, можно думать, что, несмотря на существованіе у завоевателей-татаръ регулярной ямской гоньбы, какъ болѣе или менѣе организованной системы, татарское вліяніе на Русь въ этомъ отношеніи первоначально и довольно долгое время выражалось лишь въ томъ, что въ число налоговъ былъ включенъ новый видъ, ранѣе неизвѣстный, называвшійся ямомъ и опредѣлявшійся, какъ сборъ татарамъ на гоньбу, по существу-же имѣвшій значеніе откупа отъ гонебной повинности. Постепенно, едва-ли позднѣе конца 14 вѣка, ямъ, какъ сборъ, вошелъ и въ княжескую финансовую систему. Это-же повело мѣстами къ смѣшенію двухъ понятій—яма и подводы, гдѣ ямъ могъ означать или обязанность выставлять подводы, или откупъ отъ подводной повинности. Но образецъ ямской регулярной гоньбы былъ уже извѣстенъ, почва для учрежденія ея была достаточо подготовлена издавна существовавшей подводной повинностью, названіе, въ виду уже происшедшаго отождествленія сбора и его цѣли, твердо укоренилось, самый сборъ для устройства гоньбы уже существовалъ, хотя и не поступалъ сообразно назначенію—оставалось сложиться обстоятельствамъ, которыя обострили бы потребность въ правильномъ и возможно быстромъ сообщеніи, чтобы на почвѣ подводной повинности, по образцу, видѣнному у татаръ, подъ названіемъ у нихъ заимствованнымъ, возникла регулярная ямская гоньба. Такими обстоятельствами явилось какъ общее—постепенное объединеніе русской земли Москвой, какъ частное—начало централизаціи внутренняго управленія.

Соотвѣтственно сказанному разрѣшается и вопросъ о времени появленія у насъ первыхъ ямовъ, т. е. опредѣленныхъ пунктовъ, спеціальныхъ станцій для перемѣны лошадей. Вопросъ этотъ, не вызывая въ литературѣ большихъ споровъ, рѣшается, однако, весьма разнообразно. [1]) Точно

[43]) Вотъ главнѣйшія мнѣнія: Гр. Толстой, ц. с. 50, думаетъ, что ямы существ вали уже въ половинѣ 14 вѣка; то-же утверждаетъ и Бржозов-

мы знаемъ лишь то, что регулярная ямская гоньба велась по различнымъ дорогамъ при Іоаннѣ III. Во первыхъ, до насъ дошли нѣсколько подорожныхъ его времени [1]); во вторыхъ, великій князь въ духовной грамотѣ своей завѣщалъ дѣтямъ: „а сынъ мой Василей въ своемъ великомъ княженье дръжытъ ямы и подводы, на дорогахъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ были ямы и подводы при мнѣ. А дѣти мои Юріи зъ братьею по своимъ отчинамъ държатъ ямы и подводы на дорогахъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ были ямы и подводы по дорогамъ при мнѣ". [2]) Извѣстно также, что во времена Іоанна была особая должность ямского дьяка [3]); можно прослѣдить, когда именно были учреждены Іоанномъ нѣкоторые новые ямы. [4])

Но если мы устанавливаемъ, что едва-ли ямская регу-

скій, ц. с., стр. 346. Бѣляевъ, Лекціи по ист. рус. закон., стр. 198, относитъ первые ямы ко второй половинѣ 13 вѣка; Домбровскій, О ямахъ до конца XVII вѣка, Ж. М. Н. Пр., 1841 г., XXI, стр. 123 къ 13 вѣку. Анонимный авторъ „Ист. обозр. почтъ въ Россіи", въ Приб. къ общ. цирк. по главн. управл. почтъ 1843 г., № 5, стр. 2, къ началу 15 вѣка; тоже думаетъ и Соловьевъ, Ист. Р., т. I, стр. 1543. Владимірскій-Будановъ, Обз. Ист. Рус. Пр. изд. 3, стр. 226, относитъ учрежденіе ямщиковъ ко времени около половины 15 вѣка. Карамзинъ, Ист. госуд. Росс., изд. Эйнерлинга, 1842 г. т. VI, стр, 222, приписываетъ учрежденіе ямовъ Іоанну III; то-же говоритъ и Гагемейстеръ, Розыск. о фин. древн. Россіи, стр. 69. Того-же мнѣнія и Мулловъ, Истор. Обозр. прав. мѣр. по устр. город. общ. упр., стр. 34. Лешковъ, ц. с, стр. 24 и „Рус. нар. и госуд.", стр. 318, считаетъ, что ямская гоньба у насъ такъ-же древня, какъ и повинность давать подводы. Лихачевъ. „Разрядн. дьяки", стр. 49, относя ямскую повинность и ямскую гоньбу къ глубокой древности, видимо того-же мнѣнія.

[1]) Памятн. дипломат. снош., т. I стр. 23, 112 и др. Сб. Ист. Общ. т. XXXV, стр. 79, 83, 93, и др., т. XLI, стр. 132, 443 и др.

[2]) Г. Г. и Д., I, 144.

[3]) Этотъ вопросъ поставленъ еще Лихачевымъ, „Разрядные дьяки", стр. 49—51. О ямскомъ дьякѣ упоминается въ духовн. завѣщ. Іоанна III; еще раньше (въ 1492 г.)—въ А. Юр. (Кал.), I, 118, IV. Такъ приводитъ и Лихачевъ, ц. м. Мы нашли упоминаніе о ямскомъ дьякѣ отъ 1490 г. Записн. кн. крѣпостн. акт. 15–16 в. в., явленнымъ въ Новгородѣ дьяку Д. Алябьеву, изд. археол. ком. подъ ред. Лаппо-Данилевскаго, № 353. Попытку разъяснить этотъ вопросъ читатель найдетъ дальше.

[4]) Такъ между 1490 г. и 1492 гг. были учреждены ямы отъ Новгорода до Нѣмецкаго рубежа, что видно изъ сравненія подорожныхъ Юрію Греку и Василію Кулешину (П. Дипл. Сн., I, стр. 48) съ подорожной Зезевитову (ibid., стр. 112).

лярная гоньба существовала еще въ началѣ 15 вѣка и, съ другой стороны, точно знаемъ, что она существовала при Іоаннѣ III, то не этотъ-ли великій князь и былъ ея учредителемъ? Есть основаніе думать, что Іоаннъ III ставилъ учрежденіе ямовъ въ свою личную заслугу. Мы заключаемъ это изъ разсмотрѣнія его духовнаго завѣщанія: гдѣ говорится о чемъ либо изстари существовавшемъ, употребляется выраженіе „по старинѣ" или „по старинѣ и какъ было при мнѣ", а гдѣ говорится о чемъ-либо вновь заведенномъ, употребляется выраженіе „какъ было при мнѣ". О ямахъ говорится, какъ уже сказано выше, именно въ этихъ послѣднихъ выраженіяхъ. [1]) Мы знаемъ также, что еще въ

[1]) Этотъ оттѣнокъ можно прослѣдить по всему тексту завѣщанія. „Какъ было при мнѣ" упоминается въ завѣщаніи 15 разъ. 1) „Да сыну-жъ своему Василею даю городъ Дорогобужъ... со всѣмъ тѣмъ, что къ Дорогобужу и къ тѣмъ волостямъ и селамъ потягло, какъ было при мнѣ". Здѣсь идетъ рѣчь о Дорогобужѣ литовскомъ, что ясно изъ перечня дорогобужскихъ волостей. Дорогобужъ былъ взятъ у Литовцевъ воеводой Іоанна Юріемъ Захарьичемъ въ 1500 г. П. С. Р. Л., VIII, стр, 239. 2) „Да сыну-жъ своему Василею даю городъ Белоозеро... со всѣмъ съ тѣмъ, какъ было при мнѣ". Бѣлоозеро Іоаннъ III получилъ по духовной грамотѣ отъ кн. Михаила Андреевича Верейскаго Г. Г. и Д., I, 121. 3) „Да сыну-жъ своему Василею даю Вяцкую землю всю... и съ Арскими князьями, какъ было при мнѣ". Арскіе князья были впервые покорены Іоанномъ III, какъ и Вятская земля окончательно присоединена имъ. П. С. Р. Л., VI, 239. 4) Говоря о князѣ Ѳеодорѣ Бѣльскомъ, которому онъ далъ въ вотчину городъ Лухъ, Іоаннъ III добавляетъ: „а ту свою вотчину дръжать по тому, какъ было при мнѣ". 5) „А которые князи служебные въ Московской землѣ и въ Тверской землѣ: и тѣ князи всѣ служатъ сыну моему Василею, а вотчины свои дръжатъ по тому, какъ было при мнѣ". Мы не будемъ здѣсь разбирать вопроса о служебныхъ князьяхъ—вопроса, который еще во многихъ отношеніяхъ ждетъ разслѣдованія,—но это не препятствуетъ утверждать, что при Іоаннѣ III положеніе служебныхъ князей съ вотчинами и безъ вотчинъ во многомъ было измѣнено великимъ княземъ. Такъ, онъ переводитъ князя Михаила Мезецкаго изъ Мезечевска (передаетъ сыну Дмитрію) въ Алексинъ, отнявъ при этомъ у него право суда, предоставленное сыну Василію. Принимая къ себѣ князей, онъ даетъ имъ города (напримѣръ, Осипу Дорогобужскому Ярославль, Андрею Микулинскому—Дмитровъ, П С. Р. Л. VI, 237), но въ завѣщаніи своемъ отказываетъ эти города сыну Василію вмѣстѣ съ князьями. Такимъ образомъ, отношенія, слагавшіяся до Іоанна III, при немъ получили несомнѣнно новый поворотъ. Это и выражается великимъ княземъ въ его завѣщаніи. Ср. Соловьевъ, Ист. Рос., I, стр. 1512 и сл., Сергѣевичъ, Юридич. древн., т. II

1476 г. ямы, если и были, то, вѣроятно, по очень немногимъ дорогамъ; ихъ не было и по тѣмъ, которыя имѣли государственное значеніе. Такъ, по одной изъ важнѣйшихъ дорогъ—дорогѣ изъ Москвы на Вязьму и Смоленскъ къ границѣ Литовской, ямовъ еще не было. Это видно изъ описанія поѣздки Контарини изъ Москвы на Троки черезъ Вязь-

---

вып. I, кн. 4, стр. 302—319. 6) „Со всѣмъ съ тѣмъ, что къ Торопцу и къ Острею и къ тѣмъ волостямъ потягло, какъ было при мнѣ". Торопецъ былъ взятъ послѣ битвы при Лопати (П. С. Р. Л., II, 262). 7) „Да сыну-жъ своему Юрію даю городъ Брянескъ... и со всѣмъ съ тѣмъ, что къ Брянску и къ Серпѣйску и къ тѣмъ волостямъ потягло, какъ было при мнѣ". Брянскъ былъ взятъ въ 1500 г. (П. С. Р. Л., VIII, 239), а Серпѣйскъ въ 1493 г. (П. С. Р. Л., VIII, 225), 8) „А что есми свелъ торгъ съ Холопья городка на Мологу и тотъ торгъ торгуютъ на Молозе съѣзжаяся, какъ было при мнѣ". Тутъ прямое указаніе, что новшество заведено Іоанномъ III. 9) „Да сыну-жъ своему Дмитрею... городъ Опаковъ со всѣмъ... съ тѣмъ, что къ Опакову и къ темъ волостемъ потягло, какъ было при мнѣ". Опаковъ былъ взятъ одновременно съ Серпѣйскомъ и Мѣзеческомъ. (П. С. Р. Л., VIII, 225). 10) „Да благословляю сына своего Андрѣя, даю ему... городъ Любутескъ съ волостями и со всѣми пошлинами, и со всѣмъ, что къ нему потягло, какъ было при мнѣ". Мы знаемъ, что великій князь воевалъ Любутскъ въ 1492 г., знаемъ, что по договору 1494 г. Любутскъ опять перешелъ къ Литовцамъ, если судить по прим. 395, къ т. VI Ист. Карамзина. По словамъ лѣтописи, однако, Любутскъ остался за Москвой (П. С. Р. Л., VIII, стр. 227). 11) „А сынъ мой Юрьи зъ братьею по своимъ удѣламъ въ Московской землѣ и въ Тверской денегъ дѣлати не велятъ; а деньги велитъ дѣлати сынъ мой Василей на Москвѣ и во Твери, какъ было при мнѣ". Чичеринъ, въ Опыт. по истор. русскаго права, въ ст. Дух. и догов. грам., изд. 1858 г., стр. 323—324, видитъ здѣсь новшество уже въ томъ, что, запрещая удѣльнымъ князьямъ чеканить монету, Іоаннъ III постановилъ ограниченія власти удѣльныхъ князей. Тоже говоритъ и Соловьевъ Ист. Россіи, I, стр. 1500. Для насъ важно установить, что въ завѣщаніяхъ, предшествовавшихъ данному, мы такого ограниченія не находимъ. 12) „А что есми подавалъ дѣтемъ своимъ селца у Москвы зъ дворы зъ городцкими на посадахъ: и дѣти мои въ тѣхъ дворехъ торговъ не дръжатъ, ни житомъ не велятъ торговати, ни лавокъ не ставятъ, ни гостей съ товаромъ иноземцевъ, и изъ Московскіе земли и изъ своихъ удѣловъ въ своихъ дворахъ не велятъ ставити; а ставятся гости съ товаромъ иноземци, и изъ Московскіе земли и изъ ихъ удѣловъ на гостиныхъ дворехъ, какъ было при мнѣ". Соловьевъ, ц. м., видитъ и въ этомъ ограниченіе правъ удѣльныхъ князей въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ. Такъ оно и было въ дѣйствительности, потому что, складываясь въ гостиныхъ дворахъ, пріѣзжіе гости платили пошлины на великаго князя, а не на удѣльнаго. Для 1586 г. читаемъ: „а ставятца

му и Смоленскъ. „Нужно замѣтить, говоритъ Контарини, [1] что съ отъѣзда нашего изъ Москвы, т. е. съ 21 января, по самый день прибытія въ Троки, т. е. по 12 февраля, мы постоянно ѣхали по ровному лѣсистому мѣсту и лишь изрѣдка встрѣчали небольшіе холмы. Иногда попадались намъ по

иныхъ земель гости съ товары своими и торгуютъ на гостиныхъ дворехъ, какъ ведетця въ нашихъ государствахъ издавна, и пошлины съ дворовъ и съ онбаровъ даютъ". Сб Ист. Общ. т. 38, стр. 165. До Іоанна III на такой порядокъ указаній нѣтъ. Ср. Бѣляевъ, о поземельномъ владѣніи въ моск. госуд., Вр. О. И. Д. Р., кн. 11, стр. 37. 13) „А кто учнетъ въ детей моихъ сельцехъ и во дворехъ въ городныхъ торговати сьестнымъ товаромъ: и сынъ мой Василей тѣхъ торговъ не велитъ сводити, а пошлину полавочную съ нихъ беретъ сына моего приказщикъ, какъ было при мнѣ". Этотъ пунктъ завѣщанія находится въ прямой связи съ предъидущимъ. Сама по себѣ тщательность и подробность въ изложеніи требованій, опять таки клонящихся къ возвеличенію великаго князя надъ удѣльными, показываетъ, что это былъ новый порядокъ. Такое утвержденіе можетъ быть доказано еще тѣмъ, что, говоря далѣе о распредѣленіи судебныхъ пошлинъ съ селъ въ Московскихъ станахъ, Іоаннъ III прямо опредѣляетъ, что душегубствомъ и поличнымъ тѣ села тянутъ къ городу къ Москвѣ по старинѣ. Ср. А. Э. I, 115. 14) „А грамоты полные и докладные на Москвѣ пишетъ дьякъ ямъской сына моего Васильевъ, какъ было при мнѣ". Какимъ образомъ и почему ямской дьякъ долженъ былъ писать докладныя и полныя грамоты этимъ вопросомъ очень заинтересовался уже Лихачевъ. Разрядн. дьяки, стр. 49—51. Онъ рѣшаетъ его такъ: приказъ тутъ былъ личный, добавочный къ основному; причину такого соединенія авторъ видитъ въ старомъ обычаѣ—„какъ было при мнѣ". Оставляя за собой въ дальнѣйшемъ подробнѣе вернуться къ вопросу, скажемъ, что едва-ли правъ г. Лихачевъ, когда придаетъ словамъ „какъ было при мнѣ" значеніе стараго обычая. Рѣшить этотъ вопросъ можно только при условіи, что будетъ найдена докладная, относящаяся ко времени до Іоанна III. (Послѣ Іоанна III докладныя писались ямскими дьяками еще въ 1553 г., какъ это видно изъ А. Э., I, 237 и даже въ 1554 г. какъ видно изъ зап. кн. крѣп. акт. явл. Алябьеву № 356). Если бы, однако, порядокъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, существовалъ до Іоанна III, представлялось бы трудно объяснимымъ, зачѣмъ великій князь нашелъ нужнымъ указать его такъ точно и подробно въ духовной. Наконецъ, 15) указанное въ текстѣ настоящей работы мѣсто о ямахъ. Въ литературѣ, кажется, только Чичеринъ, ц. с, стр. 315, имѣлъ въ виду придать словамъ „какъ было при мнѣ" значеніе указанія на новые порядки. Болѣе опредѣленно говоритъ только Бѣляевъ, ц. с., стр. 37.

[1]) Библ. иностр. писат. о Россіи, пер. Семенова, изд. 1836 г., т. I. стр. 116—118. Въ изданіи (гаескомъ, 1735 г.) Бержерона, стр. 56, 57.

дорогѣ маленькія деревушки, въ которыя мы заѣзжали для отдыха; чаще-же проводили ночи въ лѣсу. Въ полдень останавливались мы для обѣда и почти всегда находили на снѣгу остатки разведеннаго огня, забытаго, вѣроятно, путниками, прежде насъ тутъ бывшими, а также проруби во льду для лошадей и разные другіе признаки недавняго ночлега". Дорогу отъ Москвы до Вязьмы и, въ особенности, отъ Вязьмы до Смоленска, Контарини совершалъ безостановочно, перемѣнивъ лишь даннаго великимъ княземъ проводника въ Вязьмѣ и въ Смоленскѣ. [1]) Если бы на пути встрѣчались ямскія учрежденія, такой наблюдательный путешественникъ непремѣнно отмѣтилъ бы ихъ, какъ впослѣдствіи это дѣлали всѣ путешественники. Нѣтъ извѣстій о ямской гоньбѣ также и у Барбаро, хотя онъ спеціально касается вопроса о томъ, какъ совершаютъ москвитяне свои путешествія. [2])

Если все это не показываетъ еще съ очевидной несомнѣнностью, что до Іоанна III ямской гоньбы у насъ не было, то доказываетъ, во всякомъ случаѣ, что только Іоанномъ III было придано ей административное значеніе и что только съ этого времени она начала складываться въ систему. Слѣдовательно, если понимать подъ ямской гоньбой извѣстную форму регулярнаго сообщенія, т. е. гоньбу отъ перегона до перегона, при существованіи спеціальныхъ лицъ, ее вѣдавшихъ, то началомъ гоньбы слѣдуетъ считать годы великокняженья Іоанна III.

Такое объясненіе представляется тѣмъ болѣе убѣдительнымъ, что только со второй половины 15 вѣка начало завершаться объединеніе Москвой земли русской, по крайней мѣрѣ, въ главнѣйшихъ чертахъ, и что съ того-же времени начало централизоваться внутреннее управленіе. Ямы же, во всякомъ случаѣ, насколько можно судить объ этомъ по сохранившимся даннымъ, были учрежденіемъ, созданнымъ властью, а не вызваннымъ народными потребностями и потому такимъ, которое могло бы сложиться само собой. Ямы къ тому-же были созданы властью и не для населенія, а исключительно для себя. Съ такимъ характеромъ являют-

---

[1]) Ямы въ Смоленской землѣ были учреждены около 1514 г. Г. Г. Д., I, 148.

[2]) Библ. Иностр. пис. о Рос., т. I, стр. 58 59.

ся онѣ въ концѣ 15 вѣка, эту основную черту сохраняютъ и до конца 17 вѣка Герберштейнъ, напримѣръ, называетъ ямы учрежденіемъ для княжескихъ гонцовъ [1]) Даніилъ Принцъ изъ Бухова прибавляетъ, что занимающіеся торговлей и ѣдущіе въ Московію частнымъ образомъ терпятъ большія непріятности и большія затрудненія [2]) Когда въ 1603 г. къ Борису Годунову явилось посольство отъ Ганзы, которое въ своей челобитной, между прочимъ, просило, чтобы подъ товары ганзейскихъ купцовъ было разрѣшено нанимать ямскихъ лошадей, царь приказалъ отвѣтить, что ямы учреждены въ Россіи не для купечества, а единственственно для гонцевъ правительства и для пословъ чужеземныхъ. [3]) Такой-же взглядъ на ямы господствовалъ еще и во времена Олеарія. [4]) Мы знаемъ также, что въ то время, какъ важнѣйшіе торговые пути долго еще остаются необезпеченными или плохо обезпеченными ямской гоньбой, другіе пути, разъ только опредѣлялось ихъ значеніе, какъ путей посольскихъ или путей, по которымъ шла казна въ Москву, вызываютъ усиленныя заботы. Такъ, мы читаемъ о затруднительности сѣверныхъ торговыхъ путей и у Герберштейна, [5]) и еще у Логана и Порсглова для 1611 г.; [6]) о томъ, въ какомъ положеніи были южные торговые пути въ концѣ 16 вѣка достаточно говоритъ Поссевинъ. [7]) Между тѣмъ отъ Новгорода до нѣмецкаго рубежа уже въ 1492 г. существовали ямы, хотя путь пролегалъ мѣстами пустынными и малонаселенными. [8])

---

[1]) Записки о Московіи, пер. Анонимова, стр. 87.

[2]) Чт. О. И. Д. 1877 г., 4, стр. 73.

[3]) Карамзинъ, т. XI, стр. 48.

[4]) Цитируемъ по перев. Барсова, стр. 226.

[5]) Герберштейнъ, стр. 119, 121, 122. Говоря здѣсь о пути Москва — Переяславль—Ярославль—Вологда, путешественникъ, со словъ бывалыхъ людей, замѣчаетъ, что въ этихъ странахъ нельзя сдѣлать вѣрнаго исчисленія пути по причинѣ частыхъ болотъ и лѣсовъ.

[6]) Гамель, Англичане въ Россіи, изд. 1865 г., стр. 194—196.

[7]) Moscovia, вилен. изд., 1586 г., стр. 4.

[8]) Шторхъ, Historisch statist. Gemälde des Russisch. Reichs, ч. VII, стр. 241, думалъ, что ямы обязаны были своимъ происхожденіемъ частной промышленности. Но уже Лаппо-Данилевскій, ц. с., стр. 366, справедливо, отмѣтилъ, что, если иногда политическіе и административные интересы правительства и торговыя выгоды населенія отъ существованія на иныхъ дорогахъ ямовъ совпадали, то это не больше какъ случайность.

Вмѣстѣ сь тѣмъ нельзя не отмѣтить, что ямская гоньба, развивавшаяся, очевидно, на почвѣ подводной повинности, но получившая затѣмъ самостоятельную исторію, отнюдь не сдѣлала подводную повинность излишней. У насъ имѣется не мало данныхъ судить, что еще въ 17 вѣкѣ подводная повинность дополняла ямскую гоньбу, иногда шла параллельно съ ней. Съ точки зрѣнія управленія ямская гоньба была значительнымъ шагомъ впередъ, такъ какъ только со времени учрежденія этой гоньбы достигалась быстрота и правильность сношеній, что, конечно, представлялось весьма важнымъ для цѣлей управленія. Но съ точки зрѣнія населенія, ямская гоньба вызывала необходимость лишь въ новыхъ жертвахъ.

Всѣ свѣдѣнія, замѣтимъ при этомъ, о первыхъ ямахъ ведутъ насъ къ Москвѣ, [1]) какъ къ исходному пункту и къ Іоанну III, какъ къ ихъ учредителю.

---

[1]) Достойно вниманія, что въ первыхъ годахъ 16 вѣка (напримѣръ, до 1510 г.) ямовъ не было во всѣхъ русскихъ земляхъ, не слившихся еще съ Москвой. Ямовъ не было въ Рязанской землѣ—объ этомъ было уже сказано; не было и въ Псковѣ—имѣются прямыя указанія въ Сб. Ист. Общ., т. XXXV, стр. 93. (Ямовъ не было въ Псковѣ и прежде): не было въ Смоленскѣ—учреждены тутъ какъ уже сказано выше въ 1514 г.

II.

Отъ времени великаго князя Іоанна III до конца первой половины 16 вѣка ямская гоньба въ Московской Руси рисуется намъ въ слѣдующемъ видѣ. По нѣкоторымъ дорогамъ въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга были учреждены станціи, называвшіяся ямами, имѣвшія значеніе пунктовъ, куда окрестное населеніе должно было выставлять опредѣленное количество подводъ; въ случаяхъ особой надобности сюда-же сгонялось и большее противъ нормы число подводъ; сюда-же населеніемъ доставлялся и кормъ. Ямы были разнаго значенія и потому, вѣроятно, и разнаго размѣра. Больше другихъ были ямы, расположенные у значительныхъ городовъ. Если ямъ стоялъ на судоходной рѣкѣ, то, во время судоходства, пословъ, гонцовъ и ѣздоковъ великаго князя отпускали на судахъ, давая гребцовъ и кормчихъ. Каждымъ ямомъ завѣдывали ямщики; самую-же гоньбу гнали тѣ, чья очередь была доставлять на ямы подводы, или нанятые этими очередными вмѣсто себя. Ямъ состоялъ изъ ямского двора, заключавшаго въ себѣ двѣ—три избы, сѣнники и конюшни. Обыкновенно къ ямскому двору прирѣзывалась пашня и земля подъ сѣнокосъ; земли эти отдавались ямщикамъ. Къ нѣкоторымъ ямамъ, но обыкновенно, вмѣсто ямской земли, по крайней мѣрѣ, въ разсматриваемый періодъ, придавались деревни, доходы съ которыхъ шли ямщикамъ. На однихъ ямахъ было больше ямщиковъ, на другихъ—меньше, но много ихъ въ это время не было нигдѣ; обыкновенно—двое или трое. Право пользоваться ямскими подводами и кормомъ на ямахъ опредѣлялось для каждаго случая особой подорожной. Имѣются основанія предполагать, что уже и въ этомъ періодѣ существовало центральное управленіе ямской гоньбой.

Такова схема. Обратимся къ разсмотрѣнію данныхъ, покоящихся въ ея основѣ.

Мы уже знаемъ, что великій князь Іоаннъ III завѣщалъ своимъ дѣтямъ держать ямы и подводы по своимъ отчинамъ на тѣхъ дорогахъ, на какихъ ямы и подводы были при немъ. Великій князь завѣщалъ этимъ не только новое учрежденіе, имъ введенное, но и указалъ отношеніе къ этому учрежденію. По тѣмъ дорогамъ - онъ имѣлъ здѣсь въ виду тотъ принципъ, который руководилъ имъ при учрежденіи ямовъ по извѣстнымъ дорогамъ. Не только удобства, которыя достигались, благодаря быстротѣ и правильности сношеній по ямамъ, привели его къ созданію ямского строя, но и иныя соображенія—политическія. Видя задачу Москвы въ распространеніи ея вліянія и усиленіи ея значенія и понимая, что достичь этого скорѣе всего можно путемъ дипломатическихъ сношеній съ одними и путемъ централизаціи власти по отношенію къ другимъ, онъ взглянулъ на ямскія учрежденія, какъ на одно изъ вполнѣ пригодныхъ средствъ для достиженія этихъ цѣлей. Присоединивъ землю Тверскую, Новгородскую, получивъ княжество Бѣлоозерское и сдѣлавъ рядъ пріобрѣтеній на рубежахъ нѣмецкомъ и литовскомъ, а также отодвинувъ вліяніе Москвы далѣе на югъ, юго-востокъ и востокъ, Іоаннъ, вездѣ, куда простиралъ свое вліяніе, устанавливалъ правильное сообщеніе. Каждую дорогу, которая могла имѣть значеніе для Москвы, какъ путь посольскій или какъ путь, которымъ шла бы до предѣловъ недавно присоединенной области воля великаго князя, превращался въ ямской путь, и цѣпь ямовъ по этому пути служила, такимъ образомъ, великому князю большую государственную службу. Трудно, конечно, поручиться, что дошедшія до насъ свѣдѣнія даютъ полный перечень дорогъ, по которымъ при Іоаннѣ III были учреждены ямы. Но характерно, что всѣ свѣдѣнія ведутъ насъ къ тѣмъ дорогамъ, по которымъ собственно и шло выполненіе Москвой взятыхъ на себя задачъ. Такъ уже въ 1489 г. мы видимъ ямы отъ Москвы до Новгорода. [1]) Дорога эта шла по Московской и Тверской землямъ до Твери; отъ послѣдней водянымъ путемъ рѣкой Тверцой до Торжка, отъ Торжка до Волочка и оттуда рѣкой Мстой до Новгорода. [2]) Въ 1493 г. была уже

[1]) Пам. Дипл. Снош., т. I, стр. 24
[2]) Сб. Ист. Общ., т. XXXV, стр. 93.

ямская дорога отъ Новгорода до псковскаго рубежа. [1]) Между 1490 и 1493 г. были учреждены ямы отъ Новгорода до Нѣмецкаго рубежа, видимо, на Ругодивъ [2]) Въ 1491 г. были уже ямы отъ Москвы до Мурома. [3]) Отъ Мурома дорога шла на Казань, но, кажется, ямского строя по этой дорогѣ не было еще, такъ какъ въ описываемомъ случаѣ съ Мурома до Казани суденко да кормникъ да гребецъ даются съ города. [4]) Въ 1492 г. видимъ ямы черезъ Холмъ на Брагинъ (нынѣ Рѣжицкаго уѣзда, Витебской губерніи). [5]) Въ 1493 г. видимъ ямы на дорогѣ до Литовскаго рубежа на Можайскъ. [6]) Въ 1502 г. видимъ ямы отъ Москвы до Воротынска на Серпуховъ и Калугу. [7]) Подъ 1503 г. упоминаются ямы отъ Воротынска до Новгорода-Сѣверска. [8]) До Путивля ямовъ въ 1502 г. еще не было [9]), въ Брянскѣ, видимо, уже были въ 1502 г. [10]) Подъ 1500 г. читаемъ о Новгородскихъ ямахъ у Корельскаго городка, у Святоозера, въ Ровдужскомъ погостѣ у Палкигорья [11]) и въ Егорьевскомъ Лопскомъ погостѣ на Назьѣ. [12]) Сколько можно судить, эти ямы входили въ цѣпь порубежныхъ. [13]) Подъ 1508 г. читаемъ о ямахъ отъ Москвы до Юрьева, пожалованнаго бывшему Казанскому

---

[1]) Сб. Ист. Общ., т. XXXV, стр. 94.

[2]) Это видно изъ сравненія подорожныхъ въ П. Д. Сн. I, стр. 48 и стр. 112. Въ первой говорится:„ и вы бы имъ велели давать отъ Новагорода до Нѣмецкаго рубежа, отъ стану до стану... гдѣ ся имъ лучится стати. "Во второй читаемъ:„ а корму бы еси велѣлъ ему давати по ямомъ, что пригоже". О дорогѣ на Ругодивъ. П. Д. Сн., I. т. 24.

[3]) Сб. Ист. Общ., т. XLI, стр. 132.

[4]) Ibid.: И вы бы велѣли дати зъ города (Нижняго-Новгорода) суденко да кормника да два гребца.

[5]) Сб. Ист. Общ., т. XXXV, стр. 79.

[6]) Ibid, стр. 83.

[7]) Сб. Ист. Общ., т. XLI, стр. 443.

[8]) Тамъ-же, стр. 497. Слѣдуетъ сравнить со стр. 511 и 558.

[9]) Тамъ-же, стр. 555.

[10]) Тамъ-же, стр. 443.

[11]) Переписн. книга Вотск.Пятины 1500 г., Вр. О. И. Д. Р., кн. 12 стр. 11, 37, 87.

[12]) Вр. О. И. Д. Р., кн. 11, стр. 260.

[13]) Для географіи Новгородской земли мы пользовались работой и картой Неволина; О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ, въ Зап. Русск. Геогр. Общ., кн. VIII, 1853 г.

царю Авдуль-Летифу [1]) Къ концу 15 вѣка былъ, очевидно, и ямъ у Бѣлоозера, Ергольскій. [2]).

Такимъ образомъ, если принять Москву за отправную точку, то отъ Москвы шли ямскія дороги на Новгородъ и черезъ Новгородъ къ Нѣмецкому рубежу на Ругодивъ, на рѣку Сестру у впаденія ея въ Котлинъ и на рубежъ противъ Корельскаго городка, на Литовскую границу черезъ Можайскъ, на ту-же границу (на Украйну) черезъ Новгородъ-Сѣверскъ, на Казань черезъ Муромъ, наконецъ, въ глубь нѣкоторыхъ новыхъ пріобрѣтеній—удѣла Верейскаго, полевыхъ окраинъ и земель на юго-востокѣ. [3]) Былъ еще одинъ путь, имѣвшій большое политическое значеніе для Москвы—къ Менгли-Гирею. Точно установить его, однако, не удается: въ 1488 г. къ Москвѣ шли на Черкассы и оттуда полемъ; въ 1492 г. шли на Быструю Сосну и оттуда, видимо, на Калугу и Серпуховъ, такъ какъ инымъ путемъ, переправившись у Сосны, пришлось бы ѣхать на Рязань. [4]) Впрочемъ, въ 1502 г, отправляя Кафинскаго посла на родину, великій князь велитъ отъ Москвы проводить его на Рязань, оттуда вверхъ по Пронѣ въ Ранову, изъ Рановой Хуптой вверхъ до переволоки до Рясскаго поля, а затѣмъ до Рясы и затѣмъ на Донъ [5]), вѣроятно, на Быструю Сосну.

Послѣдующимъ не всегда доказывается предъидущее, но нельзя не обратить вниманія, что стремленіе заводить ямы сейчасъ-же по пріобрѣтеніи новой земли замѣчается и въ дальнѣйшіе періоды московской исторіи. Такъ, Василій III, взявъ въ 1514 г. Смоленскъ, тогда-же учредилъ по Смоленской землѣ ямскую гоньбу, [6]) завоевавъ Казань, Іоаннъ IV прежде всѣхъ поселилъ ямщиковъ (на лѣвомъ берегу Булака). [7]) Какъ увидимъ изъ исторіи сибирскихъ ямовъ, вмѣстѣ съ каждымъ шагомъ въ глубь новой страны все далѣе въ глубь страны проникали и ямскія учрежденія.

---

[1]) Г. Г. Д., II, 27.

[2]) Этотъ ямъ въ 1512 г. состоялъ уже изъ погнившихъ строеній; очевидно, онъ существовалъ еще до 1500 г. А. Э., I, 156.

[3]) Сб. Ист. Общ., т. XLI, стр. 73.

[4]) Сб. Ист. Общ., т. XLI, стр. 169.

[5]) Сб. Ист. Общ., т. XLI, стр. 411-412.

[6]) Г. Г. Д., I, 148.

[7]) **Заринскій, Очерки древней Казани, стр. 182.**

То-же явленіе замѣчается и при расширеніи московскихъ владѣній къ югу отъ Москвы.

Изъ сказаннаго дѣлаемъ выводъ: учреждая ямы, великій князь Іоаннъ III имѣлъ въ виду не столько свои коренныя земли, которыя, вѣроятно, только при его преемникѣ были всѣ уже соединены ямами съ Москвой [1]) и на которыхъ при немъ были ямы едва ли не въ той только мѣрѣ, въ какой лежали на имѣвшихъ указанное политическое значеніе дорогахъ, сколько земли вновь пріобрѣтенныя; иными словами—цѣль учрежденія ямовъ, по крайней мѣрѣ, первоначальная, сводилась не столько къ разрѣшенію вопроса о лучшей организаціи сообщенія, хотя бы даже во имя интересовъ внутренняго управленія, сколько къ разрѣшенію вопросовъ политическихъ. Политическая необходимость прокладывала ямскіе пути, при чемъ вниманіе Москвы въ этомъ смыслѣ было тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ данная дорога имѣла большее значеніе, какъ путь посольскій; быть можетъ, это вниманіе находилось также и въ зависимости отъ степени довѣрія великаго князя къ населенію данной новой московской области.

Противъ такого утвержденія можетъ говорить развѣ одно: въ большемъ количествѣ и полнѣе сохранились тѣ памятники, въ которыхъ остался слѣдъ о событіяхъ выдающихся, а такими, конечно, и были, главнымъ образомъ, сношенія дипломатическія, также сношенія великаго князя съ областями, вновь присоединенными; исконныя-же московскія владѣнія, какъ не служившія театромъ особо примѣчательныхъ событій, остались естественно внѣ круга дошедшихъ до насъ памятниковъ. Но, во-первыхъ, нельзя утверждать, чтобы количество свидѣтельствъ о бытѣ внутреннихъ московскихъ владѣній этого періода было ужъ въ такой степени ограничено; во-вторыхъ, если говорить въ частности о ямской гоньбѣ, то, хотя мы точно и не знаемъ

---

[1]) Герберштейнъ, Записки о Московіи, стр. 87 (пер. Анонимова) говоритъ, что князь (Василій III) держитъ почтмейстеровъ въ разныхъ мѣстахъ по всѣмъ частямъ своего владѣнія. Показаніе это, однако, не слѣдуетъ понимать буквально: мы знаемъ, что еще въ 1557 г. до Вологды съ сѣвера не было ямовъ (подробности см. у Гамеля, Англичане въ Россіи, стр. 66—67), знаемъ также, что и въ 17 в. не по всѣмъ мѣстамъ Московскаго государства были ямы.

времени, когда были учреждены ямы въ этихъ внутреннихъ владѣніяхъ, но не слѣдовало бы, кажется, признавать случайнымъ тотъ фактъ, что въ сохранившихся документахъ о бытѣ тѣхъ мѣстностей до начала второй четверти 16 вѣка совсѣмъ нѣтъ свѣдѣній о ямахъ; а въ документахъ аналогичнаго характера послѣ 1525—1530 года свѣдѣнія начинаютъ уже появляться, и чѣмъ годомъ дальше, тѣмъ свѣдѣній этихъ больше. Одно количество дошедшихъ до насъ документовъ едва-ли, слѣдовательно, можетъ играть тутъ рѣшающую роль

Въ зависимости отъ значенія дороги, ея направленія, ея состоянія, на каждой дорогѣ ямы учреждались въ большемъ или меньшемъ разстояніи другъ отъ друга. Хотя мы знаемъ рядъ случаевъ, когда въ одномъ мѣстѣ закрывался ямъ и переносился въ другое мѣсто на той-же дорогѣ, но большею частью ямскіе пункты все тѣ-же на всемъ протяженіи исторіи ямской гоньбы до конца 17 вѣка. Слѣдовательно, при разсмотрѣніи вопроса о разстояніи между ямами можно вполнѣ пользоваться данными различныхъ періодовъ этой исторіи. Сопоставляя-же эти данныя другъ съ другомъ, можно вывести, что среднимъ разстояніемъ между ямами считалось 30 - 40 верстъ. Такъ, Селецкій ямъ на Дмитровской дорогѣ былъ поставленъ въ 30 верстахъ отъ Москвы и въ столькихъ-же верстахъ отъ Дмитрова. [1]). Разстояніе въ 30—40 верстъ преобладаетъ въ описаніи дороги между Смоленскомъ и Москвой, относящемся къ 1593 году, [2]) и въ описаніи 1556 г. [3]) Ту-же норму преимущественно встрѣчаемъ и у Герберштейна [4]). Котошихинъ утверждаетъ, что разстояніе между ямами было въ 30—40—60 — 90—100 верстъ и больше. [5]) Хотя точному исчисленію верстъ много препятствуетъ разнорѣчіе источниковъ, [6]) но

[1]) А. Юр. б. Кал., II., 181.

[2]) Опис. пут. въ Москву Николая Варкоча, пер. Шемякина, Чт. О И. Д. Р., 1874 г. кн. 4.

[3]) Сборн. кн. Оболенскаго, Дневн. Литовск. пословъ, № 5.

[4]) Пер. Анонимова, стр. 208 - 210.

[5]) О Россіи, изд. 1859 г., стр. 91.

[6]) Напримѣръ, у Варкоча разстояніе между Вязьмой и Дорогобужемъ исчислено въ 60 верстъ, у Герберштейна (стр. 211) въ 90 верстъ, а въ книгѣ Большому Чертежу, изд. Языкова, стр. 77—въ 80 верстъ. Такъ какъ главнѣйшая часть свѣдѣній о разстояніяхъ сохранилась въ

и имѣющихся данныхъ достаточно, чтобы прослѣдить слѣдующее явленіе: ямы строились всегда при болѣе населенныхъ пунктахъ, но если разстояніе между такими пунктами значительно превышало указанную норму въ 30—40 верстъ, то устраивался промежуточный ямъ, который, по крайней мѣрѣ, со второй половины 16 вѣка, какъ это увидимъ дальше, не имѣлъ самостоятельнаго значенія и приписывался къ тому главному яму, къ какому былъ ближе. Разстоянія въ 60—90 - 100 верстъ и больше, о которыхъ говоритъ Котошихинъ, имѣли мѣсто развѣ только на дорогахъ сибирскихъ или на дорогахъ сѣверной окраины. Возможно также, что Котошихинъ предполагалъ только разстояніе между главными ямами, не принимая въ счетъ промежуточныхъ. [1])

Во главѣ ямовъ ставились ямщики. Въ разсматриваемомъ періодѣ на каждомъ яму ихъ было немного: иногда—двое, иногда—нѣсколько больше. Какъ правило, вѣроятно, не менѣе двухъ, но едва-ли гдѣ болѣе 3—4, потому что въ отличіе отъ послѣдующаго періода, когда говорится о „всѣхъ того яму ямскихъ охотникахъ“, въ данномъ періодѣ, если ямщиковъ на яму болѣе двухъ, говорится: „такой-то ямщикъ съ товарищи“. На одномъ и томъ-же яму въ одномъ и томъже году могло быть по одному выбору двое, а по другому—трое ямщиковъ. Такъ, напримѣръ, случилось въ Тотьмѣ въ 1548 году, когда по выбору тотемскихъ крестьянъ были представлены на утвержденіе три ямщика, а вскорѣ послѣ этого, по выбору намѣстничью—двое ямщиковъ. На Городецкомъ яму въ 1534 г. было нѣсколько ямщиковъ—Коверя Зендриковъ съ товарищи, на Ярославскомъ яму въ 1532 г.—

описаніяхъ путешествій и такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ не всегда можно установить въ точности дорогу, по которой ѣхалъ данный путешественникъ, то пользоваться такими показаніями необходимо съ особой осторожностью.

[1]) Кажется, было обычаемъ вести счетъ верстъ только отъ болѣе крупныхъ ямовъ. Такъ, въ расходной книгѣ патріарха Никона приведены указанія на плату ямщикамъ отъ Бронницъ до Крестецкаго яма, до Зимней горы, до Волочка, до Торжка, до Твери, до Москвы. Чт. О. И. Д., кн. 13. стр. 2 4. Между тѣмъ, по пути были и другіе ямы. Рейтенфельсъ, бывшій въ Россіи въ послѣдней четверти 17 вѣка, опредѣляетъ разстояніе между ямами въ 7—10 нѣмецкихъ миль, т. е. въ 35 50 верстъ. De rebus moscovitis, Якова Рейтенфельса, пер. Тарнова-Боричевскаго, Ж. М. Н. Пр. ч. XXIII, стр. 34. То-же видимъ и изъ приходо-расходной книги вологод-

Іакушъ Андреевъ съ товарищи, на Романовскомъ въ томъже году—Лука Малаховъ съ товарищи, на Корельскомъ яму въ 1500 г.—двое ямщиковъ, то-же на яму у Святоозера, на Ергольскомъ въ 1512 г., на Раецкомъ въ 1539 г. и т. д. [1]) Одно это должно было бы наводить на мысль, что ямщики даннаго періода сами непосредственно гоньбы не гоняли: какъ, допустимъ, не мало требовалось тогда подводъ, все-таки 2—4 лицамъ было бы трудно управиться. Кромѣ того, тотъ фактъ, что о ямщикахъ говорится „такой-то съ товарищи“, скорѣе указываетъ на служебность ямщика, на то, что ямщикъ—не промыселъ, а должность. Но сверхъ того извѣстно, что каждое селеніе, расположенное въ районѣ яма, было обязано съ сохъ давать подводы на ямъ, стоять на яму съ подводами. Извѣстно также, что только спеціальная оговорка въ жалованныхъ грамотахъ освобождала данное селеніе отъ этой обязанности, при чемъ, какъ показываютъ факты, ямщики не останавливались и передъ такими оговорками, все таки требуя подводы на ямъ. [2]) Отсюда ясно, что самая гоньба велась населеніемъ, его лошадьми и его людьми, ямщики-же только вѣдали распорядокъ по гоньбѣ, т. е. смотрѣли за тѣмъ, чтобы на яму было всегда достаточное количество подводъ, собирали сошныхъ лошадей, въ случаѣ экстренной надобности приводили добавочныхъ лошадей, вѣдали всѣ разсчеты. Технически это называлось „на яму стряпати“, что, между прочимъ, также болѣе указываетъ на должность, чѣмъ на промыселъ. [3]) Въ одной грамотѣ (отъ 1545 г.) читаемъ: „а вы де (ямщики) тѣхъ ихъ монастырскихъ крестьянъ наряжаете съ сохъ съ подводами стоять на Вокшерскій ямъ“; „и вы бы впредь тѣхъ ихъ монастырскихъ селъ и деревень на Вокшерскомъ яму съ сохъ съ подводами стояти и ямского двора дѣлати не наряжали“. [4]) Эта грамота довольно опредѣленно указываетъ на значеніе ямщиковъ, какъ распорядителей яма и

скаго архіепископа Маркелла, по которой можно прослѣдить дорогу отъ Вологды до Москвы. Яросл Губ. Вѣд., 1860, № 11.

[1]) Акты Юшкова, Ч. О. И. Д., 98, 4, стр. 140, А .Э. I, 180, Вр. О. И. Д., кн. 12, стр. 11, 37, А. Э. I, 156, Писц. Кн. Новг., т. IV, стр. 502, Акты Спас. Мон., I, IX.

[2]) А. Э. I, 206, 1 и 2, А. И. I, 200, 115 и мн. др.

[3]) Акты Юшкова, ц. стр.: „и на яму стряпати велѣли.“

[4]) А. Спас. Мон., I, XIII.

оньбы. Герберштейнъ называетъ ямщика начальникомъ почты. [1])

Отъ болѣе ранняго времени мы имѣемъ только одно свѣдѣніе о томъ, какое общественное положеніе занимали ямщики. Именно: въ Корелѣ оба ямщика, братья Ѳомины, указаны въ числѣ младшихъ людей. [2]) Но полный свѣтъ проливаетъ на этотъ вопросъ грамота 1548 г. на Тотьму. [3]) Хотя по времени она относится къ самому концу разсматриваемаго періода, но едва-ли устанавливаемый ею взглядъ на ямщиковъ представляется какимъ-либо новшествомъ. Скорѣе, это—послѣдній отголосокъ отживавшаго порядка, наканунѣ перехода къ новому, когда ямщикъ—должностное лицо превратился въ ямского охотника, непосредственно гнавшаго гоньбу. По этой грамотѣ судя, на яму были три должности: ямщикъ, дьячекъ и дворникъ Всѣ они избирались всей округой, намѣстникомъ, подъячимъ, игуменами, попами, дьяками, городскими людьми и сельскими; ямщики избирались, быть можетъ, изъ посадскихъ людей или изъ крестьянъ; быть можетъ, какъ напримѣръ въ данномъ случаѣ, только изъ крестьянъ, а по избраніи съ поручными записями отправлялись въ Москву къ казначеямъ великаго князя; казначеевы дьяки приводили избранныхъ къ крестному цѣлованью, давали имъ на ямской расходъ государевы деньги и отпускали на ямъ. Такимъ образомъ, ямщики избирались въ должность посадомъ и уѣздомъ подъ наблюденіемъ намѣстника, но утвержденіе получали въ Москвѣ. Насколько контроль намѣстника имѣлъ здѣсь существенное значеніе, видно изъ того, что, когда въ той же Тотьмѣ крестьяне попытались сами избрать ямщиковъ, помимо намѣстника, то, несмотря на то, что избранные ими ямщики успѣли уже получить въ Москвѣ утвержденіе, выборы были признаны неправильными, лишь только пріѣхали въ Москву ямщики, избранные подъ наблюденіемъ намѣстника. Выборная въ принципѣ, на практикѣ должность ямщика, вѣроятно, иногда переходила отъ отца къ сыну. Слѣдуетъ, однако, ду-

---

[1]) Magister postarum, qui illorum lingua Jamschuik appellatur; Herberstein, Rerum Moscovitarum commentarii, изд. 1556 г., стр. 56.

[2]) Вр. О. И. Д., кн. 12, стр. 3.

[3]) Акты Юшкова, ц. стр.

мать, что сыновья подвергались новымъ выборамъ. Такъ, корельскіе ямщики были дѣтьми ямщика, на Раетцкомъ яму послѣ смерти ямщика должность его занялъ сынъ [1]). Ниже мы укажемъ, почему ямщиковъ вѣдали казначеи и дьяки при нихъ; тутъ-же упомянемъ еще, что время отъ времени ямщики ѣздили на счетъ въ Москву, гдѣ считали ихъ казначеи съ дьяками. Въ случаѣ растраты или другой какой вины за ямщиковъ отвѣчали, по общему правилу, порутчики. [2]) Быть можетъ, иногда ямщики не избирались, а назначались, что, кажется, вытекаетъ изъ грамоты смолянамъ 1514 г., гдѣ сказано: „а держати подводы нашимъ ямщикамъ". Впрочемъ, возможно, что данный случай—исключеніе, объясняющееся тѣмъ, что въ Смоленской землѣ тогда лишь впервые вводились ямы. [3])

Мы не имѣли возможности прослѣдить связь между ямщиками даннаго періода и ямниками и ямщиками, о которыхъ говорятъ грамоты 14 -15 в.в. Но едва-ли слѣдуетъ сомнѣваться въ существованіи такой свяи. Ямникъ, ямщикъ 14—15 в.в. былъ княжескимъ слугой, собиравшимъ спеціальный налогъ; свои ямщики были и у московскаго князя; когда были учреждены ямы, тѣ же ямщики, вѣроятно, не только собирали ямъ въ пользу князя, но и вѣдали ямы; когда неизбѣжно увеличилось ихъ число и, соотвѣтственно новому роду обязанностей, довольно скоро опредѣлилось, что теперь это уже не разъѣздная, а болѣе прикрѣпленная къ мѣсту должность, видоизмѣнился и порядокъ назначенія: слуга князя превратился въ мѣстное должностное лицо, какъ не такъ давно передъ этимъ финансовый характеръ должности превратился въ административный. Повторяемъ, впрочемъ, что прослѣдить это по документамъ намъ не удалось.

Изъ сказаннаго уже опредѣляется, что главная тяжесть ямского строя въ данномъ періодѣ падала на населеніе, такъ какъ средства сообщенія – лошади и люди—давались съ сохъ. Кромѣ того, населеніе обязывалось еще обмѣнивать усталыя подводы на свѣжія, если это требовалось въ пути между ямами.

---

1) Вр. О. И. Д., кн. 12, стр. 3; Новг. Писц. кн. т. IV, по сравн. стр. 502 и 549.

2) Акты Юшкова, ц. стр.

3) Г. Г. Д. I, 148.

Такой порядокъ былъ узаконенъ и лишь специальныя оговорки въ жалованныхъ грамотахъ освобождали отъ этой обязанности. [1]) Практика выработала даже пріемы при помощи которыхъ происходилъ размѣнъ обмѣненныхъ въ пути подводъ: усталыя подводы отводились на ямъ, откуда выѣхали, а обмѣненныя давались съ яма, куда пріѣзжали. Ямщики, собирая подводы на ямъ, не имѣли права держать ихъ на яму „бездѣльно", тѣмъ болѣе не имѣли права держать подводы у себя въ деревняхъ. Усталыя подводы не должны были задерживаться населеніемъ. [2]) Для смотрѣнія за этимъ, въ случаѣ доходившихъ до Москвы извѣстій о злоупотребленіяхъ, назначались иногда особые пристава, какъ напримѣръ, въ цитируемомъ случаѣ, въ 1534 г. по Переславской дорогѣ между Москвой и Городецкимъ ямомъ. Чтобы опредѣлить, какъ нелегко доставалось все это населенію, приведемъ изъ того-же документа указанія челобитчиковъ, что, если село стояло на большой дорогѣ, то приходилось многихъ гонцовъ отправлять и помимо ямовъ, „безъямно", т. е. не въ очередь и сверхъ сошныхъ подводъ, уже доставленныхъ на ямъ. Извѣстны къ тому же случаи, когда ямщики не ограничивались слѣдуемыми съ населенія подводами и требовали лишнія подводы. Если населеніе противилось, брали силой; встрѣтится подвода на торгу—брали съ торга. [3]) Свое право на такіе поступки ямщики видѣли, конечно, въ томъ, что на нихъ падала вся тяжесть отвѣтственности, если на яму не хватало подводъ. Кромѣ того, за нихъ стоялъ самый текстъ подорожныхъ, гдѣ, какъ уже приходилось упоминать, прямо обозначалось что подводы должны давать всѣ люди безъ обмѣны, кто чей ни буди. Правда, имѣются основанія думать, какъ скажемъ дальше, что эта часть текста подорожныхъ сложилась исторически и не имѣла того значенія, какое ей можно было придать при желаніи, но практика, вѣроятно, толковала текстъ именно въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ такое толкованіе было удобнѣе.

Рождается вопросъ: получало-ли населеніе какую-ни-

---

[1]) А. И. I, 115, А. Э. I, 147, 159, А. И. I, 200 и др.

[2]) А. Э. I, 180.

[3]) А. Э. I, 206, 1, 2.

будь плату за подводы, доставляемыя на ямъ, или же это была натуральная повинность въ собственномъ смыслѣ? Такъ какъ ямской строй возникъ изъ подводной повинности и, во всякомъ случаѣ, на почвѣ этой повинности, почвѣ готовой издревле, то первоначально, т. е. до конца великокняженія Іоанна III, можетъ быть, еще и въ первые годы великокняженія Василія III, доввольно, кажется, трудно найти слѣды какой-либо наемной платы за подводы. Всѣ уже разсмотрѣнныя нами данныя, разсказывающія о томъ, какъ отпускались въ это время послы и гонцы, скорѣе заставляютъ думать, что подводы отпускались населеніемъ на началахъ натуральной повинности. Но уже въ 1514 г., въ выше цитированной грамотѣ смолянамъ (Г. Г. Д. I, 148) читаемъ; „а мѣщаномъ и чернымъ людемъ подъ наши гонцы подводъ не давати, а держати подводы нашимъ ямщикомъ и наемъ давати отъ подводъ по тому-жъ, какъ и въ нашихъ земляхъ.“ О какомъ наемѣ здѣсь говорится? При этомъ о наемѣ, который долженъ былъ даваться и въ смоленской землѣ по тому-же, какъ и въ московскихъ городахъ? Предполагать, что въ грамотѣ идетъ рѣчь о прогонахъ, получаемыхъ ямщиками, невозможно, такъ какъ ямщики въ это время не гнали еще гоньбы. Слѣдовательно, достаточно ясно, что наемъ шелъ населенію, доставлявшему подводы на ямъ. Грамота на Тотьму 1548 г. проливаетъ свѣтъ и на этотъ вопросъ. Казначеевы дьяки, отпустивъ ямщиковъ на Тотьму, какъ было сказано, дали имъ на ямской расходъ 50 рублей, при чемъ грамота опредѣляетъ, что на прогоны имъ давать на десять верстъ по три деньги, а проводнику давать на тридцать верстъ по 1 $^1/_2$ деньги. Толковать это мѣсто въ томъ смыслѣ, что давать значитъ для ямщиковъ — получать, невозможно, такъ какъ дальше говорится: „а деньги, что у нихъ у старыхъ ямщиковъ за расходомъ остались, отдать новымъ ямщикамъ;“ и еще далѣе—„а буде тѣ ямщики старые Молодейко съ товарищи что нашихъ денегъ истеряли, а на ямской расходъ будетъ не давали, и ты бъ тѣ деньги доправилъ на ихъ порутчикахъ.“ Иными словами: ямщики изъ даваемыхъ имъ въ Москвѣ денегъ платили очереднымъ, выставлявшимъ подводы на ямъ, по указной цѣнѣ, въ 3 деньги за 10 верстъ съ подводы, каковая наемная плата и носила названіе прогоновъ, составляя главную часть всего ямского расхода. Плата эта

едва-ли окупала дѣйствительную стоимость труда и времени, сопряженнаго съ обязанностью выставить подводу на ямъ и отбыть отпускъ; это ясно уже изъ того, что и въ болѣе позднее время, когда, какъ мы увидимъ, ямское дѣло было организованно полнѣе, всякая лишняя подвода, даже оплаченная прогонами, вызывала жалобы. Но для насъ тутъ важенъ все таки принципъ: находя участіе населенія въ ямскомъ дѣлѣ въ видѣ натуральной повинности обременительнымъ для него, Москва въ принципѣ признала необходимость облегчить эту повинность, почему и ввела начало наемной платы. Этотъ принципъ представляется намъ важнымъ и въ другомъ отношеніи: разъ великій князь призналъ справедливымъ платить наемную плату населенію за выставляемыя подводы, онъ призналъ этимъ, что населеніе въ ямахъ не заинтересовано. Ямское дѣло—государево дѣло и, хотя, въ сущности, деньги на ямской строй давало то-же населеніе, но наемная плата платилась не потому, что деньги, собираемыя для извѣстной цѣли, должны были непремѣнно расходоваться на эту цѣль, а потому, что государево дѣло и должно было поддерживаться на средства государевой казны.

Какъ изъ грамоты Смолянамъ, такъ и изъ грамоты на Тотьму не трудно сдѣлать выводъ, что плата эта была обязательна и что безъ найму населеніе подводъ не давало. Но если бы это было такъ, то пришлось бы думать, что, хотя подводы собирались на ямы съ сохъ, но натуральная повинность состояла лишь въ обязанности давать подводы за плату, иначе—въ обязанности не уклоняться отъ доставленія къ извѣстному сроку подводъ на ямъ. Судя, однако, по тому, что и въ болѣе позднее время, когда вопросъ о прогонахъ получилъ болѣе опредѣленное выраженіе, подводы на ямахъ отпускались нерѣдко въ силу подорожныхъ безъ прогоновъ, должно предположить, что въ указанныхъ грамотахъ обозначалось лишь опредѣлившееся намѣреніе правительства не отягощать населеніе безъ крайней необходимости; крайняя-же необходимость допускала исключенія. Но такъ какъ исключенія должны были быть весьма часты, значительно, быть можетъ, чаще правила, то между принципомъ и практикой произошло понятное разногласіе. Крайняя-же необходимость должна была возникать при всякой спѣшкѣ, могла слагаться въ виду отсутствія контроля, подъ влія-

ніемъ общихъ условій быта, гдѣ зависимость населенія отъ должностныхъ лицъ была значительна наконецъ, въ виду того, что въ самой Москвѣ при отпускѣ гонцовъ однимъ приказывали давать подводы безъ прогоновъ, за другихъ обязывали ямщиковъ платить прогоны, смотря по лицу, порученію и всякимъ вообще сопровождавшимъ обстоятельствамъ. Слѣдовательно, осторожнѣе предположить, что очень рано въ Москвѣ сложилось убѣжденіе въ тягости для населенія обязанности гонять ямскую гоньбу безплатно. Оно возникло несомнѣнно ранѣе 1514 года, (хотя не думаемъ, чтобы на много ранѣе) и, вѣроятно, по мѣрѣ развитія гоньбы складывалось все тверже и законченнѣе. Что-же касается практики, то она охотнѣе держалась стараго порядка, считая, что обязанность выставлять подводы на ямъ—та-же подводная повинность, но нѣсколько иначе организованная.

Грамота смолянамъ относится къ 1514 г., грамота на Тотьму относится къ 1548 г. Какъ промежуточное указаніе слѣдуетъ привести слѣдующее мѣсто Герберштейна: «equum porro in itinere viribus exhaustum relictumque Jamschnik requirere iter alterum ei cui erreptus erat restituere preciumque ratione itineris habita, persolvere solet; plerunque de X vel XX vuerst numerantur sex dengae». [1]) Совокупность этихъ данныхъ уже не позволяетъ, кажется, сомнѣваться, что наемная плата за подводы была ямскому строю извѣстна въ самомъ началѣ 16 вѣка.

Изъ той-же грамоты на Тотьму мы узнаемъ, что ямщики вели на яму ямскому расходу книги; по этимъ книгамъ ямщиковъ усчитывали, сколько они по какой дорогѣ подводъ отпускали и что издержали; усчитывали ямщиковъ по правилу дьяки казначеевы на Москвѣ, но по особому указу могли усчитывать и намѣстники. Въ литературѣ охотно повторяется мнѣніе, что ямскія книги, впослѣдствіи называемыя обыкновенно—загонными и изгонными, были введены Борисомъ Годуновымъ [2]). Разъ мы уже знаемъ, что наемъ, а,

---

[1]) Herberstein, цит. изд. стр. 56.

[2]) Такъ какъ ошибочно признается, что прогоны введены впервые Борисомъ Годуновымъ, то въ зависимости отъ этого ему-же приписываютъ и введеніе загонныхъ книгъ. Домбровскій, ц. с., стр. 124, Бржозовскій, ц. с., стр. 352. Повидимому, съ этимъ согласенъ и Лаппо-Данилевскій, такъ какъ онъ ссылается на это мѣсто изслѣдованія Бржо-

слѣдовательно, и деньги на наемъ, были извѣстны еще въ началѣ 16 вѣка, то, конечно, нужно предположить, что и загонныя книги появились тогда же; разъ въ распоряженіе ямщиковъ стали отпускаться расходныя суммы, естественно должны были возникнуть этимъ суммамъ и расходныя книги.

Изъ грамоты отъ 1556 г., мы узнаемъ, какъ производился разсчетъ съ ямщиками по прогонамъ въ 1548 г. Повидимому, также производился онъ и раньше. Получивъ въ счетъ прогоновъ авансъ, ямщики представляли погодно (въ данномъ случаѣ за разными служебными перемѣнами ямщиковъ не усчитывали нѣсколько лѣтъ) счетный списокъ, который провѣрялся, послѣ чего опредѣлялось, перегнали они авансъ или не догнали. Перегоны имъ уплачивались, а незагоны на нихъ взыскивались. [1])

То-же несогласіе офиціальнаго принципа съ практикой замѣчается и въ отношеніи къ другой части ямского строя—обязанности населенія доставлять на ямы кормъ, какъ для пословъ, такъ и для гонцовъ. Обязанность давать кормъ могла быть, какъ и раньше, самостоятельной повинностью, не стоявшей въ прямой зависимости собственно отъ ямского строя; могла находиться и въ зависимости отъ него. Все опредѣлялось особенностью даннаго случая: иногда гонецъ долженъ былъ покупать кормъ, гдѣ хочетъ, иногда ему указывалось на какихъ станахъ и сколько онъ долженъ былъ получать корма, иногда онъ уполномочивался требовать кормъ на ямахъ. Послы всегда получали кормъ на станахъ или наямахъ, смотря по указанному маршруту. Великій князь, устанавливая иногда, что кормъ долженъ быть заготовленъ на ямахъ по указной цѣнѣ, т. е., слѣдовательно, съ платой населенію за забранное, нерѣдко распоряжался давать часть корма,

зовскаго; Орг. пр. облож., стр. 372, прим. 2. Домбровскаго ввела въ заблужденіе, вѣроятно, грамота А. Э., II, 18, гдѣ подъ 1601 г. сказано, что ямщики получаютъ прогоны по „нашему" наказу. Своеобразно разсуждаетъ г. Конивецъ, ц. с., стр. 285: на жалованье и прогоны ямщикамъ Өедоръ Іоанновичъ устанавливаетъ особый сборъ „ямская посоха". Гр. Толстой, ц. с., стр. 52, считалъ, что „особенныя" книги были на всякомъ ямѣ для записыванія отпускаемаго корма. Незабитовскій, ц. с. стр. 12—13, полагалъ, что сначала прогоны ямщикамъ уплачивались обывателями, а потомъ изъ казны.

[1]) Д. А. И. I, 104.

если не весь изъ своего дворца, а иногда, и это мы наблюдаемъ даже въ 1574 г., когда, какъ увидимъ дальше, кормъ несомнѣнно уже большею частью покупался у населенія—предписывалъ собирать кормъ съ сохъ, объясняя при этомъ, что требуется самое лучшее его, великаго князя, службы для. [1]) Иными словами: не только не отрицая въ принципѣ справедливость такого порядка, при которомъ населеніе получало бы за доставляемый на ямы кормъ вознагражденіе, скорѣе даже признавая, что это единственно справедливый принципъ, московское правительство, тѣмъ не менѣе, нисколько не затруднялось видоизмѣнять этотъ принципъ, сообразуясь съ особенностями каждаго даннаго случая, ставя принципъ въ зависимость отъ того, какъ въ извѣстномъ случаѣ удобнѣе поступить.

Доставляя на ямъ подводы, обмѣнивая по дорогѣ усталыя подводы, доставляя на ямы кормъ, населеніе обязано было еще расчищать дороги, строить и чинить мосты и гати, [2]) а также строить и чинить ямскіе дворы. [3]) Возможно, что при мелкихъ починкахъ требованія къ населенію могли предъявляться непосредственно ямщиками, но, вѣроятно, при капитальныхъ ремонтахъ ямщики били челомъ въ Москву, а оттуда уже посылался указъ и съ нимъ спеціальный человѣкъ, на котораго возлагалось наблюденіе за исполніемъ дѣла, совмѣстно съ ямщиками. [4]) Всѣ описанныя повинности исполнялись съ сохъ, [5]) по мірской раскладкѣ, при чемъ съ той только части населенія, кото-

---

[1]) Д. А. И., I, 70, П. Д. Сн., I, стр. 112, Сб. Ист. Общ., т. LIX, стр. 43, т. XXXVIII, стр. 72 и мн. др.

[2]) А. Э. I. 156.

[3]) А. Юр. б.Кал., II, 181, А. Э. I, 156, А. Э. I, 218, А. И. I, 200 и др.

[4]) Напр. въ А. Э. I, 156—по сношеніи съ казначеемъ великаго князя Юріемъ Дмитріевичемъ (Малый см. о немъ Сб. Ист. Общ. т. 35, стр. 509—514, 532, 533 540); присылается нѣкто Давидъ Сырневъ. Въ А. Ю. Кал., II, 181—присылаетея на Селецкій ямъ Захаръ Румянцевъ.

[5]) А. Э. I, 156—по два человѣка съ сохи. Это видимо обычная норма, Такъ, впослѣдствіи увидимъ, что и ямскіе охотники выставлялись по два человѣка съ сохи; напр, акты Спасск. мон., изд. Вахрамѣева, I, 50, А. Ю. 192, 278, 343 и т, д,

рая была приписана къ данному яму. [1]) Можно думать, что обычай выработалъ то нормальное количество подводъ, которое должно было выставляться на ямъ съ опредѣленнаго земельнаго владѣнія. Но прямыхъ указаній на это мы не знаемъ, если не считать указаніями частыя жалобы населенія на ямщиковъ и обвиненія противъ послѣднихъ въ томъ, что они правятъ лишнія подводы. Главнымъ-же образомъ, вѣроятно, число собираемыхъ съ сохъ подводъ опредѣлялось размѣрами разгона даннаго яма. Что-же касается корма, то довольно рано онъ собирался на ямы въ точно опредѣленномъ для каждаго вида случаевъ количествѣ. Въ Москвѣ велись особыя „кормовыя книги", куда вносилось, сколько какого корма въ пути и на Москвѣ какому послу давалось. Эти записи создавали практику, справки съ которой нормировали отдѣльные случаи въ дальнѣйшемъ. Интересное указаніе на это находимъ въ документѣ отъ 1581 г., изданнымъ г. Лихачевымъ: „а кормовыхъ, государь, книгъ старыхъ, что давано корму папинымъ посломъ и гонцомъ, въ ямскомъ приказѣ нѣтъ, погорѣли; а въ посольскихъ книгахъ въ старыхъ кормового дѣла опричь посольства не писано". [2])

Населеніе, наконецъ, платило еще особый ямской сборъ. Свѣдѣнія объ этомъ сборѣ для разсматриваемаго періода весьма немногочисленны. Тѣмъ не менѣе, кажется, безспорно, что уже съ конца 15 вѣка ямъ, какъ денежный сборъ, собиравшійся ранѣе въ орду, а затѣмъ въ пользу князей, сдѣлался спеціальнымъ сборомъ подъ названіемъ ямскихъ денегъ. Упоминаніе о ямскихъ деньгахъ встрѣчается уже въ 1500 г. [3]) Едва-ли ямъ, какъ денежный сборъ, и ямскія деньги существовали совмѣстно; едва-ли поэтому можно предпола-

[1]) Если селеніе приходилось между двумя ямами, то предписывалось доставлять подводы на ближайшій. А. Спас. мон., I, 13,44,48,50, Соотвѣтственно съ этимъ, быть можетъ, исполнялись и всѣ остальныя части ямской повинности.

[2]) Лихачевъ, Библіотека и архивъ моск. госуд. въ 16 стол„ Пет. 1894 г., Прилож., стр. 13—14.

[3]) А. Э. I, 136. Начиная съ этого времени одни документы говорятъ только о ямѣ, другіе только о ямскомъ сборѣ. Напримѣръ: ямъ— А. Э., I, 147, 159, 164, 179, 190, 201; ямскія деньги—А. Э. I., 136, 175, 200 208, 210, 218 и др. А. И., I, 131, 144, 145 и др.

гать, что это два различныхъ сбора. [1]) Вѣроятнѣе всего, что ямскія деньги—только новое названіе того-же сбора, который прежде назывался ямомъ. Но каково было дѣйствительное назначеніе этого сбора, мы точно не знаемъ. По всей вѣроятности, онъ шелъ, точнѣе—въ принципѣ предназначался,—на покрытіе той наемной платы за подводы, указанія на существованіе которой мы выше отмѣтили, и вообще на „ямской расходъ". Одно можно сказать твердо: въ пользу ямщиковъ онъ не шелъ, такъ какъ жалованья ямщики въ этомъ періодѣ еще не получали. Въ какомъ размѣрѣ сбирались ямскія деньги—собственно для разсматриваемаго періода указаній мы также не нашли. Судя, однако, по практикѣ нѣсколько болѣе поздняго времени слѣдуетъ думать, что до конца первой половины 16 вѣка, а, можетъ быть, и нѣсколько позже платили по разводу съ сохъ, какъ коли гдѣ Государь велитъ [2]), какъ въ которомъ году Государь велитъ, [3]) по указу [4]), какъ въ которомъ году Государь укажетъ. [5]) Для времени послѣ 1556 г. мы встрѣчаемъ, дѣйствительно, различные оклады этого сбора. Такъ, въ 1556 г. съ Новгорода съ посада и со всей земли брали 7½ рублей съ сохи [6]), въ 1584 г. въ Переславскомъ уѣздѣ брали съ сохи 14 руб. [7]) Въ 1583 г. съ Переславскихъ рыболововъ—23 р. 16 ал. 4 д. съ сохи [8]); въ томъ-же году, въ томъ-же уѣздѣ, съ земли Ѳедорова монастыря—20 рублей съ сохи [9]). Но съ 80-хъ годовъ окладъ, видимо, уже вообще устанавливается и дѣлается однообразнымъ. Кромѣ ямскихъ денегъ населеніе платило еще и какія-то „приметныя" деньги, ко-

---

[1]) Лаппо-Данилевскій, ц. с., стр. 15, видимо, считаетъ, что ямъ и ямскія деньги—два параллельныхъ сбора. Противъ этого возражалъ уже Милюковъ, Спор. воп., стр. 22.

[2]) Ар. М. Юст. Бѣлоз. у. 814 и 823 (цитир. по Милюк., ц. с., 23, пр. 5).

[3]) Писц. кн. Новг. 1582 г. Вр. О. И. Д. Р., кн. 6, стр. 47.

[4]) А. И. I, 147 (1557 г.).

[5]) Писц. кн. Новг. 1582 г., Вр. О. И. Д. Р. кн. 6, стр. 50 „Какъ коли въ которомъ г. Государь укажетъ" встрѣчаемъ еще въ 1592 г. Одинаково и за городовое дѣло за засѣчное и за ямчужное, Оп. Щук. Музея. т. V, стр. 5.

[6]) Д. А. И. I, 94.

[7]) Акты гражд. распр., изд. Ѳедотова-Чеховскаго, 1, 97. стр. 304.

[8]) А. Э., I, 341.

[9]) А. Ю., 209, V.

торыя, начиная съ того времени, какъ мы о нихъ узнаемъ, и долго впослѣдствіи присоединялись къ ямскимъ. Что это былъ за сборъ? Попытку отвѣтить на поставленый вопросъ мы встрѣчаемъ у Лаппо-Данилевскаго. По его предположенію, это нѣчто вродѣ „добавочныхъ сантимовъ", т. е. накладныхъ сборовъ. [1]) Намъ кажется, что разгадку слѣдовало-бы искать въ тѣхъ немногихъ актахъ, которые говорятъ о ямскихъ деньгахъ и „примѣтяхъ туковыхъ". [2]) Туковый сборъ, хотя и онъ также не обслѣдованъ точно, являлся сборомъ съ лошадей и рогатаго скота или только съ лошадей. Возможно, что собираемый сначала тѣми-же сборщиками, какъ и ямскія деньги (а, можетъ быть, этотъ сборъ имѣлъ и болѣе близкое отношеніе собственно къ ямскому дѣлу: напримѣръ, могъ быть сборомъ за прокормъ лошадей во время ихъ нахожденія на яму), онъ скоро потерялъ первоначальное значеніе и сохранивъ лишь названіе, слился съ ямскимъ сборомъ. [3])

Каждый ямъ состоялъ непремѣнно изъ ямского двора, станціи, гдѣ содержались выставленныя населеніемъ подводы и откуда отправлялись гонцы. Внѣшній видъ ямского двора въ общемъ одинъ и тотъ-же на протяженіи всей исторіи ямской гоньбы Это – совокупность нѣсколькихъ избъ, сѣнниковъ и конюшенъ, обнесенныхъ заборомъ или огороженныхъ плетнемъ. Подробно описаны ямы Ергольскій (на Бѣлоозерѣ) въ 1512 г. и Селецкій (на Дмитровской дорогѣ). Въ 1510 г. Ергольскій ямской дворъ состоялъ изъ двухъ избъ 3 саж. межъ угловъ, двухъ сѣнниковъ на подклѣтяхъ межъ угловъ по $2^1/_2$ саж. и конюшни 4 саж. межъ угловъ, выстроенной промежду сѣнниковъ. [4]) Селецкій ямъ отли-

---

[1]) Лаппо-Данилевскій, ц. с., стр. 376, прим. 5.

[2]) Напримѣръ, Лѣтоп. Занят. Археогр. Комис. т. III, стр. 24., гдѣ читаемъ въ грамотѣ Спасокаменскому монастырю отъ 1545 г. „ни примѣтни туковые". О туковыхъ деньгахъ А. И. I, 132, 178.

[3]) Рожковъ, Сельское хоз. Моск. Руси въ 16 в., М. 1899 г., стр 223 и сл., вопреки приведеннымъ выше указаніямъ на отсутствіе въ этомъ періодѣ опредѣленнаго оклада ямскихъ денегъ, попытался всетаки найти его, взявъ въ среднемъ 720 д. на монастырскую соху и 638, 4 д. на соху въ 800 четвертей. Приведенныя имъ (извлеченныя изъ архивныхъ документовъ) данныя подтверждаютъ только, что опредѣленнаго оклада въ это время еще не было.

[4]) А. Э. I, 156.

чался только тѣмъ, что былъ крытъ не тесомъ, а лубомъ и драницами. [1]) Дворъ занималъ довольно значительный участокъ земли, въ 1/4, а иногда и въ 1/2 современной десятины. [2]) Такой-же внѣшній видъ имѣли и новгородскіе пріѣзжіе ямскіе дворы въ 1586 г., съ той лишь разницей, что при каждомъ изъ нихъ мы видимъ еще по погребу и по леднику, а также и коломенскій ямской дворъ въ 1629 г. [3]) Къ яму иногда нарѣзывалась земля; часть—подъ пашню часть подъ сѣнокосъ. Впослѣдствіи это сдѣлалось общей практикой, но первоначально ямы не имѣли земли, и надѣленіе ихъ землей, начавшееся, вѣроятно, съ конца 15 вѣка шло постепенно, по мѣрѣ того какъ выяснялась необезпеченность ямовъ, у которыхъ не было своей земли. Такъ, мы знаемъ, что уже въ 1500 г. ямщики яма на Назьѣ (Лопскаго Егорьевскаго погоста) имѣли землю, которую получили, во всякомъ случаѣ, послѣ 1480 г., такъ какъ въ переписной окладной книгѣ приводится перечень, „стараго дохода", шедшаго съ деревни, отданной ямщикамъ. [4]) Ямщики Ергольскаго яма получили землю только около 1512 г., хотя ямъ существовалъ и раньше: въ означенномъ году ямскія строенья показаны сгнившими и пришедшими въ ветхость. [5]) Селецкій ямъ, который существовалъ еще до 1510 г., получилъ землю только въ этомъ году. [6]) Важно тутъ-же указать, что, напримѣръ, Угличскій ямъ не имѣлъ своей земли еще при Дмитріи Іоанновичѣ, когда онъ былъ на Угличѣ, на удѣлѣ. [7]) Нѣкоторые ямы, вмѣсто земли, получали деревни, доходъ съ которыхъ шелъ ямщикамъ. Такъ, деревни имѣли въ 1500 г. ямы Корель

---

[1]) А. Юр. Кал., II, 181.

[2]) А. Юр. Кал. II, 181. Вельяминовъ-Зерновъ, Изслѣд. о Касимов. царяхъ и царевич., т. III, стр. 66; Ар. М. Ю. Переп. кн. ям. слоб., № 265, л. 212, л. 276 и др

[3]) Им. Пуб. Биб. Q. I V, 263 л. 8, Ар. Мин. Юст. кн. ям. пер., № 265, л. 442.

[4]) Вр. О. И Д. Р., кн. 11, стр. 260. По мнѣнію архим. Сергія (Тихомирова), Новгород. у. Вотск. пятины по писц. кн. 1500 г., Чт. О. И. Д. Р., 1899, кн. 4, стр. 2, старое письмо, о которомъ говоритъ книга 1500 г., настолько недавнее, что едва-ли разстояніе между письмомъ и книгой можно растягивать даже на 20 лѣтъ.

[5]) А. Э. I, 156.

[6]) Юр. Кал., II, 181.

[7]) Угличск. Писц. кн., изд. проф. Липинскаго, стр. 150.

скій, Палкигорскій, Святоозерскій. [1]) Ямщики жили или въ своихъ родныхъ деревняхъ, или на ямскихъ земляхъ [2]) или на посадѣ. [3]) Отдѣлялась земля, смотря по обстоятельствамъ, въ большемъ или меньшемъ количествѣ. Величина надѣла, видимо, не стояла въ зависимости отъ значенія яма; можно думать, однако, что въ теченіи каждаго даннаго времени существовало стремленіе практики установить какую-либо одну общую норму. Такъ, напримѣръ, Ергольскій и Селецкій ямы, которые надѣлялись землей приблизительно одновременно, получили каждый по 20 четвертей въ полѣ да на 60 копенъ сѣна. Изъ другихъ надѣловъ укажемъ: ямъ на Назьѣ имѣлъ въ 1500 г. соху безъ трети, ямъ Раецкій имѣлъ въ 1539 г. соху съ третью; тотъ-же надѣлъ показанъ за нимъ и въ 1552 г. [4]) Такъ какъ не всѣ ямы, видимо, имѣли по первому началу земли, такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, жалованья ямщики такъ-же не получали, то слѣдуетъ, кажется думать, что они получали какія-либо средства отъ населенія. Какія и въ какой формѣ - указаній нигдѣ найти не удалось. Судя по позднѣйшему— въ формѣ подмоги. О томъ, каково было юридическое отношеніе ямщиковъ къ ямской землѣ, мы также можемъ только догадываться, такъ какъ прямыхъ указаній для даннаго періода не удалось найти. Хотя въ источникахъ иногда встрѣчается обозначеніе ямской земли ямщиковой, землею за ямщики, но едва-ли можно сомнѣваться, что земля давалась не ямщикамъ, а яму. Ямщики пользовались какъ землей, такъ и доходами съ приданныхъ къ яму деревень лишь во имя своей службы и пока несли эту службу. Другими словами: доходъ съ ямской земли и ямскихъ деревень шелъ ямщикамъ вмѣсто жалованья, котораго они въ данномъ періодѣ, какъ покажемъ это дальше, еще не получали. Но такъ какъ съ очень ранняго времени ямщики, вѣроятно, передавали свою службу, а, слѣдовательно, и права по ней отъ отца къ сыну, [5])

---

1) Вр. О. И. Д. Р., кн. 12, стр. 11, 36-37, 87.

2) Вр. О. И. Д. Р., кн. 11, стр. 260; А. Э. I, 180; Писц. кн. Новг., IV, стр. 502.

3) Вр. О. И. Д. Р., кн. 12, стр. 3, Угл. Писц. кн., стр. 150.

4) Вр. О. И. Д. Р. кн., 11, стр. 260, Писц. кн. Новг., IV, стр. 502 и 549.

5) Корельскіе ямщики два брата Фомины были дѣтьми ямщика — Вр. О. И. Д. Р., кн. 12, по сравн. стр. 11 и 3; Раецкій ямщикъ Ондрейко Васюковъ

то естественно въ глазахъ всѣхъ, въ томъ числѣ и писцовъ, право пользованія землей, какъ фондомъ даннаго яма, отождествлялось съ правомъ наслѣдственной собственности. И вотъ мы читаемъ: въ 1539 г. за ямщики за Раетцкими 4 обжи, что имъ дано подъ ямъ, а въ 1552 г.—за ямщики 4 обжи, пашутъ на себя сами ямщики, т. е. уже безъ упоминанія, что земля дана подъ ямъ [1]). Ямскія земли освобож-

---

сынъ, показанный въ 1552 г. (Новг. Писц. кн. IV, стр. 549), былъ, видимо, сынъ ямщика Васюка, показаннаго въ 1534 г. (Новг. Писц. кн. IV, стр. 502). Впрочемъ, объ этомъ говорилось уже выше.

[1]) Такъ какъ изслѣдователи обыкновенно говорятъ о ямскомъ строѣ, не дѣлая различія между тѣми особенностями, какія представлялъ этотъ строй въ разные періоды своей исторіи, то опредѣлить воззрѣніе писателей на данный вопросъ по отношенію къ періоду до конца первой половины 16 вѣка представляется весьма затруднительнымъ. Можно, впрочемъ, прослѣдить, что Бѣляевъ, Лекц. по ист. рус. законод., изд. 79 г., стр. 315, еще во время татарскаго владычества предполагалъ существованіе особыхъ ямскихъ слободъ. Слободы эти, какъ и вообще всѣ слободы, онъ характеризовалъ, какъ села, освобождавшіяся отъ общей раскладки податей и повинностей. Слободы, согласно Бѣляеву, заселялись не земледѣльцами, а разными промышленниками: рыболовами, бобровниками, ямщиками, псарями и т. д. Не говоря уже о томъ что въ документахъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ существованія ямскихъ слободъ до середины 16 вѣка, мы не можемъ, въ виду уже указанныхъ причинъ, принять и взглядъ Бѣляева на ямщиковъ, какъ на лицъ, несшихъ вмѣсто податей и повинностей обязанности по спеціальному промыслу. Ямщики были должностными лицами и несли службу въ прямомъ смыслѣ этого слова. Въ статьѣ о Поземельн. влад., Вр. О. И. Д. Р., кн. 11, стр. 38—39, Бѣляевъ считаетъ слободы одной изъ частей городского поселенія. Выраженіе, впрочемъ, не ясно: „собственно городская земля въ каждомъ городѣ Московскаго государства по населенію своему состояла изъ трехъ частей: собственно города или крѣпости, посада и слободъ." Что значитъ „городская земля по населенію своему"? Г. Соколовскій, Эконом. бытъ земледѣльч. насел. Россіи, изд. 78 г., стр. 11, утверждаетъ, что ямщики составляли особенный, довольно многочисленный разрядъ населенія, увеличившійся къ концу XVI столѣтія, когда натуральная ямская повинность стала замѣняться сборомъ ямскихъ денегъ. Въ Новгородской землѣ, на основаніи старыхъ переписныхъ книгъ, г. Соколовскій опредѣлялъ ямы, какъ поселки населенные жителями, занимавшимися ямской гоньбой и земледѣліемъ. Очеркъ ист. сельск. общ. на сѣверѣ Россіи, стр. 58. Авторъ не видитъ никакого различія между ямщиками до конца первой половины 16 вѣка и ямскими охотниками, какъ населеніемъ ямскихъ слободъ. Idid., стр. 42. Тѣмъ не менѣе, авторъ не рѣшился причислить ямщиковъ къ непашеннымъ торговымъ и промышленнымъ людямъ, населявшимъ слободы (стр. 59), какъ

дались отъ всякихъ сборовъ и повинностей. Это отчетливо видно изъ старой Новгородской окладной книги. Напримѣръ, за ямщиками яма на Назьѣ было земли соха безъ трети, „а стараго дохода шло денегъ пять гривенъ, баранъ, куря, десять локотъ полотна, да попона, пятокъ лну, три остромка сѣна, а изъ хлѣба четверть; а ключнику три четверти ржи, три четверти ячмени. А нынѣ пашутъ ямщики". [1])

Право пользоваться ямскими подводами опредѣлялось съ самаго начала особыми грамотами, называвшимися подорожными. Подорожныя существовали еще до учрежденія ямской гоньбы, являясь для предъявителей ихъ доказательствомъ, что поѣздка совершается не по личнымъ дѣламъ, [2]) а по указу князя. Такъ, уже въ 1470 г. кн. Юрій Дмитровскій запрещаетъ брать подводы, кормъ и проводниковъ съ Инобожескихъ селъ Троицкаго монастыря, „опроче кто погонитъ съ моей грамотой съ подорожной". [3]) Насколько можно судить по сохранившимся до насъ подорожнымъ конца 15 и начала 16 вѣковъ, при каждой поѣздкѣ давалась только одна подорожная, несмотря на то, что путь часто былъ очень сложенъ и иногда проходилъ черезъ земли, гдѣ не было ямской гоньбы. Нельзя не отмѣтить также, что первыя извѣстныя намъ подорожныя въ цѣломъ рядѣ частностей расходятся съ текстомъ подорожныхъ, какъ онъ опредѣлился къ концу первой четверти 16 вѣка. Это-же ведетъ къ заключенію, что текстъ подорожныхъ имѣетъ свою исторію: до конца 15 вѣка онъ варьируется, съ этого времени начинаетъ

это сдѣлалъ Бѣляевъ. Ильинскій, Городск. насел. новгородск. области въ 16 вѣкѣ, Ж. М. Н. П. 1876 г., т. 185, стр. 242, говоря о новгородскихъ ямахъ, также называетъ ихъ слободами, но осторожно оговаривается, что, вѣроятно, самое учрежденіе ихъ относится къ московскому періоду. Кромѣ того, въ отличіе отъ Бѣляева, Ильинскій общимъ признакомъ слободъ считаетъ спеціализацію занятій ихъ жителей, безъ различія какого рода эти занятія—промышленнаго или не промышленнаго. Владим. - Будановъ, Обзоръ, стр. 193, полагаетъ, что ямскія слободы появились вмѣстѣ съ ямской гоньбой и что ямщики обязательно набирались со всего населенія.

[1]) Вр. О. И. Д. кн. 11, стр. 260.

[2]) Поѣздка „своими дѣлами" должна была вестись на собственный счетъ. Напр. А. Э. I, 81.

[3]) А. Э. I, 86. Извѣстна и подорожная митрополита Филиппа А. И. I, 79.

стремиться къ однообразной формѣ которую однако, получаетъ не раньше самаго конца разсматриваемаго періода.

Первыя подорожныя или очень кратки или очень подробны, въ зависимости отъ сложности или несложности опредѣляемаго ими пути. Такъ, подорожная Кулпѣ Оксентьеву отъ 1489 г. гласитъ: „отъ великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи отъ Москвы по дорозѣ по нашимъ землямъ, по Московской землѣ и по Тферской землѣ до Торжку по ямомъ ямщикомъ да и въ Торжокъ старостамъ, а отъ Торжку по Новгородской землѣ до Великаго Новагорода по ямомъ ямщикомъ, также и назадъ отъ Новагорода до Москвы. Послалъ есмы съ Юріемъ съ Грекомъ въ нѣмцы Кулпу Оксентьева и вы бы ему давали по двѣ подводы до подводъ отъ яму до яму, по сей моей грамотѣ. Лѣта 97.“ (¹) Въ подорожной отъ 1490 г. прибавлено еще указаніе на количество слѣдуемаго ѣдущимъ корма. ²) Подорожная отъ 1493 г., выданная подъячему Елкѣ, болѣе подробна: „Отъ великаго князя Ивана Васильевича всея Руси. Отъ Москвы по дорогѣ, по нашимъ землямъ, по Московской землѣ и по Тферской землѣ до Тфери, по ямомъ ямщикомъ. Послалъ еси съ мазовецкимъ посломъ съ Иваномъ въ приставѣхъ Елку подъячаго: и вы бы Елкѣ давали на посла по семи подводъ отъ яму до яму, а ему по двѣ подводы; а кормъ бы есте давали ему на яму (перечень). А отъ Тфери Тферцею рѣкою всѣмъ людемъ безъ омѣны до Торжку, а въ Торжокъ старостѣ и всѣмъ городнымъ людемъ, а отъ Торжку до Волочка, а на Волочокъ старостѣ и всѣмъ хрестьянамъ, а отъ Волочка Мстою рѣкою до Великаго Новогорода всѣмъ людемъ, чей бы хто ни былъ, чтобы есте ему давали судно и гребци и кръмника. А гдѣ имъ прилучится стати, и вы бы имъ давали кормъ на стану, по сей грамотѣ. А отъ Новогорода по Новогородской землѣ и до Пскова, по ямомъ ямщикомъ

¹) П. Дипл. Снош. I. стр. 23. Кстати замѣтимъ, что эта подорожная—древнѣйшая изъ намъ извѣстныхъ. Еще недавно со словъ Бржозовскаго, ц. с., стр. 351, указывалось, что древнѣйшая подорожная - 1493 г. Напримѣръ, въ энциклоп. слов. Брокгауза, пол. 48, стр. 800. Подорожную 1489 г. зналъ еще Лешковъ, ц. с. стр. 319.

²) П. Дипл. Снош. I, стр. 48. Тоже въ подорожной 1493 г. Зезевитову. П. Д. Сн., I, стр. 113.

и всѣмъ людемъ безъ омѣны чей хто нибуди, чтобы есте давали Елкѣ подъячему на посла на Мазовецкаго по семи подводъ да кормъ по тому-жъ по сей грамотѣ да ему по двѣ подводы; а гдѣ имъ будетъ надобѣ судно, и вы бы имъ давали судно и гребца. А какъ пойдетъ Елка назадъ изъ Пскова, и вы бы ему давали по двѣ подводы отъ яму до яму и до Москвы по сей моей грамотѣ". [1]) Эта подорожная интересна не только тѣмъ, что въ ней подробнѣе, чѣмъ въ другихъ, описанъ путь, но и тѣмъ еще, что тутъ мы встрѣчаемъ предписаніе давать подводы не однимъ ямщикамъ, но и всѣмъ людямъ вообще „безъ омѣны, чей хто ни буди". Какъ ясно изъ приведеннаго текста, выраженіе это имѣло въ виду лишь мѣстности, не имѣвшія ямской гоньбы и правильнаго ямского строя. Но уже въ 1504 г. въ подорожной Сели толмача выраженіе „чей хто нибуди" можетъ быть понимаемо, какъ предписаніе всѣмъ и каждому приходить ямщикамъ на помощь, если того потребуютъ обстоятельства. [2]) Въ такомъ смыслѣ, видимо, практика, и понимала это выраженіе, что приводило, напримѣръ, къ тому что, ямщики нерѣдко брали лошадей у крестьянъ на торгу. [3]) Начиная со второй половины 16 вѣка, какъ попытка ограничить возможныя въ силу подобнаго смысла этихъ словъ злоупотребленія, явилась болѣе точная редакція: „по ямомъ ямщикомъ, а гдѣ ямовъ нѣтъ, всѣмъ людемъ безъ омѣны, чей хто ни буди". [4]) Въ уже цитированной подорожной отъ 1504 г. встрѣчаемъ еще одну новую часть текста указаніе, чтобы подводы давались немедленно, не издержавъ ни часу. Съ тѣхъ поръ это указаніе входитъ въ текстъ подорожныхъ, какъ обязательная часть. [5]) Такимъ образомъ,

---

[1]) Сб. Ист. Общ., т. 35 стр. 93.

[2]) П. Д. Сн. I, стр. 124.

[3]) Напр. А. Э. I, 206, 1,2.

[4]) Особенно отчетливо можно прослѣдить это на большой пачкѣ подорожныхъ (больше ста) отъ 1606—1626 гг. въ Ар. М. Н. Д. П. Д. С. Л. № 1, 1606 г.

[5]) Это мы находимъ и въ другой подорожной того-же года, въ Сб. Ист. Общ., т. XLI, стр. 511, а затѣмъ на всемъ протяженіи—Чт. О. И. Д., кн. 47—48, 4, А. Ю. 364, Симбирск. Сборн., стр. 65, №№ 22 и, 23, А. Юр. Кал., II, 248,249, Вр. О. И. Д., т. 25, Опис. Щукинск. музея т. I, стр. 20,23,24, Шуйск. Акты, изд. Гарелина, № 200, Лѣтоп. занят Арх. Ком., т. V, стр. 91, 141,166 и т. д.

постепенно текстъ подорожныхъ сложился изъ слѣдующихъ частей: титула, точнаго опредѣленія маршрута (болѣе подробнаго или менѣе подробнаго, смотря по обстоятельствамъ), указанія на обязательность подорожной для всѣхъ попутныхъ ямщиковъ, а тамъ, гдѣ ямовъ нѣтъ, для всего населенія, имени и званія предъявителя подорожной, иногда и указанія причины, по которой данное лицо послано, обозначенія количества подводъ и проводниковъ или судовъ, кормщиковъ и гребцовъ, наконецъ, даты, подписи, печати и скрѣпы. Подорожныя писались обыкновенно на одномъ листѣ, къ которому внизу на отгибѣ прикладывалась черновосковая печать. Для разсматриваемаго періода намъ не удалось найти ни одной подорожной, выданной не въ Москвѣ, но, вѣроятно, подорожныя и тогда уже выдавались на городахъ. Хотя въ подорожныхъ гонцовъ, которыхъ отправляли изъ Москвы, обозначался и обратный путь, но трудно предположить, чтобы изъ городовъ къ Москвѣ никогда не посылались гонцы. Для 1589 г. имѣемъ уже прямое указаніе: „и онъ бы, князь Нохтевъ, посылалъ тѣ отписки съ тѣми гонцы, которые отъ тебя князя Григорья къ намъ погонятъ и подорожныхъ бы отъ себя не писалъ князь Иванъ мимо тебя большово князя Григорья“. [1]) Это мѣсто, между прочимъ, показываетъ, какую важность придавали въ Москвѣ праву воеводъ выдавать подорожныя: этимъ правомъ могъ пользоваться только большій воевода.

Вмѣстѣ съ подорожной, по крайнемъ мѣрѣ, въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, гонцу давались и грамоты къ властямъ всѣхъ тѣхъ земель и городовъ, гдѣ должна была быть или перемѣна способа передвиженія, или гдѣ вмѣсто ямскихъ подводъ слѣдовало брать мірскія, словомъ, разъ являлось предположеніе, что возможна задержка Такъ, при отправленіи Юрія Грека съ Кулпой дается, кромѣ подорожной, грамота къ новгородскимъ намѣстникамъ; при отправленіи подъячаго Елки, кромѣ подорожной, даются грамоты въ Тверь къ князю Василію, въ Новгородъ намѣстникамъ, въ Псковъ - князю Шуйскому, въ Псковъ-же посадникамъ

---

[1]) Счетн. дѣло кн. Трубецк. съ кн. Андр. Голицин. во Вр, О. И. Д., т. 14.

и всему Пскову и т. д [1]) Этими грамотами достаточно опредѣляется непосредственная зависимость ямщиковъ отъ намѣстничьяго управленія, такъ какъ обязанность принять и отпустить посла или гонца возлагалась всецѣло на послѣднее, и ямщики являлись лишь исполнительнымъ органомъ.

Подчиненные на мѣстахъ намѣстничьему управленію ямщики, кромѣ того, какъ можно думать, съ самаго начала были подчинены и центральному ямскому органу, находившемуся въ Москвѣ. Всѣ свѣдѣнія ведутъ насъ къ тому, что первоначально управленіе ямскимъ дѣломъ сосредоточивалось въ рукахъ казначея и состоявшихъ при немъ ямскихъ дьяковъ Такъ, уже въ 1490 г упоминается ямской дьякъ Тимофей Моклоковъ. [2]) Этотъ Моклоковъ былъ ямскимъ дьякомъ еще въ 1503 г., когда у него было писано о корму посламъ литовскимъ, нѣмецкимъ и угорскимъ [3]) и когда онъ отпускалъ пристава, поѣхавшаго изъ Москвы съ посольствомъ къ Менгли-Гирею. Въ 1504 г. Моклоковъ давалъ запись и грамоту о подводахъ и кормѣ толмачу Коняю. [4]) Но этотъ-же Моклоковъ вмѣстѣ съ дьякомъ Данилой Мамыревымъ упоминается и въ духовномъ завѣщаніи Іоанна III, какъ дьякъ при „казнѣ“, при казначеѣ Дмитріѣ Володиміровичѣ и печатникѣ Юріѣ Грекѣ. [5]) Былъ-ли онъ и тогда ямскимъ дьякомъ? Судя по тому, что ямскимъ дьякомъ былъ и Данило Мамыревъ, другой дьякъ при казначеѣ, Моклоковъ былъ ямскимъ дьякомъ и въ 1505 г. По однимъ даннымъ Моклоковъ былъ ямскимъ дьякомъ еще въ 1512 г., но, вѣроятно, мы имѣемъ тутъ дѣло съ ошибкой [6]). Данило

---

[1]) П. Д. Сн. стр. 23—24, Сб. Ист. Общ., т. XXXV, стр. 93—95.

[2]) Записн. кн. акт., явлен. Д. Алябьеву, изд. Лаппо-Данилевскаго № 353.

[3]) Сб. Ист. Общ., т. XXXV, стр. 410.

[4]) Сб. Ист. Общ. т. XLI, стр. 453 и 455.

[5]) Г. Г. Д., I, 144.

[6]) Записн. кн. акт. явл. Д. Алябьеву, №№ 315, 346. Нельзя не обратить вниманія на нѣкоторыя неисправности подлинника, съ котораго изданы эти акты. Такъ, ямской новгородскій дьякъ Курцевъ въ одномъ мѣстѣ названъ Кушникъ, а въ другомъ Ѳуникъ (230 и 226); Чюдинъ Митрофановъ показанъ подъ 1527 г., (№ 230), что едва-ли вѣрно, такъ какъ въ 1548 г. онъ былъ въ Москвѣ (Акты Юшкова № 163), а въ Новгородѣ былъ только въ 1550 г., что видно изъ Д. А. И. I. 104;

Мамыревъ. какъ извѣстно, писалъ духовное завѣщаніе великаго князя. [1]) Ему-же великій князь давалъ на храненіе многіе документы; [2]) ему—какъ дьяку при „казнѣ", которая несомнѣнно служила въ то время и великокняжескимъ архивомъ. [3]) Вмѣстѣ съ казначеемъ Мамыревъ принималъ участье и въ переговорахъ съ послами. [4]) Онъ же отпускалъ и посланнаго княземъ въ Литву дьяка съ двумя подъячими [5]) Между 1499—1502 годами упоминается о ямскомъ дьякѣ Алексѣѣ (Олексѣйко, Алексѣецъ) Лукинѣ Жерцовѣ, то называемомъ подъячимъ, то ямскимъ, то ямскимъ дьякомъ Въ 1499 г. онъ состоитъ при приставѣ у кафинскаго посла, въ 1500 г. онъ—въ свитѣ московскаго посольства, отправленнаго въ Кафу, въ 1501 г. онъ приставъ при кафинскомъ послѣ. [6]) Ямскіе дьяки, какъ мы уже говорили, писали при Іоаннѣ III и послѣ него, согласно завѣщанію великаго князя, полныя и докладныя грамоты на Москвѣ. [7]) Благодаря этимъ

Коротень Васильевъ сынъ Путиловъ (№ 102) названъ въ другомъ мѣстѣ Тупиковымъ (№ 512) Александръ Ивановъ сынъ Хлуденевъ въ № 350 показанъ подъ 7097 г., что прямо противорѣчитъ тексту грамоты, гдѣ говорится о великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ; Долматъ Леонтьевъ Неклюдовъ (224) названъ въ другомъ мѣстѣ Нелюбовымъ (232) и т. д.

[1]) Г, Г. Д.; I, стр. 400.

[2]) Сб. Ист. Общ. т. XXXV, стр. 227, 303, 308, 310, 437, 445.

[3]) На роль казны, какъ архива, достаточно обратилъ вниманіе уже Ключевскій, Боярск. дума изд. 2-ое, стр. 172—173. Мысль эта разработана въ подробностяхъ Лихачевымъ, Разрядн. дьяки, стр. 41—46.

[4]) Сб. Ист. Общ., т. XXXV, стр. 284—288. Объ участіи казначея въ посольскихъ дѣлахъ см. Ключевскій, Боярск. дума, изд. 2-ое стр. 172. Прямыя указанія на это находимъ уже въ 1491 г. въ Пам. Дипл. Сн., I, стр. 66. Особенно много свидѣтельствъ объ участіи казначея Іоанна III Дмитрія Володиміровича въ Сб. Ист. Общ. т. XXXV, стр. 75, 114—117, 123, 124, 148—151, 154, 269, 270, 273 и т. д.

[5]) Сб. Ист. Общ., т. XXXV, стр. 440.

[6]) Сб. Ист. Общ., т. XLI, стр. 284, 292, 395, 397, 404.

[7]) Г. Г. Д., I, 144. Твердыхъ данныхъ для разъясненія этого темнаго, но, во всякомъ случаѣ, интереснаго вопроса мы не имѣемъ. Лихачевъ, впервые поставившій вопросъ, какъ уже приходилось говорить, видѣлъ тутъ личный приказъ. Авторъ исходилъ изъ соображенія, что писать полныя и докладныя было поручено ямскимъ дьякамъ въ виду бездоходности ихъ основного дѣла, т. е. ямского (Ц. с.. стр. 51) Для насъ въ разбираемомъ мѣстѣ завѣщанія Іоанна III одно вполнѣ ясно: наказывая, чтобы полныя и докладныя писалъ ямской дьякъ сына Василія, великій князь преслѣдовалъ все ту-же цѣль возвышенія старшаго

грамотамъ, мы узнаемъ о цѣломъ рядѣ ямскихъ дьяковъ между 1510—1550 г.г. Узнаемъ изъ тѣхъ-же грамотъ, что были особые ямскіе дьяки въ Москвѣ и особые въ Новгородѣ [1]). Одно мѣсто лѣтописи указываетъ намъ, что были особые ямскіе дьяки въ Псковѣ. На это обратилъ вниманіе еще Никитскій: „да во Псковѣ-же велѣлъ (въ 1510 г.) быти дьяку Мисюре Мунехину, вѣдати и приказные дѣла, а въ ямскихъ дьякахъ велѣлъ быти О. М. сыну Волосатаго, писати ему полные грамоты и докладные“ [2]). Объ обязанностяхъ ямскихъ

своего сына надъ остальными князьями. Во первыхъ, отъ полныхъ великій князь, какъ извѣстно, получалъ доходъ (брали таможники великаго князя), во вторыхъ самый актъ отчужденія вольнаго человѣка въ полницу долженъ былъ почитаться актомъ большого значенія. Основываясь отчасти на этомъ, отчасти на предположеніи, что лучшимъ способомъ контроля надъ намѣстниками являлась такая практика, при которой съ намѣстниками были бы при дѣлахъ и дьяки великаго князя, присоединяя затѣмъ къ этому тотъ фактъ, что ямскіе дьяки, какъ дьяки при казначеяхъ, были особенно близки къ великому князю, мы рѣшаемся предположить, что порученіе ямскимъ дьякамъ писать полныя и докладныя прозошло изъ желанія великаго князя, чтобы съ намѣстниками были ос бо довѣренные дьяки. А такъ какъ полные писались съ доклада намѣстникамъ, то отсюда и опредѣлилась практика, по которой полныя писались именно ямскими дьяками. О томъ, что ямскіе дьяки были съ намѣстниками, мы знаемъ не только по Новгороду и Пскову, но и по Москвѣ; напримѣръ, въ 1516 году „того-же году намѣстники были трети Московскіе что давали полные и докладные Василій Семеновичъ Плотовъ-Даниловъ да князь Иванъ Васильевичъ Ромодановскій-Телеляшъ, а дьяки ямскіе тогда были и полные подписывали Данило Клобуковъ да Юрья Лелечинъ“. (Цит. по Лихачеву, ц. с., стр. 51). Во всякомъ случаѣ, намъ представляется, что разрѣшеніе загадки предстоитъ искать не столько въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи вопроса о ямскихъ дьякахъ, сколько въ изслѣдованіи вопроса о намѣстникахъ и объ отношеніи къ нимъ великаго князя Іоанна III.

[1]) Въ Москвѣ были ямскими дьяками: Ѳеоня Семеновъ Моклоковъ, между 1511 и 1512г.г., при ямскомъ при немъ Вересщагѣ (Акты, явл. Аляб., №№ 347, 509, 511), Иванъ Клобуковъ, около 1531 г. (№ 329; о немъ-же А. Э. I, 249, А. И. I, 165—для 1556 г.). Въ Новгородѣ были ямскими дьяками Чернецъ Гавриловъ сынъ Паюсовъ между 1489 г. и 1511(?). Ар. ист.-юр. св. Калачева, II, 1, Акты Лакіера, стр. 34, № 4, 5, 7, Акты, явл. Алябьеву, №№ 163, 533, 534, 302 и 63; Булгакъ Васильевъ сынъ Вокшеринъ — между 1494 и 1509. Ар. ист.-юр. св. Калачева, II, 1, Акты Лакіера. стр. 31, №№ 1, 2, Акты, явл. Д. Алябьеву, №№ 62, 164, 337, 357, 358, 375; Ѳедоръ Михайловъ Колачевъ (№№ 537, 538) между 1515 и 1516 г.г., Григорій Шонуръ Яковлевъ около 1525 г. (№№ 227, 228) и т. д.

[2]) Цитируемъ по Очерку вн. ист. Пскова, Никитскаго стр. 304,

дьяковъ разсказывается достаточно опредѣленно и подъ 1536 г.: „а кормъ ему (послу) велѣно давати съ яму изъ двор ца своего (а писанъ кормъ у дьяковъ, которые ямы вѣдаютъ) а кормъ давалъ подъячій Матѳѣй Казаковъ“ [1]) Подъ тѣмъ-же годомъ и другое указаніе: „а кормъ посломъ дорожный и что имъ на Москвѣ давали писанъ у казначея да у дьяковъ, которые дороги ямскіе вѣдаютъ, Василія Рахманова да Тимоѳея Казакова“. [2])

Уже изъ того, что приведено, видно, что ямскіе дьяки состояли при казначеяхъ и по отношенію къ ямскому дѣлу имѣли извѣстное касательство къ казначеямъ. Но вспомнимъ уже не разъ цитированную грамоту Ергольскимъ ямщикамъ: ходатайствуя о починкѣ ямского двора, ямщики сказывали на Москвѣ казначею Юрію Дмитріевичу (Малому). Въ цитированной грамотѣ на Тотьму ямщиковъ утверждали и деньги имъ на ямской расходъ давали казначеи и ямскіе дьяки. Наконецъ, въ одной грамотѣ отъ 1532 г. ярославскимъ и романовскимъ ямщикамъ читаемъ: „били челомъ изъ Ярославля Спаской архиман дритъ Іона съ братью, а сказываютъ, что де вы въ ихъ селѣхъ и въ деревняхъ и въ Ярославлѣ на посадѣ у крестьянъ, которые живутъ на ихъ мѣстѣхъ на Спаскихъ, емлете подводы на ямъ, и въ архимандричье мѣсто передъ нашимъ печатникомъ передъ Иваномъ Ивановичемъ Третьяковымъ мою грамоту жалованную ихъ слуга положилъ“. Какъ извѣстно Иванъ Ивановичъ Третьяковъ былъ казначеемъ съ 7034 по 7052 г.г. [3])

Изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ, что ямскіе дьяки, съ одной стороны, вѣдали ямы, а, съ другой, употреблялись при сношеніяхъ съ послами и вообще въ посольскихъ дѣлахъ. Ямскіе дьяки состояли при казначеяхъ, которые, сверхъ

прим. 3. Дьяка Волосатаго встрѣчаемъ въ Псковѣ еще въ 1526 г., Акты Лакіера, № 3.

[1]) Сб. Ист. Общ., т. LIX, стр. 43.

[2]) Ibid, стр. 64. Ср. также подъ 1543 г. въ Сб. Ист. Общ., т. LIX стр. 206 и 214. Казначей Ив. Ив. Третьяковъ и дьяки, которые ямы вѣдаютъ, распоряжаются о кормѣ для пословъ.

[3]) А. Э. I, 156 и Чт. О. И. Д. 1898 г. 4, стр. 140 141. (Акты, Юшкова), А. Спас. Мон. I, IX. О казначеѣ И. И. Третьяковѣ, см. Вивліоѳ., т. XX, стр. 23—32.

другихъ своихъ обязанностей [1]), принимали участье въ посольскихъ дѣлахъ и, видимо, также имѣли прямое отношеніе къ ямамъ. Выше намъ уже приходилось указывать на тѣсную связь ямского дѣла съ политическими задачами Москвы, съ дипломатическими сношеніями по преимуществу. Изъ цѣлаго ряда актовъ мы видимъ, что, начиная съ Іоанна III, повинностямъ населенія, связаннымъ съ ямскимъ дѣломъ, придается особое значеніе. Такъ, Іоаннъ III, освобождая жалованными грамотами отъ яма или отъ обязанности давать подводы на ямъ, дѣлаетъ иногда различныя оговорки, изъ которыхъ видно, что такое освобожденіе дается по крайней необходимости—напримѣръ „опустѣли" (А И. I., 88) или не въ полномъ объемѣ, напримѣръ „опричь ратныхъ вѣстей" [2]). При его преемникѣ изъ льготъ, общихъ для жалованныхъ грамотъ, иногда уже прямо исключается освобожденіе отъ ямской повинности [3]). Можно, слѣдовательно, думать, что развитіе и поддержаніе ямского строя ближайшимъ образомъ интересовало великихъ князей. Пріемъ и отпускъ пословъ, отпускъ съ ними московскихъ людей, встрѣча пословъ, необходимость пересылаться гонцами по поводу ожидаемаго пріѣзда пословъ, все это вызывало не только сложныя, но и отвѣтственныя заботы, такъ какъ отъ быстроты сношеній, отъ достаточнаго обезпеченія

---

[1]) Объ обязанностяхъ казначея - Вивліоѳика, т. XX, стр. 175, Успенскій „Опыты", ч. 2., стр. 193. Неволинъ, Образ. Упр. отъ Іоанна III, до Петра, Полн. Собр соч., т. VI, стр. 154, Ключевскій, Боярск. дума, изд. 2, стр. 172, Лихачевъ, Разряд. дьяки. стр. 42 и сл. См. также такъ называемую „Указную книгу казначеевъ" въ Хрестом. по Ист. Рус. Пр. Владимірскаго-Буданова, вып. III. Напомнимъ еще и весьма интересныя указанія проф. Дьяконова въ статьѣ о „Моск. реформахъ полов. 16 вѣка", Ж. М. Н. Пр. 1894 г., кн. 4, стр. 189 198, гдѣ проводится мысль, что четверти, быть можетъ, обособились изъ вѣдомства казначеевъ. Вообще же говоря, не подлежитъ сомнѣнію, что, при неразработанности вопроса о функціяхъ казначеевъ, едва-ли мы усваиваемъ себѣ правильный взглядъ на истинное значеніе этой должности.

[2]) Наприм. А. И., I, 83, 86. Это дало поводъ Бржозовскому, ц. с. стр. 348, замѣтить, что, начиная съ Іоанна III, освобожденіе отъ яма дается неохотно. Онъ высказалъ также, что знаетъ только двѣ освобождающія отъ яма грамоты Іоанна III. Но ихъ было несомнѣнно больше: А, И, I, 83, 87, 88, 219, А. Юр. Кал., I, 31, XI, XIV, А. Спас. Мон., I, 9 и др. Мнѣніе Бржозовскаго повторилъ, однако, еще Хрущовъ, ц. с., стр. 6.

[3]) Напримѣръ А, Э. I, 147, 164.

пословъ кормами и подводами могло зависѣть достоинство власти. Казначей, какъ ближайшее къ великому князю лицо, употребляемое непосредственно для посольскихъ сношеній, могъ естественно явиться и главнымъ руководителемъ ямского дѣла. Дьяки, при немъ состоявшіе, были непосредственными исполнителями его распоряженій, сначала, вѣроятно, всѣ, а затѣмъ нѣкоторые, въ рукахъ которыхъ стало сосредоточиваться специально ямское дѣло. По сравнительно недавно открытымъ даннымъ можно думать, что достаточно рано завѣдыванье ямскимъ дѣломъ сосредоточилось въ особомъ учрежденіи, которое называлось то ямскимъ приказомъ, то ямской избой [1]). Оставляя болѣе подробное разсмотрѣніе этого вопроса до особой главы о ямскомъ приказѣ, скажемъ здѣсь только, что, вѣроятно, должность казначея оставалась не безъ прямого отношенія къ ямскому дѣлу, даже далѣе конца первой половины вѣка [2]).

Закончимъ этотъ очеркъ указаніемъ на свидѣтельства Герберштейна и Даніила Принца изъ Бухова. По словамъ Герберштейна, посольство ѣхало отъ яма до яма и на каждомъ яму мѣняло лошадей. Ѣхали очень быстро: изъ Новгорода въ Москву служитель Герберштейна проѣхалъ 600 верстъ въ 72 часа. Лошадей на ямахъ было много, такъ что, когда однажды ему понадобилось только 12 лошадей, ямщикъ привелъ 30, а то приводилъ и 40 и 50 лошадей [3]). Даніилъ Принцъ изъ Бухова, описывая поѣздку на ямскихъ въ тѣхъ-же чертахъ, какъ и Герберштейнъ, считаетъ учрежденіе ямовъ важнымъ удобствомъ: ямы давали возможность быстро совершать большіе переѣзды [4]).

Изъ обозрѣнія тѣхъ повинностей, которыя ложились на населеніе во имя поддержанія ямского строя, мы видѣли уже, что ямы тяжело доставались населенію. Но тяжесть значительно увеличивалась въ виду безцеремонности гонцовъ и ѣздоковъ, считавшихъ себя вправѣ прибѣгать ко

---

[1]) Лихачевъ, Библіотека и архивъ Московскихъ государей въ 16 стол., стр. 56—58.

[2]) Подр. см. главу седьмую—о ямскомъ приказѣ.

[3]) Перев. Анонимова, стр. 87.

[4]) Начало и возникновеніе Москвы, Чт. О. И. Д. 1876, 4, стр. 72—73.

всякимъ мѣрамъ, разъ они посланы къ великому князю или отъ него; не малое значеніе имѣли и злоупотребленія со стороны ямщиковъ. Безцеремонность гонцовъ и ѣздоковъ, впрочемъ была исконнымъ зломъ: ставиться силою въ попутномъ селеніи, брать силою кормъ и подводы ѣздить непошлыми дорогами съ этими явленіями боролись князья еще до учрежденія ямской гоньбы [1]). Когда ямская гоньба учредилась, можно было бы ждать, что описываемое зло прекратится; но ямская гоньба учредилась и развивалась параллельно съ исконной подводной повинностью, затѣмъ она не охватывала всей страны, наконецъ, и по ямской дорогѣ гоньба не устраняла случаевъ остановокъ и перемѣны лошадей между ямами, по станамъ. Послѣднее иногда, видимо, по соображеніямъ съ обстоятельствами дѣла, опредѣлялось въ самихъ подорожныхъ и наказахъ гонцамъ Такъ, напримѣръ, въ наказѣ Ѳедору Долматову, отправленному въ 1502 г. проводить посольство къ Менгли-Гирею, читаемъ: „а первый стань посломъ отъ Москвы въ монастырскомъ селѣ въ Симановскомъ, въ Сосенскомъ, а другой въ Спасскомъ селѣ въ Саковѣ, а третій на Лопаснѣ, въ Ѳеодоровѣ селѣ въ Васильчикова, или въ Хрущова селѣ, а четвертой въ Грабыни въ Серпоховскомъ, а пятой на Полеѣ въ Тарускомъ а шестой въ Лисинѣ, въ Колужскомъ, а семой въ Колузѣ, а осмой въ Воротынску, а девятой въ Серенску, а десятый на Брыни.. А имати тотъ кормъ Ѳеодору на станѣхъ во чіихъ селѣхъ ни буди; а гдѣ прилучитца станъ на яму, ино имати у ямщиковъ“ [2]). Сильно отягощали населенье и ямщики, которые какъ уже говорилось, брали многія лишнія подводы, брали силою, брали съ торгу, держали подводы на яму „бездельнѣ“, держали ямскія подводы у себя въ деревняхъ и т. д. [3]) Какъ мы уже говорили, въ особенно невыгодномъ положеніи находилось населеніе, жившее вблизи ямской дороги, или между двумя параллельными ямами: ямщики каждаго яма считали себя вправѣ собирать подводы на свой ямъ [4]). Правительство иногда приходило въ такихъ случаяхъ на помощь населенію—присы-

---

[1]) А. Э. I. 61, 65, 81 и др.

[2]) б. Ист. Общ., т. XLI, стр., 441—442.

[3]) А. Э. I., 180, 206, А. И. I. 137, 295 и др.

[4]) А. Э. I, 206, А. Сп. Мон., I, 13, 44, 48, 50.

лало особыхъ приставовъ, грозило ямщикамъ взысканiемъ убытковъ въ двойномъ размѣрѣ противъ начисленныхъ жалобщиками, [1]) но все это, очевидно, мало помогало дѣлу.

Да оно и понятно: ямы не приносили никакой пользы населенiю; каждая новая жертва, которая отъ кого-либо требовалась во имя ямского строя, какъ бы, въ сущности, не была она незначительна, казалась поэтому уже несправедливостью. Между тѣмъ, трудно было ожидать особой осмотрительности въ отношенiи населенiя со стороны ямщиковъ, которые, хотя и выходили изъ среды самого-же населенiя, но весь смыслъ своего существованiя видѣли въ исправности своей службы, т. е. въ большемъ количествѣ лошадей на яму, въ возможно быстрой доставкѣ вѣстей или гонцовъ, въ возможно большой экономiи при производствѣ ямского расхода изъ государевыхъ денегъ и т. д. Правительство, видимо, ясно понимало, если не размѣры, то причину зла. Доказательства тому мы видимъ во-первыхъ, въ установленiи платы за подводы, во-вторыхъ, въ готовности прекращать всякiя, сдѣлавшiяся извѣстными злоупотребленiя. Но правительство не могло отказаться отъ необходимой для него и только для него ямской гоньбы, а, слѣдовательно, видѣло исходъ лишь въ полумѣрахъ. Такимъ образомъ, самъ собой рождается вопросъ—кто-же произвелъ дальнѣйшiя реформы въ ямскомъ строѣ: правительство, стараясь согласовать свои интересы съ интересами населенiя, или-же населенiе, стараясь такъ припаровиться къ несомнѣнно тяжелой ношѣ, чтобы по возможности она удобно переносилась?

Къ сожалѣнiю, матерiалы, которыми приходится оперировать при разрѣшенiи этого вопроса, даютъ почву лишь для болѣе или менѣе вѣроятныхъ догадокъ.

---

[1]) А. Э. I, 206, А. Э. I, 156 и др.

III.

Основное отличіе второго періода въ исторіи ямской гоньбы отъ только что описаннаго состояло въ томъ, что населеніе сдѣлалось обязано выставлять на ямы по сошному разводу не подводы, а людей, которые имѣли бы все, что нужно для гоньбы, и которые гоняли бы гоньбу за поставившихъ ихъ. Такъ какъ такіе люди, получившіе названіе ямскихъ охотниковъ, выставлялись населеніемъ на болѣе или менѣе продолжительный срокъ—а иногда, быть можетъ, и безсрочно—то, очевидно, что достаточно было одного такого видоизмѣненія, чтобы весь ямской строй получилъ совершенно иную организацію. Должность ямщика должна была превратиться въ особое состояніе, ямскіе охотники должны были образовать изъ себя особыя единенія, должно было явиться свое особое управленіе, долженъ былъ сложиться свой особый бытъ. Предполагая даже, что указанная перемѣна явилась не вдругъ, не въ силу одного какого-либо распоряженія, можно опредѣленно сказать, что она произошла не ранѣе 40-хъ годовъ 16 вѣка и не позднѣе начала 60-хъ годовъ. Раньше, чѣмъ гдѣ нибудь, она должна была произойти по ямской дорогѣ между Москвой и Новгородомъ.

Нѣтъ данныхъ утверждать категорически, что мы наблюдаемъ въ данномъ случаѣ не реформу, а сложившуюся на почвѣ бытовыхъ отношеній смѣну явленій. Нѣтъ, однако, данныхъ утверждать, что основаніемъ этой смѣны явленій послужила исключительно дѣятельность самого населенія и что правительство только признало совершившійся фактъ. [1]) Гораздо правильнѣе предположить,

[1]) Хотя никто въ литературѣ не отмѣчаетъ, что между гоньбой на началахъ подводной повинности и появленіемъ охотниковъ были еще ямщики, какъ должность, но часто повторяется мнѣніе, что охотники созданы исключительно населеніемъ и что правительство лишь признало фактъ. Рѣзче другихъ это мнѣніе выражено Домбровскимъ, ц. с., стр. 125.

что дѣло происходило слѣдующимъ образомъ. Такъ какъ по заведенному распорядку ямская гоньба отправлялась сошными подводами, которыя собирались на ямы ямщиками, то, вѣроятно, постепенно вырабатывался классъ людей, избравшихъ своимъ промысломъ наниматься за очередныхъ стоять на яму не только съ подводами нанимателей, но и съ собственными подводами. Ямщиками въ официальномъ смыслѣ этого слова они не были, они не пользовались никакими привиллегіями ямщиковъ, не имѣли никакого участія ни въ земляхъ, ни въ доходахъ ямщиковъ, получая въ свою пользу лишь наемную плату отъ очередныхъ, которыхъ они замѣняли на ямахъ, и кромѣ того тотъ наемъ — прогоны, о которомъ было говорено выше. Но они постоянно были на яму или наготовѣ туда отправиться. Такимъ образомъ, оставаясь во всѣхъ отношеніяхъ въ своемъ первобытномъ состояніи, они лишь по роду своего промысла были ближе къ ямскому дѣлу, чѣмъ всѣ остальные жители данной мѣстности. По всей вѣроятности, извѣстное число такихъ лицъ составлялось также изъ дѣтей и родственниковъ ямщиковъ, которые, если они оставались на яму, имѣли отчасти значеніе готовыхъ кандидатовъ на должность ямщика, а отчасти наиболѣе подходящаго элемента для описаннаго стоянія на яму за очередныхъ. Чѣмъ по данной дорогѣ былъ значительнѣе разгонъ, тѣмъ скорѣе долженъ былъ образоваться этотъ классъ людей Когда же онъ образовался, онъ обнаружилъ сразу цѣлый рядъ удобствъ какъ для правительства, такъ и для населенія. Послѣднее, нанимая за себя охотниковъ, перелагало натуральную повинность въ денежную; если оно не дѣлало, быть можетъ, данной повинности болѣе дешевой абсолютно, то дѣлало ее несомнѣнно болѣе дешевой относительно: не приходилось терять времени, иногда очень дорогого, не приходилось подвергаться опасностямъ пути, притѣсненіямъ и насиліямъ со стороны ямщиковъ, а въ особенности гонцовъ и всякихъ ѣздоковъ и т. д Съ точки же зрѣнія правительства такой порядокъ былъ много удобнѣе уже однимъ тѣмъ, что во всякомъ случаѣ гарантировалъ правильность сообщеній въ большей степени, чѣмъ при первоначальномъ порядкѣ, когда каждый разъ приходилось имѣть дѣло съ другими лицами, которыхъ къ тому же слѣдовало посто-

янно собирать въ опредѣленный пунктъ и въ опредѣленное время.

Но образованіе этого класса охотниковъ должно было неизбѣжно породить два вопроса: одинъ для населенія, другой для правительства. Разъ около ямовъ начали группироваться особые люди, спеціально занимавшіеся ямской гоньбой, но остававшіеся вмѣстѣ съ тѣмъ внѣ какого-либо опредѣленнаго положенія, надо было, если не создать имъ это положеніе, то опредѣлить его, привести въ болѣе тѣсную связь какъ съ ямскимъ дѣломъ, такъ и съ общими условіями жизни. Населеніе, съ другой стороны, которое до сихъ поръ, если и выставляло за себя охотниковъ, то каждый разъ по особому соглашенію, должно было стремиться къ установленію такого порядка, при которомъ изъ вырабатывавшихся отношеній было бы устранено все случайное, что въ нихъ было. Кромѣ того, при неопредѣлившихся отношеніяхъ охотникъ могъ въ каждую минуту и уйти съ яма, а это одно требовало уже реформы со стороны правительства, такъ какъ такой охотникъ не былъ лицомъ, которое заслуживало бы достаточнаго довѣрія въ весьма отвѣтственномъ и важномъ дѣлѣ, которому онъ служилъ (напримѣръ, везъ посла, гонца въ Москву или изъ Москвы, везъ извѣстіе). Со стороны же населенія было естественно стремиться имѣть обязательныхъ охотниковъ, т. е. такихъ, которые навѣрное бы оевобождали его отъ постоянныхъ заботъ объ исполненіи ямской повинности. Наконецъ, не могло не имѣть значенія и естественное стремленіе самихъ охотниковъ къ болѣе тѣсному общенію съ ямами, къ кото рымъ они постепенно привыкали, съ положеніемъ которыхъ связывали свое положеніе, а, слѣдовательно, и въ распорядкахъ на которыхъ искали принять возможно близкое участіе.

Когда взаимодѣйствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ и стремленій успѣло сказаться съ достаточной опредѣленностью, - а не нужно было много времени, чтобы это произошло—оставалось создать ,ту форму, въ которой надлежащимъ образомъ была бы отлита назрѣвшая потребность. Придумывать не пришлось ничего, такъ какъ достаточно было и извѣстныхъ уже формъ, и извѣстныя уже формы потребовали лишь нѣкоторой комбинаціи. Если въ теченіи

перваго періода, когда ямская гоньба велась случайными гостями на яму—очередными, достаточно было одного ямского двора, какъ пункта, куда сгонялись очередныя подводы, если земли, придаваемыя къ ямамъ, и деревни служили лишь служебнымъ фондомъ для ямщиковъ, завѣдывавшихъ ямами, то теперь, когда гоньба должна была уже вестись спеціально для нея назначенными людьми, одного ямского двора и уже отведенныхъ земель должно было оказаться недостаточно: около ямскихъ дворовъ пришлось устроить ямскія слободы, а соотвѣтственно увеличить и земельные надѣлы. Почему именно—слободы, какъ онѣ должны устроятьcя, какъ должны управляться, въ какомъ отношеніи должны находиться къ другимъ населеннымъ пунктамъ - все это было уже за обычай и новыхъ вопросовъ не порождало. Весь распорядокъ ямскихъ слободъ поэтому устанавливается какъ бы по готовому шаблону. Что же касается отдѣльныхъ частностей, то и онѣ опять таки по первому началу переносятся въ новый ямской строй изъ формъ отношеній уже готовыхъ. На новой почвѣ многое получаетъ свое особое развитіе, но это ужъ другой вопросъ.

Перейдемъ къ фактамъ. До шестидесятыхъ годовъ 16 вѣка всѣ акты, сколько ихъ не пришлось изучать, не упоминаютъ объ ямскихъ охотникахъ, говоря только о ямщикахъ.[1]) Въ чемъ состояли обязанности ямщиковъ, мы уже говорили въ предыдущей главѣ; въ чемъ состояло назначеніе ямскихъ охотниковъ - скажемъ дальше. Понятія эти не тождественны. Если молчанье источниковъ не является еще само по себѣ доказательствомъ, то, съ другой стороны, нельзя признать простой случайностью, что полное молчаніе источниковъ объ извѣстномъ институтѣ съ опредѣленнаго времени вдругъ смѣняется многочисленными на него указаніями. Тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ объ институтѣ, который является лишь частью учрежденія, оставившаго не мало слѣдовъ и въ актахъ до 60-хъ годовъ 16 вѣка. Особенно отчетливо это видно изъ сопоставленія выраженій, въ которыхъ въ жалованныхъ грамотахъ опредѣляются льготы по участію въ ямской гоньбѣ: до начала

[1]) Напримѣръ еще въ А. Э., I, 159, 180, 190, 201, 206, А. И. I, 140, Д. А. И. I, 51, XIII, 57, 104 и мн. др.

60 годовъ говорится вездѣ объ освобожденіи отъ обязанности стоять на яму съ подводами; послѣ этого времени—отъ обязанности давать на ямъ охотниковъ [1]). Въ нѣкоторыхъ грамотахъ, если онѣ переписывались на царское имя послѣ 60 хъ годовъ, дѣлается даже спеціальная приписка: „также есми ихъ пожаловалъ". [2]) Правда, съ первыхъ-же извѣстій о ямскихъ охотникахъ мы встрѣчаемъ указанія и на „старыхъ" охотниковъ, [3]) но это отнюдь не должно указывать на продолжительность времени, предшествовавшаго появленію ямскихъ охотниковъ. Во первыхъ, по отношенію къ каждому новому, поставленному на ямъ охотнику, какъ увидимъ дальше, всякій уже бывшій въ слободѣ охотникъ считался старымъ, хотя, быть можетъ, онъ попалъ на ямъ лишь годъ или два назадъ. Во вторыхъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ съ самаго, видимо, начала, когда только что впервые устраивались слободы, встрѣчаются старые охотники могли имѣться въ виду тѣ охотники, которые гоняли гоньбу за очередныхъ по соглашенію: какъ таковые они назывались охотниками, хотя и не имѣли еще опредѣленнаго положенія на ямахъ.

Случайно мы имѣемъ возможность установить, что въ ярославскомъ и ростовскомъ уѣздахъ ямскія слободы и ямскіе охотники на нихъ были устроены впервые въ 1565 г. Такъ, въ грамотѣ отъ 1532г. читаемъ указъ ярославскимъ и романовскимъ ямщикамъ не брать у монастырскихъ крестьянъ подводъ на ямъ. Въ грамотѣ отъ 1545 г. ямщикамъ Вокшерскаго (Ярославскаго-же уѣзда) яма предписывается не брать съ тѣхъ монастырскихъ крестьянъ, которые стоятъ съ подводами на яму въ Романовѣ, подводъ на Вокшерскій ямъ О запрещеніи ямщикамъ (малосольскимъ) брать подводы на ямъ у монастырскихъ крестьянъ имѣется грамота и отъ 1565 г. Въ грамотѣ-же отъ 1580 г. читаемъ предписаніе ямскому сборщику не брать съ монастырскихъ двухъ селъ большаго числа охотниковъ на различные ярославскіе

---

[1]) Наприм. ср. жалов. гр. въ А. И. I, до №. 188 и послѣ; въ А. Э. до № 277 и послѣ и т. д. См. напр. у о. Досифея, Опис. Соловецк. Мон. въ собраніи жалованныхъ грамотъ по монастырю т. III. стр. 11, 38, 47.

[2]) Напр. А. И. I, 188.

[3]) Напр. А. Спас. Мон., I, 39.

ямы, чѣмъ слѣдуетъ съ нихъ, согласно полученной монастыремъ жалованной грамоты [6]). Такимъ образомъ, въ ярославскомъ, ростовскомъ и романовскомъ уѣздахъ эта замѣна сошныхъ на ямы подводъ сошными на ямы людьми произошла между 1565 и 1580 г. Слѣдующая грамота отъ 1570 г. даетъ намъ возможность съ точностью сказать, что въ ярославскомъ и ростовскомъ уѣздахъ эта замѣна произошла въ 1565 г.: „отъ царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Руси въ Ярославль Ивану Захарову да подъячему Ширяю Нелюбову; въ прошломъ 77 году данъ вамъ съ книгъ Никитина письма Годунова ямскимъ слободамъ списокъ за дьячей приписью, а велено вамъ въ Ростовѣ да въ Ростовскомъ уѣздѣ на Шепецкомъ яму, да въ Ярославлѣ, да въ Ярославскомъ уѣздѣ на Вокшерскомъ яму писати и строити ямскія слободы и пашнями, угодьи извѣрстати старыхъ и новыхъ охотниковъ всѣхъ повытно да и земли ямскіе, которые земли Микита Годуновъ да подъячій Романъ къ ямамъ приписалъ, а не отмѣжевалъ и вамъ тѣ земли по Никитину письму отъ всѣхъ земель отмѣжевати вѣлено, чтобы тѣмъ ямскимъ землямъ впередъ спору ни съ кѣмъ не было“ [7]). Изъ другихъ данныхъ извѣстно, что книги Никиты Годунова относятся къ 1565 г. [8]) Слѣдовательно, въ 1565 г. былъ сдѣланъ первый шагъ къ устроенію въ данныхъ уѣздахъ ямскихъ слободъ, а въ 1569 г. начатое дѣло было закончено. Въ той-же грамотѣ читаемъ: „а въ прошломъ 77 г. послѣ Никиты Годунова писали Ярославль и Ярославскій уѣздъ писцы наши Василій Ѳоминъ да Григорій Сукинъ съ товарищи, да и Ярославскую ямскую слободу и въ слободѣ охотниковъ имянъ и прозвищи и поручниковъ ихъ имена и прозвища написали въ книги подлинно и дворы и пашнею изверстали ихъ по нашему наказу сполна.. и вы бы часа того ѣхавъ да по тѣмъ книгамъ ярославскіе ямскіе слободы охотниковъ всѣхъ пересмотрели всѣхъ на лицо и у нихъ лошадей и двороваго строенія дозрили подлинно... да ту ямскую слободу и въ слободѣ охотниковъ приказали вѣдати и беречи ямскіе сло-

---

[6]) А. Спас. Мон. I, 9, 13, 50.
[7]) А. Спас. Мон. I, 39.
[8]) А. Спас. Мон. I, 36.

боды прикащику по прежнему нашему наказу". Очевидно, что тутъ идетъ рѣчь объ учрежденіи новомъ, недавно заведенномъ, не вполнѣ еще законченномъ

Нѣтъ, однако, никакихъ основаній считать, что въ ростовскомъ и ярославскомъ уѣздахъ ямскія слободы были устроены раньше, чѣмъ въ другихъ уѣздахъ. Дорога на Ярославль получила сравнительно большее значеніе только нѣсколько позже, когда этимъ путемъ началась усиленная пересылка посольствами съ Англіей. Главнымъ путемъ въ 50-хъ годахъ все таки оставался путь между Москвой и Новгородомъ, который назывался большой московской дорогой. [1]) Еще въ 1556 г. ямская гоньба отъ Новгорода велась на ямахъ населеніемъ подъ завѣдываніемъ ямщиковъ. [2]) Но въ 1560 г. въ Новгородѣ и въ Псковѣ были уже устроены ямскія слободы. Какъ видно изъ дѣла о возобновленіи псковскаго яма въ 1642—1667 г., по справкамъ обнаружилось, что свѣдѣнія о псковской слободѣ сыскались лишь съ 1560 г. Была-ли слобода и раньше, этого никто сказать не могъ. Съ псковскаго уѣзда Загорская ямская слобода была устроена именно въ 1560 г. [3]) Такъ какъ Псковъ стоялъ все таки въ сторонѣ отъ большой московской дороги, то слѣдуетъ думать, что на новгородскихъ ямахъ имѣлись устроенныя ямскія слободы нѣсколько раньше, между 1556—1560 гг.. Но слѣдующія данныя заставляютъ насъ думать, что новгородскія слободы были устроены одновременно съ псковскими и что на новгородскихъ ямахъ не было ямскихъ охотниковъ ранѣе 1560 г.: во первыхъ, и въ нѣсколько позднѣйшее время новгородскія и псковскія ямскія слободы устраиваются всегда одновременно, что видно изъ цѣлаго ряда устройныхъ книгъ 1573, 1586, 1606 и др. годовъ (Имп. Пуб. Биб. О. IV, 260—263 и 334); во вторыхъ, въ тѣхъ-же новгородскихъ устройныхъ книгахъ мы встрѣчаемъ указанія на всѣ послѣдовательныя устроенія ямскихъ слободъ, при чемъ вездѣ предѣльнымъ указаніемъ является устрой Ивана Мацнева 1560 г Тотъ

---

[1]) Д. А. И., I, 104.

[2]) Д. А. И., I, 57; 51, XIII; 104. Въ переписной книгѣ Шелонской пятины отъ 1552 - 1553 г.г. мы еще встрѣчаемъ на Пшаскомъ яму только 4 ямщиковъ (но не ямскихъ охотниковъ). Новг. Писц. кн т. IV, стр. 564.

[3]) Арх. М. И. Д. П. Д. С. Л., св. 153, № 91, 1642—1667 г.г.

же Иванъ Мацневъ строилъ, какъ видно изъ уже цитированнаго дѣла, псковскую и загорскую слободы въ 1560 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуетъ думать, что слободы въ ростовскомъ и ярославскомъ уѣздахъ не были устроены на много позже новгородскихъ, такъ какъ отъ ямского строя ближайшихъ къ Москвѣ уѣздовъ находился видимо въ зависимости ямской строй въ самой Москвѣ: Москва, нуждаясь сравнительно въ весьма значительномъ количествѣ охотниковъ, такъ какъ разгонъ былъ, конечно, большій, чѣмъ изъ всякаго другого пункта, не довольствовалась мѣстными средствами пополненія комплекта своихъ ямскихъ охотниковъ и требовала людей изъ уѣздовъ. Такъ, напримѣръ, въ 1580 г. съ земель одного Спасскаго монастыря было взято въ Москву на житье 7 охотниковъ. [1]) Въ Москвѣ же уже въ 1570 г. была ямская слобода у Амочженскихъ воротъ [2]) и еще раньше въ 1566 г., Тверская ямская слобода [3]).

Переходя затѣмъ къ даннымъ, на которыхъ мы основываемъ предположенія о мѣрѣ участія населенія и участія правительства въ описываемой реформѣ, необходимо обратить вниманіе на то, что едва-ли слѣдуетъ считать время, когда впервые устраиваются ямскія слободы, временемъ перваго появленія названія „ямской охотникъ“. Ямской охотникъ, какъ оффиціальное названіе, можетъ быть, явилось одновременно съ устройствомъ первыхъ ямскихъ слободъ, но самое понятіе должно было сложиться раньше, если не предполагать, что это названіе придумано властью. А оно едва-ли придумано. Въ чемъ собственно выражалась охота ямского охотника? Въ томъ, что охотникъ шелъ на ямъ, вмѣсто другихъ. Иными словами: тутъ выражалась та сторона отношенія, которая менѣе должна была интересовать правительство и болѣе—населеніе. То что охотникъ шелъ на ямъ, касалось ближе всего правительства, то-же, что онъ былъ охотникъ касалось лишь тѣхъ, за кого онъ шелъ. Слѣдовательно, строя слободы для охотниковъ, прави-

---

1) А. С. Мон., I, № 49.

2) Рус. Ист. Сборн. Погодина. II, Счетное дѣло кн. Тим. Ив. Долгорукова съ кн. Дан. Пріимковымъ.

3) Сб. Рус. Ист. Общ. Т. LXXI, стр. 340, Интересно, что до 1566 г., несмотря на случаи, гдѣ пословъ встрѣчаютъ тѣмъ-же порядкомъ, Тверская ямская слобода не упоминается.

тельство реформировало организацію гоньбы лишь въ томъ отношеніи, что дало опредѣленіе положенію, уже пустившему въ жизнь свои первые корни. Но вмѣстѣ съ тѣмъ едва-ли эти корни были очень глубоки, такъ какъ очень не задолго до устроенія первыхъ ямскихъ слободъ мы еще продолжаемъ встрѣчать указанія на то, что ямщики берутъ съ сохъ на ямы подводы, тѣснятъ при этомъ населеніе, собирая подводы безъ счета, безъ нужды и т. д.. Другими словами: уже вырабатывался тотъ классъ неофиціальныхъ охотниковъ, о которыхъ мы говорили, но онъ еще былъ немногочисленъ и не имъ опредѣлялись характерныя особенности ямского строя. Такъ, напримѣръ, еще въ февралѣ 1565 г. т е. въ самый годъ устроенія первыхъ ямскихъ слободъ въ ростовскомъ и ярославскомъ уѣздахъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до составленія Никитой Годуновымъ первыхъ книгъ ямскихъ слободъ, былъ присланъ указъ малосольскимъ ямщикамъ не брать у монастырскихъ (Спасскаго монастыря села Левашова крестьянъ подводъ на ямъ, не грабить ихъ, не бить и т. д. [1]) Въ 1556 г. новгородскіе ямщики еще продолжаютъ называться ямщиками и выступаютъ лишь въ качествѣ распорядителей ямовъ. [2]) Слѣдовательно, населеніе намѣтило только путь, по которому оно желало, чтобы пошла реформа; самая же реформа была произведена все таки правительствомъ. Нѣкоторое значеніе мы придаемъ еще и слѣдующему обстоятельству: въ 1555 г. завѣдывалъ ямской избой Иванъ Матцневъ съ товарищи (Д. А. И. I, 51, XIII). Этотъ же Иванъ Матцневъ, какъ указано выше, строилъ новгородскія и псковскія ямскія слободы. Если правильно наше предположеніе, что устрой 1560 г. первый устрой, то, если бы въ данномъ случаѣ мы не имѣли дѣла съ реформой, едва-ли для устроенія слободъ былъ бы посланъ изъ Москвы дьякъ, завѣдывавшій ямскимъ приказомъ. Устроеніе же первыхъ слободъ по главнымъ дорогамъ дѣйствительно, должно быть представляться весьма важнымъ и отвѣтственнымъ порученіемъ. Къ этому приводитъ, наконецъ, еще и то соображеніе, что какъ, видно изъ уже приведенныхъ примѣровъ, новый порядокъ по раз-

---

1) А. С. Мон. I, 34.
2) Д. А. И. I, 104.

личныхъ дорогахъ былъ установленъ почти одновременно. Если-бы рѣшающая роль принадлежала населенію и роль правительства ограничивалась лишь тѣмъ, что оно признавало совершившійся фактъ, то скорѣе всего слѣдовало-бы ожидать, что переходъ отъ одного порядка къ другому совершался бы по мѣрѣ выясненія факта въ каждой данной мѣстности. Въ 1566—1568 г.г. переходъ этотъ, однако, должно считать окончательно завершившимся, такъ какъ въ писцовыхъ книгахъ Казанскихъ 7074—7076 г.г., гдѣ описывается ямская казанская слобода, читаемъ: „ямскіе слободы охотники съ казанскими посадскими людьми ни въ какіе дѣла не тянутъ ни во что, а служать государеву службу ямскую, держатъ подводы изъ прогоновъ по тому-жъ въ верховныхъ городахъ въ всѣхъ ямскихъ слободахъ“ [1]).

Приведенныя соображенія покажутся, вѣроятно, болѣе убѣдительными, если мы вспомнимъ, что 50 и 60 годы 16 столѣтія являются вообще годами, когда былъ произведенъ цѣлый рядъ серьезныхъ внутреннихъ реформъ: къ этому времени мы видимъ стремленіе замѣнять намѣстниковъ воеводами, видимъ, что общинное начало получило значительное участіе въ земскомъ управленіи, видимъ реформу сошнаго письма и т. д. Реформа ямского строя, помимо тѣхъ спеціальныхъ причинъ, на которыя уже указано, могла явиться однимъ изъ слѣдствій и этого общаго движенія, имѣвшаго главной своей цѣлью облегчить населенію тяжесть возложенныхъ на него обязанностей, упорядочить отношеніе населенія къ центральной власти.

При новомъ порядкѣ на населеніе падали слѣдующія обязанности: 1) оно должно было выставлять на ямъ охотниковъ; 2) оно должно было давать ямскимъ охотникамъ подмогу; 3) въ случаяхъ особенно большого разгона должно было подмогать подводами; 4) по прежнему должно было чинить дороги и строить ямскіе дворы; 5) по прежнему платить въ казну ямскія деньги.

Охотники выставлялись съ сохъ. Сообразно съ тѣмъ, какъ прежде, когда съ сохъ брались на ямы подводы, къ каждому яму приписывалось извѣстное число сохъ, при чемъ сравнительная близость даннаго населеннаго пункта

[1]) Заринскій, Очерки древней Казани, стр. 182.

къ данному яму имѣла то значеніе, что, если этотъ пунктъ находился между двумя ямами, то приписывался ямской стряпней къ ближайшему. Это, впрочемъ, не мѣшало и сосѣднему яму предъявлять свои права на населеніе того-же пункта Такъ какъ съ 50 хъ годовъ началась реформа сошнаго письма, выразившаяся въ измѣреніи сохи опредѣленнымъ количествомъ четвертей [1]), то, видимо, и распредѣленіе сошной земли между ямами въ отношеніи ямской стряпни видоизмѣнилось, сравнительно съ распредѣленіемъ установившимся изстари. Отголоскомъ этого могутъ служить жалобы, нерѣдкія въ теченіи конца 60-хъ, 70-хъ и 80-хъ годовъ. Содержаніе этихъ жалобъ однообразно: изстари данное село или деревня были приписаны къ одному яму, нынѣ-же это село или деревню ямской стряпней приписали къ другому яму [2]). Нельзя видѣть здѣсь только злоупотребленія со стороны властей; скорѣе, это—слѣды стремленія населенія сохранить старый порядокъ, къ которому выработалась привычка. Такъ какъ, однако, пока всѣ эти частные вопросы не опредѣлились съ достаточной ясностью, должны были имѣть силу оба порядка старый и новый то неудивительно, что именно въ данное время особенно часты случаи привлеченія ямской стряпней къ двумъ ямамъ сразу по старому росписанію и по новому [3]) По общему правилу съ сохи бралось по два ямскихъ охотника. Указа-

1) Подроб. см. Милюковъ, Спорные вопросы, стр. 35—52.

2) Особенно характерны въ этомъ отношеніи А. С. М. I, XLIV, XLVIII, L. Проф. Дьяконовъ въ статьѣ „Городовые прикащики“, Ж. М. Н. Пр., 1900 г, кн. I., стр. 73—76 также отмѣтилъ, что во второй половинѣ 16 вѣка существовали параллельно два порядка разверстки податей и повинностей: одинъ старый, по которому на уѣздъ устанавливалось нѣсколько комплексовъ владѣній съ взаимной отвѣтственностью включенныхъ въ округъ владѣній, другой—новый, по которому опредѣлялась доля каждаго владѣльца соотвѣтственно размѣрамъ его владѣній. На ямской гоньбѣ послѣдній порядокъ, однако, не наблюдается. Та-же двойственность, которая отмѣчена нами въ текстѣ, выражалась лишь въ томъ, что произошло измѣненіе въ составѣ этихъ комплексовъ—пользуемся выраженіемъ проф. Дьяконова—сравнительно съ тѣмъ составомъ комплексовъ, который сложился раньше при отбываніи ямского дѣла путемъ выставленія на ямы подводъ. Мы склонны видѣть причину этого измѣненія въ реформѣ сошнаго письма: иное земельное измѣреніе передвинуло границы комплексовъ.

3) А С. М. I, XLVIII, L.

ніе на это мы встрѣчаемъ еще въ 1573 г. Но есть основаніе думать, что до 1573 г. съ сохи брали только по одному человѣку и что по два охотника съ сохи стали брать по спеціальному царскому указу. Такъ, читаемъ: „дѣялось де имъ въ прошлыхъ годѣхъ 77 и 78, сбирали дей на Рязани наши посланники Салтыкъ Михайловъ да Москвитинъ Леонтій Дмитріевъ на Кончаковскій ямъ съ сохъ охотниковъ ямскихъ, и взяли дей съ Пречистые вотчины съ села съ Григорьевскаго съ деревнями съ сохи по человѣку и послѣ де мору и татарскіе войны въ 81 году сбирали... съ тѣхъже сохъ и взяли дей съ Пречистые вотчины, по нашему наказу, съ живущего съ дву съ сохъ четыре человѣка охотниковъ“ [1]). Слѣдовательно, ближайшимъ основаніемъ этого спеціальнаго указа въ данномъ случаѣ явилось татарское нашествіе весной 1571 года, кончившееся, какъ извѣстно, сожженіемъ Москвы, и двухлѣтній моръ, истребившій во многихъ городахъ не малое число людей. Хотя рязанскій уѣздъ, о которомъ идетъ рѣчь въ грамотѣ, долженъ былъ пострадать отъ татарскаго нашествія значительнѣе другихъ, но продолжительная война и двухлѣтній моръ не могли не отразиться тяжело и на другихъ уѣздахъ. Такимъ образомъ, весьма возможно, что около 1573 г., дѣйствительно, былъ изданъ указъ, по которому на всѣхъ ямахъ одинаково вмѣсто одного человѣка съ сохи брали на ямы двухъ. По два человѣка съ сохи брались, напримѣръ, въ 1579 г. на Ярославскій и Вокшерскій ямы, въ 1580 г. на Шепецкій ямъ [2]); по два человѣка съ сохи бралось и въ 1601 г въ Вологодскомъ уѣздѣ, въ томъ же уѣздѣ и въ 1613 г. [3]) На новгородскіе и псковскіе ямы эта норма не распространялась. Тамъ установилась своя практика—брали охотника по такому разсчету, чтобы съ сравнительно небольшого земельнаго пространства можно было устроить необходимое число охотниковъ. Послѣднихъ-же требовалось весьма много, такъ какъ только между Новгородомъ и Торжкомъ было девять большихъ ямовъ, не считая двухъ большихъ новгородскихъ слободъ, да былъ цѣлый рядъ ямовъ между Новгородомъ

---

1) Р. И. В. II, 240.
2) А. С. М. I, XLVII,L.
3) А. Юр. 278, 192, 343.

и Псковомъ, между Новгородомъ и Великими Луками, между Новгородомъ и Орѣшкомъ. Если не считать второстепенныхъ ямовъ, на которыхъ было не болѣе 20 охотниковъ, окольныхъ—съ 10 охотниками и поперечныхъ съ 5—2 охотниками, то только для большихъ ямовъ до конца 16 вѣка требовалось около 1000 охотниковъ, послѣ 1586 г. около 750 охотниковъ, послѣ 1609 г. около 600 охотниковъ. Какъ видно изъ устройныхъ книгъ, соотвѣтственно съ числомъ охотниковъ, необходимымъ на каждый ямъ, мѣнялся и размѣръ земельной единицы, съ которой брался охотникъ. Такъ, брали съ 3 обжей безъ четверти по человѣку, съ 4 обжей съ третью, съ 5 обжей съ половиной, съ 6 обжей по человѣку [1]). Выставляя охотника, списывались, кому съ кѣмъ смежно и сручно. Напримѣръ, въ 1605 г. былъ взятъ охотникъ съ помѣстья Василія Лодыгина съ обжи безъ четверти, съ Микифорова помѣстья Лодыгина съ обжи безъ получетверти да съ помѣстья двухъ дочерей Лодыгина съ получетверти обжи, съ Петрова помѣстья Лодыгина съ 2 обжей безъ четверти, съ Якова Лодыгина - обжа безъ четверти, съ Тимофея Лодыгина съ обжи, съ Сергѣя Мельницкаго съ четверти обжи, а всего съ $5^1/_2$ обжи [2]). Охотники брались съ живущихъ вытей по платежнымъ книгамъ Въ случаѣ особой надобности не стѣснялись тѣмъ, что на сосѣдніе ямы охотники брались съ большей земельной единицы и заставляли давать охотника съ единицы меньшей. Такъ, въ 1603 г., въ то время какъ на пшаскій ямъ брали одного охотника съ 4 обжъ съ третью, на сухловскій ямъ (между пшаскимъ

[1]) Соха въ устройныхъ новгородскихъ книгахъ равняется вездѣ 30 обжамъ. Напримѣръ: 133 обжи безъ полъ-полъ-четверти обжи равны 4 сохамъ съ полусохой безъ полъ-полъ-полтрети сохи и безъ полъ чети обжи и безъ полъ-полъ чети обжи Q. IV, 334, л. 185. Также л. 209 и мн. др. Кстати, укажемъ, что во всѣхъ новгородскихъ устройныхъ книгахъ обжа фиксирована и равняется 5 десятинамъ или 10 четвертямъ въ полѣ, а въ дву потомужъ. Это мы встрѣчаемъ съ 1573 г. Такимъ образомъ, приходится нѣсколько отодвинуть указаніе Милюкова, по словамъ котораго фиксація обжи наблюдается лишь съ 1581 г. (Спорн. вопр., стр. 36). Очевидно также, что соха уже въ третьей четверти 16 вѣка равнялась 300 четвертямъ въ каждомъ полѣ или 150 десятинамъ.

[2]) Q. IV, 261, л. 313. Беремъ на выдержку, такъ какъ такихъ указаній въ видѣ сплошныхъ книгъ весьма много въ каждой устройной книгѣ.

и загорскимъ) приказано было брать охотника съ 2 обежъ безъ полъ-полъчетверти. Объясняется это, вѣроятно, тѣмъ, что ямъ былъ срочно необходимъ, между тѣмъ, устроенный впервые въ 1596 г, въ 1603 г. ямъ уже опустѣлъ, а охотники, которые на немъ еще оставались, охудали. Изъ наказа даннаго стройщикамъ, и изъ отчета послѣднихъ мы можемъ отчетливо видѣть, какъ выставлялись на ямъ охотники: „а росписати (стройщикамъ) велѣно обжи порознь ровно по двѣ обжи на охотника безъ полъ-полъ-четверти, а росписавъ обжи велѣно собрать волостныхъ людей на Сухловскій ямъ для ямскаго строенья да какъ волостные люди на сухловскій ямъ для ямского строенья съѣдутся и имъ велѣты выбрати на сухловскій ямъ въ охудалыхъ охотниковъ мѣсто съ сохъ крестьянъ лучшихъ, семьянистыхъ и прожиточныхъ, которымъ бы впередъ мочно на сухловскомъ яму ямская гоньба гоняти... И дворяне и дѣти боярскіе, которые на сухловскій ямъ для ямского строенья съѣхалися, сами и ихъ и монастырскіе прикащики и крестьяне по росписи, какова роспись для ямского строенья за дьячьей приписью дана, живущіе обжи и охудалыхъ охотниковъ росписали межъ собою полюбовно сами кому съ кѣмъ смежно и ручно впередъ въ охотника быти для ямского строенья а росписавъ обжи порозпь по две обжи на охотника и охудалыхъ охотниковъ розделя подъячему Ивану Матѳѣеву да Семейкѣ Частому дали росписи за своими руками“ [1]). Черезъ извѣстный промежутокъ времени смѣчали на ново, сколько прибыло вытей, не приписанныхъ къ ямамъ стрянней. Выти эти присоединялись къ старымъ росписямъ если ихъ было не много, если-же новыхъ вытей было много, то разводъ дѣлался на ново. Такъ, напримѣръ, послѣ устроя новгородскихъ и псковскихъ ямовъ 1586—1587 г.г., къ 1600 г. оказалось много новыхъ вытей; ихъ переписали, а затѣмъ на ново росписали охотниковъ [2]). Интересно отмѣтить, что съ Новгорода охотники на посадскіе новгородскіе ямы, на обѣ слободы—котельницкую (по московской дорогѣ) и алексѣевскую (по псковской дорогѣ)—не брались. Слободы строились по прибору, частью на средства казны, частью на

[1]) Q. IV, 262, л. 37—38.

[2]) Такая книга о девяти новгородскихъ ямахъ въ Q. IV, 261, съ л. 144.

средства уѣздныхъ людей. (Возможно, что эта практика установилась тутъ въ силу прежнихъ новгородскихъ льготъ, по которымъ князья не имѣли права брать съ новгородскихъ купцовъ повозъ, кромѣ ратной вѣсти). Какъ видно изъ наказа воеводѣ кн. Трубецкому и изъ наказа послѣдняго стройщикамъ, обѣ слободы новгородскія были устроены такъ: „прибрати имъ (стройщикамъ) на псковскую дорогу въ ямскую слободу семдесятъ человѣкъ охотниковъ, а держати имъ по четыре мерины, а прибрати въ ямскую слободу охотниковъ, которые похотятъ людей добрыхъ владычнихъ и монастырскихъ и княжихъ и боярскихъ крестьянъ чьихъ ни буди и сказывати имъ государева жалованья на лошади и на дворы по 25 р. человѣку да подъ огороды и на пашню земли по десяти четвертей человѣку опричь загонныхъ денегъ, а загонные имъ деньги имати изъ государевой казны сколько хто загоняетъ. Да и тѣхъ имъ людей сыскивати, которые люди прежъ сего бывали на новгородскомъ яму на псковской дорогѣ во ямскихъ слободѣхъ во охотникѣхъ и у которыхъ людей были отцы и братья въ охотникахъ и тѣхъ, которые похотятъ вново ямскіе охотники въ ямскую слободу на псковскую дорогу писати въ книги какъ котораго зовутъ и чей сынъ и прозвище и у кого живутъ или въ Новѣгороде на посадѣ, которые живутъ своими дворы да и поруки по нихъ поимати добрые кому мочно вѣрити въ томъ, что имъ въ Новѣгородѣ на яму съ подводами стояти и государевыхъ посланниковъ и гонцовъ съ яму отпущати не издержавъ ни часу. Да и бичирьми велѣли кликати по всѣмъ торгомъ которые похотятъ на новогороцкомъ яму на псковской дороге въ ямской слободе чьи ни буди владычни и монастырскіе княжіе и боярскіе крестьяне, и тѣ бы тотчасъ писалися у Третьяка у Карамазова. А Государева жалованья на лошади и дворы по двадцати по пяти рублей человѣку да подъ дворы и подъ огороды и на пашню земли по десяти четвертей человѣку, а загонныя деньги имати имъ изъ Государевой казны сколько хто загоняетъ“ [1]). Деньги-же на устроеніе охотниковъ сначала было велѣно развести на уѣздныя сохи, а съ новгородскаго посада ни денегъ, ни охотниковъ брать не

[1]) Q. IV, 263, л. 9 11.

велѣно; 300 рублей приказано было дать изъ казны. Но по настоянію архіепископа планъ былъ видоизмѣненъ: вмѣсто 70 охотниковъ приказано было прибрать 50 охотниковъ, изъ казны дать 200 рублей, а остальныя деньги приказано было собрать по разводу съ уѣздныхъ сохъ [1]).

Имѣется указанье, что, кромѣ охотниковъ на свой ямъ население выставляло охотниковъ и въ московскія ямскія слободы. Указанье относится къ 1580 г. къ Ярославскому уѣзду: „билъ намъ челомъ изъ Ярославля Спасскаго монастыря архимандритъ Ѳедосей зъ братіею, а сказалъ: взялъ де ты у нихъ по нашей грамотѣ съ монастырскіе вотчины съ ярославскаго яму съ пяти сохъ пять человѣкъ охотниковъ на житье къ Москвѣ да съ монастырскіе-же съ вотчины съ вокшерскаго яму взялъ Яковъ Паренной съ дву сохъ дву человѣкъ охотниковъ на житье къ Москвѣ жъ на житье... а опричь-де московскихъ семи человѣкъ охотниковъ стоятъ съ монастырскихъ вотчинъ на ярославскомъ да вокшерскомъ яму съ тѣхъ-же семи сохъ семъ человѣкъ

---

[1]) Данный случай интересенъ еще и въ томъ отношеніи, что характеризуетъ отчасти отношенія между новгородскимъ воеводой и новгородскимъ архіепископомъ. Когда воевода и дьяки получили приказъ изъ Москвы объ устроеніи двухъ слободъ съ 70 охотниками въ каждой, съ 4 меринами у каждаго охотника, при 25 рублевой подмогѣ на каждаго охотника, воевода и дьяки доложили о дѣлѣ архіепископу. Послѣдній не согласился съ этимъ проектомъ и предложилъ устроить двѣ слободы по 30 охотниковъ въ каждой, по 3 мерина у каждаго охотника и при подмогѣ въ 25 рублей на охотника. Воевода и дьяки сослались на указъ, архіепископъ обѣщалъ написать царю отъ себя. Но воевода и дьяки не рѣшились ослушаться царскаго указа и приступили къ точному его исполненію, написавъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ Москву о желаніи архіепископа. Архіепископъ, въ свою очередь, написалъ въ Москву. Царь, не согласившись съ архіепископомъ, отступилъ, однако, въ частностяхъ отъ первоначальнаго проекта: вмѣсто 70 охотниковъ на каждую слободу приказалъ прибрать по 50, вмѣсто 4 мериновъ каждому держать по 3, подмоги дать вмѣсто 25 рублей на человѣка—20 рублей; соотвѣтственно измѣнилась и ассигновка изъ казны: вмѣсто 300 р. при 3200 р по сошному разводу на уѣздныхъ людей, приказано было дать 200 рублей при 1800 руб. по уѣздному разводу. Архіепископъ-же предлагалъ выдать изъ казны 150 р. при 1350 руб. по разводу съ сохъ. Весьма возможно, что столь дѣятельное участіе архіепископа въ ямскомъ строеніи въ Новгородѣ слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что подъ самымъ Новгородомъ значительная часть земель принадлежала ему, монастырямъ и церквямъ. Q. IV., 263, л. л. 1—108.

охотниковъ". [1]) Хотя по приводимому разсчету (съ 7 сохъ 14 охотниковъ) монастырская вотчина давала только то, что съ нея слѣдовало (охотникъ съ полусохи), но, видимо, въ дѣйствительности, разсчетъ долженъ былъ быть таковъ: ярославскій посадскій ямъ съ 12 сохъ долженъ былъ имѣть 24 охотника, а сверхъ того пять охотниковъ должны были быть отправлены съ Ярославля къ Москвѣ. Но Щетневъ, которому было поручено дѣло, взялъ къ Москвѣ всѣхъ пятерыхъ, поставленныхъ съ монастырскихъ пяти сохъ, не взявъ ни одного съ остальныхъ семи сохъ. Такъ какъ, какъ видно изъ того-же документа, отправляемыхъ въ Москву охотниковъ рядили по 70 рублей человѣку, тѣмъ-же, кто оставался на мѣстномъ яму, давали лишь 15 руб. подмоги, то, конечно, монастырю было не безразлично, чьи охотники идутъ въ Москву и чьи остаются. На несправедливость въ этомъ отношеніи монастырь и жаловался. Слѣдовательно, изъ приведеннаго разсчета правильнѣе заключать, что, охотники въ Москву давались сверхъ мѣстнаго комплекта, а не въ числѣ его. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ основаній предполагать, что эта мѣра имѣла общее значеніе. Вѣроятнѣе всего, эта мѣра имѣла значеніе лишь для ближайшихъ къ Москвѣ уѣздовъ. Напримѣръ, уже съ новгородскаго уѣзда охотники къ Москвѣ, вѣроятно, не брались. Едва-ли это не вытекаетъ изъ того, что при несомнѣнной детальности, съ какой велись ямскія книги новгородскія, и при томъ числѣ ихъ, какое сохранилось, трудно представить, чтобы до насъ не дошло хоть какихъ-нибудь косвенныхъ указаній на обязанность населенія, приписаннаго стряпней къ новгородскимъ и псковскимъ ямамъ, давать охотниковъ въ Москву, если бы таковая обязанность существовала.

Выставляя на ямъ охотниковъ, населеніе обязано было давать имъ подмогу. Подмога была двухъ родовъ: единовременная и погодная. Первая давалась на обзаведеніе въ слободѣ, т. е. на подъемъ „съ старины", т. е. съ мѣста прежняго жительства, и на постройку двора; вторая имѣла значеніе рядной платы. Первая могла и не быть, вторая была обязательно. Размѣръ единовременной подмоги обыкновенно опредѣлялся правительствомъ, размѣръ погодной

---

[1]) А. Сп. М., I, XLIX.

подмоги часто зависѣлъ отъ соглашенія, но едва-ли не въ большей еще мѣрѣ отъ установившихся въ данной мѣстности за много лѣтъ цѣнъ. Иногда, впрочемъ, размѣръ и этой подмоги опредѣлялся правительствомъ. Напримѣръ, въ 1612 г., при возобновленіи пронскаго яма, предписывалось сказать сошнымъ людямъ, чтобы они давали охотникамъ погодно по прежнему указу по 10 руб. денегъ человѣку да хлѣба по 10 чети ржи, овса тоже. [1]) Но рядомъ съ этимъ читаемъ въ дѣлѣ о загорскомъ ямѣ, „что охотники имали съ псковскаго уѣзда съ пригородовъ и съ засадъ (въ 1586—1609 гг.) сошныхъ людей погодно по уговору какъ на который годъ уговорятся". [2]) Въ сохранившихся порядныхъ погодная плата опредѣляется какъ бы установленной по уговору. Напримѣръ, въ порядной 1613 г. читаемъ: „а найму рядили на годъ". [3]) То-же и въ поручной 1605 г. „а рядили на годъ". [4]) Соотвѣтственно съ этимъ было бы безполезно искать какихъ либо общихъ окладовъ годовой подмоги. Встрѣчаемъ подмогу и въ 5 руб., встрѣчаемъ и въ 15 рублей и даже въ 17 рублей (съ сыномъ) [5]) Впрочемъ, за среднюю годовую плату можно принять 10 рублей деньгами и 10 четвертей овса и ржи. Если почему-либо рядная плата не соотвѣтствовала среднимъ цѣлямъ или хотя бы тѣмъ, которыя считались среди охотниковъ даннаго района достаточными, населеніе неизбѣжно должно было входить съ охотниками въ новое соглашеніе. Гоньбой правительство дорожило; охотники, пользуясь положеніемъ, докучали въ Москву, и, еслибы населеніе отказывалось дать прибавку, то указомъ изъ Москвы оно было бы все-таки принуждено къ этому. Неудивительно, что въ порядной 1609 г., гдѣ охотнику къ старой подмогѣ годовой прибавляютъ десять руб. да десять четвертей ржи и овса пополамъ, въ числѣ договорныхъ пунктовъ читаемъ: „и Государю Царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи на крестьянъ въ ны-

---

1) А. Ряз. стр. 47.

2) Ар. М. И. Д. П. Д.С. Л., Св. 153, № 91, 1642 г.

3) А. Ю. 192.

4) А. Ю. 294, I.

5) А. Ю. 294, I, II, Акты Гарелина, стр. 9, А. С. М., I, XLIX и др.

нѣшнемъ 117 году о подмоги не бити челомъ и убытка и волокиты не учинити никоторого". [1])

Что-же касается единовременной подмоги, то она, какъ сказано уже, давалась по указу. Но иногда, вѣроятно, и эта подмога давалась по взаимному соглашенію. Впрочемъ, мы знаемъ только одно указаніе на такую практику, но и оно относится къ сравнительно позднѣйшему времени и при томъ къ яму вновь учрежденному. А именно въ указѣ объ учрежденіи пермскаго яма читаемъ: „а подмога ямщикамъ дати Пермичамъ и Вятичамъ на лошади и для двороваго строенія межъ себя по уговору". [2]) Размѣръ этой подмоги былъ тоже различенъ по мѣстамъ, но въ теченіи извѣстнаго періода времени въ данномъ районѣ онъ обыкновенно держался на одномъ уровнѣ. Такъ, на новгородскихъ и псковскихъ ямахъ, до начала 17 вѣка и позже, размѣръ единовременной подмоги почти всегда—20 рублей деньгами и 40 четвертей овса и ржи пополамъ. Какъ мы уже знаемъ, при устроеніи въ 1586 г. двухъ новгородскихъ слободъ предполагалось дать по 25 руб. подмоги на охотника, но столько, очевидно, лишь потому, что было въ началѣ рѣшено обязать охотниковъ держать по 4 мерина каждому; когда рѣшили ограничить требованье 3 меринами на охотника, уменьшили подмогу до 20 рублей на человѣка. Изъ описанія этого же случая мы знаемъ, что казна приняла нѣкоторое участіе въ расходѣ по подмогѣ, но случай вѣдь былъ исключительный: казна платила за посадъ, съ котораго, какъ мы думаемъ, во имя старыхъ привиллегій, рѣшила не брать ни охотниковъ, ни на подмогу имъ денегъ. [3]) Тѣмъ не менѣе и тутъ правительство сейчасъ-же разложило на населеніе тѣ 200 рублей, которые оно отпустило ямскимъ охотникамъ на подмогу. По крайней мѣрѣ, въ отпискѣ 1594 г. читаемъ: „дьяки Григорій Клобуковъ да Смирной Васильевъ взяли въ государеву казну новгородскимъ посадскимъ ямскимъ охотникамъ на подмогу въ двѣсти рублевъ, съ Обонежскіе пятины, съ Заонежья, съ Егорьевскаго погоста съ Толвуи съ Вежискаго монастыря вотчины съ сохи съ третью да съ полуобжи 4 руб. 28 алтынъ 4 деньги". [1]) Этотъ фактъ тѣмъ болѣе интере-

[1]) А. Ю. 294, II,

[2]) А. Э. II, 54.

[3]) Ср. Q. IV, 264, л. 158. Q. IV, 263 л. л. 3-4 9—11 и др.

сенъ, что, давъ въ 1586 г. 200 руб. единовременно, правительство только послѣ усиленныхъ челобитій ямщиковъ, которые жаловались, что ихъ обманули, такъ какъ обѣщали давать ежегодно по 20 рублей на человѣка между тѣмъ дали подмогу лишь за первый годъ, предписало въ 1588 г., смотря по дѣлу, если нельзя охотникамъ гонять безъ ежегодной подмоги, давать имъ съ сохъ посадскихъ по 6 руб., а съ уѣздныхъ по 5 руб. [2]) Но изъ другого источника мы знаемъ, что эти охотники получали для ихъ бѣдности государева жалованья лишь по 1½ и по 2 рубля на годъ. [3]) Такимъ образомъ, видимо, тѣ 200 рублей, о которыхъ идетъ рѣчь въ приведенной отпискѣ, все тѣ-же первоначально истраченныя правительствомъ 200 рублей въ складчину съ деньгами, разложенными на сохи. Однажды истраченныя эти деньги были тутъ-же собраны съ земли по дополнительной раскладкѣ, а затѣмъ дополнительная раскладка, имѣвшая временное значеніе, была утверждена, и съ сохъ по ней взималось и впредь. Норму въ 20 руб. на охотника единовременной подмоги встрѣчаемъ, напримѣръ, на псковскомъ яму еще въ 1623 г., „а даваны тѣ деньги съ города Пскова двѣ трети, а съ засадъ и пригородовъ треть“. [4])

Кромѣ годовой подмоги въ собственномъ смыслѣ, т. е. шедшей охотнику на руки рядной платы за то, что охотникъ гонялъ гоньбу за избравшія его сохи, населеніе платило еще другую подмогу называвшуюся „ямскимъ охотникамъ на подмогу“, къ которой причислялся также сборъ „ямскимъ охотникамъ на ямы и прогоны“. Деньги по этимъ двумъ сборамъ шли въ казну. Въ казну-же по прежнему собирались и ямскія деньги. То что каждый изъ этихъ видовъ сборовъ исчислялся отдѣльно, видно, напримѣръ, изъ платежной книги ямскихъ денегъ половины Бѣжецкой пятины Тверской половины сбора выборныхъ губныхъ старостъ 1588 года: „съ двухъ обежъ ямскихъ и приметныхъ 2 рубли, подмогу ямскимъ охотникамъ 7 алтынъ, ямскимъ охотникамъ на ямы и прогоны 22 алтына и 1 деньга“ (л. 446); „въ живущемъ $1^1/_2$ обжи, ямскихъ и примет-

---

1) А. Ю. 214, IV, 2.

2) Q. IV, 263, л. 238.

3) Q. IV, 263, л. 15 об.

4) Ар. М. И. Д. П. С. Л., Св. 153, № 91, 1642 г.

ныхъ денегъ рубль 16 алтынъ 4 деньги, подмогу ямскимъ охотникамъ 5 алтынъ 1½ деньги, ямскимъ охотникамъ на ямы и прогоны 20 алтынъ" (л. 452 об.); „въ живущемъ обжа, ямскихъ и приметныхъ денегъ рубль, ямскимъ охотникамъ подмогу 3 алтына 3 деньги, ямскимъ охотникамъ на ямы и прогоны 11 алтынъ съ полуденьгой" (л. 469). [1]) Такое раздѣленіе сборовъ имѣло общее, а не временное или мѣстное значеніе, такъ какъ мы встрѣчаемъ его, напримѣръ, еще въ 1596—1598 г.г. въ Можайскѣ: „да съ Можайска-жъ съ посаду, опричь монастырскихъ слободокъ; Большово приходу доходовъ ямскихъ и приметныхъ денегъ 45 рублевъ, съ сохи по 20 рублевъ, да ямскихъ денегъ ямскимъ охотникамъ на подмогу 22 рубля 16 алтынъ 4 деньги, съ сохи по 10 рублевъ." [2]) Здѣсь мы видимъ только ту разницу, что два сбора—подмога и на прогоны соединены уже въ одной общей цифрѣ. Если принять во вниманіе отношеніе между размѣромъ ямскихъ денегъ и денегъ на подмогу и денегъ на прогоны въ Бѣжецкой книгѣ, то окажется, что и тамъ первыхъ собирается вдвое или почти вдвое больше, чѣмъ вторыхъ и третьихъ вмѣстѣ. Окладъ въ 20 рублей для ямскихъ денегъ и въ 10 рублей съ сохи подмоги и на прогоны мы встрѣчаемъ въ самыхъ различныхъ уѣздахъ, [3]) окладъ въ 10 рублей съ сохи охотникамъ на подмогу и прогоны мы встрѣчаемъ не только до конца 16 вѣка, но и въ началѣ 17 вѣка. [4]) Какъ увидимъ дальше, этотъ окладъ имѣлъ и послѣдующую исторію: подъ именемъ малой ямщины онъ существовалъ почти до конца 17 вѣка.

Нельзя сомнѣваться, что подмога, о которой тутъ идетъ рѣчь, не имѣетъ ничего общаго съ подмогой—рядной платой. Во первыхъ, она не соотвѣтствуетъ ей и по размѣрамъ, такъ какъ рядная плата достигала, какъ мы видѣли и 17 рублей на охотника, между тѣмъ при окладѣ въ 10 р.

---

[1]) Ар. М. И. Д. По реестру книгъ по Новгороду № 11. Этой книгой пользовался уже Рожковъ, Сельское хозяйство Московской Руси. На стр. 232, авторъ, видимо, также различаетъ каждый изъ этихъ сборовъ.

[2]) Ар. М. Ю. Писц. Можайск. пос. и у. письма и мѣры Загряскаго № 251. Частью напечатана въ Можайск. Акт. о. Діонисія, стр. 36.

[3]) А. Ю., 209, V, VI; А. Ю. 214, II, III, IV, V, VII.

[4]) А. Э. II, 18, А. Ю. 214, VIII, А. Э. II, 6, 8, 84.

на соху, при предположеніи, что съ сохи даются два охотника, эта подмога давала бы въ итогѣ лишь 5 рублей на охотника Во вторыхъ, мы застаемъ ее фиксированной, а, какъ мы уже знаемъ, рядная плата зависѣла отъ соглашенія. Но самое главное мы видимъ, что эта подмога идетъ въ казну; рядная же плата шла охотникамъ на руки

Вопросъ о томъ, что это за вторая подмога, шедшая уже не охотникамъ на руки, а въ казну, находится, какъ рѣшаемся думать, въ неразрывной связи съ другимъ вопросомъ получали ли ямскіе охотники жалованье? Какъ правило - не получали. Во первыхъ, мы не знаемъ данныхъ, изъ которыхъ можно было бы вывести, что казенное жалованье охотникамъ было обычной практикой, во вторыхъ, о жалованьи обычно не должно было возникать и вопроса: охотники, выставлявшіеся въ сохъ, получали сошную подмогу. Но рядамъ съ этой обычной практикой въ послѣдней четверти 16 вѣка, когда стали возникать ямы въ мѣстахъ новыхъ, малозаселенныхъ, гдѣ, слѣдовательно, населеніе должно было находиться въ исключительныхъ условіяхъ, сами обстоятельства принудили признать и другую практику: давать охотникамъ подмогу изъ казны. Хотя правительство и имѣло въ своемъ распоряженіи ямскія деньги, но спеціальная потребность, сообразно общей системѣ, вызывала и спеціальный сборъ. Такимъ образомъ, эта вторая подмога, собиравшаяся въ казну, являлась сборомъ на казенную подмогу тѣмъ охотникамъ, которые не могли за силой обстоятельствъ получать подмогу съ сохъ. Насколько считалась необычной практика давать охотникамъ ежегодное жалованье изъ казны, показываетъ, напримѣръ, уже приведенное рѣшеніе по челобитной охотниковъ двухъ новгородскихъ посадскихъ слободъ: они приняли обѣщаніе единовременной подмоги за обѣщаніе давать ежегодную подмогу и жаловались въ Москву, но тамъ рѣшили - смотря по дѣлу, если, дѣйствительно, окажется необходимымъ сбирать съ сохъ ежегодно по 5 - 6 рублей. А когда затѣмъ охотникамъ все таки назначено было жалованье то лишь въ размѣрѣ 1½—2 рублей въ годъ. Фактъ получаетъ тѣмъ большее значеніе, что мы не можемъ забывать, какую важную роль продолжала играть въ 80-хъ годахъ, къ которымъ фактъ относится, дорога отъ Новгорода до Москвы, а,

слѣдовательно, какое особое вниманіе должно было быть обращено на двѣ большія Новгородскія слободы.

Такъ какъ на ямахъ, какъ увидимъ дальше, были еще ямскіе дьяки и дворники, получавшіе жалованье, такъ какъ ямскіе охотники получали еще въ извѣстныхъ случаяхъ прогоны, то и эти всѣ расходы правительство раскладывало на населеніе. Все вмѣстѣ, т. е, этотъ послѣдній сборъ и только что указанная подмога, шедшая въ казну, и составило основаніе для фиксированнаго десятирублеваго сбора охотникамъ на подмогу, на ямы и прогоны. Сборъ-же ямскихъ денегъ по старой памяти взимался самъ собой, быть можетъ, пополняя дефициты десятирублеваго сбора, но вѣрнѣе—оставаясь однимъ изъ общихъ источниковъ государственныхъ доходовъ. Ямскія деньги сбирались по годамъ по указу, но, видимо, съ конца 80-хъ годовъ по установившемуся окладу въ 20 рублей съ сохи. Точно указать, когда именно появилась подмога, собираемая въ казну, тѣмъ болѣе, когда именно она была фиксирована, къ сожалѣнію, за отсутствіемъ данныхъ, мы не можемъ, но въ концѣ 80-хъ годовъ это явленіе наблюдается уже повсемѣстно. [1])

Какъ и въ предыдущемъ періодѣ, населеніе обязано было строить ямскіе дворы. Эта обязанность, носившая названіе ямской дворовой подѣлки, распредѣлялась также по сохамъ. [2]) Наконецъ, населеніе-же было обязано помогать ямскимъ охотникамъ натурой, т. е. давать отъ себя все излишнее противъ условленной нормы разгона количество подводъ. Такъ напримѣръ, посадскій псковскій ямъ долженъ былъ по условію между охотниками и населеніемъ спускать по 70 подводъ въ недѣлю, (на яму было 35 охотниковъ и у каждаго по 2 мерина; норма, слѣдовательно, опредѣлялась по такому разсчету, чтобы въ теченіе недѣли каждая ямская подвода была въ работѣ одинъ разъ); если-же потребовалось бы больше 70 подводъ, то этотъ излишекъ должно было поставить населеніе [3]). Указаніе на подобнаго же рода соглашенія, хотя

[1]) Милюковъ, Спорн. вопр., стр. 90, считаетъ окладомъ ямскихъ денегъ для конца 16 вѣка 10 руб.; это—окладъ подмоги и на ямы и на прогоны: окладъ ямскихъ денегъ—20 р., какъ указано выше въ текстѣ.

[2]) А. С. М., I., XLIV, L, А. Э. I, 324, А. И. I, 217 и мн. др.

[3]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. Св. 153, № 91, 1642 г.

и нѣсколько въ иномъ видѣ, встрѣчаемъ и въ порядной вологодскаго охотника: „а будетъ у охотника у нашего у Насона, какъ онъ съ нашіе полусохи гоньбу гоняетъ, и учнутъ у нихъ, у охотниковъ для гоньбы лошади имати къ Москвѣ, или въ иные городы куды ни буди, и намъ старостамъ и всѣмъ крестьянамъ тѣхъ монастырскихъ ключей въ тѣ его подводы и убытки намъ обѣма ключи подмогати". [1]).

Мы знаемъ случаи, когда населеніе откупалось отъ всей ямщины, платя въ казну опредѣленную сумму. Такъ, съ сорока обежъ Соловецкаго монастыря за всю ямщину, а также и за всѣ остальныя подати и повинности взималось ежегодно по грамотѣ отъ 1584 г. пятьдесятъ рублей въ годъ. Но въ грамотѣ мы находимъ и мотивы такого распоряженія: потому что они городъ дѣлаютъ и потому что у нихъ въ сумскомъ острогѣ свой, на ихъ собственный счетъ содержимый ямъ. [2]) Иногда населеніе вмѣсто опредѣленнаго денежнаго взноса за ямщину (въ числѣ, впрочемъ, другихъ податей и повинностей) облагалось опредѣленнымъ рабочимъ урокомъ. Такъ, Заягорбская (на Бѣлозерьѣ) волость за ямщину (въ числѣ, другихъ податей и повинностей) должна была бить царевъ Цылинскій езъ и давать извѣстное количество рыбы. [3]) Мы знаемъ также случаи, когда на иныхъ земляхъ, преимущественно на земляхъ тарханщиковъ и льготчиковъ, ямы устраивались собственными средствами. О томъ, что въ сумскомъ острогѣ былъ свой ямъ, мы уже говорили; Соловецкій-же монастырь имѣлъ свой ямъ и въ Кемской волости; Кирилловскій Бѣлозерскій монастырь—на Словенскомъ волочку; свой ямъ держалъ и Тихвинскій монасырь въ Тихвинѣ на посадѣ; свои ямы имѣли право держать и нѣкоторыя вотчины Троицкаго монастыря. [4]) Эти ямы держались то въ видѣ особой повинности (напримѣръ, на условіи держанія собственнаго яма Соловецкій монастырь получилъ вторую половину Кемской

---

[1]) А. Ю. 192.

[2]) А. Э. I, 223.

[3]) А. Ю., 230.

[4]) А. Э. I., 323, ср. А. Э. III, 110, а также Досифей, Опис. Солов. мон,. III, стр, 57; А. Э. I., 353; А. Э. II, 84; А. Э. III, 267; Опис. Щукин. музея, III, стр. 116. Документъ относится къ 1616 г., но въ немъ ссылки на старыя жалованныя грамоты.

волости, въ которой до 1591 г. ему принадлежала только половина), то въ видѣ особаго преимущества, такъ какъ имѣвшіе свои ямы освобождались какъ отъ поборовъ и притѣсненій стройщиковъ и другихъ властей, такъ и отъ хлопотъ съ охотниками Кажется, эти собственные ямы обязаны были возить всякихъ посланниковъ и гонцовъ безъ прогонъ. [1]) Можно также думать, что держаніе собственныхъ ямовъ, юридически долженствовавшее освобождать отъ участья въ раскладкахъ по ямской стряпнѣ и ямскому строенію, фактически очень быстро превращалось въ дополнительную повинность, и каждый разъ требовалось наново доказывать свое право не участвовать въ раскладкахъ. Это достаточно видно хотя бы изъ того, что съ жалобами Соловецкаго монастыря на привлеченіе его 40 обежъ, державшихъ Сумской ямъ, къ участью въ посадскомъ новгородскомъ ямскомъ строеньи, мы встрѣчаемся неоднократно. Довольно характернымъ примѣромъ можетъ служить и слѣдующій фактъ: когда въ 1616 г. строены были нижегородскій и олецковскій ямы, вотчины Троицкаго монастыря напрасно доказывали, что по старымъ грамотамъ они не обязаны ставить охотниковъ, такъ какъ держатъ свой ямъ; въ наказѣ стройщикамъ объ этомъ ничего не говорилось, и охотники съ Троицкихъ вотчинъ были взяты; распоряженіе было отмѣнено лишь послѣ челобитья. [2])

Чтобы опредѣлить, насколько, въ дѣйствительности, тяжело было населенію справляться со всѣми возложенными на него обязанностями по ямскому дѣлу, слѣдуетъ къ сказанному прибавить еще тотъ рядъ тяготъ, который падалъ на населеніе, вслѣдствіе злоупотребленій и оплошностей ямскихъ стройщиковъ, мірскихъ властей и вообще всѣхъ лицъ, которыя такъ или иначе привлекались къ ямскому строенью. Не всегда были виноваты лица, такъ какъ при отсутствіи точныхъ правилъ для веденія книгъ, при небрежности храненія послѣднихъ, при отсутствіи контроля, при посылкѣ для ямского строенья такихъ лицъ, которымъ это дѣло было не за обычай, возможны были и безъ наличности злого умысла всякаго рода несправедливости. Но нерѣдко къ этимъ общимъ причинамъ присоединялись и спеціальныя. Во пер-

[1]) А. Э. II., 84.

[2]) Опис. Щук. музея, III, стр. 116.

выхъ, такъ какъ ямской гоньбой въ Москвѣ очень дорожили, то чуть-ли не въ каждомъ наказѣ по поводу гоньбы воевода и его дьяки читали: „того бы есте смотрѣли и берегли накрѣпко, чтобъ охотники не разбѣжались и гоньба не урвалась“, или „а то вы своей дуростью дѣлаете, что охотниковъ какъ лучше устроити не умѣете“ или „а какъ будутъ намъ на тебя на твое воровство охотники челомъ бити и быти тебѣ въ опалѣ и въ казни“. Быть можетъ, и не придавалось этимъ припискамъ какое-либо особое значенiе, но ясно, что вездѣ, гдѣ сталкивались интересы населенiя съ интересами охотниковъ, мѣстныя власти, оберегая себя, должны были предпочитать становиться на сторону охотниковъ. Во вторыхъ, быть можетъ, никакое дѣло не давало властямъ столько возможности всячески тѣснить населенiе, какъ ямское дѣло. Круглый годъ можно было безпокоить изъ-за ямской гоньбы: то собирались ямскiя деньги, то доправлялись недоимки то собиралась подмога въ казну, то собиралась подмога охотникамъ, то требовались подводы, то доправлялся бѣглый охотникъ и т. д. Населенiе поневолѣ должно было откупаться отъ этихъ возможныхъ притѣсненiй. Наконецъ, отъ неисправности въ книгахъ и отъ частой перемѣны въ списыванiи земель за одно для выставленiя на ямъ охотниковъ, сплошь и рядомъ происходило то, что одинъ и тотъ-же земельный участокъ оказывался приписаннымъ не только къ двумъ, но и къ тремъ ямамъ. Даже когда выяснялась ошибка, проходило не мало времени, пока дѣлалось удобнымъ ее исправить, такъ какъ ямская гоньба не могла стоять, охотники были нужны, подмога охотникамъ также. [1])

Неся на себѣ всецѣло ямской строй и терпя къ тому же не мало отъ злоупотребленiй властей, населенiе не освобождалось, однако, и отъ подводной повинности т. е. отъ обязанности выставлять подводы по первому требованiю. Мы не имѣемъ данныхъ къ опредѣленiю размѣровъ этой повинности, но можемъ думать, что повинность была достаточно обременительна, такъ какъ ямскихъ подводъ все таки было немного, а посылки нерѣдко были весьма значительны. Насколько возможно судить, въ то время, какъ ямскiя подводы служили, главнымъ образомъ, для провоза гонцовъ, слу-

---

[1]) Напр. А. И. I., 195; А. С. М. I, XLVII, XLVIII, L и мн. др.

жилыхъ людей, посланниковъ и т. д., обывательскія подводы требовались для провоза клади, запасовъ, военныхъ снарядовъ и т. д. По крайней мѣрѣ, такъ было въ новгородской землѣ, гдѣ охотники нерѣдко, какъ это видно изъ устройныхъ книгъ, оговариваютъ, что подъ тяжелыя запасы имъ подводъ не давать. На практикѣ-же, вѣроятно, дѣло происходило нѣсколько иначе: чѣмъ болѣе потворствовали охотникамъ мѣстныя власти, тѣмъ чаще правили подводы на населеніи. Для разсматриваемаго періода мы не нашли примѣровъ, которые подтверждали бы такое заключеніе, но въ одномъ дѣлѣ отъ 1637 г. читаемъ, что воевода и приказные ямскимъ старостамъ потатчики, правятъ подводы на посадскихъ и уѣздныхъ людяхъ, мимо ямскихъ, за что получаютъ большіе посулы, по 12 рублей въ мѣсяцъ и больше воевода, а дьяки по 30 рублей и больше [1]). Едва-ли это единичный случай и едва-ли слѣдуетъ считать, что въ концѣ 16 вѣка такая практика была въ меньшемъ употребленіи. Съ другой-же стороны, безъ обывательскихъ подводъ воеводы и въ самомъ дѣлѣ иногда не могли обойтись, такъ какъ въ случаѣ какой нибудь большой посылки, ямскихъ подводъ, если даже ихъ брали въ первую очередь, не могло хватать на всю посылку. Такъ, въ 1613 г. изъ Вологды въ Москву нужно было отпустить стрѣлецкаго голову; какъ видно изъ наказной памяти отъ 16 апрѣля ямскія подводы всѣ были взяты подъ зелейную казну, которая, какъ видно изъ другой памяти, была отправлена въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля и то-же при подмогѣ со стороны уѣздныхъ людей. По неволѣ пришлось для головы опять собирать обывательскія подводы. Такимъ образомъ, съ одного и того-же села пришлось взять въ концѣ марта 10 подводъ съ санями и проводниками, а въ серединѣ апрѣля 15 подводъ съ сѣдлами и проводниками [2]). Не только требованіе подводъ, но одна угроза потребовать ихъ считалась, видимо, серьезнымъ наказаніемъ. Такъ, въ одной наказной памяти 1614 г., предписывавшей скорѣе поставить съ сохъ на ямъ охотниковъ, читаемъ: „а будетъ вы тѣми охотниками замотчаете и на яму ихъ вскорѣ не поставите... велятъ послати въ вашу

---

[1]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л., Св. 103, № 58. 1637 г.

[2]) А. Ю. 339, IX, X.

монастырскую вотчину многихъ приставовъ на многихъ подводахъ, съ стрѣлцами, изъ прогоновъ, и велятъ въ вашей монастырской вотчинѣ на старостахъ и цѣловальникахъ и на всѣхъ крестьянѣхъ тѣхъ охотниковъ правити нещадно, да на нихъ-же велятъ доправити подъ Государевы питья, подъ фряцкіе вина и пряные зелья да подъ зелейную и свинцовую казну тридцать подводъ съ телѣгами и проводниками“ [1]).

Вообще-же говоря, такъ какъ право воеводъ собирать подводы, какъ ямскія, такъ и обывательскія, конечно, ничѣмъ нормировано не было, опредѣляясь однимъ общимъ указаніемъ, чтобы ни въ чемъ государеву дѣлу порухи не было, то соотвѣтственно съ этимъ былъ одинъ путь борьбы съ чрезмѣрными требованіями—жалобы въ Москву. Въ Москвѣ нерѣдко принимали сторону населенія и иногда писали воеводѣ „со строгостью“. Но нерѣдко тутъ-же присылалось требованіе отпустить казну или людей безъ промедленія и на многихъ подводахъ. Воевода невольно долженъ былъ опять посылать сборщиковъ во всѣ концы. Напримѣръ, въ той-же Вологдѣ въ 1614 г. была большая посылка казны и людей. Какъ видимъ изъ одного счетнаго дѣла, въ казну приказано было отпускать по мѣрѣ накопленія тысячъ по пяти и шести денегъ съ цѣловальниками и провожатыми, сколько человѣкъ понадобится, „што бы та казна до Москвы довести здорова“. Требованіе о подводахъ высказывалось здѣсь категорически, безъ обозначенія, съ кого можно ихъ брать, съ кого нельзя и по сколько можно брать. Воевода естественно долженъ былъ, исполняя приказаніе, не стѣсняться интересами населенія [2]). Глядя на воеводу, такъ-же поступали и другія власти; не составляли исключенія, видимо и земскія власти. Такъ, въ дѣлахъ Пискорскаго (у Орловскаго Усолья) монастыря подъ 1588 г. читаемъ: „да Усолья Орловскаго жильцы, старосты и цѣловальники и всѣ земскіе люди хотятъ у нихъ въ монастырѣ учинить ямъ безъ нашего указу и у нихъ де и у крестьянъ ихъ монастырскихъ подъ нашихъ посланниковъ просятъ подводъ и кормовъ“ [3]). Въ одномъ только случаѣ воевода, видимо, долженъ былъ со

---

[1]) А. Ю. 343, II.

[2]) Врем. О. И. Д. Р., кн. 14, Счетн. дѣло Василія Пушкина съ Андр. Плещеевымъ.

[3]) Дмитріевъ, Пермская старина, изд. 1889 г., вып. I, стр. 237.

блюдать особую осторожность: при отпускѣ пословъ. Не додать подводъ онъ, конечно, не могъ, такъ какъ пристава, сопровождавшіе пословъ, требовали бы исполненія указа. Но онъ не имѣлъ права дать и лишнія подводы, такъ какъ въ пріемѣ и провозѣ пословъ каждая мелочь была регулирована въ наказѣ. Если воевода давалъ лишнія подводы, ихъ доправляли на немъ. Но воевода несъ тутъ наказаніе, видимо, не за то, что нарушалъ права или интересы населенія, а за то, что создавалъ болѣе удобную обстановку въ пути такому послу, который, въ силу весьма сложныхъ политическихъ и дипломатическихъ разсчетовъ Москвы, долженъ былъ получать какъ въ пути, такъ и въ Москвѣ лишь то, чего стоилъ. Такой случай имѣлъ, напримѣръ, мѣсто при проѣздѣ литовскихъ пословъ въ 1556 г., когда на смоленскомъ воеводѣ кн. Петрѣ Булгаковѣ было приказано доправить 50 подводъ излишне данныхъ посольству [1]).

Населеніе обязано было и теперь, какъ и въ первомъ періодѣ, доставлять на ямы кормъ; впрочемъ, теперь уже только въ экстренныхъ случахъ, преимущественно при проѣздѣ пословъ; по общему правилу, по крайней мѣрѣ, съ конца 80-хъ годовъ, за деньги, а не въ видѣ повинности. Для менѣе важныхъ случаевъ кормъ заготовлялся на ямахъ самими охотниками, у которыхъ проѣзжавшіе и должны были покупать иногда по вольной цѣнѣ, иногда по указной, смотря опять таки по тому, насколько серьезное въ глазахъ правительства значеніе имѣла данная поѣздка. Если кормъ долженъ былъ покупаться по указной цѣнѣ, объ этомъ точно прописывалось въ подорожныхъ или въ наказахъ по поводу поѣздки. Когда въ 1583 г. было приказано съ Вологды отправить Боуса въ Москву, то въ наказѣ приставу Михаилу Протопопову было обозначено, чтобы кормъ отъ Вологды до мѣста, гдѣ будетъ встрѣча послу, и потомъ на самой Вологдѣ давался частью съ сохъ (живность), частью съ владычняго двора (питія). По дорогѣ-же отъ Вологды до Москвы по ямамъ долженъ былъ быть собранъ кормъ съ сохъ особыми выборными людьми—кормовщиками и приготовленъ подъ надзоромъ присланныхъ изъ Москвы подъячихъ и дѣтей боярскихъ [2]). Сколько какого корма давать тому посылались

[1]) Сборн. кн. Оболенскаго, № 5.

[2]) Сб. Ист. Общ. т. XXXVIII, стр. 72—73.

росписи, при чемъ въ росписяхъ этихъ иногда указывалась и цѣна, по которой слѣдуетъ забирать кормъ [1]) Въ наказахъ со времени Бориса Годунова читаемъ опредѣленно: „а велѣно намъ... кормъ и питье давати по росписи до тѣхъ мѣстъ, какъ они за море пойдутъ, а за тѣ, государь, кормы и за питье велѣно намъ, холопемъ твоимъ, платить имъ денги изъ твоей государевой казны изъ Двинскихъ доходовъ", или „а за тѣ кормы и за питье денги платилъ по твоей государевой указной цѣнѣ, изъ твоихъ государевыхъ денегъ, которые денги съ нимъ присланы изъ Москвы". Если денегъ въ пути не хватало, то брался кормъ безъ денегъ, въ кредитъ; записывался по обыкновенію въ книги (кормовыя) а потомъ по книгамъ производился разсчетъ. [2]) Когда въ 1598 году тарскіе воеводы отправляли Кучума и его семью въ Москву, кормъ приказано было заготовить по ямамъ и отпускать по указной цѣнѣ, но когда ямскіе охотники отказались продавать по назначенной цѣнѣ, изъ Москвы вышелъ указъ покупать кормъ по мѣстной цѣнѣ, и чему межъ себя купятъ. [3]) На кормъ гонцамъ и служилымъ людямъ обыкновенно давались деньги, но сплошь и рядомъ эти деньги утаивались, и кормъ требовался съ охотниковъ. Охотники уступали не безъ борьбы; если-же кормъ все таки приходилось давать, то старались, видимо, разверстывать его между окрестнымъ населеніемъ. Такъ, въ одномъ дѣлѣ по романовскому уѣзду отъ 1593 г., читаемъ, что по челобитной монастырскихъ крестьянъ допрашивался ямской староста по поводу цѣлаго ряда притѣсненій, чинимыхъ населенію охотниками. Между прочимъ, охотники обвинялись и въ томъ, что ложно клепали на крестьянъ кормы для гонцовъ. Но ямской староста отвѣчалъ на разспросы по поводу кормовъ одно: гонцы, получая за кормъ деньгами, берутъ кормъ безплатно, а охотники и безъ того терпятъ большую нужду, такъ что имъ давать эти кормы не изъ чего. [4]) Хотя въ наказахъ мы постоянно читаемъ, чтобы кормъ собирался безъ притѣсненій сошнымъ людямъ, но едва ли будетъ преу-

---

1) Сб. Ист. Общ., т. XXXVIII, стр. 140—141; особенно интересна росись на стр. 367.

2) Сб. Ист. Общ., т. XXXVIII, ст. 313—314, 365, 373 и др.

3) А. И., II, 4, 8, 10 13.

4) Арх. М. И. Д., П. Д. С. Л. Св. 38, 1595 г.

величеніемъ считать, что злоупотребленія при сборѣ кормовъ дѣлали и эту повинность весьма нелегкой.

Быть можетъ, со временемъ, когда значительное количество архивнаго матеріала, лежащаго теперь подъ спудомъ, будетъ разработано, явится возможность точнѣе опредѣлить сравнительную тяжесть ямской повинности до 60-хъ годовъ 16 вѣка и послѣ, но пока безполезно и пытаться разъяснить этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе, что онъ находится въ связи съ общимъ вопросомъ объ условіяхъ экономическаго быта населенія въ первую и во вторую половину вѣка. [1]) Одно, однако, можно сказать и сейчасъ: съ точки зрѣнія конструкціи, т. е. тѣхъ началъ, которыя легли въ основу замѣчаемой въ ямскомъ строѣ со второй половины вѣка перемѣны, гоньба при слободскомъ строѣ должна была явиться облегченіемъ для населенія, сравнительно съ гоньбой по ямамъ на сошныхъ подводахъ, выставляемыхъ на ямы. Гнало гоньбу не само населеніе, а выдѣляемыя имъ изъ себя лица; въ идеѣ, слѣдовательно, населеніе откупалось рядомъ матерьяльныхъ жертвъ, освобождавшихъ его отъ самаго тяжелаго—личнаго участія въ гоньбѣ. Но на практикѣ эта конструкція неизбѣжно должна была принять совсѣмъ иную форму. Слободской строй прежде всего объединилъ гоньбу, придалъ ей регулярность, создалъ изъ нея законченное учрежденіе. Слѣдовательно, тѣмъ самымъ позволилъ требовать отъ гнавшихъ гоньбу болѣе опредѣленной и значительно болѣе интенсивной службы; каждое-же требованіе немедленно отражалось на населеніи, такъ какъ по отношенію къ гоньбѣ охотники представляли лишь суммированное населеніе. Иными словами: если слободской строй создался подъ вліяніемъ не только стремленій упорядочить ямское дѣло, но и подъ вліяніемъ стремленій облегчить населенію тяжесть, сопряженную для него съ этимъ дѣломъ, то

---

[1]) Попытку въ этомъ родѣ мы нашли у Рожкова, Сельск. хоз. въ Моск. Руси 16 в., глава 4. Не будемъ входить въ подробное ея разсмотрѣніе, но не можемъ не сказать, что приводимые авторомъ разсчеты едва-ли, не смотря на весь трудъ, затраченный на нихъ, могутъ что-либо прибавить къ тѣмъ общимъ соображеніямъ, которыя выводятся на основаніи уже извѣстныхъ матерьяловъ. Впрочемъ, и самъ авторъ долженъ былъ, въ концѣ концовъ, сослаться на извѣстную приблизительность своихъ разсчетовъ.

уже по одному тому, что слободской строй создался, на население должны были пасть тяготы, совокупность которыхъ едва-ли могла сдѣлать для него обязанности по ямской гоньбѣ болѣе легкими, чѣмъ эти обязанности были при прежнемъ порядкѣ. Слободской строй вмѣстѣ съ тѣмъ позволилъ правительству начать заботиться о дальнѣйшемъ развитіи ямской гоньбы, а это не менѣе естественно должно было увеличить какъ количество, такъ и сравнительную тяжесть обязанностей населенія.

Въ литературѣ довольно извѣстна рукопись, называемая „Слово къ благохотящимъ царемъ, правительницамъ и землемѣріемъ.“ [1]) Рукопись описываетъ бѣдственное положеніе населенія, отягощаемаго правительницами, т. е. мѣстной правительственной властью вообще и писцами въ особенности. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ говоритъ о непомѣрной тяжести для сельскаго населенія разныхъ сборовъ и въ частности ямскихъ повинностей, совокупность которыхъ онъ называетъ „ямскимъ правленіемъ“ Хотя на рукописи годъ ея составленія не обозначенъ, но можно думать, что она относится къ послѣдней четверти 16 вѣка. [2]) До извѣстной степени

---

[1]) Эта рукопись (Новг. Соф. биб., № 1296 л. 211—220) издана Жмакинымъ въ его изслѣд. о „Митрополитѣ Даніилѣ и его сочиненіяхъ“, М. 1881 г., въ Приложен. XXII, стр. 69 - 74. Того же содержанія отрывки изъ другого рукописн. сборн. были изданы Забѣлинымъ, „Оп. изучен. русск. древ. и ист.“, I, М. 1872, стр. 185 188., Арх. ист.—юр. свѣд. Калачева, 2, II, 47—49. Часть рукописи напечатана Милюковымъ, Спорн. вопр., Прилож. стр. 176—179. Не такъ давно въ Древностяхъ, Труд. археогр. ком. Моск. археол. общ., т. I, вып. 1, стр. 1—12, напечатана замѣтка объ этой рукописи г. Богословскаго.

[2]) Забѣлинъ относитъ рукопись къ концу 16 или началу 17 вѣка, Богословскій—ко времени правительницы Елены. Но авторъ былъ наведенъ на эту мысль словомъ „правительница“. Еслибы правительница означало именно регентшу, то непонятно, почему вслѣдъ за царями и правительницами идутъ „землемѣріи“. Самой рукописи видѣть намъ не удалось, но едва-ли можно сомнѣваться, что заглавіе на ней (въ спискѣ г. Жмакина заглавіе вовсе не обозначено)—позднѣйшаго происхожденія. Слѣдовательно, на основаніи заглавія вообще нельзя дѣлать никакихъ выводовъ. По самому-же содержанію рукопись можетъ относиться только къ тому времени, когда четвертное письмо сдѣлалось господствующимъ и когда писцы то и дѣло наѣзжали въ уѣзды. Слѣдовательно, ко времени не ранѣе 50—60-хъ годовъ 16 вѣка. Къ 17 вѣку отнести рукопись трудно, такъ какъ въ 17 вѣкѣ, начиная съ 30-хъ годовъ, ямская гоньба по ходу вещей уже и безъ того сосредоточивалась преимущественно въ городахъ.

эта рукопись можетъ свидѣтельствовать намъ, что въ глазахъ современниковъ вопросъ о тяготахъ, сопряженныхъ съ ямской гоньбой, былъ однимъ изъ весьма серьезныхъ вопросовъ Въ этой рукописи мы находимъ и проектъ справедливаго, по мнѣнію автора устроенія ямской гоньбы. Авторъ предлагаетъ возложить всѣ повинности по ней на городское населеніе, которому взамѣнъ онъ хотѣлъ бы предоставить право свободной торговли. Въ рукописи проектъ этотъ изложенъ такъ: „ямскіе-же правленія вся подробну достоитъ устрояти отъ града по росписанію и до другаго града. Симъ елицы и во градехъ купующеи, продающеи и прикупы богатѣюще достоитъ симъ сій яремъ между всѣхъ градовъ носити, понеже суть стяжатели многа прибытка. Кромѣ-же сего ничесоже никіихъ улишеній да не сподобятся, но во вся грады безо всякихъ воздаяній сирѣчь пошлинъ купующе и продающе и сего ради нарицаемая ямская правленія отъ града до града по написаніе исправляти симъ достоитъ. Се убо всякаго мятежа въ земныхъ умалится, писаремъ умаленіе, зборы перестанутъ, мзды неправедныя отлучатся“.

Ямы, т. е. для разсматриваемаго періода уже не только пріѣзжіе ямскіе дворы, но и ямскія слободы, строились по наказамъ изъ Москвы. Мѣстная правительственная власть, во исполненіе наказа, посылала спеціальнаго стройщика на мѣсто. Таковъ былъ общій порядокъ. Такъ, напримѣръ, Михайловскій ямъ въ 1573 г. строили осадный голова и городовой приказчикъ, въ Угличѣ посадскій ямъ при Өедорѣ Іоанновичѣ строилъ угличанинъ Раковъ, пронскій ямъ въ 1612 г. возобновлялся стройщикомъ, посланнымъ мѣстнымъ воеводой [1]). Въ шестидесятыхъ годахъ 16 вѣка большею частью ямы строятъ присланные изъ Москвы стройщики. Такъ, напримѣръ, строились многіе ярославскіе ямы [2]). Въ началѣ царствованія Михаила Өедоровича, когда многіе ямы, раззоренные во время смуты, пришлось возобновлять или устраивать наново, стройщиковъ также присылали изъ

Ко времени до 30-хъ годовъ мы также не рѣшились бы отнести эту рукопись, такъ какъ иначе естественно было бы искать въ ней хоть нѣкотораго отраженія смутнаго времени; этихъ отраженій, однако, нѣтъ.

[1]) Р. И. Б. II., 240, Угл. Акты, стр. 171, Акты Ряз. Кр. № 21.

[2]) А. С. Мон. I., 47 и др.

Москвы. Такъ, бѣлозерскіе ямы строилъ въ 1617 г. государевъ присланникъ Андрей Жуковъ, въ 1616 г. для устроенія нижегородскаго и олешковскаго ямовъ были присланы два стройщика изъ Москвы [1]). Можно видимо, думать, что по общему порядку забота объ устроеніи ямовъ лежала на мѣстной правительственной власти и только, когда ямское строеніе являлось дѣломъ новымъ или особенно важнымъ, какъ, напримѣръ, сейчасъ послѣ смутнаго времени, ямскихъ стройщиковъ присылали изъ Москвы. Присылались обыкновенно дѣти боярскіе или дьяки, едва-ли изъ числа вліятельныхъ. Въ 1601 г. на Тулѣ ямскимъ стройщикомъ былъ кн Иванъ Петровичъ Пожарскій, и это обстоятельство всему роду Пожарскихъ при мѣстническомъ счетѣ ставилось въ укоръ [2]).

Въ Новгородѣ, гдѣ, какъ мы уже знаемъ, одинъ изъ дьяковъ вѣдалъ въ числѣ другихъ дѣлъ и всѣ ямскія дѣла, ямской дьякъ или выѣзжалъ на ямское устроеніе самолично, иногда, впрочемъ, офиціально числясь въ товарищахъ у присланнаго изъ Москвы стройщика, или-же посылалъ отъ имени воеводы и отъ имени какъ своего, такъ и товарища-дьяка, дѣтей боярскихъ двухъ, трехъ человѣкъ да подъячаго или двухъ. Кто ѣхалъ строить ямъ, зависѣло отъ обстоятельствъ дѣла. Если ямъ строился на мѣстѣ, гдѣ прежде яма не было, то и стройщиковъ посылалось больше, и сами стройщики были авторитетнѣе. Такъ поступали и тогда, когда приходилось наново отдѣлять земли или переустраивать слободу. Имѣло значеніе также и то, устраивались-ли ямы по большой дорогѣ или по окольной. На устроеніе ямовъ поперечныхъ, т. е. добавочныхъ промежуточныхъ, посылался иногда одинъ подъячій, а иногда даже поручался устрой приказчику и ямскому дьячку ближайшаго болѣе крупнаго яма.

Ямъ могъ строиться заново, т. е. на мѣстѣ, гдѣ прежде яма не было, могъ строиться наново, т. е. переустраиваться, въ виду тѣхъ или иныхъ соображеній (напримѣръ, число охотниковъ рѣшено увеличить, уменьшить, рѣшено прибавить имъ земли, нужно отставить охудалыхъ охотни-

[1]) А. Ю. 38, Оп. Щук. Муз., III., стр. 115—117.

[2]) Счетн. дѣло кн. Бор. Лыкова съ кн. Дм. Пожарскимъ, Рус. Ист. Сборн. Погодина, кн. II.

ковъ и замѣнить ихъ новыми, а соотвѣтственно въ нѣкоторыхъ частяхъ измѣнить и прежнія устройныя книги и т. д.), могъ, наконецъ, возобновляться, т. е., строиться на мѣстѣ, можетъ быть, недавно только устроеннаго, но быстро запустѣвшаго яма. Въ главнѣйшихъ чертахъ во всѣхъ этихъ случаяхъ порядокъ и пріемы устроенья были одинаковы, но въ частностяхъ замѣчаются различія. Получивъ наказъ, стройщикъ запасался росписями, кто изъ уѣздныхъ людей къ какому яму и въ какой мѣрѣ ямской стряпней и ямскимъ строеньемъ приписанъ. Если ямъ устраивался на новомъ мѣстѣ, то такую роспись необходимо было предварительно составить. Отчасти руководствомъ служили тутъ платежныя книги, но, главнымъ образомъ, конечно, опросы на мѣстѣ при участіи самого населенія. Всѣ разспросныя рѣчи записывались, послѣ чего составлялся планъ ямского устроенія, который и служилъ отправной точкой. Иногда, кажется, въ такихъ случаяхъ этотъ предварительный планъ все таки раньше посылался въ Москву на утвержденіе. Соотвѣтственно этому общему плану расписывалась земля на столько частей, сколько нужно было на ямъ охотниковъ, если въ наказѣ не было точно опредѣлено, съ какой доли сохи долженъ быть взятъ охотникъ. Такъ какъ эта опредѣленная или опредѣляемая доля могла и не совпадать, (да обыкновенно и не совпадала) съ земельными владѣніями отдѣльныхъ лицъ, то послѣднимъ, какъ мы это уже видѣли выше, предоставлялось списываться между собой полюбовно, кому съ кѣмъ смежно и сручно. Свою роспись списывающіеся межъ себя за своими руками давали стройщикамъ, послѣ чего оставалось лишь выбрать съ каждой доли охотника. Иногда, впрочемъ, населеніе вступало въ пререканія другъ съ другомъ и со стройщиками, что вело къ тому, что стройщики сами расписывали земли по ямской стряпнѣ. Охотниковъ выбирала каждая такая составная единица отдѣльно. Выборы и поручная по охотникѣ запись за поповскими и выборщиковъ руками давались стройщикамъ. Послѣдніе все это записывали въ книги, называвшіяся устройными, гдѣ обозначали точно всю постепенную исторію устроенія даннаго яма, нерѣдко приводя и переписку, предшествовавшую поѣздкѣ на мѣсто. Въ этой книгѣ обозначались также не только имена выбранныхъ охотниковъ, имена поручившихъ-

ся за нихъ, точныя данныя, съ какихъ именно земельныхъ участковъ они выбраны, но и перепись лошадямъ охотничьимъ съ указаніемъ главныхъ примѣтъ Такъ, читаемъ: „изъ архангельскаго погоста Костовскаго старый охотникъ Степанъ Исаковъ сынъ Турбанова, а порутчики по немъ (имена), а лошади у того охотника: меринъ рыжъ, лысъ, носъ поротъ, грива на лѣво, десяти лѣтъ, меринъ игрень, грива на лѣво девяти лѣтъ, меринъ буръ, звѣзда во лбѣ, носъ поротъ, грива на обѣ стороны, восми лѣтъ" и т д. Содержаніе поручныхъ записей въ книги, если судить по новгородскимъ книгамъ, видимо, не вписывалось; насколько можемъ судить по разсмотрѣннымъ поручнымъ записямъ, самый текстъ ихъ варьировался, но содержаніе оставалось неизмѣнно тѣмъ-же на всемъ протяженіи даннаго періода: за излюбленнаго и выборнаго охотника представлялось поручительство, что будетъ онъ жить въ слободѣ, гонять гоньбу и всякое ямское дѣло дѣлать, съ яму не сбѣжитъ, никакимъ воровствомъ воровать не будетъ, не будетъ держать у себя ни корчмы, ни б..., не будетъ устраивать у себя притона для лихихъ людей и краденыхъ вещей и т. д. [1]) Мы знаемъ поручныя, подъ которыми подписывались только уѣздные или посадскіе люди, слѣдовательно, исключительно выборщики; знаемъ поручныя, подъ которыми подписывались только ямскіе охотники даннаго яма и, наконецъ, такія, гдѣ встрѣчаемъ подписи выборщиковъ и охотниковъ вмѣстѣ. Можно думать, что такая разница зависѣла отъ того, былъ-ли данный охотникъ поставленъ на слободу по предложенію уже находившихся тамъ ямщиковъ, напримѣръ, въ чье-либо мѣсто, или-же охотникъ ставился на вновь устрояемую слободу. [2]) Въ послѣднемъ случаѣ, какъ можно отмѣтить, поручныя за подписями однихъ только выборщиковъ —показатель, что данная слобода строилась съ сохъ; (такова и была въ разсматриваемомъ періодѣ обычная практика); поручныя съ ручательствомъ охотниковъ другъ за

---

[1]) Мы руководствуемся тутъ данными новгородскихъ устройныхъ книгъ, сопоставляя съ Акт. Ряз. кр. № 21, Оп. Щукинскаго Муз., стр. 115—117, Акт. Возн. Мон., стр. 12, Акт. Спас. Мон., I, XLVII, XLIX, L и др. Ср. Лаппо-Данилевск., ц. с., стр. 370, Спицынъ, Подати, сб. и пов. на Вяткѣ, стр. 8 и др. Также А. Ю. 294.

[2]) Поручныя въ новг. устр. книгахъ; А. Юр. 294, I и II.

друга - показатель, что слобода строилась по прибору. Таковы поручныя охотниковъ алексѣевской и котельницкой слободъ. Приведенное обстоятельство, однако, показываетъ, что, если слобода уже существовала, то введеніе въ нее новаго охотника происходило, вѣроятно, не безъ вліянія со стороны остальныхъ.

Если ямъ возобновлялся, то, прежде чѣмъ сдѣлать все, что только что описано, стройщики должны были, справившись по прежнимъ книгамъ, возстановить въ подробностяхъ планъ прежняго яма; если-же книгъ не было, то должны были замѣнить показанія книгъ опросомъ на мѣстѣ. Если въ сравненіи съ прежнимъ устроемъ новый долженъ былъ, какъ это выяснялось по справкамъ, отступить въ чемъ либо такомъ, на что не имѣлось прямыхъ указаній въ наказѣ, то дѣло останавливалось, пока пославшая стройщика власть не разрѣшала возникшихъ вопросовъ. Обыкновенно, если стройщикъ сносился не непосредственно съ Москвой, а, напримѣръ, съ воеводой, то послѣдній не рѣшался брать на себя инициативу и все-таки списывался съ Москвой. Послѣ полученія отвѣта изъ Москвы и послѣ соотвѣтственнаго исправленія въ составленномъ проектѣ возобновленія яма, мѣстная власть, если не имѣла, конечно, болѣе широкихъ полномочій, опять обо всемъ отписывала въ Москву и уже только по полученіи окончательнаго утвержденія давала наказъ стройщику. Во всемъ, что слѣдовало далѣе, стройщикъ поступалъ совершенно также, какъ и при устроеніи новаго яма [1]) Наконецъ, если ямъ переустроивался, то, такъ какъ это дѣлалось по спеціальному наказу, стройщикъ долженъ былъ только точно выполнить данное порученіе: напримѣръ онъ составлялъ книгу вытямъ, которыя оказались не приписанными къ яму стряпней послѣ послѣдняго устроя и правилъ на этихъ новыхъ вытяхъ охотниковъ и подмогу; напримѣръ, онъ на мѣсто двухъ умершихъ охотниковъ прибиралъ по спеціальному распоряженію четырехъ новыхъ охотниковъ и соотвѣтственно передѣлывалъ книгу росписи; или, напримѣръ, отставлялъ часть охотниковъ, другую часть переводилъ на другой ямъ, а на мѣста переведенныхъ прибиралъ новыхъ. [2])

---

[1]) А. Ряз. Кр. № 21, Арх. М. И. Д. П. Д. С. Л., Св. 153, № 91, 1642 г.

[2]) Книги устр. Q. IV, 260, Л. 1—19, 264, съ л. 31 и др.

Когда охотники были выбраны, стройщики приступали къ устроенію яма землею. Ямская земля состояла изъ нѣсколькихъ частей: 1) земли подъ ямской пріѣзжій дворъ и подъ самую ямскую слободу; 2) ямской пашни, пожни, лѣсныхъ угодій; 3) ямскихъ оброчныхъ деревень. Подъ ямской пріѣзжій дворъ въ рядовой слободѣ отводился участокъ земли въ 30 × 40 саж., въ 40 × 40 саж., въ 50 × 50 саж. Обыкновенно ямской пріѣзжій дворъ (Государевъ пріѣзжій дворъ) помѣщался въ самой слободѣ, но извѣстны случаи, когда онъ находился въ самомъ городѣ, а не у выѣзда изъ него, гдѣ обыкновенно находились ямскія слободы. Такъ, напримѣръ, оба Государева двора въ Новгородѣ, когда строились алексѣевская и котельницкая слободы, были устроены - одинъ на Софійской сторонѣ у Алексѣевской каменной башни, другой на Торговой сторонѣ въ деревяномъ городѣ противъ двора Соловецкаго монастыря. Количество земли, отдѣлявшейся подъ слободу, зависѣло, конечно, отъ количества охотничьихъ паевъ на слободѣ и отъ размѣра земли, отдѣляемой на пай. Какой-нибудь общей мѣры, которая бы считалась обязательной или даже минимальной на пай, видимо, не было, но путемъ обычая къ концу 16 вѣка такая мѣра какъ бы опредѣлилась: для большихъ ямовъ 25 десятинъ на слободу, что составляло $^5/_6$ десятины на пай, а для меньшихъ ямовъ 8—10 десятинъ на слободу, что составляло $^1/_2$ и $^2/_3$ десятины на пай. [1]) На каждый пай давалась земля подъ дворовое строеніе, подъ огороды и гуменники. Вотъ нѣкоторые отдѣльные размѣры охотничьихъ дворовъ: въ Псковѣ въ 1587 г.—40 × $7^1/_2$ саж. въ московскихъ слободахъ —40 × 25 саж., (въ рогожской при Іоаннѣ IV было сначала отведено 10 × 8, а потомъ „вровень“ прибавлено до 15 × 10 на дворовое мѣсто и до 25 × 15 подъ огороды) въ касимовской въ 1593 г.—40 × $7^1/_2$ саж. [2]) Въ дѣйствительности, однако, эти размѣры, опредѣлявшіеся въ

---

[1]) Q. IV, 334, Арх. М. И. Д. П. Д.С. Л. Св. 153, № 91, 1642 г.

[2]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. Св. 153, № 91, 1642 г. Ар. М. Ю. Переп. кн. ямск. сл. № 265, Л. 1—10, 23, Л. 26 - 43 и др. Воспользуемся случаемъ, чтобы описать этотъ весьма цѣнный (и далеко не только для нашего вопроса) источникъ. Переписная книга ямскихъ слободъ (№ 265) состоитъ изъ ряда книгъ отдѣльныхъ слободъ, преимущественно 1627—1628—1629 г.г., но заключаетъ въ себѣ и переписныя 1637 г. и 1642 г. и др. Между описаніями слободъ почти въ каждой изъ этихъ переписныхъ имѣются ссылки на старыя грамоты, на разныя распоряженія, на

принципѣ по Государеву указу, не соотвѣтствовали натурѣ, такъ какъ стройщики часто примѣривали сверхъ Государева указа. Такъ, въ 1627 г. Касимовскимъ охотникамъ сверхъ указныхъ 15 × 10 саженъ подъ дворы примѣрено было кому 11 × 10½ саж., кому 10 × 6 саж. и т. д., а подъ огороды—кому 79 × 17 саж., кому 162 × 6¼ саж. и т. д. Въ Муромской слободѣ по переписной книгѣ 1628 г. оказывается сверхъ указа за 26 вытями безъ трети подъ дворами и огородами 24½ десятины. И это нельзя считать практикой только 17 вѣка, такъ какъ и при устроеніи новгородскихъ ямовъ 1586 года встрѣчаемъ то-же явленіе. [1]) Такъ какъ тѣ данныя, которыми мы можемъ пользоваться, относятся къ ямамъ не первоначально устраиваемымъ, а лишь возобновляемымъ или перестраиваемымъ, то естественно размѣры участковъ могутъ сильно колебаться: если, напримѣръ, въ слободѣ прежде было 50 охотниковъ, а по новому устрою положено 40 охотниковъ, то лишніе 10 паевъ, если они не брались на Государя, дѣлились между всѣми 40 охотниками, чѣмъ увеличивался размѣръ каждаго пая. Приказчики обыкновенно получали участки двойного размѣра. Такъ, въ Псковѣ въ 1587 г., при 40 × 7½ с. на охотника, приказчикъ получилъ 40 × 15

старую практику и проч. Это дѣлаетъ настоящій матерьялъ одинаково важнымъ для насъ и при разсмотрѣніи даннаго періода, какъ и при разсмотрѣніи слѣдующаго. Вотъ оглавленіе книги: л. 1—76—Московскія слободы 1628 г.; (этотъ матерьялъ отчасти использовалъ уже Забѣлинъ, въ Матерьялахъ по гор. Москвѣ, I, стр. 714, 724, 824, 872) Л; 77 147—Владимірская слобода 1642; Л. 148—208—Муромская слобода 1628 г.; Л. 210—233 Ярославская 1628 г. (копія въ Имп. Пуб. Б., F., IV, 528); Л. 233—251—Ярославская 1621 г. (коп. въ Имп. Пуб. Биб. F. IV, 522); Л. 251—278—Переяславъ—Залѣсская 1600 г. (едва-ли правильно, такъ какъ въ книгѣ упоминается Михаилъ Ѳеодоровичъ); Л. 278—284—303—копія съ только что указанной; Л. 303—315 ухорская слобода 1628 г.; Л. 315—323—галичская слобода 1643 г.; Л. 326—337 суздальская слобода 1628 г. и т. д. Затѣмъ идутъ слободы алатырская, арзамаская, валуйская, вяземская, кадомская, касимовская и т. д. Кромѣ № 265 мы пользовались отчасти для сличенія, отчасти для сравненія (если это не оказывались копіи) №№ 190, 599, 608, 673, 675, 679, 690, 15267. Но по большой части, это—копіи. Такъ клинская слобода въ к. 190 копія съ кн. 15626 и 673; коломенская въ к. 265 копія съ кн. 679; владимірская въ к. 265 копія съ к. 608; великолукская въ кн. 265 коп. съ кн. 599 и т. д.

[1]) Q. IV, 260. Ар. М. Ю. Переп. кн. ям. сл., № 265, Л. 77 80; Вельямин.-Зерновъ, Изслѣд. о касим. цар. и царевичахъ, III, стр. 65—83.

саж.; въ новгородскихъ ямахъ приказчиково дворовое и подъ огороды мѣсто равняется почти всегда двумъ десятинамъ безъ чего-нибудь при 5/6 десятинахъ на охотника; такое-же соотношеніе наблюдаемъ и въ переписныхъ книгахъ 1628 г., но иногда знаменатель отношенія равняется 4. Такъ въ дорогомиловской ямской слободѣ, при 40 × 25 саж. за охотникомъ, видимъ за приказчикомъ подъ дворомъ 30 × 20 саж. и подъ огородомъ и гуменникомъ—50 × 30 саж., а всего—80 × 50 саж.; въ коломенской ямской слободѣ - тѣ-же размѣры. Конечно, не всегда и не вездѣ это отношеніе 1 : 2 : 4 соблюдалось точно. Такъ, въ касимовской слободѣ по отдѣлу 1628 г. пай приказчика немногимъ только болѣе пая охотника. [1]) Въ новгородскихъ устройныхъ книгахъ сохранилось не мало описаній охотничьихъ дворовъ. Обыкновенно это—изба наземная съ комнатой, да съ сѣнцы, да мыльня, да конюшня, да около двора городьба въ заборъ. Иногда на дворовомъ мѣстѣ и двѣ, и три избы.

Существовалъ-ли опредѣленный размѣръ земельнаго надѣла для ямскихъ охотниковъ? Можно думать, что существовалъ, но не всегда проводился точно; въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, а, можетъ быть, и отъ произвола стройщиковъ онъ видоизмѣнялся. Судя по всему, по крайней мѣрѣ, до конца 16 вѣка, и за исключеніемъ особо важныхъ ямскихъ слободъ, какъ напримѣръ, обѣ новгородскія, гдѣ надѣлъ былъ 10 четв. въ каждомъ полѣ охотнику и сѣна на 40 копенъ, а приказчику—20 четв. въ каждомъ полѣ и сѣна на 80 копенъ, надѣлъ равнялся 5 четв. въ каждомъ полѣ и сѣна на 20 копенъ охотнику и 10 четв. или 20 четв. въ полѣ и сѣна на 40 копенъ приказчику. Такіе надѣлы мы встрѣчаемъ въ Тулѣ въ 1587—1589 г., въ Каширѣ въ 1578—1579 г.г., въ Дѣдиловѣ въ 1587—1589 г., во многихъ новгородскихъ и псковскихъ слободахъ по отдѣлу 1586 1587 г. [2]) О томъ, что тенденція къ опредѣленному окладу существовала, можно судить также по дѣлу объ устройствѣ псковскаго и загорскаго ямовъ въ 1560 г.: „а земля прикащику и охотникамъ дана по

[1]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. Св. 153, № 91, 1642 г., Ар. М. Ю. Переп. кн. ям. сл. № 265, Л. 1—10, 23, Л. 26—43, Вел.-Зерн., ц. м.

[2]) Писц. книги Моск. Госуд. Отд. II, стр. 1097, 1267, 1302. Q. IV, 260, 261, 334.

окладу". [1]) Въ 1627 г. эта тенденція выражается еще съ большей опредѣленностью; такъ, въ переписной книгѣ великолукской ямской слободы находимъ указаніе на окладъ по памяти изъ ямского приказа: „а по Государевой грамотѣ изъ ямского приказа велѣно писать по 5 четв. на охотника и сѣна по 20 копенъ, а приказчику вдвое". [2]) Но было бы преувеличеніемъ считать, что, если и подмѣчается эта тенденція къ опредѣленному окладу, — не было случаевъ значительныхъ уклоненій отъ оклада въ силу самыхъ предписаній изъ Москвы. Въ резолюціи отъ 1629 г. на челобитной тарскихъ юртовыхъ гонебныхъ татаръ, просившихъ о сравненіи ихъ земельнаго надѣла съ надѣломъ другихъ охотниковъ читаемъ: „и въ московскихъ городахъ городы у Государя не всѣ ровные" [3]). Можно думать, что этотъ основной принципъ, по которому характеръ и значеніе потребностей сами опредѣляли размѣръ средствъ на ихъ удовлетвореніе, неизмѣнно въ связи со всей совокупностью временныхъ и мѣстныхъ условій, не выработался только въ началѣ 17 в., а въ достаточно широкомъ объемѣ примѣнялся и раньше.

Земли отдѣлялись охотникамъ, по правилу, возможно ближе къ ямамъ, но иногда давали и гдѣ-нибудь въ уѣздѣ. Такой отдѣлъ, однако, охотники считали несправедливостью, и они или били челомъ о новомъ отдѣлѣ, или напросто завладѣвали чужой землей. Случай послѣдняго рода имѣлъ мѣсто въ Угличѣ. Еще при Ѳедорѣ Іоанновичѣ, при возобновленіи яма, запустѣвшаго послѣ царевича Дмитрія, охотникамъ были отведены порожнія земли для пашни и покосовъ далеко отъ слободы, въ уѣздѣ. Ямщики тогда-же завладѣли посадской землей, прилегавшей къ слободѣ. Только въ 1627 году по государеву указу посадскимъ была возвращена земля, но ямщики „указу учинились непослушны, землей не межевались и съ межеванья разбѣжались." [4]) По общему-же правилу, точнѣе по постоянно выражаемому желанію Москвы — земля охотникамъ должна была отводиться сряду „съ одново", а не чрезъ земли. [5]) Но такое

[1]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. Св. 153, № 91, 1642 г.
[2]) Арх. Мин. Ю., Переп. кн. ямск. слоб. № 265, л. 393.
[3]) Р. И. Б., VIII, II, LVIII, 2.
[4]) Угл. акты, стр 17, Городъ Угличъ XVII в., изд. Липинскаго стр. 150.
[5]) Q IV, 263, л. 3—4, 169 и др.

желаніе не всегда было осуществимо, особенно, если ямская слобода устраивалась или перестраивалась въ издавна заселенномъ пунктѣ. Вотъ, напримѣръ, въ какомъ только видѣ удалось осуществить такое прямо выраженное въ наказѣ изъ Москвы желаніе при возобновленіи двухъ новгородскихъ ямскихъ слободъ въ 1586 г.: вся прежняя ямская земля оказалась приписанной къ дворцовому селу; воевода и дьяки, видя, что придется, слѣдовательно нарѣзать охотникамъ земли изъ помѣстной, вотчинной и посадской, а, главнымъ образомъ, изъ вотчинъ архіепископа и монастырскихъ, доложили о результатѣ своихъ розысковъ архіепископу; архіепископъ приговорилъ: „ноугороцкимъ ямскимъ охотникамъ сту человѣкъ дати оброчную на посадѣ нарезную землю да около Новгорода близко посаду изъ помѣстныхъ порозжихъ земель всего по десятинѣ пашни человѣку, а небудетъ столько десятинъ въ порозжихъ земляхъ смежно, а гдѣ будетъ межъ тѣхъ земель смежно земли монастырскіе вотчинные и церковные съ обжу или зъ двѣ и тѣ земли отписати въ пашню и учинити бы за всякимъ охотникомъ близко посаду по десятинѣ земли человѣку. А по осьми чети земли приговорилъ имъ дати отъ Новогорода верстъ за десять и за пятнадцать и болѣе. А которые будутъ въ томъ числѣ за дѣтьми боярскими усадьбища и тѣхъ усадьбищъ и подъ усадьбищи земель имати и охотникамъ давати не велѣлъ. А велѣлъ имати у дѣтей боярскихъ живущую паханую и переложную землю деревняхъ и порозжие помѣстные земли и луского яму охотницкую землю. А чего охотникомъ изъ оброчные земли и изъ помѣстныхъ и изъ порозжихъ земель и изъ луского яму охотницкіе земли въ окладѣ не дойдетъ и то число имъ отписати изъ монастырскихъ и изъ церковныхъ земель, которые съ охотницкими земли будутъ смежно. Да о томъ велѣлъ отписати ко Государю, а безъ государева указу монастырскихъ земель охотникамъ давати не велѣлъ“. [1]) Воевода, однако, имѣлъ уже указъ, по которому разрѣшалось нарѣзать охотникамъ землю изъ всякихъ земель, въ томъ числѣ и изъ монастырскихъ. Не послушавшись архіепископа, воевода поступилъ согласно прежнему указу, но монастыри одинъ за другимъ

---

[1]) Q IV, 263, л. 109—114.

стали жаловаться въ Москву. Хотя (въ промежуткѣ между рѣшеніями по двумъ такимъ челобитнымъ) изъ Москвы опять пришло распоряженіе давать охотникамъ землю и изъ монастырскихъ земель, но челобитныя монастырей всѣ, сколько ихъ не приведено въ книгѣ, были въ Москвѣ удовлетворены. Такимъ образомъ, противъ первоначальнаго отдѣла, по которому и безъ того ямскія земли оказывались разбросанными по разнымъ мѣстамъ, площадь этого разброса по окончательному отдѣлу увеличилась еще больше. Такъ, одинъ монастырь, взявъ первоначально въ обмѣнъ участокъ, прилегавшій къ его землямъ (участокъ этотъ былъ взятъ изъ порожнихъ помѣстныхъ земель), настоялъ на возвращеніи первоначально отведеннаго отъ него участка и далъ очень дальній другой участокъ; другой монастырь (Хутьяновъ) и вовсе отстоялъ свой участокъ, который остался клиномъ между ямскими землями. [1]) Неудивительно, что въ 1587 году охотники жаловались въ Москву, что отдѣлили ихъ землей не съ одново, а чрезъ земли, что земля дана самая разнообразная, что луговая не дана вовсе и т. д. [2]) Въ другихъ дѣлахъ, однако, находимъ факты противоположнаго характера: земля отдѣлялась самая лучшая, причемъ давалась вся смежно, такъ, что чрезполосица образовывалась уже не въ ямскихъ земляхъ, а въ вотчинахъ и помѣстьяхъ, отъ которыхъ отдѣлялись участки для охотниковъ. [3])

Уже изъ приведенныхъ данныхъ видно, что при надѣленіи охотниковъ землей извѣстная часть земли должна была экспропріироваться (употребляемъ это выраженіе въ его приблизительномъ, а не въ точномъ юридическомъ смыслѣ). Въ принципѣ отводилась государева порозжая земля, но, если ея не было близко яма или не хватало ея, отводилась земля чья-нибуди. [4]) За экспропріированную землю, по общему правилу, давалась земля въ обмѣнъ. Это выражено прямо въ наказѣ объ устроеніи земель охотниковъ котельницкой и алексѣевской слободъ: „и

---

[1]) Q IV, 263, л. 139—167.

[2]) Q IV, 263, л. 168 и сл.

[3]) Напр. Вл. Губ. Вѣд., 1854 г., 16.

[4]) Это правило встрѣчаемъ еще въ предыдущемъ періодѣ А. Э. I, 156.

охотникамъ велено дати изъ порозжихъ земель, которые близко ноугородскаго посада и изъ помѣстныхъ земель, которые пришли смежно съ ямскими землями. А помѣщикамъ въ то мѣсто велено дати въ иныхъ мѣстѣхъ, гдѣ пригоже изъ порозжихъ земель". [1]). Довольно много весьма интереснаго матерьяла по этому вопросу представляетъ кн. Q. IV, 263, съ л. 139. Заимствуемъ только нѣсколько примѣровъ: у сына боярскаго Якова Колокольцева отрѣзали изъ помѣстья три обжи, давъ взамѣнъ три обжи въ порозжихъ земляхъ, но ему было невыгодно дать именно эти три обжи имъ распаханныя и ему очень нужныя; по его челобитью было рѣшено взять у него другія три обжи, причемъ постройки, которыя на этомъ новомъ участкѣ находились, приказано было вернуть ему. Участокъ, отрѣзанный отъ Хутьянова монастыря вотчины и обмѣненный на дальнюю землю, былъ возвращенъ монастырю, послѣ того, какъ игуменъ доказалъ, что эти деревни —купля. (Обращаемъ вниманіе на этотъ весьма любопытный фактъ историковъ русскаго частнаго права: купля, какъ выраженіе трудового начала, не экспропріируется; ея положеніе въ составѣ монастырскихъ земель - особое положеніе). При устроеніи переведенныхъ изъ подъ Орѣшкова охотниковъ на поперечный ямъ ближе къ Волхову, какъ читаемъ въ другой книгѣ, была взята земля у пономаря и проскурницы и отдана охотникамъ; земля въ обмѣнъ имъ была дана другая. Взяли тогда-же землю и изъ помѣстья Калачева, а въ обмѣнъ ему дали другую. [2]) Изъ цитированнаго уже приговора новгородскаго архіепископа видно, что усадьбы и земля подъ усадьбами не экспропріировалась. Но иногда за экспропріированную землю не давали въ обмѣнъ другой. Такъ, изъ челобитной 1589 г. видимъ, что при устроеніи землей новоторжскихъ охотниковъ было отрѣзано 174 четвертей отъ вотчины женскаго воскресенскаго монастыря, но монастырь не только ничего не получилъ взамѣнъ, а еще долженъ былъ платить за экспропріированную у него землю ямскія деньги. [3]) Нельзя сказать, чтобы такіе случаи были слѣдствіемъ только злоупотребленій со стороны стройщиковъ: принци-

---

[1]) Q IV, 263 л. 3—4.

[2]) Q IV, 262, л. 178—179.

[3]) А. Э. I, 344.

ціально московское правительство признавало, что за экспропріируемую землю слѣдуетъ давать въ обмѣнъ другую, но въ общемъ оно наказывало вести это дѣло съ пользой для Государя. Когда, напримѣръ, по поводу устроенія алексѣевской и котельницкой слободъ въ Москву стали поступать многочисленныя жалобы съ указаніемъ на то, что у однихъ было взято слишкомъ много земли, а другимъ въ обмѣнъ не додано, въ памяти изъ Москвы читаемъ выговоръ воеводѣ и дьякамъ — не умѣютъ они сдѣлать никакого дѣла, не умѣютъ избавить Государя отъ докуки, однихъ пустошатъ, а по отношенію къ другимъ забываютъ Государеву пользу [1]). Слѣдовательно, если и бывали случаи, вродѣ указаннаго, то они могли объясняться искреннимъ желаніемъ стройщиковъ соблюсти Государевъ интересъ.

Обмѣнъ земель по поводу устроенія ямскихъ слободъ весьма перепутывалъ все сошное письмо. Тѣ, у кого земля отбиралась охотникамъ, видимо, плохо мирились съ такими отводами, и правдами, и неправдами старались вернуть отобранныя земли, иногда не желая вмѣстѣ съ тѣмъ отказываться и отъ новыхъ земель, данныхъ въ обмѣнъ. Однѣ челобитныя удовлетворялись, другія нѣтъ, иногда удовлетворялись только въ части, нерѣдко вызывая два противоположныя рѣшенія: одно - по челобитной охотниковъ другое по челобитной тѣхъ, о чьей землѣ былъ споръ. Сдѣланныя въ книгахъ исправленія приходилось исправлять наново; исправляли въ однихъ спискахъ, не исправляли въ другихъ. Когда, слѣдовательно, возникалъ споръ, каждая сторона опиралась на выписи, до извѣстной степени доказывавшія справедливость предъявленныхъ требованій; съ другой стороны, сборщики податей правили деньги какъ на экспропріированныхъ, такъ и на данныхъ въ обмѣнъ земляхъ; наконецъ, въ дѣла иногда вступались третьи лица, которыя предъявляли права на спорный участокъ, такъ какъ по устрою прежнихъ лѣтъ, этотъ участокъ былъ отданъ имъ взамѣнъ земли, тогда отведенной изъ ихъ помѣстій охотникамъ прежняго устроя. [2]) Все это вело къ тому, что споры о земляхъ, отданныхъ охотникамъ, были, видимо, весьма распространеннымъ явленіемъ и что спорныя дѣла

---

[1]) Q. IV, 1236, л. 263 и сл.

[2]) Напр., Д. А. И., I, 57, Угличъ XVII, в. стр. 150 и мн. др.

эти тянулись весьма многіе годы. Напримѣръ, дѣло изъ-за земель алексѣевскаго яма съ Вяжитскимъ монастыремъ, начавшееся въ 1594 г. (слѣдуетъ думать, судя по устройной книгѣ — съ 1586 г.), не было кончено еще въ 1606 г. [1]) Дѣло между охотниками Бронницкаго яма съ Андроньевскимъ монастыремъ изъ-за пустоши Сокольницкой и изъ-за рыбной тони, велось съ перерывами почти сто лѣтъ. Мы знаемъ приговоръ по этому дѣлу отъ 1691 г., между тѣмъ челобитная изъ-за Сокольницкой пустоши извѣстна еще отъ 1597 г. [2])

Если на отводимой землѣ находились крестьянскіе дворы, то они придавались къ яму. Такъ, Загорскому яму были приданы въ 1560 г. 16 деревень съ крестьянами, которыми охотники владѣли безъ раздѣлу и съ которыхъ всякіе доходы получали сообща, дѣля межъ собой. Крестьяне, жившіе на деревняхъ Вокшерскаго яма, платили оброкъ охотникамъ Ярославскаго яма, къ которому вокшерская слобода было придана еще до раззоренья. Имѣла приданныхъ крестьянъ и московская рогожская слобода еще при Іоаннѣ IV и т. д. [3]) Какъ были приданные крестьяне, такъ были и „подданные“ бобыли. Напримѣръ, подданные Вышневолоцкому яму бобыли, селившіеся вновь на земляхъ стараго Выдропусскаго яма; напримѣръ, бобыли на ямской землѣ, подданные владимірскому яму, бобыли на костромской ямской землѣ, подданные яму и т. д. [4]).

Отдѣливъ къ слободѣ землю, стройщикъ долженъ былъ еще отмежевать эту землю „чтобъ тѣмъ ямскимъ землямъ впередъ спору ни съ кѣмъ не было“, и точно вписать въ книги какъ отведенную землю, такъ и межи ей [5]). Этимъ обыкновенно и заканчивались обязанности стройщика, если его дѣйствія, совершенныя во всемъ согласно наказу, не встрѣчали противодѣйствія со стороны населенія. Напримѣръ, если охотники во время выставлялись на ямъ, если охотники являлись со всѣмъ снарядомъ, если не возникало тутъ-

---

1) А. Э. II, 42.

2) Акты Ѳедот.-Чеховск., т. II, № 161, ср. съ Q. IV, 261.

3) Ар. М. И Д. П. Д. С. Л. св. 153, № 91, А. М. Ю. кн. пер. ямск. слоб. № 265 и сл., л. 26—43.

4) Р. И Б. V, 37, А. М. Ю. кн. пер. ямск. слоб. № 265.

5) Оп. Щук. Муз., III, стр. 116, А. С. М. LXLIII.

же, можетъ быть, сейчасъ-же послѣ отдѣла, споровъ о землѣ. Въ противномъ случаѣ, стройщикъ долженъ былъ оставаться на мѣстѣ и дальше, чтобы, съ одной стороны, тутъ-же на мѣстѣ принудительно осуществить сдѣланныя имъ распоряженія, пока только осуществившіяся на бумагѣ, а, съ другой стороны, чтобы исполнить приговоръ по начатому спорному дѣлу. Впрочемъ, по общему порядку, стройщики обо всемъ сносились черезъ пославшую ихъ власть съ Москвой и ждали спеціальныхъ для каждаго случая наказовъ. Такъ, когда нижегородскій посадъ не далъ опредѣленнаго согласно росписи количества охотниковъ, стройщики снеслись съ Москвой, откуда получили наказъ: пославъ сколько понадобится стрѣльцовъ, пушкарей, затинщиковъ, разсыльщиковъ, выбрать изъ старостъ и цѣловальниковъ двухъ-трехъ средней статьи и заключить ихъ въ тюрьму на два дня, послѣ чего доправить на нихъ слѣдуемое число охотниковъ. Аналогичные-же случаи извѣстны и изъ исторіи устроенія ярославскихъ ямовъ. Если, наоборотъ, населенію удавалось раньше снестись съ Москвой и добиться рѣшенія въ свою пользу, стройщики должны были принять нужныя мѣры къ отмѣнѣ своихъ прежнихъ распоряженій. Когда возникалъ какой-нибудь споръ рѣшеніе исходило опять таки изъ Москвы, а стройщикъ только приводилъ его въ исполненіе. Напримѣръ, доправлялъ на виновной сторонѣ убытки, размежевывалъ земли согласно приговору и т. д. Такимъ образомъ, стройщикъ пока онъ былъ при данномъ порученіи, являлся представителемъ исполнительной власти и, быть можетъ, не только по дѣламъ, возникшимъ изъ ямского строенья, а и по другимъ, случавшимся въ то время, когда онъ былъ въ уѣздѣ.

Устроивъ слободу, стройщикъ наблюдалъ и за тѣмъ, чтобы охотники выбрали старосту (если слобода была большая, то и десятскихъ), а также устраивалъ въ слободѣ и ямского приказчика. При стройщикѣ-же, вѣроятно, происходила и разверстка отведенныхъ земель между самими охотниками. На этомъ его обязанности, кажется, и кончались.

По обшему правилу въ охотники должны были выбираться люди зажиточные, семьянистые, лучшіе крестьяне. Правительство старательно напоминало объ этомъ. Тутъ

сказывалось стремленіе правительства бороться съ тѣмъ явленіемъ, что ямы, въ случаѣ неудачнаго набора охотниковъ, быстро пустѣли. Наново устроенный въ 1598 г. сухловскій ямъ, напримѣръ, уже совсѣмъ охудалъ въ 1611 г, охотники были безъ лошадей, весь охотничій снарядъ былъ въ износѣ и гнать гоньбу было имъ уже не подъ силу. Цѣлый рядъ ямовъ по псковской дорогѣ, обновленный въ 1574 г., въ 1580 г. требовалъ уже новаго устроя, въ виду полнаго охуданія охотниковъ. Такихъ примѣровъ можно привести не мало. [1]) Наблюдать за тѣмъ, чтобы выбранные были людьми, которымъ впредь можно и легко было бы гонять гоньбу, долженъ былъ стройщикъ. Когда охотники собирались въ переустроенной или вновь устроенной слободѣ, онъ долженъ былъ пересмотрѣть ихъ и весь ихъ гонебный снарядъ на лицо. Ему-же, какъ уже было сказано, давались выборныя записи, такъ что, вѣроятно, отъ него и зависѣло утвердить или не утвердить эти выборы. По общему правилу, охотникъ долженъ былъ имѣть 3 гонебныхъ мерина. Эту норму мы встрѣчаемъ чаще всего [2]). Но она не была исключительной: на псковскомъ яму въ теченіи, кажется, всего времени отъ 1570—1626 г. каждый охотникъ долженъ былъ имѣть только по 2 мерина. [3]) На ямахъ по псковской дорогѣ по устрою 1574 г. у каждаго охотника было по 5 мериновъ. При устроеніи котельницкой и алексѣевской слободъ въ 1586 г. предполагалось вначалѣ установить норму въ 4 мерина на охотника. [4]) Кромѣ лошадей охотникъ долженъ былъ имѣть сани, телегу, сѣдла, сбрую. Если ямъ находился на рѣкѣ—и судовый снарядъ. [5])

По общему-же правилу предпочиталось брать на ямы такихъ людей, которые или уже были въ охотникахъ, или принадлежали къ охотничьей семьѣ, другими словами, людей, которымъ гоньба была бы за обычай. [6]) Но, конечно, исполняться такое правило могло только отчасти. Если ямъ устраивался вновѣ, то нерѣдко для перваго завода пере-

---

[1]) Q IV, 262, л. 31 и сл., Q. IV, 261, л. 126—129.
[2]) А. Ю. 192, 294, 1 и 2, 278, Q. IV, 262 passim, 264 pas.
[3]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. Св. 153, № 91, 1642 г.
[4]) Q. IV, 261, л. 1, Q. IV, 263, л. 5 и сл.
[5]) Напр. А. Ю. 192, 278.
[6]) Q. IV, 261, passim.

водили на него охотниковъ изъ ближайшей или съ какой было удобно слободы; другую же часть комплекта приходилось, вѣроятно, выбирать изъ людей въ ямскомъ дѣлѣ не свѣдущихъ. Если возобновлялся какой-нибудь ямъ, то прежде всего сыскивали старыхъ охотниковъ, но пополняли комплектъ по необходимости людьми, впервые попадавшими на ямъ. Если на яму приходилось замѣщать отдѣльныхъ охотниковъ, охудавшихъ, сбѣжавшихъ, умершихъ, то выбирались, вѣроятно, чаще всего дѣти и родственники кого-либо изъ охотниковъ. Прямыхъ указаній на это для разсматриваемаго періода мы не нашли, но, какъ уже было сказано, судя по поручнымъ, слобода имѣла извѣстное вліяніе на выборъ охотника: этому-же должно было соотвѣтствовать и желаніе правительства имѣть на яму людей, привычныхъ къ дѣлу. Въ единственномъ случаѣ устроенія ямовъ путемъ прибора, какой мы для даннаго періода знаемъ, а именно— при устроеніи котельницкой и алексѣевской слободъ, на ямъ, по наказу, были прибраны, главнымъ образомъ, такіе охочіе люди, которые или сами были охотниками, или отцы или братья ихъ гоняли гоньбу [1]).

Это стремленіе правительства сдѣлать изъ случайнаго занятія переходящую изъ рода въ родъ профессію, въ концѣ концовъ, какъ увидимъ дальше, увѣнчалось успѣхомъ и соотвѣтственно измѣнило отдѣльныя черты ямского строя. Но случилось это, если не повсемѣстно, то въ большей части мѣстъ лишь въ концѣ 20 годовъ 17 вѣка. До конца 16 вѣка быть ямскимъ охотникомъ не могло представлять серьезныхъ выгодъ, по крайней мѣрѣ, такихъ, благодаря которымъ составъ ямскихъ слободъ дѣлался бы болѣе или менѣе устойчивымъ. Населеніе, обязанное поставить охотника, срывало съ земли крестьянина, предоставляя ему взамѣнъ извѣстныя средства на первое обзаведеніе на новомъ мѣстѣ. Эти средства, вѣроятно, были наиболѣе дѣятельной причиной, почему все таки находились лица, шедшія въ охотники. Но такъ какъ вся дальнѣйшая жизнь охотника въ слободѣ сводилась къ тому, что средства онъ получалъ отъ населенія, а опредѣленіе своего положенія—отъ воеводъ и приказныхъ людей, то естественно происходило слѣдующее: насе-

---

[1]) Q IV, 263, л. 9 . 11.

леніе должно было уклоняться отъ исправнаго выполненія своихъ обязанностей, воеводы же и приказные, постоянно нуждаясь въ подводахъ, и, вѣроятно, въ большемъ даже количествѣ, чѣмъ могли выставить охотники, должны были нерѣдко прибѣгать къ суровымъ мѣрамъ. И это, если даже не принимать во вниманіе злоупотребленій явленія для того времени безусловно зауряднаго. Охотники получали еще землю, но, очевидно, что и это мало помогало дѣлу. Земля въ ихъ рукахъ не могла давать всего, что она могла бы дать въ рукахъ земледѣльца, такъ какъ гоньба невольно отбивала отъ земли. Наконецъ, населеніе, въ виду того-же стремленія всячески облегчить себѣ тяжесть повинности, едва-ли, дѣйствительно, выбирало людей крѣпкихъ и исправныхъ. Такимъ пришлось бы дороже платить да къ тому-же община теряла бы выносливаго тяглеца. Говоря короче: охотникъ вступалъ въ слободу, какъ наемный работникъ за населеніе, но служилъ онъ не населенію, а правительству. Населеніе естественно должно было стремиться уйти отъ какой-либо связи съ своимъ охотникомъ, а охотникъ, понуждаемый къ службѣ, въ этой только связи и видѣлъ возможность нести службу исправно. Слѣдовательно, весь строй держался при такой комбинаціи отношеній на принужденіи. Неудивительно поэтому, что источники достаточно часто разсказываютъ намъ о случаяхъ запустѣнія ямовъ не только въ силу какихъ-либо внѣшнихъ обстоятельствъ—войны, раззоренія, повѣтрія а въ силу нежеланія самихъ охотниковъ оставаться на яму Одни уходили съ яма, предпочитая жить за кѣмъ-нибудь въ уѣздѣ другіе пропадали безвѣстно гдѣ, третьи скитались межъ посадскихъ дворовъ, четвертые, какъ только истекалъ срокъ порядной, просились на старину [1]). На нѣкоторыхъ мѣстахъ ямскіе охотники и вовсе не приживались. Такъ, напримѣръ, череповскій ямъ, который до 1598 г нѣсколько разъ возобновлялся, въ этомъ году, когда пріѣхали писцы описывать его, оказался не только запустѣвшимъ, но и отданнымъ двумъ можаичамъ въ помѣстье за пусто. Судя по одному дѣлу отъ 1617 г. плохо приживались охотники и на тверскомъ яму: еще до раззоренія, не-

---

[1]) Много примѣровъ можно найти въ А. М. Ю. Переп. кн. ямск. сл. 265 и въ устройн. новгородск. кн.

смотря на частые устрои, охотники постоянно брели розно [1]). Едва-ли слѣдуетъ признать за всѣми этими фактами значеніе лишь исключительныхъ явленій. Если-бы состоять охотникомъ было выгодно, не было бы надобности въ этихъ частыхъ переустрояхъ ямовъ. Мы наблюдали бы также стремленіе со стороны охотниковъ удерживать въ слободахъ своихъ взрослыхъ сыновей. Между тѣмъ еще въ началѣ 17 вѣка сплошь и рядомъ встрѣчаемъ показанія ямскихъ старостъ при допросахъ писцовъ, что дѣти ямщиковъ не живутъ въ слободахъ и уходятъ въ разныя мѣста по наймамъ: одинъ, напримѣръ, живетъ въ Москвѣ, въ медовомъ ряду, у торговаго человѣка уже 6 лѣтъ, другой—въ патріаршей слободѣ, кто за бояриномъ въ колымажныхъ мастерахъ, кто въ Нижнемъ-Новгородѣ на посадѣ и т. д. [2]) Въ то-же время мы наблюдаемъ и слѣдующее явленіе: охотникъ, переселяясь на слободу, по общему правилу, долженъ былъ переводить туда всю семью со всѣми животами, между тѣмъ, напримѣръ, при переписи охотниковъ пневской слободы въ 1601 г. обнаружилось, что у большей части охотниковъ нѣтъ въ слободѣ ни коровъ, ни овецъ, ни свиней, такъ какъ все это оставлено ими на старинѣ, т. е. въ томъ мѣстѣ, откуда они вышли на ямъ [3]). Случайное-ли это обстоятельство, объясняющееся какими-либо мѣстными условіями, или часто повторявшееся—разъяснить не удалось. Но весьма вѣроятно, что тутъ сказывались общія условія. Охотникъ шелъ въ слободу, руководствуясь различными соображеніями, но связи съ роднымъ мѣстомъ не порывалъ, не разсчитывая сдѣлать изъ гоньбы постоянную профессію, понимая, что дѣло, за которое онъ взялся, вѣроятно, будетъ только случайнымъ его занятіемъ.

Трудно сказать, насколько правительство сознавало причины такого явленія, которое само по себѣ, очевидно, не могло соотвѣтствовать его цѣлямъ. Насколько правительство озабочивалось тѣмъ, что гоньба поминутно урывалась, видно уже изъ этого частаго переустроя слободъ, изъ предписаній отставлять охудавшихъ охотниковъ и доправлять на ихъ мѣсто новыхъ, а также изъ предписаній сыскивать

[1]) Арх. М. И. Д. П. Д. С. Л. Св. 6. № 5, 1617 г.
[2]) Напр. А. М. Ю. переп. кн. ямск. сл. 265, л. 26 43.
[3]) Q. IV, 264, л. 227 и сл.

бѣглыхъ охотниковъ и, въ случаѣ неуспѣха, требовать на поручившихся новыхъ. То-же значеніе мы должны признать и за постоянными напоминаніями воеводамъ и приказнымъ людямъ беречь охотниковъ и не урывать гоньбы. Но могло ли правительство устранить главную причину зла, если-бы даже понимало ее? Едва-ли Упрочить гоньбу можно было только путемъ установленія такого положенія охотника въ слободѣ, при которомъ охотникъ смотрѣлъ-бы на свое занятіе, подобно тому какъ смотрѣло на него и правительство—т. е. какъ на службу. Но для этого прежде всего надлежало бы, какъ это мы увидимъ на примѣрѣ 17 вѣка, перевести охотниковъ на жалованье. Послѣднее-же потребовало-бы ломки всей финансовой системы, что или не соотвѣтствовало времени или не вызывало вниманія.

Мы можемъ, однако, установить одно: правительство опредѣленно стремилось къ тому, чтобы ямскіе охотники приживались въ слободахъ. Такъ, какъ увидимъ дальше, правительство всѣми мѣрами пыталось создать изъ каждой ямской слободы отдѣльную ямскую общину, выработало для слободъ особое право ямскихъ слободъ.

Въ чемъ состояли обязанности охотника, достаточно опредѣляется порядными, выборными и поручными: охотникъ —добрый, семьянистый, статочный, прожиточный крестьянинъ, имѣющій установленное количество гонебныхъ мериновъ, долженъ былъ переселяться въ слободу съ женой, дѣтьми и со всѣми своими животы, долженъ былъ тамъ поставить свой дворъ и со своей выти денно и нощно, когда потребуется, гонять гоньбу, государевыхъ пословъ и посланниковъ и гонцовъ встрѣчать и провожать, зимнимъ и лѣтнимъ путемъ на подводахъ и саняхъ, а водянымъ путемъ на судахъ, держа суды, кормщиковъ и гребцовъ, а также сѣдла и всякій снарядъ, нужный для гоньбы [1]). Переселяясь на слободу, пока онъ ставилъ свой дворъ, онъ обыкновенно селился либо въ пустомъ дворѣ, если такой былъ на слободѣ, либо на бобыльскомъ дворѣ ямскіе бобыли, какъ увидимъ дальше, селились обыкновенно въ пустыхъ охотничьихъ дворахъ), либо въ чьемъ либо охотничьемъ дворѣ. Распредѣлялъ по дворамъ стройщикъ; слѣдовательно, со-

[1]) Напр. А. Ю. 192,278, 284 и др.

гласіе жившаго во дворѣ охотника могло и не требоваться. Довольно полную картину того, какъ разселялись въ слободахъ новые охотники, даютъ слѣдующія выписки изъ одной изъ новгородскихъ устройныхъ книгъ. При устроеніи дубровенской (по псковской дорогѣ) ямской слободы въ 1574 г. новые охотники были разселены такъ: „Да на той-же на подолской землѣ дворцы бобыльскіе на погостѣ: дворецъ на говядинскомъ участкѣ, а нынѣ въ немъ живетъ охотникъ Ѳилатъ Есиповъ сынъ, да на томъ-же говядинскомъ участкѣ дворецъ бобыльскій въ томъ-же рятку, а нынѣ данъ новому охотнику Ивану Захарову. Да въ томъ-же рятку на Степановскомъ участкѣ Старостинскомъ два дворца бобыльскіе; одинъ дворецъ данъ новому охотнику Гришѣ Мѣнохову, а въ другомъ дворцѣ живетъ бобыль Иванко Котовъ на двухъ долехъ, а на третей того-жъ дворца бобыль Гаврилка Губанъ. Да въ томъ-же рятку на Истоминскомъ участкѣ Степанова дворецъ, а на немъ двѣ избы перегорожены. На дву долехъ охотникъ Третьякъ Никоновъ, а нынѣ тотъ дворъ данъ новому охотнику Мити Лаврентьеву сыну Кузнецу, новому охотнику; а на другой половинѣ живетъ на трети живетъ того дворца Первуша Ивановъ бобыль. А Данилку Васильеву сыну новому охотнику жити въ Правденскомъ дворѣ на Карповѣ участкѣ, доколева свои дворъ сделаетъ. А Третьяку Никонову жити доколева избу свою поставетъ въ рятку на Карпови участке въ бобыльскомъ рятку у бобыля у Вустина у Петрова сына. Да въ ямской-же слободѣ... на слободчиковой землѣ дворецъ бобыльской, а нынѣ живетъ въ томъ дворѣ охотникъ Карпъ Прокофьевъ сынъ доколева свой дворъ сделаетъ, жити ему до тѣхъ мѣстъ“ [1]).

Ямская слобода въ ея цѣломъ представляла изъ себя искуственно созданную общину. Эта община состояла изъ опредѣленнаго числа служебныхъ и хозяйственныхъ единицъ, называвшихся вытями, паями. [2]) Сколько было служебныхъ единицъ, столько въ принципѣ признавалось и единицъ хозяйственныхъ, такъ какъ охотникъ хозяйство-

[1]) Q. IV, 260, л. 431—435.

[2]) Миклашевскій, Къ ист. хоз. быта, стр. 90, приравниваетъ ямскую выть ко двору. Такому приравненію мы не могли найти твердыхъ основаній.

валъ на слободѣ только потому, что съ своего хозяйства несъ службу. На практикѣ, однако, этотъ принципъ удержаться во всей его строгости, конечно, не могъ. Слобода,— хотя можно сказать, что почти до 20-хъ годовъ 17 вѣка слободская жизнь налаживалась съ большимъ трудомъ, приходя въ разстройство отъ каждой случайности,-все-таки должна была жить своей естественной жизнью, а послѣдняя разросталась за предѣлы, отмежеванные ей администраціей. По общему правилу, выть равнялась тому количеству гонебныхъ мериновъ и охотничьяго снаряда, которое было назначено въ данной слободѣ. Такъ какъ не у всякаго охотника былъ весь снарядъ полностью, то иногда на одной выти сидѣли по двое или трое. Мы знаемъ случаи еще болѣе дробныхъ дѣленій—охотникъ гонялъ съ $^1/_{12}$ выти. [1]) Правда, этотъ случай нѣсколько исключителенъ: бѣлавинскіе ямщики, живя въ муромской слободѣ, и гоняя тамъ гоньбу съ цѣлой выти или съ части ея, гоняли еще съ дробной доли выти и съ бѣлавинскаго яма. Трое на выти весьма частое явленіе, четверо на выти также не рѣдкость. Все, однако, заставляетъ думать, что стройщики едва-ли допускали охотно болѣе двухъ человѣкъ на выть. По крайней мѣрѣ, въ устройныхъ книгахъ, гдѣ передъ нами развертывается картина слободы въ ея болѣе отвлеченномъ видѣ, въ томъ официальномъ, въ какомъ жизнь слободы совпадала съ намѣреніями и принципами правительства, болѣе двухъ охотниковъ на выти мы не встрѣчали. Въ переписныхъ-же книгахъ, гдѣ жизнь слободы представляется въ одинъ изъ моментовъ ея естественнаго развитія, дробныя дѣленія очень часты. Иногда на выти сидѣлъ одинъ охотникъ, но ему подмогали двое или одинъ или трое Такіе не назывались охотниками

Весь земельный надѣлъ, не исключая и дворовыхъ мѣстъ, прирѣзываемый къ яму, получала слобода въ ея цѣломъ, слобода какъ таковая, а не какъ совокупность данныхъ охотниковъ. Правда, мы постоянно читаемъ въ актахъ, что подъдворовыя мѣста отведено каждому охотнику столько-то а пашни столько-то, но охотникъ въ этомъ-же актѣ является лишь представителемъ пая въ данный моментъ Перемѣнится охот-

[1]) А. М. Ю. кн. переп. № 265, л. 188.

никъ, явится другой,—онъ сядетъ на этотъ пай, можетъ быть, даже и на другой участокъ такъ какъ, если, напримѣръ, много охотниковъ перемѣнится сразу, то возможно, что произойдетъ новая разверстка земель, и прежній участокъ, распредѣлится между различными паями. Садясь на извѣстный участокъ, охотникъ получалъ лишь право пользоваться имъ, пока несетъ службу. Если онъ охудаетъ, онъ отдается по той-же верстальной росписке, по какой былъ избранъ, вмѣстѣ съ женой, дѣтьми и всякими животы, назадъ въ сохи. [1]) Если онъ умираетъ, его участкомъ владѣютъ охотники. [2]) Возможно, что въ его дворѣ останется жить отецъ, братъ или сынъ, но если они не охотники, то останутся лишь на особомъ условіи со слободой. Напримѣръ, вдова съ сыновьями остались послѣ охотника на его пашнѣ, но гонь бы не гоняли и за пашню платили оброкъ. [3]) Если отставленный ямской охотникъ оставался почему-либо въ слободѣ, онъ, если и пашетъ землю, то лишь платя въ слободу оброкъ. [4]) Приходя на слободу, охотникъ на отведенномъ ему дворовомъ мѣстѣ ставилъ домъ; хотя этотъ домъ охотникъ ставилъ на счетъ избравшихъ его или (въ рѣдкихъ, видимо, случаяхъ) на счетъ казны, но онъ считался собственникомъ этого дома. Такъ, въ жалованной грамотѣ касимовской слободѣ 1567 г читаемъ: „а выметъ кто у кого слобожанина корчму опричь приказщика и старостъ и на томъ приказщикѣ и старостахъ взяти заповѣди на меня, царя и великаго князя, по пяти рублевъ денегъ, а того слобожанина казнити торговою казнію бить кнутомъ, да его изъ слободы выслать вонъ, а дворъ и животы описать на меня, царя и великаго князя“. [5]) Если бы дворъ не почитался личной собственностью, онъ не приравнивался бы къ животамъ. Но и этотъ принципъ зналъ извѣстныя ограниченія. Это

---

[1]) Q. IV, 262 л. 37 38 и passim. Характеренъ такой фактъ: одинъ охотникъ ржевскаго яма бѣжалъ изъ слободы съ женой, дѣтьми и всякими животы; но былъ пойманъ; однако, его отставили отъ гоньбы, такъ какъ оказалось, что онъ продалъ двухъ своихъ гонебныхъ мериновъ. А. М. Ю. кн. переп 265, л. 364.

[2]) А. М. Ю. кн. переп. 265, л. 189 и сл.

[3]) А. М. Ю. кн пер. 265, л. 339.

[4]) А. М. Ю. кн. пер. 265, л. 260 и сл.

[5]) Вельяминъ-Зерновъ, Изслѣд. о касим. цар. и царев. т. I, стр. 479.

видно уже изъ приведенныхъ выше данныхъ, гдѣ описывалось, какъ происходило разселеніе по дворамъ новыхъ охотниковъ. Дворами въ этомъ случаѣ распоряжаются, сообразно встрѣтившейся надобности. Дворовое мѣсто охотника, по общему правилу, какъ и его пашня, принадлежало слободѣ. Извѣстенъ, напримѣръ, слѣдующій фактъ: охотникъ ржевской слободы умеръ, послѣ него остались во дворѣ жена и дѣти, но она вышла замужъ за ржевскаго посадскаго приходца, который сталъ на мѣсто ея умершаго мужа, охотникомъ; дворовое мѣсто, а равно и дворъ перваго мужа, такимъ образомъ, остались за ней. Но что дворовое мѣсто осталось за ней только такимъ образомъ, видно изъ того, что, напримѣръ, въ костромской слободѣ, когда умеръ охотникъ, а жена его съ дѣтьми сошла на посадъ, дворовое мѣсто осталось за слободой. [1]) Такихъ примѣровъ можно было бы привести не мало.

Какъ уже было сказано, разверстка между охотниками земель, отведенныхъ къ яму, происходила еще обыкновенно въ присутствіи стройщика. Стройщикъ могъ самъ разверстать охотниковъ, но иногда охотники разверстывались полюбовно между собой безъ помощи стройщика, иногда при его нѣкоторомъ участіи. Весьма цѣнный для разъясненія этого вопроса матерьялъ заключается въ раздѣльныхъ книгахъ алексѣевской и котельницкой слободъ 1587—1589 г.г. По окончаніи земельнаго отдѣла охотники заявили стройщику желаніе, чтобы онъ росписалъ ихъ землю на 5 вытей по 10 охотниковъ (т. е. охотничьихъ вытей) въ каждой. Въ предѣлахъ этой большой выти—десятни они рѣшили раздѣлиться между собой полюбовно. Стройщикъ росписалъ котельницкой слободы 39 обежъ по 8 безъ $^1/_4$ обежъ на выть, а $^1/_4$ обжи записалъ всѣмъ сообща. По распоряженію стройщика ямской дьячекъ писалъ этому верстанью роспись, по соглашеніи съ которой охотники межъ себя любовно приговорили: „что намъ досталось всей земли на нашъ десятокъ изъ пятидесяти человѣкъ въ старой и новой земли и намъ тое земли владѣти межъ себя, послѣ сего дѣля не передѣливати и владѣти землею по сему излюбленному верстанью кому што въ семъ верстаньи досталось. А хто у насъ въ

---

[1]) А. М. Ю. кн. пер. 265, л. 273—284, л. 363.

нашей десятнѣ изъ насъ изъ десятниковъ о земли новый дѣлъ счинати и сей нашъ излюбленный дѣлъ и росписные книги учнетъ роздирати и переделивати изнова и намъ на томъ стояти за одинъ и взяти на немъ заповѣди во всю десятню пять рублевъ, московская". Такъ какъ, однако, еще до этого раздѣла отдѣльные охотники на своихъ участкахъ кто запахалъ, а кто и засѣялъ, то видимъ включеннымъ еще и слѣдующее имѣвшее лишь временный характеръ условіе: „а у котораго у насъ охотника сѣяна рожь къ 97 году въ одномъ полѣ въ старомъ нашемъ земляномъ верстаньи и тому охотнику тою ржею владѣти одному хто сѣялъ. А на которой земли у насъ въ нашей десятнѣ сѣяна рожь къ 97 году въ дву полехъ или во всехъ въ трехъ полехъ и изъ тѣхъ двухъ поль взяти изо ржи тому охотнику, которому досталось въ нынешнимъ новомъ дѣля по сему излюбленному верстанью четвертый снопъ". [1]) На каждую десятню пришлось по ровному количеству всякихъ угодій и доходовъ. Гораздо труднѣе было раздѣлить долю десятни въ предѣлахъ самой десятни, такъ какъ нѣкоторые виды угодій не поддавались мелкому дробленію; приходилось уравновѣшивать недодачу уступками другъ другу частей, жеребьевъ, изъ другихъ видовъ угодій. Каждая десятня въ свою очередь дѣлила доставшуюся на ея долю землю на пять вытей, по двѣ охотничьихъ выти въ каждой. Дѣлили, напримѣръ, слѣдующимъ образомъ: „Лѣта 7097 июня въ 10 день охотники Жданова десятка Кирилова въ своемъ десятки межъ собя полюбовно разделили государево жалованe пашенную и около-городную землю. Ждану Кирилову да Онуфрею Иванову на ихъ две выти досталось дер. въ Кажове обжа земли пуста что была та земля за ними-жъ да дер. въ Нен... обжа земли да на Софѣйской сторонѣ что достанется на нашъ десятокъ пятая выть земли. И изъ той земли дати четвертой жеребей земли Максиму Кузнецу, а за тѣмъ за четвертымъ жеребьемъ что останеца земли та земля положити на шесть жеребьевъ. И изъ той земли дати шестой жеребей Петели да Сенки, а досталь той земли взяти Ждану да Онушку. Петелки Кондратьеву да Сенки Офанасову досталось на ихъ две выти

---

[1]) Q. IV, 264, л. 65, 71, 81.

дер. въ Кажове обжа да дер. в Нен.. полъобжы, да дер. Мякининская полобжы да отписная обжа безъ четверти. Да на Софѣйской сторонѣ что достанется на нашъ десятокъ Ждану да Онушку и изъ той земли взяти Петели да Сенки шестой жеребій. Истомѣ Карпову да Ивану Кунавину на ихъ двѣ выти досталось въ пустоши въ Моторове обжа земли да на Сокалницѣ пятая выть во всей Сокални да дер. въ острову что на Волхове половина острова что была та земля за Истомой". Въ заключеніе читаемъ приговоръ: „да пригово рили межъ собя полюбовно всѣ десять человѣкъ у котораго охотника где сеяна рожь къ 97-му году и въ 97 году сѣяна ярь и по тому хлѣбу и сѣно тому охотнику на той землѣ косить а рожю и ярю владѣти тому охотнику кто сеялъ или отдавалъ. А паренниные поля намъ ко ржаному сѣву другъ другу очистити. А что въ деревне на Шолохове да въ деревне на Ожогове сѣяно у крестьянъ ржи къ 97 году и на Софѣйское стороне что сѣяно ржи къ 97 году на нашемъ жеребею и та рожь намъ снопъ делити на все десять человѣкъ повытно а изъ ярового хлѣба взяти снопъ Тимошки Өедорову одному". Кто нарушитъ этотъ полюбовный приговоръ, долженъ былъ платить заповѣдь въ пять рублей московскихъ. Вотъ другой приговоръ, объясняющій, какъ дѣлились оброчныя статьи: „Да приговорили мы межъ собя полюбовно всѣ десять человекъ: у которова охотника гдѣ сѣяна рожь къ 97 году и въ 97 году сѣяна ярь и по тому хлѣбу и сѣно тому охотнику на тоей земли косити. А рожю и ярю владѣти тому охотнику хто сѣялъ или отдавалъ. А парен ниные поля намъ ко ржаному сѣву другъ другу очистити. А что взято на Софѣйской сторонѣ съ окологородные земли оброчныхъ денегъ на нынешній 97 годъ и той оброкъ разделенъ въ нашемъ десятке на шесть человекъ, а тѣ деньги собрати съ нихъ назадъ на тѣхъ-же охотникахъ на шти человѣкахъ во всѣ десять человекъ да что возмеца съ половины съ рогатицкой заполья доходу на 97 г. и тѣмъ доходамъ и оброчными деньгами что взяты съ окологородные земли на Софѣйской сторонѣ поверстати товарищевъ своихъ Поспѣла да Гаврила за яровой хлѣбъ и за рожь на 97 годъ за шолоховскую плобжы. А чего недостанетъ ихъ поверстати и намъ въ ту поверстку собрати со всѣхъ десяти человекъ и тѣмъ дву запольямъ. А что останеца отъ тѣхъ дву заполей

тѣхъ денегъ и доходу, и тѣ деньги и доходъ остатки разделить на тѣ десять человекъ по вытно". [1])

Если послѣ такого верстанья какой-либо охотникъ находилъ для себя выгоднымъ доставшимся ему участкомъ обмѣняться съ другимъ охотникомъ, то мѣна совершалась передъ приказчикомъ, какъ передъ судьей. Одинъ изъ мѣнявшихся подавалъ приказчику челобитную, становился передъ нимъ съ очей на очи съ своимъ контрагентомъ и совершалъ обмѣнъ. Обмѣнъ точно записывался въ книги. Приговоръ произносился по справкѣ въ росписныхъ (дѣльныхъ, дѣловыхъ книгахъ) въ присутствіи нѣсколькихъ охотниковъ-свидѣтелей, сидѣвшихъ у росписки. Вотъ примѣръ такого приговора: „И 99 г. Сентября 17 ставъ передъ прикащикомъ передъ Собиномъ Ярлыковымъ Ѳедоръ Михайловъ сынъ Язво и въ сына своево въ Махрово мѣсто сказалъ, что господине за мною съ сыномъ государева жалованья въ дер. въ Нен.. обжа земли и изъ той, господине, обжи сступился язъ полюбовно охотникомъ Ѳедору да Игнатею четверть обжы земли. А Ѳедоръ да Игнатей Микитинъ ставъ ту тожъ съ очей на очи съ Язвомъ передъ прикащикомъ сказали мы господине изъ той Язва съ сыномъ изъ Нен... обжы земли полюбовно четверть обжы земли взяли. А противъ той ево четверти обжи земли сступилися ему своей пустоши Чертошской четвертью обжи земли. И впередъ намъ владѣти землею по сей нашей полюбовной сказкѣ и по семъ росписнымъ книгамъ". [2]) Изъ тѣхъ-же книгъ мы узнаемъ, что при новомъ устроеніи Котельницкой и Алексѣевской слободъ въ 1599 и 1600 г.г. былъ новый раздѣлъ земель, которому были составлены новыя дѣловыя книги. Трудно поручиться, что одинаковыя имена, встрѣчающіяся въ обѣихъ книгахъ, принадлежатъ тѣмъ-же лицамъ, но нѣкоторыя изъ нихъ, видимо, дѣйствительно, принадлежали охотникамъ, бывшимъ въ слободахъ еще при раздѣлѣ земель 1589 г. При новомъ раздѣлѣ они получали и новые участки, въ зависимости отъ того, въ какую входили десятню

Возможно, что такой порядокъ, т. е. разверстка земель

[1]) Q. IV, 264, л. 90, 99 и др.

[2]) Q. IV, 264, л. 105 об., 106. Интересно сравнить съ А. И., I, 245, 1 и 2, гдѣ челобитная софійскихъ дѣтей боярскихъ объ обмѣнѣ подается митрополичьему суду.

между охотниками по вытямъ былъ типичнымъ распорядкомъ. Доказать это, за отсутствіемъ другихъ данныхъ, мы не беремся. Несомнѣнно, однако, что существовалъ и другой порядокъ. Такъ, охотники псковской и загорской слободъ, начиная съ 1560 г. и до 1609 г. и позже землей, крестьянами, бобылями и всякими угодьями владѣли сообща безъ раздѣла и только доходы всякіе, получая сообща, дѣлили межъ себя. Въ дѣлѣ также читаемъ: „а сколько съ которые деревни и съ пустоши какова хлѣба и доходу было и тому у нихъ книгъ не бывало, дѣлили-жъ хлѣбъ на гумнахъ". [1]) Мы объясняемъ такую разницу въ порядкѣ тѣмъ, что псковскіе охотники не вели, видимо, своего хозяйства, сдавая всю землю крестьянамъ и бобылямъ. По крайней мѣрѣ, тамъ еще въ 1626 г. деревенскій хлѣбный доходъ (перечисляя свои доходы, охотники, кромѣ деревенскаго дохода и подможныхъ денегъ, ни о какихъ другихъ доходахъ не упоминаютъ) исчислялся ими количествомъ хлѣба и сѣна, получавшихся съ ямскихъ крестьянъ: „А брали они четыре рубля на человѣка и изо ржи и яри у ямскихъ крестьянъ третій снопъ и изъ сена третью копну". Сами охотники, какъ видно изъ того-же дѣла, большею частью жили на посадѣ. Охотники-же котельницкой и алексѣевской слободъ сами пахали пашню, что видно уже и изъ сдѣланныхъ выше выписокъ, а также и изъ того, что, кромѣ отведенной имъ земли, они пахали и на сверхокладной землѣ, съ каковой пашни давали на Государя выдѣльный хлѣбъ. [2]) Сплошь и рядомъ встрѣчаемъ указанія, какъ для разсматриваемаго, такъ и для послѣдующаго періода, что тотъ или иной участокъ, то или иное угодье находилось у охотниковъ въ нераздѣльномъ владѣньи. Одновременно нерѣдки указанія, что такой-то пашетъ свою выть пашни одинъ, а другой—съ братомъ или съ другимъ охотникомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не обратить вниманія еще и на слѣдующее обстоятельство: земельныя владѣнія слободъ слагались путемъ историческимъ; частое переустройство слободъ, вызывавшееся то быстрымъ ихъ запустѣніемъ, то проложеніемъ новой дороги, то необходимостью разрѣшить какой-либо споръ о землѣ между

---

[1]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. Св. 153, № 91, 1642 г.

[2]) Q. IV, 264, кн. выдѣльн. хлѣба съ л. 351.

охотниками и уѣздными или посадскими людьми дѣлало то, что одни земельные участки отнимались отъ ямовъ, другіе придавались къ нимъ, третьи обмѣнивались на другіе; одновременно закрывались одни ямы, а земли этихъ ямовъ придавались къ сосѣднимъ большимъ ямамъ; наконецъ, бывали и такіе случаи: часть охотниковъ даннаго яма переводилась на другой ямъ, а остальные охотники либо придавались со всей землей къ сосѣднему большому яму, либо съ частью земли оставались самостоятельной слободой, а съ другой части земли должны были подмогать тому яму, на который были переведены нѣкоторые изъ ихъ товарищей. Естественно, что каждая изъ указанныхъ комбинацій должна была извѣстнымъ образомъ вліять на вопросъ, дѣлилась или не дѣлилась на паи отведенная охотникамъ земля.

Сдѣлаемъ попытку нѣсколько разъяснить поставленный вопросъ путемъ справокъ по исторіи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ ямскихъ слободъ. Въ Ярославлѣ на посадѣ по устрою 1565 г. и по дозору 1570 г. была отдѣлена къ слободѣ своя земля, а въ уѣздѣ—къ вокшерскому яму своя земля [1]), но уже въ 1621 г. ни пашни, ни сѣнокоса за ярославскими охотниками нѣтъ, а вокшерскій ямъ считается приданнымъ къ ярославскому, и ярославскіе охотники сообща получаютъ доходы съ отставленныхъ вокшерскихъ охотниковъ, братьевъ ихъ и бобылей [2]). Около 1628 г. на ново была устроена ямская слобода въ Ярославлѣ, и охотники, получивъ по 5 четвертей въ полѣ указныхъ, получили еще почти по столько-же земли сверхъ указа, и пахали землю повытно [3]). Около Мурома въ концѣ 16 вѣка былъ Бѣлавинскій ямъ, отдѣльный отъ Муромскаго, да къ Муромскому-же яму была придана старая Якимовская слобода, къ которой, въ свою очередь, была придана Гледячья слобода. Въ 1628 г. мы уже видимъ всѣ эти слободы объединенны

---

[1]) А. С. М. I, XXXIX.

[2]) Ар. М. Ю. кн. переп. ямск. слоб. № 265 съ л. 233 и Имп. Публ. Библ. F, IV, 522, копія съ книгъ Ярославск. яму 1621 г. (обѣ рукописи одного содержанія).

[3]) Ар. М. Ю. кн. переп. ямск. слоб. № 265 съ л. 210 и Имп. Публ. Библ., F, IV, 528, копія съ книгъ Ярославск. яму 1628 г. (обѣ рукописи одного содержанія).

ми. Изъ сорока восьми муромскихъ вытей въ посадской муромской слободѣ жили 26 вытей безъ трети, а въ слободѣ Глядячей 22 выти съ третью. Каждая выть пахала свою землю. Въ бѣлавинской слободѣ считалось 12 вытей, но съ одной выти охотникъ былъ переведенъ въ муромскій ямъ, и мѣстомъ его владѣли всѣ остальные охотники, слѣдовательно безъ раздѣла; сами-же бѣлавинскіе охотники частью также жили не въ слободѣ, а на Муромѣ, но подводы отпускали съ бѣлавинскаго яма. Въ ихъ землѣ имѣли долю и муромскіе охотники. Суздальская ямская слобода была строена на 20 охотниковъ, но, видимо, еще въ самомъ началѣ 17 вѣка 15 охотниковъ были переведены во Владимірскій ямъ, а остальные пятеро разошлись. Слобода была придана ко владимірскому яму вмѣстѣ съ землями, которыя пахались бобылями, платившими владимірцамъ по 23 рубля въ годъ, „а тѣ деньги емлютъ володимірскіе охотники и суздальскіе переведенцы". До царя Өедора Іоанновича близъ коломенскаго московскаго яма была слобода пахорская, имѣвшая 180 четвертей въ каждомъ полѣ земли. При Өедорѣ Іоанновичѣ пахорскіе охотники были переведены въ коломенскій ямъ, который вмѣстѣ съ переведенцами составилъ 60 вытей, и пахорская земля была раздѣлена по 3 четверти на выть. Тогда-же былъ приданъ и Угримовскій ямъ, но сколько въ немъ было земли никто въ 1628 г. уже не помнилъ; послѣ раззоренья угримовской землей коломенскіе охотники больше не владѣли [1]). Ростовская слобода была самостоятельной слободой еще въ концѣ 16 вѣка; владѣла тогда въ числѣ другихъ земель слободкой Сластихой, она была въобщемъ владѣніи ростовскаго яма охотниковъ; но въ 1600 г (возможно, что и нѣсколько позже, такъ какъ въ переписной книгѣ 7108 г. показанъ видимо, ошибочно) ростовская слобода была уже приданной къ переяславъ-залѣскому яму и огородную землю этого придаточнаго яма пахали отставленные ростовскіе ямскіе охотники 25 человѣкъ, платя залѣсскимъ охотникамъ 30 рублей оброка [2]). Болѣе подробныя свѣдѣнія мы могли собрать о судьбѣ

---

1) Ар. М. Ю кн. переп. ямск. слоб. № 265, л. 77—148; л. 326—331; л. 11—26.

2) А. С. М., I, XXXIX, Титовъ, Рукоп. славян. и русск. И. Вахромѣева, изд. 97 г., т. IV, стр. 252—253 (перепечатана изъ Яросл. Губ.

псковскаго яма. По устрою 1560 г ямъ имѣлъ при 70 охотникахъ 370 четвертей въ полѣ и сѣнныхъ покосовъ на 1440 копенъ, по устрою 1584 г. при 50 охотникахъ ямъ остался при прежней пашнѣ. По устрою 1587 г. при 40 охотникахъ, кромѣ всей старой пашни ямъ получилъ еще 6 десятинъ лѣсу да $4^1/_2$ десятины выгону (все было въ общемъ владѣніи). Загорскій ямъ по устрою 1560 г. получилъ при 50 охотникахъ 16 деревень и 255 съ осьминой четвертей въ каждомъ полѣ и сѣна на 1889 копенъ. По устрою 1587 г. при 20 охотникахъ земли было оставлено 110 четвертей въ полѣ и сѣна на 440 копенъ. Къ псковскому яму передъ раззореніемъ были присоединены еще вмѣстѣ съ землями пригородные окольные ямы на Вороночѣ и на Опочкѣ. Съ 1620 г. псковскій и загорскій ямы были соединены; на соединенномъ яму устроили 35 охотниковъ, а земли дали 550 четвертей безъ третника, да дали псковской посадской земли 1047 × 462 саж., да покосовъ 30 десятинъ безъ трети. Если разсмотрѣть составъ этой земли, то окажется, что частью земля была старая, частью—новая, большею частью – оброчная. т. е. по самому существу не пригодная для раздѣла [1]). Сухловскій ямъ по псковской дорогѣ (между пшасскимъ и загорскимъ ямами) былъ устроенъ въ 1596 г. Въ него перевели десять охотниковъ изъ Кожемяцкаго яму, а десять охотниковъ собрали со всѣхъ окольныхъ псковскихъ ямовъ. (Интересно, что вмѣсто десяти охотниковъ, выведенныхъ изъ кожемяцкаго яма, новыхъ туда охотниковъ взяли съ тѣхъ, кто долженъ былъ бы дать охотниковъ на сухловскій ямъ, если-бы ямъ строился обычнымъ путемъ). Въ 1598 г. за охотниками сухловскаго яма было земли 220 четвертей въ каждомъ полѣ; землю разверстали повытно. Въ 1611 г. сухловскій ямъ былъ вновь перестроенъ, такъ какъ охотники охудали, и къ старой землѣ были приданы оброчныя деревни и пожни новыя, а ими владѣли охотники сообща [2]).

Приведенныя данныя, предлагаемыя въ видѣ примѣ-

Вѣд., 1855 г. № 18), Арх. Мин. Ю., кн. переписн. ямск. слоб., № 265 л. 251—278.

[1]) А. Э. III, 158; Р. И. Б., II, 178, Арх. М. И. Д. П. Д. С. Л. Св. 153, № 91, 1642 г.

[2]) Q. IV, 262, съ л. 31,

ровъ, не только указываютъ, какъ въ зависимости отъ самыхъ разнообразныхъ и нерѣдко случайныхъ причинъ, не смотря на показанную выше вѣроятность существованія земельнаго оклада, мѣнялись размѣры земельныхъ владѣній одной и той-же слободы на протяженіи 30—20 и даже 10 лѣтъ, но даютъ также право предполагать, что было-бы безполезно искать какого либо одного общаго отвѣта на поставленный только что вопросъ. Если, однако, все таки пытаться подвести всѣ эти разнородныя данныя подъ общія дѣленія, то можно, кажется, сказать, что дворы и огороды находились въ личномъ пользованіи того или тѣхъ, кто сидѣлъ на выти; пожни-же, лѣса, оброчныя деревни, окологородная оброчная земля обыкновенно находились въ общемъ пользованіи. Пашня обыкновенно разверстывалась повытно, но и при разверсткѣ какой либо или не поддававшійся дѣленію или по другимъ причинамъ неудобный для дѣленія участокъ могъ оставаться въ нераздѣльномъ пользованіи. Въ зависимости, однако, отъ обстоятельствъ, не рѣдко также совершенно случайныхъ, пашня вовсе не разверстывалась, и иногда та-же самая пашня, которая не болѣе десяти лѣтъ назадъ пахалась повытно Это-же можно, кажется, довольно наглядно показать и на слѣдующемъ примѣрѣ: въ 1606 г. на крестецкомъ (новгородскомъ яму) не было приказчика, и охотники, которые вообще верстались землей полюбовно сами, раздѣлили между собой и приказчикову землю, а на заячевскомъ (новгородскомъ) яму въ 1608 г., гдѣ приказчика также не было, его земля осталась въ общемъ пользованіи [1]). Слѣдовательно, при видимой тенденціи разверстывать пашню повытно, нельзя тѣмъ не менѣе утверждать, что разверстка земли была повсемѣстна или даже, что она господствовала. Нельзя также утверждать, что этотъ вопросъ различно разрѣшался по районамъ. Внутренними-же причинами такого различія слѣдуетъ, кажется, признать, во-первыхъ, случайный составъ земель, зависѣвшій нерѣдко отъ чисто внѣшнихъ обстоятельствъ; во-вторыхъ, оставался не безъ вліянія и тотъ фактъ, что составъ населенія ямской слободы могъ очень часто мѣняться, а, слѣдовательно, у охотника, этого, обыкновенно для конца 16

[1]) Q. IV, 260, л. 29 об. л. 136 и сл.

и начала 17 вѣка, лишь случайнаго гостя въ слободѣ, не было достаточныхъ основаній отстаивать непремѣнно начало разверстки или же, наоборотъ, противиться ему. Охотникъ, знакомясь съ обстоятельствами дѣла, мирился съ условіями, въ какихъ находилъ земельныя отношенія въ данной слободѣ, наблюдая лишь, чтобы не быть обдѣленнымъ и получать приходившуюся на его выть или долю выти часть хлѣбныхъ или денежныхъ доходовъ. Земля интересовала ямского охотника не сама по себѣ, а лишь какъ капиталъ, доходы съ котораго помогали ему нести службу [1]).

Итакъ, по характеру отношеній, сложившихся въ ямской слободѣ, ямская слобода представляется намъ несомнѣнной общиной. Но она – искусственно созданная община, такъ какъ связью между слободой и охотникомъ являлся лишь договоръ, заключенный охотникомъ съ населеніемъ.

Правительство, какъ намъ уже пришлось вскользь замѣтить, въ свою очередь, также смотрѣло на слободу, какъ на отдѣльную общину. Это сказывалось не только въ томъ, что, напримѣръ, въ случаѣ устроенія слободы путемъ прибора, какъ это имѣло мѣсто въ алексѣевской и котельницкой слободахъ (случай, повторяемъ, своеобразный, но во многихъ отношеніяхъ характерный) порука по охотникамъ бралась другъ по другѣ, не только въ томъ, что правительство никогда не вступало въ отношенія по поводу гоньбы съ отдѣльными охотниками, а всегда съ охотничьей слободой въ лицѣ ея представителей, но и въ томъ также, что правительство довольно рѣшительно заботилось о созданіи особаго права ямскихъ слободъ, какъ опредѣленной территоріальной и служебной единицы.

Это особое право создавалось путемъ жалованныхъ или точнѣе—уставныхъ грамотъ ямскимъ слободамъ. [2]) Указа-

---

[1]) Всѣ приведенныя нами данныя о земельныхъ отношеніяхъ въ ямскихъ слободахъ относятся, главнымъ образомъ, къ послѣднему двадцатилѣтію 16 вѣка и къ первому тридцатилѣтію 17 вѣка.

[2]) Въ источникахъ эти грамоты иногда называются жалованными (напр. П. С. З. I, № 518 А), иногда уставными (напр., А. И. III, 234). Но правильнѣе, съ точки зрѣнія научной классификаціи, причислить ихъ къ уставнымъ, такъ какъ въ нихъ опредѣляются не временныя и не вызванныя случайными обстоятельствами льготы и привиллегіи, а извѣстный строй, уставъ жизни и отношеній. Вельяминовъ-

ній на существованіе такихъ грамотъ мы имѣемъ достаточно: въ 1567 г. была дана жалованная грам та касимовской слободѣ (она дошла до насъ цѣликомъ), [1]) при Өедорѣ Іоанновичѣ получили грамоты нѣкоторые сибирскіе ямщики, [2]) въ 1619 г. были даны по челобитью разныхъ ямовъ охотниковъ грамоты на всѣ ямы и при томъ—въ видѣ возобновленія старыхъ грамотъ. [3]) Нельзя сказать, чтобы жалованныя грамоты ямщикамъ не были извѣстны и предыдущему періоду, особенно-же переходному времени, т. е. концу 40-хъ и до конца 50-хъ годовъ. Такъ, мы знаемъ о жалованной грамотѣ ряжскимъ ямщикамъ 1557 г., [4]) козьмодемьянскимъ ямщикамъ того-же года, [5]) муромскимъ ямщикамъ 1550 г. [6]); но это были грамоты ямщикамъ —распорядителямъ ямовъ, а не слободамъ. Такъ, въ этихъ грамотахъ, судя по сохранившимся отрывкамъ ряжской и козьмодемьянской грамотъ, тождественныхъ по содержанію, читаемъ: „къ городу каменья, извести и лѣсу ямщикамъ не возить и города и острога не дѣлати и мостовъ не мостити, у города же и у воротъ не стояти и съ посацкими и съ уезными людьми ни въ какіе подати не тянути и никакова изделія не дѣлати, а гоняти ямскую гоньбу и во всемъ ходити по тому какъ въ нихъ написано", Какъ слѣдуетъ изъ много разъ цитированной грамоты на Тотьму отъ 1548 г, ямщики, по утвержденію выбора ихъ казначеемъ, получали „грамоту жалованную несудимую да грамоту по чему имъ на яму стряпати да грамоту проѣзжую о мытѣхъ". [7]) Вспомнимъ также, что 50-ые годы были годами перелома въ

Зерновъ называетъ одну изъ такихъ грамотъ жалованной, Изсл. о касим. цар. и царев., т. I, стр. 473. Загоскинъ, въ Уст. грам. 14–16 в.в., Каз. 1875 г., не имѣлъ въ виду ямскихъ грамотъ.

[1]) Напечатана у Вельяминова-Зернова, ц. с., т. I, стр. 474—483. Въ литературѣ о ней упоминалъ еще Чечулинъ, „Города моск. госуд. 16 в.", стр. 328, прим. 2.

[2]) А. И. III, 234.

[3]) П. Соб. Зак., I, 518 А. О значеніи этой ссылки мы скажемъ подробнѣе въ главѣ пятой. Общее указаніе въ Уложеніи, гл. XVIII 71 (по П. С. З, I, стр. 104).

[4]) П. С. З. I, 518 А.

[5]) Казан. Губ. Вѣд., 1856 г., № 27.

[6]) А. Э. III, 297.

[7]) Акты Юшкова, № 163.

исторіи ямской гоньбы; около ямщиковъ-распорядителей ямовъ уже начали группироваться гонебщики; грамоты, регулируя, главнымъ образомъ, положеніе ямщиковъ—начальниковъ ямовъ, отчасти, можно думать, касались и тѣхъ, кто по роду занятій связалъ свою судьбу съ судьбой ямовъ. Совсѣмъ иного содержанія, напримѣръ, касимовская слободская грамота, хотя разница во времени между ней и, положимъ, ряжской грамотой, всего въ 10 лѣтъ. Предполагать-же, что касимовская слобода получила какую-либо особую грамоту, въ силу какихъ-либо особыхъ причинъ, нѣтъ, повидимому, никакихъ основаній, тѣмъ болѣе, что по содержанію она совпадаетъ съ тѣмъ, что мы въ дѣйствительности наблюдаемъ въ жизни другихъ слободъ, какъ это видно изъ дѣлъ послѣдующаго времени; слѣдовательно, иное содержаніе касимовской грамоты представляетъ собой совсѣмъ новыя начала. [1])

---

[1]) Этотъ документъ представляетъ столь серьезный интересъ, что мы рѣшаемся перепечатать его цѣликомъ. Грамота, по словамъ Вельяминова-Зернова, досталась ему вмѣстѣ съ бумагами покойнаго Гагина. Грамота издана въ 1567 г., подтверждена въ 1599, 1608, 1616, 1646, 1678, 1685 г.г. „Се язъ царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи пожаловалъ есми слобожанъ въ Касимовѣ городѣ на посадѣ ямской слободы, приказщика да старосту и охотниковъ да дворниковъ пятьдесятъ человѣкъ. Не надобе имъ моя царева и великаго князя дань, ни ямскія денги, ни сошная служба, ни городовое всякое дѣло, ни податей моихъ всякихъ не даютъ съ черными людьми и съ городскими и съ сельскими никоторые проторы не тянутъ. А намѣстницы наши Касимовскіе, и волостели и ихъ тіуны кормовъ своихъ у нихъ не емлютъ и не всылаютъ къ нимъ ни по что. И тѣхъ слободскихъ приказщиковъ и старостъ и охотниковъ и дворниковъ самихъ и ихъ дѣтей и ихъ людей, не судятъ ни въ чемъ; а судитъ тѣхъ ямскихъ охотниковъ и дворниковъ и ихъ дѣтей и ихъ людей, приказщикъ ямской да староста, А пошлинъ приказщикъ емлетъ съ рубля по алтыну, а хоженаго денга. А пошлютца на правду, ино имати ѣзду на двѣ версты по денгѣ, а на правду вдвое. А пересуду и праваго десятка приказщику суда нѣтъ. А случитца тѣмъ слобожанамъ судъ смѣстной съ городскими и съ волостными людьми въ душегубствѣ, ино ихъ судятъ Касимовскіе намѣстницы и ихъ тіуны. А приказщикъ слободской съ нимижь судитъ, а старосты слободскіе у нихъ на судѣ сидятъ для береженья. А правъ или виноватъ слобожанинъ, приказщику и старостамъ, городской или волостной человѣкъ правъ или виноватъ, намѣстнику и волостелемъ и ихъ тіуномъ, а на виноватомъ исцовъ искъ доправити, да отдати ищеемъ. А будетъ душегубство въ слободѣ, а ищей и отвѣтчикъ оба слобожанина, ино ихъ судятъ приказщикъ ямской да старосты въ душегубствѣ и во всякихъ дѣлехъ, опричь разбою. А

Эти начала и выражаютъ собой то, что мы рѣшаемся назвать особымъ правомъ ямскихъ слободъ. Оно состояло

явитца въ слободѣ убитая голова, кто подкинетъ въ ту слободу, или водою напловетъ, или возомъ сотретъ, или съ дерева убьетца, или отъ своихъ рукъ утеряетца, и слобожанамъ та голова явити своему приказщику, а тіуну, посадчику и городовому приказщику поголовщины не платятъ. А воеводѣ и намѣстнику и волостелемъ и ихъ тіуномъ, посадчикомъ и городовому приказщику до того душегубства и во всякихъ дѣлехъ, до нихъ дѣла нѣтъ. А разбойное съ поличнымъ судятъ старосты губные, а приказщикъ слободской и старосты съ нимъ-же судятъ для береженья. А правъ или виноватъ, по судебнику и дѣло кончаютъ, а виноватыхъ казнятъ по моему цареву и великаго князя указу. А губные старосты безъ приказщика не судятъ А пожаловалъ есми своихъ слобожанъ въ торханѣхъ отъ всякихъ своихъ податей и ихъ дворы и пашни за то что имъ въ Касимовѣ Городѣ на посадѣ на яму подводы держати по трое лошадей съ выти, на мое царево и великаго князя разное дѣло и на земское. А прогоны имъ имать на десять верстъ по три денги, а проводнику на тритцать верстъ по двѣ денги. А давать имъ подводы по моимъ царевымъ и великаго князя грамотамъ, и по воеводскимъ и намѣстничьимъ, и по грамотамъ городовыхъ приказщиковъ. А лошадей имъ у городскихъ людей и у волостныхъ отнюдь не имати; а возметъ который охотникъ на ямъ лошадь въ подводы у кого ни буди, и тѣмъ охотникамъ быти отъ меня царя и великаго князя казненымъ. А которые гонцы обмѣняютъ подводы на дорогѣ въ селѣхъ и въ деревняхъ у кого ни буди, а тѣ люди тѣ обмѣнные всталые подводы учнутъ у себя задерживати, а Касимовъ городокъ на ямѣ, къ ямскимъ охотникамъ отводити ихъ не учнутъ того же дни, и приказщику тѣхъ людей давати на поруки цареве и великаго князя пенѣ, да на тѣхъ людей доправливати всякой подводѣ по три алтына на день. А будетъ кому дѣло до слобожанина и на иномъ городѣ, и намѣстникъ его велитъ дать на поруку, да отослать въ Касимовъ городокъ къ приказщику слободскому, и намѣстникъ его не судитъ нигдѣ ни въ какихъ дѣлехъ. Такожь есми тѣхъ слобожанъ пожаловалъ. Наши недѣльщики площадные и дворцовые по нихъ не ѣздятъ, и на поруки ихъ не даютъ, и сроковъ на нихъ не намѣтываютъ ни въ какихъ дѣлехъ. А кто срокъ накинетъ силно, и они къ тому сроку къ отвѣту не ѣздятъ; а кто на нихъ по срокѣ возметъ безсудную и та безсудная не въ безсудную. А кому будетъ до котораго слобожанина какое дѣло, или слобожанину до стороннихъ людей до которыхъ нибуди какое дѣло и въ томъ на слобожанъ тѣ люди, и слобожане на стороннихъ людей на кого нибуди наметываютъ мои царевы и великаго князя зазывныя грамоты да по тѣмъ зазывнымъ на срокъ ставятъ за отвѣтами, а сужу ихъ язъ царь и великій князь, или наши казначеи, или кому будутъ приказаны ямскія дѣла судити, а опричь ямского судьи тѣмъ слобожанамъ не искати и не отвѣчати ни предъ кѣмъ. Да тѣхъ же есми слобожанъ пожаловалъ. Кто ѣдетъ на наемныхъ подводахъ, и имъ подво-

не только изъ права собственнаго управленія, а, соотвѣтственно времени, и суда, но и изъ ряда привиллегій, принадлежавшихъ охотнику, какъ члену ямской слободы.

ды наимовати у охотниковъ: а охотникамъ имати у нихъ наемъ по указу на десять верстъ по три денги. А мимо охотниковъ подводъ въ наемъ никому не давать; а кто дастъ подводу въ наемъ подъ гонцы, и того изымаютъ приказщикъ и старосты, да возмутъ на немъ на меня, царя и великаго князя, заповѣдь два рубля денегъ, да тѣ денги привозятъ въ мою цареву и великаго князя, казну къ дьякамъ, которымъ ямы приказаны. Да слобожанъ же есми пожаловалъ. Кто тѣхъ слобожанъ въ слободѣ женитца или въ Касимовѣ на посадѣ или въ иной слободѣ или волостяхъ, или дочерь дастъ изъ тое слободы за мужъ на посадъ или въ волость или въ слободу, и приказщику и старостамъ, кому они приказаны, имати на меня, царя и великаго князя, за убрусъ четыре денги, а за выводную куницу алтынъ, а знамя емлютъ у митрополича приказщика, а за вѣнцы отъ знаменъ даютъ приказщику митрополичу съ холосца по три денги, а со вдовца алтынъ, а съ трехженца два алтына. На пиръ къ нимъ и въ братчины незванъ сильно не ѣздитъ никто; а кто къ нимъ на пиръ незванъ пріѣдетъ и отъ него вышлютъ вонъ бездѣльно а кто не пойдетъ вонъ, а учинитца тутъ у нихъ какая гибель, и тому незваному за гибель платить вдвое безъ суда. А кто къ кому пріѣдетъ въ слободу гость или какой человѣкъ ни буди, или кто наймита найметъ, и тому слобожанину того своего гостя и наймита явити приказщику и старостамъ, кому они приказаны; а отъ явки приказщику и старостамъ у нихъ не имать ничего. А кто не явитъ приказщику и старостамъ своего гостя или наймита или кого ни буди, и приказщику и старостамъ на тѣхъ людѣхъ, которые не являютъ, имати заповѣди на меня, царя и великаго князя, два рубля денегъ. А которой слобожанинъ купитъ или вымѣняетъ лошадь у городского человѣка или волостнаго и у пріѣзжаго у кого ни буди, или кому охотникъ лошадь продастъ. или промѣняетъ, и они съ тѣхъ лошадей тамги и пошлины не платятъ, а являютъ тѣ лошади охотники, кто купитъ или кто продастъ, или промѣнитъ, своему приказщику и старостамъ, кому они приказаны; и приказщикъ и старосты пишутъ у себя явки изъ за купца и продавца и лошади въ шерсть и цѣну сколько которой лошади лѣтъ, а за пищего емлютъ они себѣ по денгѣ съ лошади. Такожъ есми слобожанъ пожаловалъ. Ослободилъ есми имъ брагу держать про себя, а пива и меду и вина на корчмы имъ у себѣ отнюдь не держать. И будетъ у кого корчма, или кто своего питья приказщику и старостамъ не явитъ и приказщику и старостамъ у того слобожанина корчма выняти, а заповѣди взяти на меня, царя и великаго князя, два рубля денегъ. А выметъ кто у кого слобожанина корчму опричь приказщика и старостъ, и на томъ приказщикѣ и старостахъ взяти заповѣди на меня, царя и великаго князя по пяти рублевъ денегъ а того слобожанина казнити торговою казнію бить кнутомъ да его изъ слободы выслать вонъ, а дворъ и животы

Во главѣ слободы стояли два лица—приказчикъ и староста. Приказчикъ назначался правительствомъ и былъ представителемъ правительства въ слободѣ, староста избирался охотниками и вѣдалъ самую гоньбу подъ наблюденіемъ приказчика. Точнаго разграниченія въ функціяхъ, касавшихся собственно гоньбы, замѣтить нельзя. Такого разграниченія, вѣроятно и не было. Можно отмѣтить только, что обыкновенно подводы отпускалъ и охотниковъ наряжалъ староста, онъ-же велъ и загонныя книги, но подорожныя прописывалъ приказчикъ. [1]) Слѣдовательно, въ предѣлахъ служебныхъ функцій слободы приказчикъ выступалъ преимущественно

описать на меня царя и великаго князя. Также есми слобожанъ пожаловалъ. Наши воеводы, князи и бояре и дѣти боярскіе и всякіе разные люди, Татарове и князя и мурзы и всѣ служебные люди и всякіе посланники и гонцы и Нагайскіе послы въ ихъ дворѣхъ сильно не ставятца и кормовъ своихъ и конскихъ на нихъ сильно не емлютъ, и въ лѣтнюю пору на ихъ пашняхъ и на лузѣхъ и на покосѣхъ не ставятъ же ся, и не всылаютъ къ нимъ ни по что, а кормъ свой и конскій купятъ у нихъ по цѣнѣ, какъ имъ продадутъ. А ставятца послы въ гонцы на яму, на то ямъ устроенъ. А которые наши воеводы, князи и дѣти боярскіе и всякіе служилые люди у тѣхъ слобожанъ въ ихъ дворѣхъ учнутъ ставитца сильно, или что возмутъ или чѣмъ изобидятъ, и тому отъ меня, царя и великаго князя быти въ опалѣ, и на немъ то взяти вдвое безъ суда. А которые охотники или ихъ дѣти, или ихъ люди пойдутъ вверхъ по Окѣ къ Терехову, или въ низъ къ Мурому или въ новыгороды отъ ямской вдаль за урокомъ, и они въ тѣхъ во всѣхъ городѣхъ съ головы по алтыну гостинаго не даютъ; а поѣдутъ тѣ охотники торговать въ которой городъ ни буди, и пошлинные люди во всѣхъ городѣхъ на тѣхъ охотникахъ емлютъ по тому, какъ и съ торговыхъ людей. А которые наши воеводы, посадчики и городовые приказщики, и ключники и высылщики и всякіе мои царевы и великаго князя посланники учнутъ отъ себя гонцовъ посылать по своимъ подорожнымъ грамотамъ на подводѣхъ и въ судѣхъ въ иные городы куды ни буди по уѣздамъ и тѣ де воеводы и городовые приказщики и ключники и высылщики и всякіе посланники своимъ гонцамъ подводы даютъ въ уѣздъ на пять верстъ, да тѣхъ своихъ гонцовъ имена куды пошлютъ и сколько кому подводъ даютъ пишутъ у себя въ книги да тѣ свои отпуски присылаютъ къ Москвѣ къ дьякамъ въ ямскую избу для справки ямскихъ книгъ. А коли они явятъ сію нашу грамоту Касимовскимъ воеводамъ, посадчикамъ и всякимъ приказнымъ людемъ и ихъ пошлинникамъ, они съ нее явки не даютъ ничего. Дана грамота на Москвѣ, лѣта 7075 (1567), марта въ 27 день.

[1]) Цит. гр. Касим. слоб.; пачка подорожныхъ, представляющая изъ себя непереплетенную книгу прописанныхъ подорожныхъ Желѣзнопольскаго яма въ Ар. М. И. Д. П. Д. С. Л., св. 3, № 1, 1606 г.

въ случаяхъ, гдѣ требовалось официальное удостовѣреніе, староста же завѣдывалъ внутреннимъ распорядкомъ гоньбы. По основному принципу, приказчикъ назначался въ слободу для того, чтобы было кому вѣдать ямскую слободу и въ ней охотниковъ и ямскую слободу беречь. [1]) Староста-же, какъ представитель охотниковъ, состоялъ при приказчикѣ для береженья охотниковъ отъ него. Онъ въ большей степени представитель данныхъ охотниковъ, а приказчикъ—представитель слободы, какъ общаго и цѣлаго. [2]).

Обыкновенно читаемъ въ наказахъ стройщикамъ—устроить въ слободѣ приказчика. [3]) Значило ли это, что стройщикъ долженъ былъ и пріискать приказчика, или-же онъ лишь устраивалъ его въ слободѣ, т. е. отводилъ дворовое мѣсто, давалъ пашню и т. д.? Это не ясно. Обыкновенно приказчикъ—сынъ боярскій, и обыкновенно изъ людей мѣстныхъ. [4]) Но если приказчикъ и не пріискивался стройщикомъ, то все-таки, видимо, онъ, по большей части назначался тѣмъ лицомъ, которое получило изъ Москвы наказъ объ устроеніи яма, т. е. или мѣстной правительственной властью, или присланнымъ изъ Москвы стройщикомъ.

Приказчикъ, съ одной стороны, былъ органомъ общаго управленія, по характеру времени—и суда, въ слободѣ, съ другой стороны, онъ былъ органомъ спеціальнаго ямского управленія. Изъ касимовской грамоты выясняются слѣдующія подробности: приказчикъ вѣдалъ слобожанъ вмѣстѣ съ

---

[1]) А. С. М. I, XXXIX, Q, IV, 261, passim; Q. IV, 334, passim и др.

[2]) Должность ямского приказчика не встрѣтила еще опредѣленныхъ сужденій въ литературѣ. Подробнѣе другихъ говоритъ о ней Чичеринъ, Областн. учред., стр. 378-379. Но онъ знаетъ только, что ямскіе приказчики назначались для управленія ямами, что ямскіе приказчики иногда назначались воеводами, иногда присылались изъ Москвы, что отношенія приказчика къ воеводамъ неясны, хотя, возможно, что должность была и независима отъ воеводъ, наконецъ, что должность ямскихъ приказчиковъ была уничтожена въ 1679 г.

[3]) Напр. во всѣхъ наказахъ новг. устройн. кн. ср. А. Э. III, 158.

[4]) Акты Воз. Печер. Мон., стр. 37, Д. А. И, II, 49. Въ Р. И. Б., X, стр. 38, читаемъ: въ „ямской приказъ... велѣно отписать, кто имяны на Москвѣ и въ городѣхъ въ ямскихъ приказчикахъ и которыхъ городовъ дѣти боярскіе". Послѣднее показаніе относится къ 1636 г., но два предъидущихъ къ 1619 г., при чемъ первое—къ мѣсту, гдѣ ямъ былъ возобновленъ, какъ видно изъ акта на стр. 52, во всемъ на старомъ основаніи.

ямскимъ старостой во всѣхъ дѣлахъ вмѣстѣ съ старостой судилъ ямскихъ охотниковъ и дворниковъ и ихъ дѣтей и людей; но судебныя пошлины получалъ только приказчикъ; слѣдовательно, староста присутствовалъ не столько какъ судья, сколько какъ представитель всѣхъ охотниковъ слободы. „А пошлинъ приказщикъ емлетъ съ рубля по алтыну, а хоженаго деньга; а пошлютца на правду, ино имати ѣзду на двѣ версты по деньгѣ, а на правду вдвое“. Отмѣтимъ, что указанныя пошлины болѣе низки, чѣмъ обыкновенно, такъ какъ обыкновенная пошлина—десять денегъ съ рубля, а ѣзда - на версту по деньгѣ. Приказчикъ судилъ и въ душегубствѣ, кромѣ разбою съ поличнымъ (обыкновенно душегубство изъемлется изъ предѣловъ вѣдомства спеціальныхъ судей). Онъ присутствовалъ въ качествѣ непремѣннаго судьи и тогда, когда, въ случаяхъ смѣстнаго суда слобожанъ съ городскими и волостными въ душегубствѣ, судили намѣстники или ихъ тіуны. Тутъ-же на судѣ для береженья сидѣлъ и староста. Приказчикъ и староста сидѣли для береженья и по дѣламъ разбойнымъ съ поличнымъ, т. е. по дѣламъ, подвѣдомственнымъ губнымъ старостамъ. Приказчику и старостѣ слобожане являли гостей и наймитовъ, имъ-же являли купленныхъ, проданныхъ и промѣненныхъ лошадей; приказчикъ-же наблюдалъ, чтобы слобожане, имѣвшіе право держать брагу на себя, не держали пива, вина и меду на корчмы; приказчику и старостѣ слобожане являли свое питье; приказчикъ и староста у того, кто питья своего не являлъ имъ, должны были „корчму выняти“. Какъ мы уже сказали, загонныя книги велъ староста, но наблюдалъ за этимъ приказчикъ; онъ-же наблюдалъ за доставленіемъ загонныхъ книгъ въ Москву. Вмѣстѣ съ старостой онъ наблюдалъ, чтобы никто мимо охотниковъ изъ найму подводъ подъ гонцовъ не давалъ. Онъ-же доправлялъ пеню (по 3 алтына въ день за подводу) на тѣхъ, кто не отводилъ въ тотъ-же день, въ случаѣ, если гонцы обмѣняютъ ямскую подводу, обмѣненную подводу на ямъ. Онъ-же вмѣстѣ со старостой являлся сборщикомъ царскихъ пошлинъ (за убрусъ, за выводную куницу—при женитьбѣ и отдачѣ въ замужество), пеней, заповѣдей. Дополняя эти свѣдѣнія изъ другихъ источниковъ, видимъ, что приказчику давались выборы на вновь выбираемыхъ съ сохъ ямскихъ охотни-

ковъ. [1]) Вѣроятно, въ тѣхъ только случаяхъ, когда новые охотники вступали въ уже устроенную слободу, а не въ самый моментъ ея устроенія, когда выборы, какъ мы уже знаемъ, давались стройщику. Въ случаѣ притѣсненій со стороны воеводъ и приказныхъ людей челобитныя подавались обыкновенно приказчикомъ, но могли подаваться и старостами и даже отдѣльными охотниками, какъ отъ своего имени, такъ и отъ имени всей слободы. Для разсматриваемаго періода мы не нашли данныхъ, которыя опредѣленнѣе разъясняли бы этотъ вопросъ; но въ дѣлахъ первой половины 17 вѣка мы обыкновенно видимъ, что въ перепискѣ по поводу такихъ челобитныхъ какъ справки, такъ и рѣшенія адресуются приказчику, а не самимъ челобитчикамъ [2]). Наконецъ, мы знаемъ еще, что приказчикъ большаго яма иногда являлся стройщикомъ меньшихъ ямовъ—окольныхъ и поперечныхъ. [3]) Но главной обязанностью приказчика являлся все таки судъ, что видно, напримѣръ, изъ того, что иногда ямской приказчикъ (иначе—слободчикъ) назывался судейскимъ приказчикомъ. Онъ и самъ себя такъ называлъ, такъ его называлъ нѣсколько позже и ямской приказъ. [4]).

Устроенный въ слободѣ стройщикомъ, приказчикъ все дальнѣйшее опредѣленіе своего положенія получалъ отъ слободы. Онъ ходилъ во всемъ по жалованной грамотѣ данной слободы. Жалованья онъ не получалъ, но устраивался землей, дворовымъ мѣстомъ, огородомъ, гуменникомъ. Кажется, онъ иногда получалъ съ населенія что-то вродѣ хлѣбной подмоги. Одинъ такой случай мы знаемъ для 1619 г. по Курмышскому уѣзду. Тамъ Нижегородскій сынъ боярскій Тимофей Бѣлняниновъ, сидѣвшій на яму въ приказчикахъ, получалъ мѣсячный хлѣбъ въ Печерскомъ монастырѣ. [5]) Какъ намъ уже пришлось говорить, падѣлъ приказчика обыкновенно относился къ надѣлу охотника, какъ 4: 2: 1. Сверхъ того онъ получалъ въ свою пользу судебныя и иныя пошлины въ слободѣ. Судя по касимовской грамотѣ,

---

[1]) А. Юр. 278.

[2]) Напримѣръ, А. М. И. Д. П. Д. С. Л. Св. 48, № 66, 1631 г., Св. 135, № 43, 1640 г., Д. А. И. V, 53 и др.

[3]) Q. IV, л. 238—278, 334—341.

[4]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. Св. 48. № 66, 1631 г.

[5]) Акт. Воз. Печер. Мон. стр. 37.

приказчикъ собиралъ: судебныхъ пошлинъ съ рубля по алтыну, а хоженаго деньга и за пищаго при явкѣ купленной, проданной или вымѣненной лошади — по деньгѣ съ лошади (бралъ вмѣстѣ съ старостой). Приказчикъ предполагался въ каждой слободѣ и это стремленіе мы замѣчаемъ съ самого появленія ямскихъ слободъ, вмѣстѣ съ которыми, конечно, появились и приказчики. Если при возобновленіи или новомъ устроеніи слободы оказывалось, что приказчика не было, стройщикъ долженъ былъ, въ силу наказа, устроить его. Здѣсь сказывалось стремленіе правительства придать большую силу ямской слободѣ, какъ цѣлому, такъ какъ прямымъ назначеніемъ приказчика было беречь слободу отъ всякихъ людей. Но были слободы, въ которыхъ приказчикъ все никакъ не приживался: напримѣръ на крестецкомъ яму; приказчикъ тамъ былъ еще въ 1577 г., но въ устройныхъ книгахъ этого яма другихъ лѣтъ значится, что приказчика нѣтъ, а въ книгѣ 1606 г. читаемъ: „а дворъ приказчика пустъ и приказчика нѣтъ, а верстались сами и прикащикову землю раздѣлили межъ себя.“ [1]) То-же самое наблюдаемъ и въ исторіи заечевскаго яма. [2]) Безъ старосты-же слобода органически не могла существовать, и старосту обыкновенно избирали сейчасъ же, какъ только собирались охотники въ слободу. Это одно наводитъ уже на мысль о сравнительно болѣе важномъ значеніи для внутренней жизни слободы должности старосты. Хотя приказчикъ и получалъ какъ опредѣленіе своей должности, такъ и средства къ существованію отъ слободы, но все-же онъ былъ ей чужой человѣкъ, въ отношеніи къ ней онъ былъ приказнымъ. Его устроялъ стройщикъ по воеводскому наказу изъ людей, изъ кого придется, глядя по слободѣ; слѣдовательно онъ могъ притти въ слободу и тогда, когда слобода уже выработала свои распорядки, извѣстнымъ образомъ сложила свой обиходъ. Староста же былъ въ слободѣ своимъ человѣкомъ; слѣдовательно, на жизнь слободы онъ естественно могъ влiять сильнѣе и полнѣе приказчика. А такъ какъ компетенція приказчика и старосты не были строго разграничены, и староста, состоя при приказчикѣ,

---

[1]) Q. IV, 261, л. 99; 260 л. 29 об.

[2]) Q IV, 260, л. 139, Q. IV. 334 л. 120.

отчасти выступая одновременно съ нимъ, могъ вліять на разныя стороны слободской жизни и официальнымъ путемъ, то не естественно-ли, что преимущественное значеніе въ слободѣ должно было весьма скоро перейти отъ приказчика къ старостѣ. Къ тому-же для приказчика слобода была лишь источникомъ изъ котораго онъ получалъ доходы; для старосты слобода была всѣмъ . . . .

Кромѣ права на особое управленіе и судъ, слобожане получали въ силу жалованныхъ грамотъ еще слѣдующія привиллегіи: 1) они не несли никакой службы, кромѣ ямской, не платили никакихъ податей, не исполняли никакихъ повинностей вмѣстѣ съ городскими и уѣздными людьми; 2) они не искали и не отвѣчали ни предъ кѣмъ, кромѣ ямского судьи въ Москвѣ (подъ „ямскимъ судьей" здѣсь понимаются казначеи или дьяки, которымъ дано ямы вѣдать); 3) они не платили явки приказчику, поголовщины намѣстничьему тіуну и городовому приказчику, нѣкоторыхъ таможенныхъ пошлинъ; 4) они, наконецъ, имѣли и нѣкоторыя процессуальныя льготы. Въ такомъ видѣ, по крайней мѣрѣ, представляется этотъ вопросъ изъ касимовской грамоты. Изъ сравненія съ обычнымъ текстомъ уставныхъ грамотъ видимъ, что, во-первыхъ, характеръ льготъ сложился для ямскихъ слободъ болѣе или менѣе самостоятельно, во всякомъ случаѣ, съ извѣстными отступленіями отъ шаблона, соотвѣтственно съ особыми условіями ямскихъ слободъ, и что льготы ямскихъ слободъ нѣсколько шире чѣмъ это обыкновенно наблюдается въ другихъ уставныхъ грамотахъ второй половины 16 вѣка [1]).

Живя при такихъ условіяхъ въ слободѣ, охотникъ, кромѣ дохода на свой пай съ земли и ежегодной подмоги, получалъ еще прогоны. Прогоны платились по таксѣ въ 3 деньги за 10 верстъ охотнику и по 2 деньги за 30 верстъ проводнику. По общему правилу, ясно выраженному, напримѣръ, въ той-же касимовской грамотѣ, прогоны должны были платиться за каждую подводу. Но на практикѣ, какъ это мы уже видѣли и въ предъидущемъ періодѣ по отношенію къ очереднымъ, гнавшимъ гоньбу, прогоны платились не

---

[1]) Пользуемся для сравненія сведеннымъ текстомъ уставныхъ грамотъ Загоскина, вып. 2 „Уставн. гр. 14—16 вѣк.", Каз 1876 г.

каждый разъ. Не всегда, какъ оказывается платились за весь конецъ. Сохранилась, напримѣръ, подорожная книга Устюжно-Желѣзнопольскаго яма, гдѣ вписаны подорожныя отъ 1606—1626 г. Изъ нея видно, что по одному и тому-же пути въ однѣхъ подорожныхъ прописывалось требованіе давать подводы съ прогонами, а въ другихъ – безъ прогоновъ. Иногда, напримѣръ, читаемъ: отъ Москвы до перваго яма съ прогоновъ, а дальше безъ прогоновъ [1]). Прослѣдить тѣ основанія, которыми руководствовались въ этой практикѣ, невозможно. Вѣроятно, подорожныя нормировали вопросъ о прогонахъ, сообразуясь съ лицомъ, обстоятельствами поѣздки и т. д. Видимо, имѣло значеніе и то, какая практика установилась въ данномъ присутственномъ мѣстѣ: большая часть подорожныхъ со скрѣпой дьяка Василія Телепнева, напримѣръ, писались съ прогонами до Устюжны и безъ прогоновъ до Ладоги отъ Устюжны, за скрѣпой дьяка Ѳомы Панина—съ прогонами до Устюжны, но съ припиской: „а гдѣ ему по наказу надобе, давали бы подводы безъ прогоновъ" [2]). Въ уѣздъ возили обыкновенно безъ прогоновъ. Правда, эти данныя относятся къ нѣсколько позднѣйшему времени. Данныхъ для времени предшествовавшаго мы не нашли. Можно думать, что и теперь, какъ и въ предъидущемъ періодѣ, прогоны не всегда платились при проѣздѣ и что въ прогонахъ учитывались охотники по прогоннымъ книгамъ, получая въ концѣ года, сколько загоняютъ и, вѣроятно, въ дополненіе къ полученнымъ авансамъ. Это мы выводимъ изъ часто встрѣчающихся указаній: „а загонныя деньги имати имъ (охотникамъ) изъ государевой казны сколько кто загоняетъ" [3]). Судя по касимовской грамотѣ, порядокъ разсчета въ деталяхъ былъ таковъ: всѣ власти, кто имѣлъ право выдавать подорожныя, вели выданнымъ подорожнымъ книги; книги присылались въ Москву въ ямскую избу и служили тамъ для справки съ загонными книгами ямскихъ охотниковъ. Охотники занимались и побочными промыслами: пахали сверхъокладную пашню, держали на посадахъ лавки, вели торговлю [4]). Они-же занимались и ча-

---

[1]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. Св. 3, № 1, 1606 г.

[2]) Тамъ-же, Л. 7, 8, 9, 34, 35, 37, 40, 41 и т. д.

[3]) Напр., Q. IV, 262, 334.

[4]) Касим. уст. грам.: „а поѣдутъ тѣ охотники торговать въ кото-

стнымъ извозомъ, иногда стремясь присвоить даже монопольное право на этотъ промыселъ [1]). Они-же иногда всей слободой брали подряды: нарпимѣръ,—подрядъ вырубить извѣстный участокъ лѣса и доставить его для городового дѣла въ городъ [2]). Для разсматриваемаго періода указаній на эти побочныя занятія охотниковъ, однако, сравнительно мало; едва-ли только потому, что до насъ не дошли свидѣтельства. Охотникъ не былъ еще слобожаниномъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ сталъ впослѣдствіи, не достаточно твердо основался въ слободѣ—онъ не могъ, слѣдовательно, очень расширять свою хозяйственную дѣятельность Онъ видимо, едва справлялся со служебной.

Присутственнымъ мѣстомъ слободы былъ ямской дворъ, иногда отдѣльный отъ пріѣзжаго или стоялаго двора, иногда соединенный съ нимъ. Въ этомъ ямскомъ дворѣ (ямской или гонной избѣ) приказчикъ, вмѣстѣ съ старостой, сидѣвшимъ при приказчикѣ, вѣдалъ судъ, принималъ челобитныя, постановлялъ приговоры, прописывалъ подорожныя, хранилъ загонныя книги. Для письмоводства при избахъ состояли ямскіе дьячки. Дьячекъ не получалъ пашни, но имѣлъ дворъ на ямскомъ дворовомъ мѣстѣ. Онъ получалъ также жалованье, отъ $1\frac{1}{2}$—3 рублей въ годъ и обыкновенно отъ казны Если изъ казны воевода не давалъ жалованья, слобода, платя отъ себя, видимо, быстро добивалась возврата этого расхода, ссылаясь на то, что прежде дьячки получали казенное жалованье и что давать ей отъ себя не изъ чего. При гонной избѣ состоялъ и дворникъ, иногда 2 3—4 дворника, смотря по размѣрамъ слободы. Дворникъ жилъ или при гонной избѣ или при стоялой избѣ, или имѣлъ свой дворъ на пустомъ охотничьемъ мѣстѣ. Жалованье онъ получалъ иногда отъ слободы, иногда отъ казны, иногда служилъ безъ жалованья, пользуясь за то частью хлѣбныхъ доходовъ или получая отъ слободы клочекъ земли. Размѣръ жалованья— отъ рубля до двухъ [3]).

рой городъ ни буди"; въ Можайск. писц. кн. 1596—1598 на посадѣ лавки охотниковъ, Мож. Ак., стр. 37 А. Ю., 141, по Переясл. Рязан. и др.

[1]) А. Э., III, 297.

[2]) А. Ю. 292.

[3]) Кн. переп. 265, кн. устр. Q. IV, 263, Писц. кн. Моск. Госуд., Отд. I стр. 333, II, стр. 1097, 1267 и др.

Каждая слобода имѣла свое пятно, т. е. своего образца тавро, которымъ мѣтились лошади. Много данныхъ по этому вопросу сохранилось въ новгородскихъ книгахъ, гдѣ находимъ даже рисунки нѣкоторыхъ изъ этихъ (впрочемъ, наиболѣе простыхъ) пятенъ. На бронницкомъ яму пятно было—волкъ на лѣвой сторонѣ на задней ногѣ, на заечевскомъ яму—заяцъ, на крестецкомъ яму—змѣй летучій, на яжелбицкомъ яму—слонъ, на ѣдровскомъ - лисица на правой ногѣ, на хотиловскомъ - змѣй ползучій, на вражскомъ - рѣщето на правой ногѣ, на раетскомъ—на пятнѣ написаны были „нужныя слова"—Раица, на дубровенскомъ яму - въ кругѣ крестъ, а на кругѣ ушки раздѣлены, на выдропускомъ—медвѣжья лапа и т. д. Пятно называлось: государево казенное пятно [1]).

Количество вытей въ слободахъ не являлось опредѣленной величиной, но можно отмѣтить 4 разряда слободъ: въ 100, 50, 20 и 10 паевъ. Это наиболѣе типичные размѣры, въ предѣлахъ которыхъ назначаемое наказомъ количество паевъ то нѣсколько увеличивалось, то нѣсколько уменьшалось. Такъ, въ слободѣ опредѣлялось 70 или 60 паевъ, 30 или 40 паевъ и т. д. Въ одной и той-же слободѣ по устрою разныхъ лѣтъ, въ зависимости, вѣроятно, главнымъ образомъ, отъ того, насколько за время, протекшее между двумя устроями, разгонъ увеличился или уменьшился, количество паевъ въ предѣлахъ разряда слободы увеличивалось или уменьшалось. [2]) Большія слободы—преимущественно посадскія, слободы второго и третяго разрядовъ преимуще-

---

[1]) Кн. устр. Q. IV, 260 и 334.

[2]) Вотъ нѣкоторыя данныя: по устрою 1560 и 1573 г. на девяти новгородскихъ ямахъ установлено было по 50 паевъ въ каждомъ, по устрою 1586 г. и 1601 г.—30 паевъ; на псковскихъ ямахъ по устрою 1560 г. — на псковскомъ и загорскомъ 50 паевъ, на пшасскомъ, вражскомъ, раецкомъ и др. 20 паевъ; по устрою 1587 г. на псковскомъ—40 паевъ, на загорскомъ - 20 паевъ; орѣшскій и ладожскій ямы—10 паевъ. Кн. устр. Q. IV, 260 264 и 334; Ар. М. И. Д. П Д. С. Л. Св. 153, № 91, 1642 г. Въ коломенской слободѣ въ 1587 г.—100 паевъ, въ тульской—50 паевъ, въ каширской - 40, въ дедиловской—28, (вѣроятно, разсчитано было на 30), въ Можайской въ 1596—1598 г.— 35 паевъ, въ казанской въ 1566—50 паевъ (63 охотн.) Писц. кн. Моск. Госуд., отд. I, стр. 333, отд. II, стр. 1097, 1267, 1302, Можайск. акты, стр. 69, Заринскій, Очерки древн. Казани, стр. 182.

ственно—уѣздныя слободы, четвертаго разряда—окольныя. Были еще ямы поперечные. Это небольшіе ямы въ сторонѣ отъ главныхъ дорогъ, имѣвшіе значеніе какъ бы подъѣздныхъ путей. На такихъ ямахъ слободъ не было, а устраивалось на нихъ отъ 2—5 охотниковъ [1]). Въ административномъ отношеніи поперечные ямы были приданы къ уѣзднымъ или посадскимъ. Иногда они просто являлись выселками уѣздныхъ ямовъ. Къ концу 16 вѣка, когда успѣло уже измѣниться сравнительное значеніе разныхъ дорогъ, въ зависимости отъ исторической судьбы, постигшей различные населенные пункты, замѣчаемъ слѣдующее явленіе: ямы недавно еще устраивавшіеся на 50 паевъ и больше, присоединялись къ ямамъ, которые раньше имѣли меньшее значеніе или которые, если имѣли и одинаковое значеніе, то вовсе не такое, чтобы къ нимъ можно было придать сосѣднюю большую слободу. При томъ количествѣ данныхъ при которыхъ сейчасъ приходится изслѣдовать настоящій вопросъ, нельзя еще надѣяться имѣть сравнительную карту ямскихъ путей конца первой половины 16 вѣка и конца второй половины, но и теперь можно сказать, что къ началу 17 вѣка дорога отъ Москвы до Новгорода уже нѣсколько потеряла первенствующее значеніе, что значительно развилось къ этому времени сообщеніе между Москвой и Вологдой на Ярославль, что Ростовъ остался въ сторонѣ отъ главнаго пути, что потеряли всякое значеніе суздальскій и угличскій ямы и т. д. [2]) Историческое обьясненіе этихъ фактовъ не могло бы представить затрудненій.

Число паевъ, какъ видно изъ того, что уже было сказано нѣсколько раньше, не совпадало съ числомъ охотни-

---

[1]) Напримѣръ, въ 1560 г., на вороночскомъ яму—5 чел., на опочскомъ—2, на бѣловскомъ въ 1604 г.—2 чел. и т. д. Кн. устр. Q. IV, 334, л. 302, А. М. И. Д. П. Д. С. Л. св. 153, № 91, 1642 г.

[2]) Приведен. выше данныя и данныя переп. кн. ямск. сл. А. М. Ю. № 265, также Углич. Ак., стр. 17, 38, 141 и 171. Ср. также свидѣтельство Томаса Смита о Ростовѣ, въ „Путеш. и пребыв. въ Россіи“, пер. Болдакова, стр. 25, изд. 1893 г. Отмѣтимъ, пользуясь случаемъ, что г. Болдаковъ, настр. 116, пишетъ: „Ни въ одномъ изъ источниковъ намъ не удалось найти указанія на Шепецкое близъ Ярославля“. Шепецкій ямъ—старый Ярославскій ямъ (А. С. М., I. стр. 49, 54, 59, 60). Въ настоящее время это—Шопшинская волость. См. Матерьялы для словаря народнаго языка въ Яросл. Губ., Е. И. Якушкина, стр. 41.

ковъ въ слободѣ, тѣмъ болѣе съ числомъ всего слободского населенія. Во первыхъ, на одномъ паѣ могло сидѣть нѣсколько охотниковъ, во вторыхъ, охотникъ могъ принять къ себѣ въ пай своихъ родныхъ – братьевъ, шурьевъ, зятьевъ, или и постороннихъ ему людей, которые съ теченіемъ времени могли также называться и считаться охотниками, хотя въ дѣйствительности были лишь подручными, наконецъ, въ слободы, какъ въ пункты, болѣе или менѣе обезпеченные землей и нуждавшіеся въ рабочихъ рукахъ, къ тому-же пользовавшіеся нѣкоторыми привиллегіями, должно было стекаться населеніе со стороны. Впрочемъ, слѣдуетъ сказать, что даже въ самомъ концѣ 16 вѣка слободы еще были бѣдны населеніемъ, сравнительно, напримѣръ, съ тѣмъ что мы увидимъ дальше, когда будемъ наблюдать слободскую жизнь во второй половинѣ 17 вѣка. Даже въ 20-хъ годахъ 17 вѣка населеніе слободъ значительно меньше, чѣмъ нѣсколько позже, хотя мы и не замѣчаемъ, чтобы въ то время гдѣ нибудь было значительно увеличено число паевъ. Это также подтверждаетъ высказанную нами мысль о томъ, что существовали причины, препятствовавшія прикрѣпленію охотника къ слободѣ. Но изъ тѣхъ-же данныхъ, которыя заставляютъ насъ думать, что слободы вообще были скорѣе бѣдны населеніемъ, мы видимъ еще, что, если и увеличивалось въ какой-либо слободѣ общее число населеленія, то въ большей степени путемъ привхода въ слободу постороннихъ людей, чѣмъ путемъ естественнаго размноженія основного населенія слободы. Такъ, въ новгородскихъ ямахъ по переписи 1601 г. мы въ однѣхъ слободахъ видимъ не болѣе 3—5 человѣкъ выше нормы паевъ, въ другихъ даже—неполные комплекты [1]) Въ Можайской слободѣ въ 1596 г. при 35 паяхъ - 41 ч. муж. пола во дворахъ и три бобыля не дворовыхъ; во владимірской слободѣ 1588 г. при 30 паяхъ – 40 ч муж. пола; въ переяславской слободѣ при 70 паяхъ въ 1600 г. – 76 ч. муж. пола и т. д. [2]) Но, напримѣръ, въ муромской слободѣ въ 1628 г. при 50 паяхъ 57 дворовъ, а людей въ нихъ 84 человѣка; въ 1621 г. въ ярославской ямской слободѣ при 70 паяхъ 59 охотниковъ, а людей всего 123 чел.; изъ нихъ 5 отстав-

[1]) Кн. устр. Q. IV, 260—264.

[2]) А. Мож., стр. 69, А. М. Ю., кн. 265,

ныхъ охотниковъ съ 6 сыновьями и братьями и 16 бобылей; въ 1628 г. въ той же слободѣ всего 57 охотниковъ, а людей 138 чел. но изъ нихъ охотничьихъ братьевъ, сыновей и племянниковъ 61 человѣкъ; остальное населеніе — бобыли и приходцы и т. д. [1]) Другими словами: основное населеніе слободы въ разсматриваемомъ періодѣ, если и разросталось, то незначительно, что также не можетъ не наводить на мысль о неустойчивости слободской жизни въ это время.

Въ составѣ слободского населенія, какъ это видно уже отчасти изъ того, что сейчасъ указано, мы замѣчаемъ бобылей. Вопросъ о бобыляхъ - одинъ изъ очень спорныхъ вопросовъ исторіи русскаго права. [2]) Не берясь за разрѣшеніе его въ общемъ и цѣломъ, изложимъ данныя, которыя намъ удалось собрать о ямскихъ бобыляхъ. Откуда они появлялись въ слободахъ, можно только догадываться. Въ переписныхъ книгахъ разныхъ слободъ 1628 г. иногда читаемъ: бобыль такой-то, а пришелъ въ такомъ-то году (иногда за 15 лѣтъ) изъ государева села или изъ подъ Новгорода, или изъ подъ Казани и т. д. Хотя эти указанія относятся къ нѣсколько позднѣйшему времени, но и въ концѣ 16 вѣка мы встрѣчаемъ, напримѣръ, въ можайской слободѣ въ 1598 г. бобыля приходца Матюшку. Въ одномъ изъ судныхъ дѣлъ по городу Ярославлю отъ 1618 г. читаемъ о ямскомъ бобылѣ указаніе, что отецъ этого бобыля пришелъ неизвѣстно откуда [3]) Кажется, это даетъ намъ право думать, что обыкновенно ямской бобыль не слободской человѣкъ, упавшій до положенія бобыля, а пришлый человѣкъ, сразу становившійся въ положеніе бобыля. Къ тому-же приводитъ и слѣдующее соображеніе: каждый изъ коренныхъ слобожанъ входилъ въ ту или иную опредѣленную группу; онъ

---

[1]) Кн. переп. 265, Имп. П. Биб. F, IV, 522, 528, Кн. Разр., I, стр. 1139, II, стр. 83, 285, 350 и др.

[2]) Литература этого вопроса въ главнѣйшихъ чертахъ собрана въ изслѣдованіи проф. Дьяконова, „Очерки изъ исторіи сельск. насел. въ Московск. госуд. въ 16—17 в.в.“, Петерб., изд. 1898 г., стр. 206, прим. I. Но ни проф. Дьяконовъ, ни его предшественники не касались вопроса о ямскихъ бобыляхъ.

[3]) Кн. переп. 265, Акт. Мож., стр. 68, А. М. И. Д. Судныя дѣла по городу Ярославлю. Ихъ шесть пачекъ разныхъ лѣтъ (1614—1676 г.). Матерьялъ во многихъ отношеніяхъ очень цѣнный.

или охотникъ (вытчикъ полувытчикъ, половинщикъ, гоняющій съ трети выти, письменный охотникъ и т. д.), или охотничій сынъ, или охотничій братъ, или охотничій племянникъ; если онъ отставленный охотникъ, который почему-либо остался на слободѣ, онъ такъ и обозначался; его сынъ и братъ, и племянникъ такъ и назывались: сынъ отставленнаго охотника, братъ или племянникъ отставленнаго охотника; слѣдовательно, лицо, называшееся бобылемъ, выходило не изъ числа лицъ, составлявшихъ эти группы, а представляло собой особую группу, брало свое начало не въ слободѣ, а внѣ ея. Но ямскими бобылями назывались также и бобыли тѣхъ деревень, которыя были приданы къ ямскимъ слободамъ. Это особенно ясно изъ устройныхъ новгородскихъ книгъ и изъ дѣла объ устроеніи псковскаго яма. Напримѣръ: „и за ними (псковскимъ и загорскимъ ямами) земли въ бѣльскомъ засадѣ 342 четв. съ третникомъ въ полѣ, а въ дву потому-жъ да въ нивныя пашни на оброчныхъ земляхъ 14 четвертей съ осьминой въ одномъ полѣ, а деревень живущихъ 18, а дворовъ въ нихъ 27, а крестьянъ и ихъ дѣтей, братіи и племянниковъ и бобылей 55 человѣкъ". [1]) Ямской бобыль лицо опредѣленнаго положенія: сходилъ онъ съ ямской земли но, пока не попадалъ въ другое опредѣленное положеніе, онъ продолжалъ считаться ямскимъ бобылемъ. Напримѣръ, нѣкоторые ямскіе бобыли переславской слободы жили въ городѣ въ дворникахъ, но продолжали считаться ямскими бобылями; напримѣръ, въ одномъ дѣлѣ по Новгороду читаемъ: „за Хутиновскимъ монастыремъ... дворъ Івашки Ѳомина, а былъ ямскимъ бобылемъ". [2])

Съ ямскими бобылями мы еще встрѣчаемся въ 1539 г. Въ писцовыхъ книгахъ шелонской пятины читаемъ: „за ямщики за Раецкими, за Васюкомъ за Ларивоновымъ, да за Першою за Даниловымъ сыномъ: дв. Васюкъ, дв. Перша сами ямщики, пашни въ одномъ полѣ 32 коробьи. А бобыльскихъ дворовъ безпашенныхъ на Васюковѣ половинѣ дв. Ондрюшка Петровъ, дв. Иванко Власьевъ, дв Андрюшка Васильевъ. А на Першинской половинѣ дв. Васюкъ Исаковъ,

---

1) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. Св. 153, № 91, 1642 г.

2) Кн. пер. 265, л. 251—278. А. М. И. Д. Св. 1, № 3.

дв. Панкратко Ивановъ". [1]) Начиная съ шестидесятыхъ годовъ 16 вѣка, т. е. со времени устроенія ямскихъ слободъ, упоминаній о ямскихъ бобыляхъ встрѣчаемъ все больше и больше. Изъ этихъ данныхъ, если выдѣлить изъ нихъ тѣ, которыя касаются собственно послѣдняго тридцатилѣтія 16 вѣка и перваго двадцатилѣтія 17 вѣка—о времени между 30 и 70 г.г. 16 вѣка достаточныхъ данныхъ мы, къ сожалѣнію, не нашли—положеніе ямскихъ бобылей, представляется въ слѣдующемъ видѣ. Во первыхъ, какъ уже сказано, можно различать ямскихъ бобылей, жившихъ въ самихъ слободахъ, и бобылей, жившихъ въ приданныхъ къ слободамъ деревняхъ; во вторыхъ, бобыли, жившіе въ слободахъ, могутъ быть раздѣлены на 1) бобылей, которые пахали пашню и сверхъ того занимались какимъ-либо промысломъ, 2) только пахали пашню, 3) не пахали пашни и жили черной работой. Слободскихъ же бобылей можно раздѣлить еще и на такихъ, которые имѣли дворовую осѣдлость, и на такихъ, которые жили въ чужихъ дворахъ. Что касается бобылей, жившихъ въ ямскихъ деревняхъ, то о нихъ мы знаемъ только, что они вмѣстѣ съ ямскими крестьянами платили охотникамъ хлѣбный и денежный оброкъ. [2]) Какъ регулировались отношенія между ними и крестьянами, мы по нашимъ матерьяламъ прослѣдить не могли. Подробныя свѣдѣнія о бобыляхъ новгородскихъ слободъ дали намъ сохранившіяся двѣ книги „окладныя бобылей" отъ 1600 г., одна—крестецкаго яма, другая - заечевскаго. [3]) Изъ этихъ книгъ видно, что время отъ времени, быть можетъ, по челобитной самихъ охотниковъ, быть можетъ, по инціативѣ воеводы, пріѣзжалъ въ ямскія слободы подъячій изъ Новгорода, и, собравъ цѣновщиковъ изъ охотниковъ и изъ самихъ бобылей, по ихъ выбору, по общему правилу приводилъ ихъ къ крестному цѣлованію и совершалъ вмѣстѣ съ выборными оцѣнку каждаго бобыля въ отдѣльности. Такъ, напримѣръ, по отношенію къ заечевскому яму, въ началѣ окладной бобыльской книги читаемъ: „Лѣта 7108, іюля въ день. По Государеву цареву и великаго князя Бориса Θеодоровича всея Руси указу и по наказу

[1]) Писц. Кн. Новг., IV, стр. 502.
[2]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. Св. 153, № 91, 1642 г.
[3]) Q. IV, 264, съ л. 211.

Государева боярина князя Василія Ивановича Шуйскаго за приписью государевыхъ дьяковъ Дмитрія Алябьева до Второго Поздѣева пріѣзжалъ подъячей Богданъ Михайло вичъ на заячевскій ямъ и взялъ съ собою того-жъ яму охотниковъ по ихъ охотницкому и излюбленному списку окладчиковъ (имена) да изъ охотницкихъ бобылей по ихъ излюбленному списку окладчиковъ (имена) и тѣхъ окладчиковъ спрашивалъ по г-еву ц-ву и вел. кн. Бор. Ѳеод. всея Руси крестному цѣлованію про заечевскаго яму бобылей про ихъ жите и про ихъ списки и хто именемъ и каковъ кто прожиткомъ и чѣмъ хто промышляетъ и сколько хто въ селѣ и окладывали денежнымъ годовымъ оброкомъ и тому книги". [1])

Оцѣнивалась каждая группа бобылей порознь. Сначала дворовые бобыли, затѣмъ не дворовые; при оцѣнкѣ дворовыхъ бобылей сначала оцѣнивали тѣхъ, кто пахалъ пашню, затѣмъ—тѣхъ, кто пашни не пахалъ. Оцѣнивали каждаго, принимая во вниманіе всю совокупность условій его обстановки, соотвѣтственно съ чѣмъ и опредѣляли ту сумму оброка, которую бобыль долженъ былъ платить ежегодно. Вотъ примѣры: „Дворовый бобыль Яковъ Андреевъ сынъ Лакомецъ. А сказали окладчики, что онъ торгуетъ хлѣбомъ и калачами и животину на продажу бьетъ и пашню пашетъ. А живота у него лошадь да 3 коровы да телушка да два бычка, а ржи сѣяно къ 108 году четверть да овса две четверти безъ полуосмины да гречи полосмины. И обложили окладчики денежнымъ оброкомъ 12 алтынъ. Дворовый бобыль Микитка Евсеевъ сынъ Суровчихинъ, а сказали про него, окладчики что онъ пашню пашетъ и зимнею порою... торгуетъ а ржи у него сѣяно полторы осмины ржи да овса три четверти да ярицы полторы осмины, а живота у него лошадь да двѣ коровы да телушка да два бычка. И всего у него овса сѣяно сказалъ четыре четверти, а у него два сына. И обложили окладчики денежнымъ оброкомъ 14 алтынъ". [2]) Дворовыхъ бобылей въ слободѣ оказалось 19, изъ которыхъ 13 пахали пашню, а 6 пашни не пахали. Изъ этихъ 13 трое торговали хлѣбомъ, калачами, двое били скотину на продажу. Рѣшающее значеніе для

[1]) Q. IV, 264, л. 211 и 211 об.

[2]) Q. IV, 264, л. 211 об.

величины оброка имѣлъ, видимо, размѣръ посѣвовъ, но какъ будто принималось въ разсчетъ и количество сыновей, т. е. рабочихъ рукъ въ хозяйствѣ. Высшій окладъ—18 алтынъ (1), потомъ идутъ послѣдовательно оклады—14 алтынъ, (1), 12 алтынъ (1), 10 алтынъ (3), 8 алтынъ (1), 7 алтынъ (1), 6 алтынъ (4), 5 алтынъ (1). Бобыли дворовые, но не пахавшіе пашни, помѣчены, какъ дѣлающіе всякое черное дѣло на людей; изъ 6 такихъ дворовъ въ двухъ—вдовы бобылей съ двумя сыновьями, въ одномъ—вдова безъ дѣтей. Одинъ изъ не имѣвшихъ пашни бобылей былъ обложенъ довольно высоко — въ 5 алтынъ, больше всѣ остальныхъ, не пахавшихъ пашню. Видимо, онъ достаточно зарабатывалъ, работая изъ наймовъ. Ни у кого изъ этой группы нѣтъ никакого скота. Окладъ имъ былъ положенъ въ 5 алтынъ (1), 3 алтына 2 деньги (1), 3 алтына (1), 2 алтына 2 деньги (2), 2 алтына 1 деньга (1). Недворовыхъ бобылей въ слободѣ показано 7. Изъ нихъ у троихъ по двѣ коровы; оброкъ положенъ былъ въ 5 алтынъ. Одинъ бобыль показанъ живущимъ у брата—бобыля другой—у бобыля; остальные - въ подсусѣдникахъ у охотниковъ. Всѣ показаны занимающимися черной работой на людей. Оброкъ положенъ на остальныхъ въ 3 алтына (1), въ 2 алтына 2 деньги (1), въ 2 алтына (2). На Крестецкомъ яму, гдѣ было 30 бобылей - та-же перепись, тѣ-же оклады, тотъ-же типъ отношеній. [1])

Оброкъ шелъ въ слободу. Собиралъ его староста: „а заплатити оброчныя деньги заечевскому яму по годомъ ямскимъ старостамъ, а старосты тѣ оброчныя деньги дѣлити между собя по вытно со всѣми товарищи 30 человѣки съ охотники“ [2]). Изъ этихъ данныхъ довольно опредѣленно выясняется, что ямской бобыль, по крайней мѣрѣ, въ новгородскихъ слободахъ, былъ довольно иногда зажиточный хозяинъ, запахивавшій нисколько не меньше, чѣмъ и крестьянинъ, жившій на землѣ помѣщика или на монастырской землѣ, [3]) державшій едва-ли меньшее чѣмъ всякій пашенный крестьянинъ количество скота и сверхъ того занимавшійся какимъ-либо побочнымъ промысломъ. Землю та-

[1]) Q. IV, 264, съ л. 219.

[2]) Q. IV, 264, л. 217 об.

[3]) Пользуемся для сравненія таблицей, составленной Рожковымъ, Сельск. хоз., стр. 172—173.

кой бобыль бралъ въ пашню преимущественно у ямскихъ охотниковъ. Но если земля послѣднихъ была уже вся разобрана, то, видимо, бобыль бралъ въ пашню и у окрестныхъ владѣльцевъ. Въ тѣхъ-же книгахъ, напримѣръ, читаемъ: „а имали всѣ тѣ бобыли пашню пахать у дѣтей боярскихъ и у монастырскихъ и у охотниковъ". Кромѣ оброка они платили еще и часть урожая. По крайней мѣрѣ, бобыли заечевскаго и крестецкаго ямовъ пахали не только изъ оброка, но и изъ пятаго снопа. Вѣроятно, тѣ-же условія были и въ псковскихъ слободахъ, въ описаніи которыхъ говорится не только о денежномъ, но и о хлѣбномъ доходѣ съ крестьянъ и бобылей [1]). Бобыль непашенный былъ наймитомъ. Какихъ бобылей въ слободахъ было больше - пашенныхъ или не пашенныхъ, сказать мы не можемъ, но въ приведенныхъ примѣрахъ пашенныхъ бобылей $^3/_4$ на число дворовыхъ и $^1/_2$ на общее число бобылей въ слободѣ. Изъ другихъ источниковъ, относящихся, впрочемъ, къ концу 20 годовъ 17 вѣка, но нерѣдко попутно описывающихъ и старыя отношенія, иногда точно датированныя 70 и 80 годами 16 вѣка, мы узнаемъ, что бобыли и въ другихъ московскихъ слободахъ дѣлились на дворовыхъ и недворовыхъ, а дворовые на пашенныхъ и не пашенныхъ. Такъ, бобыли рогожской московской слободы пахали пашню въ селѣ Рогожахъ; нѣкоторые изъ бобылей (видимо, не пашенные) гоняли вмѣстѣ съ охотниками гоньбу, очевидно, или изъ наймовъ, или вмѣсто оброка. Въ Якиманской слободѣ, приданной къ Муромскому яму, были дворы и огороды бобылей, которые „подводъ не отпущаютъ, а нанимаются въ проводники и гребцы". Въ вокшерской слободѣ, приданной къ ярославскому яму, бобыли пахали пашню, платя за нее оброкъ. Бобыли залѣсской слободы иные нанимались у охотниковъ, иные жили въ городѣ въ дворникахъ. Въ ухорской слободѣ были бобыли, пахавшіе пашню и нанимавшіеся у охотниковъ. Въ суздальской слободѣ, охотники которой частью были переведены на ямъ во Владиміръ, а частью сошли (одинъ сошелъ въ бобыли за помѣщика, одинъ – въ посадское тягло, одинъ въ крестьяне), всю землю пахали бобыли, платя владимірской слободѣ оброкъ [2]).

---

[1]) Q. IV, 264, л. 216, А. М. И. Д. П. Д. С. Л. Св. 153, № 91, 1642 г.
[2]) Кн. переп. 265, л. л. 26—43, 162, 255, 326 и др.

Мы уже видѣли, какъ въ нѣкоторыхъ новгородскихъ слободахъ распредѣлялась дворовая осѣдлось бобылей: одни жили цѣлымъ дворомъ, другіе—на большей или меньшей доли его. Бобыль, жившій на дворовомъ мѣстѣ охотника, обозначался обыкновенно живущимъ въ подсосѣдникахъ (охотникъ, жившій на одномъ дворовомъ мѣстѣ съ другимъ охотникомъ, обозначался живущимъ въ сосѣдяхъ). Бобыль, жившій исключительно наемнымъ трудомъ и не имѣвшій никакой осѣдлости, обозначался живущимъ межъ охотниковъ [1]. Едва-ли бобыли ставили свои дворы: обыкновенно они поселялись во дворахъ бѣглыхъ охотниковъ [2] (отсюда напрашивается предположеніе, что бѣглый охотникъ, вопреки общему правилу, терялъ право собственности на дворъ, который конфисковался въ наказаніе за побѣгъ) или вообще на пустыхъ охотничьихъ дворахъ [3]. По всей вѣроятности, вступая въ слободу, бобыль совершалъ порядную въ бобыли Ни одной такой порядной въ ямскіе бобыли намъ найти не удалось. Мы знаемъ, однако, порядныя въ бобыли, напримѣръ, въ пушкарскія слободы [4]. Едва-ли слѣдуетъ думать, что въ ямскихъ слободахъ практика отступала отъ общаго порядка.

Распространялись-ли на бобылей тѣ права и преимущества, которыя составляли содержаніе особаго права ямскихъ слободъ? Прямого отвѣта на этотъ вопросъ источники не даютъ. Въ касимовской грамотѣ мы находимъ указаніе, которое скорѣе должно было-бы привести къ отрицательному, чѣмъ положительному выводу. Тамъ, какъ уже извѣстно, читаемъ: „се язъ царь великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи пожаловалъ есми слобожанъ въ Касимовѣ городѣ на посадѣ ямской слободы, приказчика да старосту и охотниковъ да дворниковъ пятьдесятъ человѣкъ". Но въ этой точности обозначенія едва-ли слѣдуетъ видѣть стремленіе исключить всѣхъ остальныхъ лицъ, которыя могутъ оказаться въ слободѣ. Въ грамотѣ говорится о слободѣ въ

---

[1]) Q. IV, 260, л. 50 об., 51, 432 и др.

[2]) Напр. Q. IV, 261, л. 37 об.

[3]) Акты Можайск., ц. м., Вельяминовъ-Зерновъ, т. III, ц. м., кн. переп. 265 и др.

[4]) Находятся въ коллекціи столбцовъ, внесенныхъ въ Яросл. Учен. Арх. Комис. отъ имени генерала Савельева Е. И. Якушкинымъ.

ея строгой схемѣ, въ томъ ея видѣ, который одинъ заботилъ правительство; тутъ поэтому дѣлаются указанія лишь на тѣхъ лицъ, безъ которыхъ слобода не могла бы исполнять порученныхъ ей функцій. Всѣ остальныя лица, которыя вошли-бы въ слободу — вопросъ внутренней жизни этой слободы и только. Такъ какъ, однако, объектомъ обложенія была земля, а земля, которой пользовались бобыли, какъ принадлежавшая слободѣ, освобождалась отъ повинностей, то едва-ли можно думать, чтобы бобыли, сверхъ оброка или повинностей въ пользу слободы, несли еще какія-либо другія повинности. Соотвѣтственно съ этимъ, видимо, рѣшался и вопросъ о судѣ и управленіи. Судъ приказчика едва-ли не опредѣлялся территоріальными границами слободы со всѣми принадлежавшими ей землями, а, слѣдовательно, и людьми ихъ населявшими. Повторяемъ, однако, что вопросъ нуждается въ матерьялахъ, которыми мы не располагаемъ. Матерьялы-же позднѣйшаго времени едва-ли приложимы здѣсь, такъ какъ вѣроятно, очень рано въ 17 вѣкѣ слободскія грамоты, давъ содержаніе спеціальнымъ узаконеніямъ, потеряли первоначальное значеніе.

Управленіе ямской гоньбой сосредоточивалось въ ямскомъ приказѣ, въ началѣ разсматриваемаго періода чаще называвшагося ямской избой. [1]) Мѣстное управленіе сосредоточивалось въ рукахъ органовъ мѣстной администраціи. Въ Новгородѣ, а, можетъ быть, и въ Псковѣ, одинъ изъ дьяковъ по прежнему назывался ямскимъ. [2]) При новгородскихъ ямскихъ дьякахъ по крайней мѣрѣ, еще въ 80 годахъ, существовало учрежденіе, какъ бы особый ямской приказъ, что наводитъ на мысль объ особомъ областномъ новгородскомъ ямскомъ управленіи. Такъ, изъ грамоты отъ 1556 г. (слѣдовательно отъ переходнаго времени между первымъ и вторымъ періодами) мы узнаемъ о ямскомъ новгородскомъ Алабышѣ Колобовѣ сынѣ Перепечинѣ, отставленномъ отъ ямского приказа по распоряженію изъ Москвы за корчемство и за буйство. На мѣсто Перепечина предписывалось выбрать „сына боярска добра, кого будетъ при-

[1]) См. главу седьмую дан. кн.

[2]) Ямскихъ дьяковъ въ Новгородѣ встрѣчаемъ еще, напримѣръ, въ 1586 г.: дьяки Савва Фроловъ да Семейка Емельяновъ. Они устроили обѣ ямскія посадскія слободы, поговоря съ воеводой. Q. IV, 262, л. 1.

гоже". Но почти одновременно былъ присланъ изъ Москвы Матвѣй Хлуденевъ, который былъ пожалованъ „половиной ямскимъ подъ Алабышемъ Колобовымъ сыномъ Перепечина въ кормленье". Предписывалось дать ему доходный списокъ съ книгъ, „почему ему то ямское вѣдати и пошлина своя сбирати, потому жъ какъ прежніе кормленщики то ямское вѣдали". [1]) Такимъ образомъ, при дьякѣ состояли двое ямскихъ изъ дѣтей боярскихъ. Предполагать-же, что Перепечинъ и Хлуденевъ сами были ямскими дьяками, нѣтъ никакихъ основаній Мы не можемъ также предположить, что Перепечинъ и Хлуденевъ были лишь ямскими приказчиками посадскихъ новгородскихъ ямовъ. Во первыхъ, тогда, какъ мы утверждаемъ, еще не было ямскихъ слободъ, во вторыхъ, извѣстна полная, писанная Алабышемъ Перепечинымъ въ 1554 г. [2]) Полныя грамоты писали, какъ мы уже знаемъ, ямскіе дьяки и ямскіе при нихъ приказные, но ихъ никогда не писали ямскіе приказчики Извѣстна также докладная, писанная ямскимъ въ 1567 г. при ямскомъ новгородскомъ дьякѣ Плохомъ Цвелиневѣ [3]).

Весьма возможно, что областное управленіе было и въ Торжкѣ, гдѣ начиналась новая серія ямовъ по большой московской дорогѣ. Указанія на это относятся къ 1585 г. Но здѣсь, гдѣ не было ямскихъ дьяковъ, областное управленіе, если только вообще допустимо такое предположеніе, имѣло уже иную организацію: торжковскій сынъ боярскій по назначенію великаго князя тверского Симеона Бекбулатовича вѣдалъ охотниковъ въ посадской слободѣ и одновременно, вѣроятно, вѣдалъ и уѣздные ямы. Такъ, въ 1585 г. сынъ боярскій новоторжскій Игнатій Львовъ вѣдалъ ямъ и ямскихъ охотниковъ въ Торжку, а тверской сынъ боярскій Созонъ Пестовъ сбиралъ новгородскимъ ямскимъ охотникамъ подможныя деньги съ Твери и съ тверского уѣзда и съ Торжка и съ новоторжскаго уѣзда; до Игнатія Львова въ Торжку вѣдалъ ямъ и съ сохъ охотниковъ деньги сбиралъ и охотниковъ-же въ Торжку вѣдалъ тверской дворянинъ Никита Милюковъ, который одновременно вѣ-

---

[1]) Д. А. И., I, 103, 105.

[2]) Акты, явл. Д. Алябьеву, № 356.

[3]) Акты, явл. Д. Алябьеву, № 501. Докладная писана подьячимъ Тухинскимъ.

далъ, за отсутствіемъ губныхъ старостъ, и разбойныя, и татиныя дѣла въ Торжкѣ.“ [1]) Продолжался-ли этотъ порядокъ и послѣ Симеона Бекбулатовича, судить основаній не имѣемъ. Въ 17 вѣкѣ никакихъ слѣдовъ областного ямского управленія въ Торжкѣ не встрѣчаемъ. Возможно, однако, что и Львовъ и Милюковъ были лишь ямскими приказчиками торжковской слободы, но съ большими чѣмъ обыкновенно полномочіями, что, можетъ быть, объяснялось бы особыми правами какъ Симеона Бекбулатовича, такъ и служившихъ при немъ.

Документы ясно показываютъ, что какого-либо объединенія управленія по ямскому дѣлу въ разсматриваемомъ періодѣ не было; не было даже и въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы можемъ говорить о такомъ объединеніи при разсмотрѣніи гоньбы въ 17 вѣкѣ. Можно отмѣтить лишь, что практика главнѣе всего выдвигала слѣдующіе два принципа: за исправность ямской гоньбы отвѣчали органы мѣстной власти, но въ предѣлахъ ямской слободы имѣлось самостоятельное управленіе. Вся переписка по поводу устроенія ямовъ и слободъ шла изъ Москвы и къ Москвѣ черезъ мѣстную власть; соотвѣтственно съ этимъ забота объ осуществленіи предначертаній московскаго центральнаго ямского органа ложилась на ту-же власть, органы которой руководились ея наказами. Кому давалось порученіе, тотъ и исполнялъ его. Исполнялъ порученіе, положимъ, подъячій, но среди дѣла его отзывали и заканчивалъ порученіе губной староста. Такой случай былъ, напримѣръ, при устроеніи одного изъ новгородскихъ ямовъ. [2]) Но такъ какъ отвѣтственность, возлагавшаяся на мѣстную власть, естественно должна была вызывать стремленіе полнѣе проникать во всѣ распорядки по ямской гоньбѣ, то, вѣроятно, скоро ямскія слободы оказались вполнѣ въ подчиненіи у воеводъ и дьяковъ. [3]) Произошло-ли это безъ борьбы и какъ сильна

---

[1]) Акты Моск. Гос., I, 30.

[2]) Q. IV, 334.

[3]) Проф. Дьяконовъ, въ статьѣ о „Город. приказчикахъ“, Ж. М. Н. Пр. 1900 г., кн. 1, стр. 72, собралъ различныя данныя объ обязанностяхъ городовыхъ приказчиковъ по ямскому дѣлу. Казалось бы, однако, необходимымъ прибавить къ этому, что всѣ эти обязанности исполнялись по отношенію къ одному и тому-же яму отнюдь не только городо-

была эта борьба, если таковая была, судить мы не имѣемъ данныхъ.

Руфъ Игнатьевъ въ своемъ изслѣдованіи приводитъ двѣ выписки, изъ которыхъ онъ заключаетъ, что ямкіе охотники были буйной вольницей на Руси 16 вѣка. Въ одной разсказывается, какъ ямскіе охотники взбунтовали архангельское населеніе противъ воеводы Милюкова, а затѣмъ противъ воеводы Пригорева, въ другой—какъ они вмѣстѣ съ литвой и рускими ворами пограбили Тверской Желтиковскій монастырь, изломавъ даже гробъ чудотворца. [1]) Нельзя отрицать, что жизнь на большой дорогѣ должна была вырабатывать въ охотникахъ наклонности къ буйству, непокорности и своеволью. Но, вѣроятно, не въ маломъ были виноваты воеводы и приказные люди, чинившіе охстникамъ всякія обиды и притѣсненія. Кромѣ отрывочныхъ указаній въ новгородскихъ устройныхъ книгахъ, мы не имѣемъ для даннаго періода никакихъ опредѣленныхъ свидѣтельствъ по этому вопросу. Но такъ позволяетъ думать практика 17 вѣка, когда, какъ мы увидимъ, охотники были поставлены въ лучшія сравнительно условія, и тѣмъ не менѣе не мало терпѣли отъ своеволія областной власти.

выми приказчиками, а и другими должностными лицами, всякимъ, кому давалось порученіе.

[1]) Новгор. Губ. Вѣд., 1849 г., стр. 272.

IV.

Исторія сибирскихъ ямовъ представляетъ особый интересъ. Изучая эту исторію, мы наглядно видимъ, какъ та практика, ходъ образованія которой намъ уже извѣстенъ, примѣнялась на новыхъ мѣстахъ. Мы видимъ также, какъ видоизмѣнялась тутъ эта практика, не находя на новыхъ мѣстахъ цѣлаго ряда условій, необходимыхъ для ея существованія. Наконецъ, мы получаемъ возможность выяснить, въ какой степени эти новшества, выросшія на этой новой почвѣ, оказали вліяніе на старую практику и въ центральныхъ русскихъ областяхъ.

Всѣ данныя ведутъ насъ къ утвержденію, что первые сибирскіе ямы были учреждены между 1598 - 1600 г.г. Хотя до 1598 года существовали уже въ Сибири города Тюмень, Тобольскъ, Пелымъ, Березовъ, Сургутъ, Тара, Нарымъ и Верхотурье, [1]) но нѣтъ основаній думать, что ямская гоньба между внутренними городами была устроена ранѣе, чѣмъ между Тюменью и Верхотурьемъ, лежавшими на пути къ Москвѣ. Извѣстно, что до 1598 г. дорога изъ Сибири шла водою отъ Тюмени внизъ Турою, Тоболомъ, вверхъ Тавдою, Лозвою, внизъ Вишерою, мимо Чердыни, на Соликамскъ. Это былъ главный путь—имъ шла царская соболиная и денежная казна, имъ шли и хлѣбные запасы. [2]) Въ 1597 г. Ортюшка Бабиновъ проложилъ дорогу въ Сибирь сухимъ путемъ на Верхотурье и Тюмень. [3]) До Верхотурья отъ Со-

---

[1]) Описаніе Сибирск. Царства, Г. Ф. Миллера, изд. 1750 г., стр. 212, 217, 226, 260, 311, 334, примѣч. Верхотурье, впрочемъ только было проектировано.

[2]) Жалов. грамота Бабинову, въ Опис. Сиб. Царства, Миллера, стр. 332 примѣч.

[3]) Указъ Головину, тамъ-же стр. 330 примѣч. 2. Перепечатана и въ А. И., II, 26, но съ пропусками, такъ какъ оригиналъ къ этому времени, видимо, уже подвергся порчѣ.

ликамска считалось 250 верстъ и отъ Верхотурья до Тюмени — около 700 верстъ. [1]) До 1599 г. дорога была еще въ очень плохомъ состояніи, [2]) такъ что еще до начала 1599 г., вѣроятно, ямъ въ Верхотурьѣ не существовалъ [3]) Въ 1600 году былъ устроенъ ямъ въ Туринскомъ острогѣ (Епанчинѣ). [4]) Такъ какъ Туринскій острогъ былъ за тѣмъ и построенъ, чтобы служить промежуточнымъ ямомъ между Верхотурьемъ и Тюменью, [5]) то, слѣдуетъ думать, что и въ Тюмени ямъ

---

[1]) Жалов. грам. Бабинову, тамъ-же, стр. 332, примѣч.

[2]) Указъ Головину, тамъ-же, стр. 330, примѣч. 2.

[3]) Хотя по одному источнику, въ 1598 г. яма на Верхотурьѣ еще не было, что видно изъ А. И., II, 8, гдѣ наказывается брать подъ гонцовъ подводы у вогуловъ, но верхотурскіе ямщики въ 1644 г. ссылались на грамоту, данную имъ Царемъ Ѳедоромъ Іоанновичемъ, слѣдовательно, до января 1598 г. (А. И. III, 234). Противорѣчіе объясняется тѣмъ, что наказъ о построеніи Верхотурья былъ данъ еще въ концѣ 1597 г.. тогда-же, вѣроятно, и грамота ямщикамъ. Самое-же городовое строеніе не было еще начато и въ концѣ 1598 г. (актъ у Миллера, стр. 334 примѣч.) Ямъ, очевидно, еще не существовалъ и въ концѣ 1598 г. Буцинскій, Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ, Харьк., изд. 1889 г. считаетъ, что слобода основана не ранѣе 1600 г., а гоньбу охотники начали гонять съ 1601 г. Стр. 43. Авторъ ссылается на А. И. III, 78, гдѣ въ челобитной верхотурскіе охотники говорятъ, что они гоняютъ съ 1601 г. Но слобода была до 1600 г., такъ какъ тѣ-же охотники, какъ выше сказано, ссылались на грамоту Ѳедора Іоанновича. Гоньбу они гоняли уже раньше ноября 1600 г., что прямо видно изъ грамоты А. И. III, 35.

[4]) Р. И. Б., II, 47. Миллеръ, ц. с., стр. 360—361, ошибочно относитъ основаніе Туринска къ 1601 г. Фишеръ, Сибирская Исторія, Петерб., изд. 1774 г., стр. 203, относитъ основаніе Туринска къ 1600 г. Воспользуемся случаемъ, чтобы привести мнѣніе Фишера о ямской гоньбѣ: „Ямщики не составляютъ, какъ нѣкоторый писатель въ своей географіи думаетъ родъ дикихъ въ Сибири, по суть Россійскіе почталіоны, которые отъ яма до яму опредѣлены, дабы отвозить посылаемыхъ для государевой службы, и снабденныхъ надлежащими подорожными людей. Но не должно думать, что сіи почты учреждены по Европейскому обыкновенію, по которому оныя въ назначенные дни отходятъ и приходятъ. Оныя тогда только отходятъ, естьли ѣдущій можетъ показать отъ ямской канцеляріи подписанную и запечатанную подорожную, въ которой означается число лошадей Можно-бы ихъ лучше сравнить съ Римскими Vehiculis publicis о чемъ въ дигестахъ, см. въ Светоніи жизнь Августа гл 49. Тѣмъ лучше еще съ Китайскими учрежденіями, описанными обстоятельно отъ М. Паола“. Ц. с., стр. 202—203, примѣч.

[5]) Миллеръ, ц. с. стр. 352—353, примѣч.

былъ устроенъ нѣсколько раньше Туринскаго, вѣроятно, въ одинъ годъ съ верхотурскимъ. [1])

Изъ того, что было сказано въ предъидущихъ главахъ, уже извѣстно, что ямская гоньба, съ тѣхъ поръ, какъ она была учреждена, устраивалась на основѣ готовой издавна—на подводной повинности, къ которой населеніе привыкло. На той-же основѣ, видимо, пытались устроить гоньбу и въ Сибири. Такъ, между Тюменью и Верхотурьемъ жили вогулы, большая часть которыхъ находилась очень далеко отъ новой дороги, проложенной Бабиновымъ. Ближе къ дорогѣ жили вогулы Лялинскіе, числомъ 30 человѣкъ, не болѣе, но такъ какъ брать у нихъ подводы было сподручно, то въ теченіи года имъ пришлось отпустить 320 лошадей до Соликамска, Пелыми и Тюмени. Вогулы, изложивъ тяжесть своего положенія, просили хотя бы сбавить съ нихъ за исполненіе подводной повинности ясакъ. Особой грамотой предписано было ясакъ съ нихъ убавить, но объ освобожденіи отъ гоньбы въ указѣ не было и рѣчи. [2]) Это было въ 1599 г. Въ слѣдующемъ, однако, году, какъ можно думать, подъ вліяніемъ принципіальнаго взгляда Москвы того времени на сибирскую колонизаціонную политику—„сибирскихъ бы есте всякихъ ясачныхъ людей велѣли беречи и ласку, и привѣтъ, къ нимъ держали и ихъ ничемъ не жесточили“ [3])—на этомъ пути учреждается уже ямская гоньба. Такимъ образомъ, первая-же попытка ввести населеніе въ строй гоньбы окончилась неудачей. Но нельзя-ли было, устроивъ ямскую гоньбу, организовать ее такъ, чтобы, по примѣру старой московской практики, населеніе доставляло подводы на ямъ или, по примѣру практики болѣе поздней, давало на ямъ охотниковъ, охотникамъ давало подмогу и т. д.? Отвѣтъ на этотъ вопросъ видимъ въ указахъ объ учрежденіи яма въ Епанчинѣ. Приказывается призвать татарина Епанчу [4]) и лучшихъ людей, выйти къ нимъ въ цвѣтномъ платьѣ и сказать имъ слѣдующее

[1]) Лепехинъ, Записки въ 5 томѣ Полн. Собр. ученыхъ путешествій по Россіи, изд. 1822 г., относитъ учрежденіе ямской гоньбы въ Тюмени къ 1601 г. Согласиться съ этимъ трудно, такъ какъ Верхотурье—Туринскъ—Тюмень представляются тремя главными пунктами одной дороги.

[2]) Миллеръ, ц. с., стр. 352 - 353, примѣч.

[3]) Миллеръ, ц. с., стр. 351, примѣч., Р. И. Б., II, 47.

[4]) О Епанчѣ подробности у Миллера, ц. с., стр. 107, 353

государево жалованное слово: „въ прошлыхъ годѣхъ, которые наши посланники и гонцы гоняли отъ насъ съ Москвы въ Сибирь и изъ Сибири къ намъ къ Москвѣ съ нашею казною и со всякими нашими дѣлы, и тѣ наши посланники и гонцы имали у нихъ подводы и провожатыхъ, и мы про то велѣли воеводамъ нашимъ про всѣ ихъ нужи расмотрить: нѣтъ-ли имъ въ томъ какіе нужи и тѣсноты? да о томъ о всемъ велѣли есми отписати къ намъ къ Москвѣ, чтобы имъ нужи и тѣсноты ни въ чемъ не было; и жити бы имъ въ нашемъ царскомъ жалованьѣ въ тишинѣ и въ покоѣ. И писали къ намъ изъ Сибири воеводы наши, что имъ сибирскимъ людемъ, ему, Епанчѣ, и которые живутъ около его юрта, въ подводахъ тѣсноты и убытки ставятца великіе; и мы, по своему царьскому милосердому обычаю, жалуя его, Епанчу, и всѣхъ сибирскихъ людей, которые около его юрта живутъ, велѣли устроити ямъ и пашенныхъ людей, пріискавъ мѣсто, а ихъ пашень и всякихъ угодей имати у нихъ и вступатись ни во что и впередъ у нихъ подводъ имати не велѣли“. [1]) Въ благодарность за царскую къ нимъ милость туземцы должны были только помочь русскимъ выстроить городъ. Слѣдовательно, московское правительство, очень быстро приведя въ связь съ общей своей колонизаціонной политикой и вопросъ о ямскомъ строѣ на новыхъ мѣстахъ, поставило дѣло такъ: опыты съ установленіемъ подводной повинности привели къ жалобамъ и недовольству; надежды на то, что населеніе со временемъ привыкнетъ, шатки; поставить организацію ямского сообщенія въ зависимость отъ этихъ шаткихъ надеждъ нецѣлесообразно; гораздо выгоднѣе сдѣлать изъ учрежденія ямовъ еще одно доказательство заботливости Москвы о нуждахъ туземцевъ. Но при этомъ условіи, конечно, весь ямской строй долженъ былъ созидаться, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, самостоятельно, безъ жертвъ со стороны населенія.

Такъ и повелось. Въ верхотурскій ямъ, первый по времени сибирскій ямъ, ямскіе охотники не были поставлены населеніемъ, а были прибраны вь разныхъ городахъ, выкликаны по городамъ или какъ спеціально обозначалось: „писалися разныхъ городовъ въ ямщики“. [2]) Въ туринскій

[1]) Р. И. Б II, 47.

[2]) А. И., II, 35.

острогъ были посланы шесть ямскихъ охотниковъ изъ Казани, а остальные для Туринска (былъ назначенъ комплектъ въ 50 человѣкъ) были также прибраны, но, видимо, не въ московскихъ городахъ, а въ Верхотурьѣ. [1])

Подробности о томъ, какъ прибирались ямскіе охотники въ сибирскіе города видны изъ одного дѣла объ устройствѣ Демяновскаго въ (Тобольскомъ уѣздѣ) и Самаровскаго (въ Сургутскомъ уѣздѣ) ямовъ. [2]) Ямщиковъ на каждый изъ этихъ ямовъ было приказано прибрать по 50 человѣкъ и „прибрать ихъ въ поморскихъ городѣхъ дворяномъ на Вологде, на Тотьме, на Устюге Великомъ, Еренскомъ городкѣ Ѳедору Скрябину, а на другой ямъ—въ Сольвычегодской, въ Кайгородкѣ, въ Перми Великой, въ Чердыни, въ Соликамской—Ивану Погожему". Ѳедоръ Скрябинъ и Иванъ Погожій - дѣти боярскіе, посланные одинъ съ Вологды, другой - съ Сольвычегодской. Набирать приказано было изъ вольныхъ охочихъ людей, изъ захребетниковъ, съ женами и дѣтьми, семьянистыхъ людей, отъ отцовъ дѣтей и отъ братіи братьей и отъ дядей племянниковъ, а не изъ тягла и не изъ крѣпостныхъ людей и не изъ воровъ. Для подъема было приказано дать по 5 рублей подмоги на человѣка. Платить было приказано изъ четвертныхъ доходовъ изъ „тутошнихъ", т. е. того мѣста, гдѣ кто прибранъ будетъ. [3]) Кромѣ того каждый охотникъ на себя и семью получалъ подводы: у кого въ семьѣ 7—8 человѣкъ, тому 4 подводы, у кого 5—6 человѣкъ - 3 подводы, кто самъ третей—двѣ подводы. Дѣтямъ боярскимъ, исполнявшимъ порученіе, мѣстными воеводами давались биричи, которые кликали охотниковъ, стрѣльцы для разсылки и для письма дьячки. [4])

---

[1]) Р. И. Б., II, 47, стр. 66.

[2]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. 1635 г. Св. 76, № 8.

[3]) Интересная подробность: эта подмога, платившаяся изъ мѣстныхъ четвертныхъ доходовъ, возвращалась въ Устюжскую четь изъ приказа Казанскаго дворца

[4]) Въ Р. И. Б., II, 181, 2 находимъ продолженіе приведеннаго дѣла: Скрябинъ пріѣхалъ съ новоприбранными охотниками въ Верхотурье, но его тамъ задержали и долго не отпускали въ Тобольскъ. Нѣкоторыя подробности о причинахъ устроенія и о первыхъ годахъ самаровскаго и демьяновскаго ямовъ находимъ у Фишера, ц. с., стр. 404. Остяки, что жили у нижняго Иртыша и у Оби, приносили жалобы на трудность поставки подводъ для ѣзды между Тобольскомъ, Березовымъ

Дѣло относится къ 1635 г. Но подобнымъ же образомъ, вѣроятно, прибирались ямскіе охотники и для перваго сибирскаго яма - Верхотурскаго, такъ какъ и эти были разныхъ городовъ писавшіеся въ ямщики [1]). Однако, если обстоятельства того требовали, собирали на ямъ охотниковъ и на мѣстѣ, преимущественно изъ посадскихъ людей. не имѣвшихъ пашни, и изъ половниковъ и захребетниковъ, выбравъ лучшихъ людей. Такъ, напримѣръ, былъ въ 1630 г. возобновленъ ямъ въ Тюмени. [2]) Вообще-же, кажется, можно установить, что первые сибирскіе ямы, точно также, какъ и впослѣдствіи учреждаемые сибирскіе ямы обыкновенно пополнялись охотниками изъ русскихъ городовъ; возобновлялись-же ямы и въ случаѣ убыли дополнялись мѣстными охотниками. Но непремѣнно охотники прибирались стройщиками, шли на ямы своей волей, а не выставлялись населеніемъ Имѣются указанія, что иногда сами ямскіе охотники заботились о пополненіи яма охотниками, для чего били челомъ, чтобы было позволено переходить въ ямщики стрѣльцамъ, казакамъ и торговымъ людямъ, которые своей охотой пожелаютъ служить ямскую службу [3]). Какъ мы уже знаемъ, не въ Сибири и не для нея былъ впервые примѣненъ такой способъ устроенія слободъ путемъ прибора. Такъ, напримѣръ, много раньше были строены слободы Алексѣевская и Котельницкая. Такъ-же была строена и слобода въ Осколѣ, вѣроятно, и въ Воронежѣ [4]). Но то, что являлось исключеніемъ въ московскихъ городахъ, въ сибирскихъ городахъ, сдѣлалось самой силой вещей обязательной практикой.

и Сургутомъ и просили устроить ямы. Но оказалось, что для ямщиковъ Самаровскаго яма негдѣ было взять удобной пахотной земли; тогда остяки уступили охотникамъ часть своей земли. По словамъ Фишера, вообще только около 1661 г. Самаровскій ямъ болѣе или менѣе упрочился. О самаровскомъ ямѣ въ 1692 г. находимъ нѣкоторыя подробности у Избраннедеса. Онъ описываетъ, какъ самаровскіе ямщики возили зимнимъ путемъ до Сургута на собакахъ. Путешеств. и журналъ Избраннедеса, Вивліоѳ., изд. 2-ое, т. VII, стр. 382.

[1]) А И., II, 35.

[2]) Р. И. Б. VIII, 11, LXXVII, стр. 637.

[3]) А. И. II, 36.

[4]) Имп. Пуб. Библ. Q. IV, 263. Акт. Моск. Госуд., т. I, стр. 238, Вейнбергъ, Воронежская почта, Ворон. Акты (Второва), II, стр. 2 4.

На первыхъ порахъ, кромѣ подмоги на переѣздъ, безплатнаго проѣзда на мѣсто и иногда еще подмоги на первое обзаведеніе, новоприбраннымъ ямскимъ охотникамъ давались и иныя льготы. Напримѣръ, верхотурскимъ ямщикамъ въ 1600 г. дана была льгота на три года въ платежѣ по кабальнымъ и безкабальнымъ долгамъ: по указу верхотурскій голова долженъ былъ до истеченія льготныхъ трехъ лѣтъ не давать суда и управы на ямщиковъ по кабаламъ и безкабально и денегъ не править. [1]) По общему распорядку, съ самихъ ямщиковъ и съ ямскихъ земель не взимались никакіе сборы, такъ что посадскіе люди, бобыли, захребетники, платившіе оброкъ, разъ они записывались въ охотники и устраивались на ямъ, этимъ самымъ освобождались отъ всякихъ платежей. [2]) Около 1605 г. верхотурскій воевода попытался привлечь къ отбыванію различныхъ натуральныхъ повинностей даже не самихъ ямщиковъ, а лишь ихъ наймитовъ ярыжныхъ, которыхъ ямщики держали для пашни и гоньбы, но тогда-же ямщики пожаловались въ Москву, и было приказано этихъ ярыжныхъ ни на какія издѣлія не собирать. [3]) Въ 1615 г. верхотурскимъ ямщикамъ удалось добиться еще одной льготы: ихъ освободили отъ платежа сѣнныхъ денегъ, если, отправляясь изъ Верхотурья со служилыми людьми, на обратномъ пути они шли по вольному найму съ хлѣбными запасами или съ товарами всякихъ торговыхъ людей. Сѣнныя деньги должны были съ этихъ поръ взиматься съ ямщиковъ только въ томъ случаѣ, когда и съ Верхотурья они ѣздили своей волей нарочно, т. е. по вольному найму. [4]) Въ 1648 г. верхотурскіе-же ямщики добились освобожденія отъ сбора выдѣльнаго хлѣба [5]) съ ихъ окладныхъ пашень. Обязанные давать

---

[1]) А. И. II, 35. Такая же льгота была дана охотникамъ котельницкой новгородской слободы въ 1587 г. Q. IV, 263, послѣ Л, 167.

[2]) Р. И. Б., VIII, 11, LXXVII, стр. 637–638.

[3]) А. И. II, 51.

[4]) А. И. III, 58.

[5]) Выдѣльный хлѣбъ сталъ въ сибирскихъ городахъ взиматься болѣе или менѣе правильно только съ 1623 г., со времени Сулешева, Р. И. Б., VIII, 11, VII. Хлѣбъ взимался съ ружниковъ, подъячихъ, посадскихъ и всякихъ неслужилыхъ людей. Выдѣлъ происходилъ изъ пашни лишней, т. е. сверхъ данной вмѣсто жалованья или оклада. Изъ каждаго хлѣба выдѣлялся пятый снопъ (съ ямскихъ

выдѣльный хлѣбъ наравнѣ съ ружниками, подъячими и всякими служилыми и пашенными людьми, которые пахали лишнія пашни, сверхъ государева жалованья и оклада, но только съ этой сверхъокладной пашни, они вынуждались выдѣльщиками къ пятому снопу и съ окладной пашни. Хотя указъ, которымъ предписывалось не брать съ ямщиковъ выдѣльнаго хлѣба съ окладной пашни, не предоставлялъ этимъ имъ никакихъ особыхъ льготъ, такъ какъ и остальные, выдѣлявшіе хлѣбъ, выдѣляли лишь съ пашни сверхъ оклада, но по отношенію къ ямщикамъ указъ установилъ еще слѣдующее: въ данныя собинныя пашни ямскихъ охотниковъ запрещалось въѣзжать, равно запрещалось эти пашни перемѣривать. [1]) Такимъ образомъ, ямщикамъ, въ отличіе отъ другихъ плательщиковъ выдѣльнаго хлѣба, представлялось право самимъ указывать, сколько съ нихъ слѣдовало получить. Другой вопросъ - соблюдалась-ли такая привиллегія ямскихъ охотниковъ. Судя по тому, что въ слѣдующемъ году въ томъ же Верхотурьѣ предписывалось воеводѣ представить выдѣльщикамъ росписи ямскихъ охотниковъ, которые сверхъ окладовъ лишнія пашни пашутъ, и сколько именно лишней пашни, можно думать, что настоять на своей льготѣ ямщикамъ не удалось. [2])

охотниковъ и пашенныхъ крестьянъ), десятый снопъ (съ служилыхъ людей) и изъ добраго хлѣба четвертый, изъ средняго—пятый, изъ худого—шестой (съ ружниковъ, подъячихъ, посадскихъ и вообще остальныхъ неслужилыхъ людей). Выдѣленный хлѣбъ сбирался по выдѣльнымъ книгамъ особыми выдѣльщиками при особо избираемыхъ цѣловальникахъ. Хлѣбъ ссыпался въ Государеву житницу тутъ-же на мѣстѣ. А. И. IV, 33. Весь этотъ порядокъ опредѣленъ Сулешевымъ, который первый отстранилъ отъ выдѣла воеводъ и первый-же опредѣлилъ нормы Какъ видно, онъ-же первый заставилъ и ямщиковъ выдѣлять на Государя хлѣбъ, Р. И. Б., VIII, стр. 352—355. Подробности о выдѣльномъ хлѣбѣ см. Р. И. Б., VIII, 11, LXXVI. Выдѣльный хлѣбъ расходовался на мѣстѣ. Житницы выдѣльнаго хлѣба иногда имѣли значеніе и хлѣбозапасныхъ магазиновъ. Изъ этихъ житницъ выдавались иногда ссуды на обсѣмененіе. Напр. въ 1630 г. въ Тюмени; см. тамъ-же. О выдѣльномъ хлѣбѣ см. также у Чичерина, Областн. учрежд., стр. 207. Интересно сравнить съ книгами выдѣльнаго хлѣба 1624—1626 гг. новгородскихъ ямовъ. Имп. Публ. Библ., Q. IV, 264, л.л. 351—392. Старый указъ о выдѣльномъ хлѣбѣ приведенъ въ П. С. З., III, стр. 576 577.

[1]) А. И. IV, 24.

[2]) А. И. IV, 33.

имъ по 20 рублей на пай, а тамъ - по 23 руб. на пай. Въ 1660 г. 23 рубля на выть стали получать и Туринскіе охотники. Тюменскіе, вѣроятно, были сравнены съ верхотурскими нѣсколько раньше. Въ 1661 г. 23 руб. на выть назначается и Самаровскимъ охотникамъ. Въ 1677 г. верхотурскіе ямщики получали уже 28 руб. на пай; видимо, этотъ окладъ былъ назначенъ нѣсколько раньше. Можно думать, что и охотники другихъ сибирскихъ ямовъ постепенно дошли до той же нормы, которую, кажется, слѣдуетъ считать предѣльной, по крайней мѣрѣ, до конца 17 вѣка [1]). Причины этихъ послѣдовательныхъ прибавокъ ясны: Сибирь заселялась съ каждымъ годомъ, разросталось ея значеніе, усиливались и сношенія. Между тѣмъ комплектъ ямщиковъ оставался все тотъ-же. Насколько усиливался ямской разгонъ, видно изъ того, что въ 1621 г. верхотурскіе ямщики гоняли на протяженіи 1850 верстъ, а въ 1660 г. туринскіе ямщики, считая, что они гоняютъ не меньше верхотурскихъ, показывали, что районъ ихъ разгона—2630 верстъ. Въ 1619 г. верхотурскіе ямщики гоняли уже на шесть дорогъ—къ Соликамску, на Чусовую, на Епанчинъ, на Пелымъ, на Лялю, на Тагиль, съ 1620—еще и на Кошай. Туринцы, которые когда-то должны были гонять только на Тюмень и Верхотурье, гоняли въ 1648 г. на пять большихъ дорогъ. При 39 охотникахъ верхотурскій ямъ отпустилъ въ 1619 г. 503 подводы - можно съ увѣренностью сказать, что за послѣдующіе годы число отпускавшихся подводъ доходило до 400—1000 въ годъ [2]). Какъ иногда сразу много подводъ требовалось, показываетъ слѣдующій фактъ: въ 1640 г. были отправлены изъ Москвы новые воеводы на Лену, и подъ нихъ потребовалось выставить сразу 182 подводы. Ямщики исполнили приказъ, но въ Енисейскомъ острогѣ, гдѣ стройнаго яма не было, населеніе объявило, что рѣшительно не въ состояніи выставить столько подводъ; ихъ ставили на правежъ, метали въ тюрьму, но подводъ они такъ и не дали [3]). Не смотря, однако, на эти постепенныя прибавки, охотники далеко не считали свое положеніе обезпеченнымъ. Сравнительно привольно имъ жилось вначалѣ, приблизительно до

---

[1]) Д. А. И. IV, 89, 96, Д. А. И, VII, 54, А. Юр. К., II, 256.

[2]) А. И., Ш, 78, 86, 106, А. И., IV, 23.

[3]) Д. А. И., II, 69, 2.

двадцатыхъ годовъ, очень тяжело имъ было въ двадцатыхъ годахъ, а затѣмъ они, видимо, претерпѣлись, принаровились къ новымъ условіямъ и шагъ за шагомъ, хотя и не безъ труда, путемъ усиленныхъ челобитій въ Москву, стали устраивать свое положеніе снова къ лучшему.

Хотя бы въ краткихъ чертахъ коснемся здѣсь тѣхъ общихъ условій, при которыхъ происходило заселеніе Сибири. Съ горстью людей, безъ опредѣленнаго плана, полагаясь болѣе на разрозненность отдѣльныхъ сибирскихъ царьковъ и несплоченность племенъ, чѣмъ на собственную силу, шли русскіе въ глубь Сибири. Подвигаясь впередъ, они, гдѣ къ этому представлялась практическая возможность, строили остроги, выкликая для заселенія ихъ охочихъ людей изъ русскихъ областей. Новые пришельцы шли въ надеждѣ на сравнительную свободу, на то, что въ новомъ мѣстѣ много свободной земли, разсчитывая также и на всякія льготы. Правительство, давая охотно льготы, тѣмъ не менѣе, хотя, можетъ быть, и безъ особой настойчивости, скорѣе даже для соблюденія формы, чѣмъ во имя какой-либо практической цѣли, не забывало напоминать, что и въ новой землѣ, какъ и во всѣхъ московскихъ земляхъ, никто по собственной волѣ не владѣетъ ни пашней, ни лѣсомъ, ни рыбной ловлей, безъ оброка на посадѣ не живетъ, безъ уплаты пошлинъ не торгуетъ и т. д. Если какой-либо голова пытался примѣнить эти порядки на дѣлѣ во всей строгости, достаточно было челобитной въ Москву, чтобы оттуда шло распоряженіе объ удовлетвореніи просителей. Такъ, при самомъ устройствѣ яма въ Верхотурьѣ, слободу вынесли за острогъ и ямщикамъ дали землю вмѣстѣ съ пашенными крестьянами у самаго города. Вѣроятно, верхотурскій голова руководствовался тутъ воспоминаніемъ объ общемосковскихъ порядкахъ и не хотѣлъ къ тому-же, чтобы безъ спеціальнаго надѣла запахивалась порожняя земля. Но уже въ 1612 г. верхотурскіе ямщики выпрашиваютъ вмѣстѣ съ пашенными крестьянами землю въ урочищѣ, отстоявшемъ въ 50 верстахъ отъ города. Прося объ этой новой землѣ, очевидно, охотники думали сохранить и старую. Это не удалось имъ, и ямщики помнятъ свою неудачу много лѣтъ. Вѣроятно, не разъ докучали они своей просьбой, описывая всю тяжесть своего положенія, но эти просьбы попадали уже въ такое

время, когда въ Сибири заводились новые порядки—шло переустройство, и Сибирь подводили подъ общія нормы. Наконецъ, только въ 1648 г ямщики отчасти добились своего. [1]) Другимъ примѣромъ можетъ служить исторія устройства яма въ Епанчинѣ. Голова, руководствуясь наказомъ, въ силу котораго новый острогъ былъ созданъ, какъ сторожевой пунктъ, никакъ не соглашался поселить ямщиковъ за предѣлами острога, хотя въ острогѣ было такъ тѣсно, что на каждый ямской пай приходилось лишь шесть саженъ подъ дворы. Ямщики, конечно, били челомъ въ Москву, и было приказано удовлетворить ихъ въ ихъ просьбѣ [2]).

Такимъ образомъ, на новой землѣ отношенія между колонистами и администраціей съ первыхъ-же шаговъ сложились ненормально и при томъ въ двоякомъ отношеніи: населеніе считало самый фактъ своего переселенія на новыя мѣста достаточнымъ основаніемъ для самыхъ широкихъ льготъ и, во всякомъ случаѣ, видѣло въ этомъ фактѣ право на всякіе способы добиваться наибольшаго благосостоянія; администрація, въ свою очередь, формально стѣсненная наказами, гдѣ проводилась тенденція общемосковскихъ порядковъ, въ дѣйствительности-же предоставленная самой себѣ, не столько устраивала населеніе, сколько, переходя отъ формализма къ своеволію, то стѣсняла населеніе въ существенно необходимомъ, то смотрѣла снисходительно на явныя злоупотребленія. Съ другой-же стороны, у населенія всегда была наготовѣ челобитная въ Москву, а въ Москвѣ, какъ уже сказано, относились къ этимъ челобитьямъ доброжелательно. Переходя въ частности къ ямскимъ охотникамъ, нельзя не отмѣтить, что поселенные на новыхъ мѣстахъ, поставленные силой необходимости въ первой линіи весьма интересовавшаго Москву дѣла заселенія Сибири, принесшіе съ собой твердую рѣшимость всячески отстаивать свое исключительное положеніе, а также и свое право на особое слободское управленіе, какъ это установилось въ то время въ московскихъ городахъ, гдѣ въ полной силѣ были жалованныя грамоты ямскимъ охотникамъ, новоприбранные ямщики, пришедшіе

---

[1]) А. И. II, 341, А. И. IV, 22.

[2]) Миллеръ, Опис. Сиб. Цар., стр. 361, примѣч.

сюда своей волей, а не выставленные населеніемъ, сразу обособились въ классъ людей, сознававшихъ себя весьма нужными членами новыхъ поселеній, а потому и стремившихся къ все болѣе и болѣе широкимъ льготамъ. И, видимо, на первыхъ порахъ такія стремленія ямщиковъ не встрѣчали серьезнаго отпора. Имъ жилось льготно: они, напримѣръ, пахали пашню и гоняли гоньбу при помощи наемныхъ людей, поденныхъ и нанимаемыхъ на цѣлое лѣто, при чемъ, сами получая по 20 рублей на пай, платили за лѣто по 3 р. 50 к. – 4 руб. человѣку на всемъ готовомъ, торговали пушнымъ и инымъ товаромъ, вмѣшивались въ дѣла управленія и охотно доносили въ Москву о неисправностяхъ, ихъ непосредственно не касавшихся, и т. д. [1]) Но когда первое увлеченіе Москвы мыслью о необходимости заселить Сибирь, хоть кое-какъ, лишь бы скорѣе, начало проходить, и на смѣну явился другой взглядъ, а именно, что Сибирь уже заселена и что на очереди вопросъ о лучшемъ ея устроеніи, о „заводѣ", тогда, соотвѣтственно стали приниматься уже и иныя мѣры. Соотвѣтственно-же стали проявлять и меньшую снисходительность къ челобитьямъ; какъ слѣдствіе явилось, напримѣръ, то, что верхотурскіе ямщики уже въ 1619 г. жалуются, что когда-то, а это вѣдь было много – 20 лѣтъ назадъ, они получали 20 рублей на пай деньгами да большое хлѣбное жалованье, а потомъ послѣднее вовсе отняли, деньгами-же стали давать всего 7 рублей въ годъ на пай. Кромѣ того и въ пашнѣ урѣзали, утвердивъ опредѣленный надѣлъ въ 15 четвертей въ каждомъ полѣ на пай. Въ послѣднемъ, впрочемъ, они не были искренни, такъ какъ, какъ мы уже знаемъ, они еще гораздо позже давали выдѣльный хлѣбъ, что ясно показываетъ, что, кромѣ надѣльной, они пахали и лишнюю пашню.

Большое значеніе имѣла въ данномъ случаѣ и дѣятельность одного изъ сибирскихъ воеводъ, боярина князя Юрія Яншеевича Сулешева, о которомъ мы какъ-то уже упоминали. Это былъ подлинно – устроитель Сибири, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что онъ первый твердой рукой ввелъ въ Сибири московскіе порядки, сдѣлавъ время своего воеводства гранью между Сибирью въ административномъ отно-

---

[1]) А. И. II. 45, 51.

шеніи формировавшейся и Сибирью сформированной. Время его воеводства—1623—1625 годы. Въ началѣ 1626 г. бояринъ вернулся уже въ Москву. [1]) Наиболѣе полный перечень того, что сдѣлалъ Сулешевъ въ Сибири, даетъ намъ черновая его послужного списка. [2]) Какъ видно изъ нея, при отправленіи въ Сибирь, ему было повелѣно въ Тобольскѣ и во всѣхъ сибирскихъ городахъ искать во всемъ государеву прибыль и дѣлать все, смотря по тамошнему дѣлу, какъ его Богъ вразумитъ. Пользуясь такими широкими полномочіями, онъ главное вниманіе обратилъ на самое больное мѣсто Сибири его времени—на то, что, имѣя возможность сама себя содержать, Сибирь, однако, требовала усиленнаго присыла денегъ изъ Москвы, хлѣбныхъ и иныхъ запасовъ

---

[1]) Сулешевъ ждетъ еще своего біографа. Все, что мы знаемъ о немъ, рисуетъ намъ вполнѣ законченный типъ московскаго администратора начала 16 вѣка Біографія Сулешева, это—поучительнѣйшая страница по исторіи русской администраціи. Къ сожалѣнію, мы должны ограничиться здѣсь лишь краткими о немъ свѣдѣніями. Въ 1609 г. онъ—стольникъ (Акты Моск. Госуд., I, 74). До 1616 г. онъ—бояринъ (Акты Моск. Госуд. II, 108). Еще до 1611 г. онъ былъ воеводой въ Торжкѣ (А. И. II, 328), въ 1614 г. онъ былъ посланъ на Алатырь вмѣстѣ съ Никитой Барятинскимъ противъ Заруцкаго (А. И. III, 16) Онъ былъ въ числѣ воеводъ и бояръ, отличившихся во время польской осады (Соловьевъ Ист. Р., т. II, стр. 1135), за что съ братомъ былъ пожалованъ въ 1618 г. многими помѣстьями въ Муромскомъ уѣздѣ (А. Э. III, 332). Раньше 1622 г. онъ сидѣлъ въ приказѣ сыскныхъ дѣлъ (Разбойномъ) (А. И, III, 109). Въ 1622 г. онъ версталъ новиковъ по разнымъ городамъ (Десятни у Лихачева, Разр. дьяки, въ Прилож., стр. 58). 26 января 1623 г. онъ былъ назначенъ воеводой въ Тобольскъ (А. И. III, 117), гдѣ былъ съ 8 іюля 1623 г. по 29 мая 1625 г. (Др. Р. Вивліоѳика, III, стр. 138). Въ 1626 г. онъ уже вернулся въ Москву (Зап. кн. Моск Ст. Р. И. Б., т. IX, стр. 386). Въ 1629 по 1632 онъ снова въ разбойномъ приказѣ (А. И. III, 164, 167, Миллеръ, Старин. Приказы въ Виѳл., т. XX, стр. 385). Въ 1632 г. онъ—воевода новгородскій (А. Э., III, 201, 203, Д. А. И., III, 53). Въ 1633 г. онъ опять въ разбойномъ приказѣ (Р. И. Б., IX, стр. 531), причемъ исполнялъ разныя порученія—досматривалъ Ростовъ (Р. И. Б. IX, стр. 574), былъ у сбора ратныхъ людей (А. Э. III, 222, 235) и т. д. Въ 1638—1639 г.г. онъ—воевода новгородскій (А. Э. III, 282, 289, Д. А. И. III, 48, Р. И. Б., VIII, 10, XL, 2, Р. И. Б. V, 7). Сулешевъ скончался 8 марта 1643 г. (Ивановъ, Алфавитн. указ. Боярск. кн., стр. 396). Арсеньевъ, въ Уч. зап. 2 Отд. Акад. Наукъ, кн. 4, „Высш. правит. лица при Мих. Ѳед.“, стр. 17—18, относится къ заслугамъ Сулешева недовѣрчиво. Впрочемъ, приводимыя въ этой статьѣ свѣдѣнія о Сулешевѣ и очень неполны и не совсѣмъ точны.

[2]) Р. И. Б., VIII, 11, VII.

изъ поморскихъ и другихъ городовъ и т. д. Причину такого явленія онъ увидѣлъ въ своеволіи населенія, въ нерачительности администраціи, а главное въ неорганизованности податной системы. Отсылая къ подлиннику за другими подробностями, упомянемъ только, что по отношенію къ ямщикамъ онъ поступилъ также, какъ и по отношенію къ всѣмъ кто пользовался данной собинной пашней: установилъ надѣлы, сверхънадѣльную землю обложилъ выдѣльнымъ хлѣбомъ, сократилъ денежныя выдачи, окончательно прекратилъ выдачу хлѣбнаго жалованья. Кромѣ того, по крайней мѣрѣ, въ одномъ мѣстѣ—въ Тюмени, онъ попробовалъ вернуться къ уже бывшимъ попыткамъ ввести въ ямской строй туземное населеніе, для чего отставилъ ямскихъ охотниковъ, записавъ ихъ всѣхъ въ окладъ, а гоньбу возложилъ на тюменскихъ татаръ. Быть можетъ, онъ сдѣлалъ это въ видѣ опыта, избравъ Тюмень потому что тюменскіе татары жили на самой дорогѣ, быть можетъ, Тюмень—не единственный пунктъ, гдѣ была примѣнена та-же система. По крайней мѣрѣ, мы узнаемъ, что и въ Тарскомъ городѣ въ 1619 году гоньбу гоняли юртовые татаре, получая по 2—4 рубля подмоги. Впрочемъ, опытъ не удался: татары гоняли лишь до 1629 г., но и то постоянно жаловались на раззореніе; въ 1630 г. тюменскій ямъ былъ уже возобновленъ [1]). Довольно характерна и слѣдующая его частная мѣра: болѣе всего заботясь объ увеличеніи въ Сибири площади посѣва, онъ охотно жертвовалъ интересами лицъ, пахавшихъ землю для себя, владѣвшихъ, слѣдовательно, землей по службѣ, разъ такимъ путемъ можно было не отрывать отъ земли пашенныхъ крестьянъ; исходя изъ этого, онъ запретилъ наряжать въ бродовщики пашенныхъ крестьянъ, считая, что это тяжелое и убыточное дѣло должны исполнять сами охотники [2]).

Какъ говоритъ тотъ-же послужной списокъ, „всякими дѣлами бояринъ князь Юрьи Яншеевичъ Сулешевъ сибир-

---

[1]) Р. И. Б. VIII, II, LXXVII, LVIII, 2. По даннымъ Буцинскаго, ц. с. стр. 88, эта отмѣна тюменской стройной гоньбы и закрытіе тюменскаго яма произошли по просьбѣ самихъ ямщиковъ, которые раззорившись отъ конскаго падежа, просили перевести ихъ въ крестьяне. Возможно, что это было и такъ, но тогда трудно объяснить приводимый нами документъ, гдѣ отмѣна тюменскаго яма ставится Сулешеву въ заслугу.

[2]) А. И. III, 222.

скую землю, по своему высмотру, обновилъ и во всемъ устроилъ“. Если дѣятельность Сулешева принесла съ собой несомнѣнное ухудшеніе положенія сибирскихъ ямщиковъ, то она получаетъ для насъ тѣмъ большее значеніе, что все заведенное Сулешевымъ было принято Москвой съ одобреніемъ и до самаго почти конца 17 вѣка должно было оставаться образцомъ. Мы знаемъ не мало случаевъ, когда заведенные Сулешевымъ порядки много лѣтъ спустя приводились въ наказахъ изъ Москвы, какъ непреложные, какъ такіе, которымъ надлежитъ слѣдовать неизмѣнно [1]). Въ годы-же болѣе близкіе ко времени окончанія Сулешевымъ его сибирской службы отношеніе Москвы къ „заводу“ Сулешева высказывалось въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ. Такъ, на одной челобитной въ 1629 г. была начертана слѣдующая резолюція: „Государь слушалъ и указалъ быть тому, какъ учинилъ бояринъ Юрьи Яншеевичъ съ товарищи по своему разсмотрѣнію... Посыланъ былъ отъ Государя съ Москвы въ Сибирь для обновленія и для заводу бояринъ и воевода князь Юрья Яншевичъ Сулешевъ съ товарищи; и что по своему разсмотрѣнью учинили, тому Государь указалъ и впредь такъ быть“ [2]).

Но были еще и спеціальныя причины, вліявшіе на постепенное ухудшеніе положенія сибирскихъ ямщиковъ. Мы уже говорили, что по мѣрѣ роста Сибири и ея значенія, увеличивалась и гоньба; дороги, лежавшія, главнымъ образомъ, на отвѣтственности ямщиковъ, содержались плохо, и сами по себѣ онѣ были трудны, такъ какъ шли пустынными мѣстами, требовали большихъ объѣздовъ, пересѣкались то и дѣло волоками; промежуточныхъ и подможныхъ ямовъ было мало; наемный трудъ съ каждымъ годомъ дорожалъ; по мѣрѣ развитія гоньбы, на ямщиковъ возлагались расходы, которые первоначально вовсе не имѣлись въ виду; такъ, напримѣръ, на самаровскихъ ямщиковъ была возложена обязанность оснащать и содержать суда, что стоило имъ въ иной годъ больше 50 рублей; наконецъ, скоро опредѣлилось, что своими лошадьми имъ при этомъ большемъ разгонѣ никакъ не обойтись, между тѣмъ за наемъ подво-

---

1) А. И. Ш, 222, А. И. IV, 8, 33, Д. А. И., Ш, 9, Д. А. И. IV. 138, стр. 348, 358, 362, 366 и др.

2) Р. И. Б. VIII, 11, LVIII, I.

ды они нерѣдко должны были платить столько, сколько стоила лошадь, которая, кстати сказать, нерѣдко не выдерживала труднаго пути и назадъ уже не возвращалась [1]). Правда, мы заимствуемъ эти данныя изъ показаній самихъ-же ямщиковъ, а показанія эти могли и преувеличивать дѣйствительность, но, сопоставляя эти показанія съ фактомъ, что, начиная съ двадцатыхъ годовъ замѣчается усиленное бѣгство ямщиковъ съ ямовъ, приходится многому въ этихъ показаніяхъ вѣрить. Наконецъ, не малое значеніе могли имѣть и притѣсненія администраціи. Если, какъ мы уже говорили, администрація въ сибирскихъ городахъ вообще была своевольна, то по отношенію къ ямщикамъ своеволіе могло проявляться съ особенной силой, такъ какъ были особыя причины для взаимнаго неудовольствія: неумѣренное требованіе подводъ для собственныхъ надобностей или для маловажныхъ дѣлъ съ одной стороны, а съ другой—естественное стремленіе противодѣйствовать и не подчиняться этимъ требованіямъ. Такъ, неоднократно встрѣчаются предписанія воеводамъ не брать у ямщиковъ подводы безъ особой необходимости; если дѣло не очень спѣшное, не посылать съ нимъ, а ждать, пока накопятся еще дѣла, чтобы посылать за одно и т. д. [2]) Примѣромъ-же того, какъ поступала иногда администрація съ ямщиками, можетъ служить слѣдующій фактъ: верхотурскіе охотники жаловались въ 1648 г, что воевода Борисъ Дворяниновъ вгораживалъ въ государеву десятинную пашню каждый клочекъ ямской земли, лишь только выбывалъ охотникъ или даже, если дворовое строенье какого-нибудь охотника отъ ветхости разваливалось, такъ что новые охотники оставались безъ земли, вся-же ямская слобода скоро оказалась отрѣзанной отъ проѣзда и, наконецъ, ямскія лошади должны были пастись на лугу между десятинной пашней. А зайдетъ лошадь въ пашню—съ головы берутъ за потраву по полуполтинѣ, кромѣ того, лошадь ведутъ на гостиный дворъ, хозяина-же сажаютъ въ тюрьму. Былъ у ямщиковъ еще лужокъ, но и его велѣлъ воевода косить на себя [3])

Мы уже знаемъ, что въ московскихъ городахъ ямскія

---

1) А. И. Ш, 78, 86, 106, Д. А. И., IV, 96.

2) См. подр. въ слѣд. главѣ.

3) А. И. IV, 22.

слободы ограждались отъ воеводъ своими привиллегіями, которыя устанавливали, если не независимость ямскихъ охотниковъ отъ воеводскаго управленія то, по крайней мѣрѣ, противодѣйствующую силу, съ которой воеводскому управленію приходилось считаться. Сибирскіе ямскіе охотники перваго набора были обезпечены такими же привиллегіями. Верхотурскіе ямщики, напримѣръ, еще въ 1644 году ссылались на уставную грамоту царя Θеодора Іоанновича. Что это была за грамота, мы не знаемъ, но, по всей вѣроятности, она имѣла много общаго съ тѣми, о которыхъ мы достаточно говорили въ прошлой главѣ Въ ней, напримѣръ, опредѣлялось, что ямщики обязаны лѣтнимъ путемъ возить лишь до Семенова дня (1 сентября), а зимнимъ —до Благовѣщенья чѣмъ, слѣдовательно, освобождались отъ обязанности отпускать подводы въ распутицу (разскалье), пока не установится путь [1]). Такъ какъ эти-же числа были и сроками полученія ямщиками жалованья, [2]) то, можно думать, что въ грамотѣ вообще опредѣлялось положеніе ямской слободы. Однако, въ 1644 г., когда ямщики ссылались на грамоту, въ Москвѣ уже не имѣли никакихъ свѣдѣній о существованіи такой грамоты. Видимо, сами ямщики вспоминали грамоту по преданью, а никакъ не потому, что думали на основаніи ея серьезно отстаивать свои права. Наконецъ, въ Москвѣ рѣшили по этой челобитной такъ: во первыхъ, розыскать грамоту, а если грамоты нѣть, то сыскать накрѣпко, была-ли такая грамота и куда она дѣлась; во вторыхъ, во всякомъ случаѣ, если даже грамота и была, скорыхъ гонцовъ съ государевыми дѣлами отпускать и осенью, и весной безъ задержанья, чтобы государевымъ дѣламъ никакой задержки ни въ чемъ не было. Другими словами, если даже предположить, что ямщики въ это время и могли иногда пробовать защищаться уставными грамотами, своимъ ямскимъ правомъ, то въ Москвѣ отнюдь не были склонны признавать за такими грамотами именно такого значенія особаго ямского права, чѣмъ опредѣленно указывали, какъ измѣнился взглядъ на значеніе сибирскихъ ямщиковъ. Такимъ образомъ, въ Сибири уставныя грамоты слободамъ, видимо,

---

1) А. И. III, 234.
2) А. И. III, 86.

быстро утратили свое значеніе; съ ними утратилось и представленіе объ особомъ ямскомъ правѣ, чѣмъ порвалась, быть можетъ, и связь съ традиціями, вывезенными первыми слободскими охотниками изъ Московскихъ городовъ. Охотникъ здѣсь скорѣе чѣмъ гдѣ-либо долженъ былъ превратиться въ обыкновеннаго крестьянина, кромѣ землепашества, занимавшагося еще и ямской гоньбой; а это всецѣло передавало его въ руки воеводскаго управленія съ всѣми слѣдствіями этого. Къ тому-же выводу приводитъ еще и слѣдующее соображенія: общія условія сибирской жизни были таковы, что едва-ли могли способствовать сохраненію за ямскими слободами какой-либо самостоятельности. Во первыхъ, въ виду отдаленности края воеводы должны были пользоваться большишими полномочіями; во вторыхъ, непосильная гоньба должна была привесть охотниковъ къ необходимости интенсивнѣе заниматься землей и промыслами. Наконецъ, отчасти въ зависимости отъ тѣхъ-же условій, отчасти подъ вліяніемъ спеціальной причины—отсутствія въ сибирской ямской организаціи какой либо дѣятельной силы, которая противодѣйствовала бы произволу воеводъ,—не было данныхъ для развитія болѣе или менѣе обособленной слободской жизни.

Обратимся къ разсмотрѣнію этой организаціи. При устройствѣ яма стройщикъ долженъ былъ, набравъ комплектъ охотниковъ - общей нормой для всѣхъ сибирскихъ ямовъ на протяженіи всей исторіи сибирскихъ ямовъ до конца 17 вѣка является 50 паевъ [1])—отвести имъ землю подъ дворы, всѣмъ на одномъ участкѣ, составляя, такимъ образомъ, особую ямскую слободу, и дать по указу подмогу на обзаведенье отъ 5 до 16 рублей и больше; [2]) онъ давалъ, имъ, кромѣ того, по указу подмогу хлѣбомъ, съ обязательствомъ въ томъ-же году этотъ хлѣбъ посѣять. Ямщики строили на отведенныхъ земляхъ въ слободѣ дворы, которые по общему правилу почитались ихъ личной собственностью, хотя и были выстроены на казенныя подможныя деньги. Какъ и въ московскихъ городахъ, общее количество паевъ дѣлилось на десятки, во главѣ каждаго изъ котораго былъ десятскій; пятиде-

[1]) А. И. III, 78, 86, 106, А. И., IV, 23, Р. И. Б. VIII, 11, LXXVII, I. и др. Тюменцы просили устроить на яму 100 охотниковъ, но имъ, хотя и не отказали въ этомъ, однако, жалованье оставили на 50 паевъ.

[2]) П. Д. С. Л. 1635, г. св. 76, № 8. А. И. III, 78, 86, 106 и др.

сятникъ назывался вмѣстѣ съ тѣмъ и ямскимъ старостой. И десятскіе и старосты были избираемы самими охотниками изъ своей среды. [1]) Во главѣ слободы ставился ямской приказчикъ. Судя по тому, что мы знаемъ уже о приказчикахъ въ московскихъ ямскихъ слободахъ, слѣдуетъ думать, что и въ Сибири должность приказчика занимали дѣти боярскіе. „Добрыхъ дѣтей боярскихъ", какъ неоднократно жаловался еще Сулешевъ, въ Сибири тогда было немного, такъ что, какъ приходится думать, съ первыхъ же назначеній ямскія слободы не находили въ лицѣ своихъ приказчиковъ ни должной энергіи, ни, быть можетъ, охоты изъ-за слободскихъ вольностей, занесенныхъ въ Сибирь по традиціи, но едва ли совмѣстимыхъ съ воззрѣніями администраціи на свою задачу въ новомъ краѣ, вести борьбу съ воеводами. Въ московскихъ городахъ приказчики, хотя также назначались воеводами, но получали опредѣленіе своего положенія въ слободскихъ жалованныхъ грамотахъ; въ Сибири же послѣднія, какъ сказано выше, потеряли свое значеніе довольно быстро. Такимъ образомъ, въ сибирскихъ городахъ, хотя de jure, повидимому, ничто не мѣнялось, de facto происходило быстрое перемѣщеніе центра тяжести: ямщики пришли въ Сибирь съ готовымъ представленіемъ о самостоятельности слободы, но лицо, долженствовавшее оберегать это представленіе, приказчикъ, отчасти и не годился для такой роли, отчасти быстро сдѣлался безсильнымъ. Тѣмъ естественнѣе было ямскому приказчику искать опредѣленія своему положенію въ милостяхъ воеводы. И дѣйствительно, мы наблюдаемъ слѣдующій любопытный фактъ: не смотря на довольно значительное количество дошедшихъ до насъ актовъ, касающихся ямского строя въ Сибири, нигдѣ мы не встрѣчаемъ никакихъ указаній, которыя свидѣтельствовали бы о какой-нибудь дѣятельности приказчиковъ. Обо всѣхъ невзгодахъ ямскихъ слободъ писали въ Москву ямскіе старосты отъ имени всей слободы, съ воеводами тягались тѣ же старосты, интересы яма отстаивали либо старосты-же, либо отдѣльные ямщики. Если бы не одно случайное указаніе, можно было бы думать, что на сибирскихъ ямахъ приказчиковъ не было вовсе Изъ

---

[1]) Р. И. Б., II, 47, I, Р. И. Б., VIII, 11, LXXVII, 9, А. И. IV, 23 и др.

этого же указанія, однако, слѣдуетъ вывести, что приказчики тамъ, гдѣ они были, если и были уполномочены на отправленіе главной ихъ обязанности—обязанности суда, то скоро утратили и это полномочіе. Такъ, изъ росписи, кому какое наказаніе было при Тобольскомъ воеводѣ князѣ Пронскомъ, видно, что въ 1639 г. былъ битъ батогами передъ съѣзжей избой Демьянскаго яма ямщикъ Тишка Андроновъ обвиненный въ тайномъ провозѣ въ Тобольскъ письма отъ ссыльнаго старца Малаха, а въ 1642 г. были биты въ проводку кнутомъ пять самаровскихъ ямщиковъ, обвиненныхъ въ томъ, что приказчика не слушали, старостъ били и гонцамъ подводъ не давали. [1]) Если бы приказчики исполняли обязанности ямскихъ судей, виновнымъ было бы учинено наказаніе не передъ съѣзжей, а передъ ямской избой и не въ Тобольскѣ, а въ слободахъ.

Такимъ образомъ, если бы и при болѣе дѣятельныхъ и независимыхъ приказчикахъ едва-ли удалось бы сибирскимъ ямскимъ охотникамъ отстоять свое особое ямское право отъ своеволья воеводъ въ этой области, гдѣ менѣе чѣмъ черезъ тридцать лѣтъ послѣ первой ямской грамоты устроеніе всего жизненнаго хода было поручено исключительно тобольскому воеводѣ, который получилъ право дѣйствовать „какъ его Богъ вразумитъ", то при приказчикахъ безличныхъ и зависимыхъ, какими, на основаніи только что сказаннаго, видимо, были приказчики сибирскихъ ямовъ, явилось бы неожиданностью, если бы ямскія вольности не отошли довольно быстро въ область преданій. Сначала, вѣроятно, были попытки доказывать свои особыя права на основаніи грамотъ, а тамъ затерялись и самыя грамоты. Настаивать-же на своемъ не приходилось, такъ какъ весьма скоро-какъ мы видѣли, уже въ 1619 г.—передъ ямскими охотниками встала ближайшая задача: добиваться хоть нѣкотораго улучшенія своего матерьяльнаго положенія – возстановить земельный надѣлъ, хоть нѣсколько облегчить себя отъ непосильныхъ тяготъ все разроставшейся гоньбы. Этимъ, быть можетъ, объясняется и то обстоятельство, что сибирскіе охотники ищутъ всякими способами побочныхъ занятій, сваливая гоньбу на младшихъ членовъ семьи или на наем-

---

[1]) Чт. О. И. Д. 1883. I, стр. 25, 30. Сообщ. М. А. Липинскаго.

ныхъ ярыжныхъ. И въ московскихъ городахъ ямскіе охотники иногда поступали такимъ же образомъ; къ тому-же, въ сибирскихъ городахъ по ихъ сравнительному малолюдству, для всякаго предпріимчиваго человѣка было больше простора; но, съ другой стороны, мы знаемъ, что экономическое положеніе сибирскихъ охотниковъ было, дѣйствительно, тяжело, что менѣе защищенные отъ произвола администраціи они, дѣйствительно, охотно бросали ямы и разбредались что наконецъ не смотря на побочныя занятія, они никакъ не могли справиться съ своимъ прямымъ дѣломъ и безпрестанно докучали о прибавкахъ жалованья - слѣдовательно, поиски побочныхъ занятій могли находиться въ болѣе тѣсной связи съ общими условіями быта сибирскихъ охотниковъ чѣмъ съ общими условіями быта охотниковъ московскихъ. Ямскіе охотники нанимались возить пушной и иной товаръ (обыкновенно, впрочемъ, при возвращеніи на ямъ, чтобы не ѣхать порожнемъ), нанимались строить суда, вели съ юртовыми татарами мѣновую торговлю и т. д. Любопытно отмѣтить, что, беря какой-нибудь подрядъ, они брали его міромъ, всей слободой. Отдѣльные ямщики—одни держали на посадѣ лавки, другіе брали на откупъ пролубный сборъ т. е. сборъ съ пользованія прорубями, третьи изготовляли свѣтильни на свѣчи и т. д. Главный доходъ, конечно, давали имъ подряды. Кромѣ того, они усиленно занимались хлѣбопашествомъ, не смотря даже на то, что съ нихъ, хоть и въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ съ другихъ (за исключеніемъ дѣтей боярскихъ—эти давали выдѣльного хлѣба вдвое меньше ямщиковъ), взимался все-таки съ сверхъокладной пашни выдѣльный хлѣбъ. [1])

Здѣсь-же упомянемъ о рядѣ мѣръ, имѣвшихъ, правда, общее значеніе, но, если, быть можетъ, и не всегда обязанныхъ происхожденіемъ своимъ особымъ условіямъ сибирской гоньбы, то имѣвшихъ для сибирской гоньбы особое значеніе. По существу своему всѣ эти мѣры стремились къ одной цѣли: оградить ямщиковъ хоть отчасти отъ притѣсненій воеводъ и злоупотребленій служилыхъ людей, позволявшихъ себѣ въ Сибири еще большій произволъ, чѣмъ покровительствовавшіе имъ воеводы. Эти мѣры слѣдующія: стремленіе

[1]) А. Юр. Кал. II, 142, 2, 143, 256. Подробности о пролубномъ сборѣ. См Д. А. И. II, 52.

прекратить требованія лишнихъ подводъ, стремленіе урегулировать вопросъ о прогонахъ и, наконецъ, стремленіе установить законныя нормы груза, больше которыхъ ямщики не обязаны были поднимать на подводѣ. Для сибирской гоньбы эти мѣры получали особое значеніе уже по одному тому, что сибирскія дороги были трудныя, сибирская гоньба была далекая и что изъ Сибири было труднѣе, чѣмъ изъ другихъ мѣстъ, вести борьбу съ злоупотребленіями и насиліемъ. Хотя, разсматривая эти вопросы здѣсь, мы нѣсколько забѣгаемъ впередъ, но было бы еще неудобнѣе отдѣлять ихъ отъ общаго вопроса о сибирскихъ ямахъ.

Мы уже говорили, что воеводы и ихъ посланцы сплошь и рядомъ требовали лишнія подводы. Лишними подводы могли оказываться въ двухъ смыслахъ: во первыхъ, посланные могли требовать болѣе подводъ, чѣмъ указано въ подорожной, во вторыхъ, въ подорожной могло быть указано больше подводъ, чѣмъ для даннаго случая слѣдовало бы. Въ своемъ мѣстѣ мы укажемъ, что при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, 8 марта 1627 г. была издана роспись, опредѣлявшая сколько кому слѣдовало давать подводъ. [1] Въ томъ-же г. 12 мая было предписано сибирскимъ дѣтямъ боярскимъ давать лѣтнимъ путемъ въ Сибирь изъ Москвы 2 подводы а зимнимъ путемъ 2 подводы съ саньми. 21-го января слѣдующаго года было предписано давать всѣмъ воеводамъ и приказнымъ людямъ и письменнымъ головамъ, ѣдущимъ въ Сибирь, подъ ихъ запасы 6 подводъ, если по росписи 8 марта имъ полагалось 11 подводъ, 7 подводъ, если полагалось 13 подводъ, 8 подводъ, если полагалось 15 подводъ [2]) Спеціально для Сибири была издана дополнительная рос-

---

[1]) Р. И. Б. IX, стр. 520—522.

[2]) Имп. Публ. Биб. О, IV, 9. Настоящій памятникъ уже приводится въ литературѣ Лаппо-Данилевскимъ, ц. с., стр. 374, пр. 1. По его словамъ, это, по всей вѣроятности,—указная книга ямского приказа 1627—1628 г., извѣстная въ спискѣ 1680 г. Часть книги, дѣйствительно, копія съ указной 1627 г., на что имѣется прямое указаніе переписчика, который замѣчаетъ, что списалъ означенную книгу съ подлинной указной книги 135 г. за приписью дьяка Андрея Подлѣсова. Списокъ сдѣланъ въ 189 г. Но въ книгѣ имѣется еще книга поверстная, съ присоединеніемъ къ каждому указанію числа верстъ и размѣра выдаваемыхъ прогоновъ. Поверстной-же книгой и заканчивается сборникъ. Къ указной 1627—1628 г. приложены указы и начала 7137 г.

пись, въ какомъ году—неизвѣстно, но вскорѣ, во всякомъ случаѣ до 1645 г. [1]) По этой росписи боярамъ въ Тобольскъ полагалось 20 подводъ, товарищамъ ихъ—15, а въ иные города сибирскіе—14, 13 и 12 подводъ, письменнымъ головамъ—10 подводъ; разнымъ служилымъ людямъ и гонцамъ—вѣроятно, или согласно общей росписи, или съ нѣкоторой прибавкой. Позднѣйшими узаконеніями были установлены нѣкоторыя измѣненія: боярамъ и воеводамъ тобольскимъ—25 подводъ, стольникамъ—20, но кромѣ того тѣмъ и другимъ давались и прибавочныя подводы: товарищамъ—15, дьякамъ—12, письменнымъ головамъ—10, томскимъ большимъ воеводамъ—20, товарищамъ—13, дьякамъ—11, воеводамъ Березовскимъ, Тарскимъ и Сургутскимъ-13, Пелымскимъ, Кетскимъ, Красноярскимъ, Енисейскимъ, Нарымскимъ-12, Мангазейскимъ—14, Илимскимъ—17, Якутскимъ-30, а людямъ ихъ подъ запасы—вполовину. Сверхъ того было предписано духовнымъ лицамъ не давать подводъ вовсе, кромѣ какъ для государевыхъ дѣлъ. Предписывалось также не посылать лишнихъ гонцовъ. Такъ какъ ѣхавшимъ изъ Москвы къ Сибири подорожныя выдавались въ Москвѣ, изъ ямского приказа, то предполагалось что на этомъ пути возможно лишь простое злоупотребленіе, т. е. ѣхавшіе могли требовать больше подводъ, чѣмъ указано въ подорожныхъ; но на путь изъ Сибири къ Москвѣ подорожныя выдавались въ сибирскихъ городахъ, а тамъ было, видимо, за обычай прописывать большее количество подводъ, чѣмъ слѣдовало по указу. Какъ видно изъ челобитныхъ, иногда въ такихъ подорожныхъ прописывалось двойное количество подводъ, а иногда и того больше. Если лицо, ѣхавшее изъ Сибири, имѣло московскую подорожную, то оно нерѣдко, дабы пользоваться сверхъуказными подводами, запасалось также и сибирской подорожной причемъ московской подорожной не показывало безъ крайней необходимости. Ямщики поэтому относились вообще подозрительно къ сибирскимъ подорожнымъ и, съ одной стороны, можно думать, были нерѣдки случаи, когда они на отрѣзъ отказывались

[1]) Д. А. И. IV, 114 Здѣсь приводится память изъ ямского приказа за приписью дьяка Никиты Головина, а онъ былъ дьякомъ ямского приказа съ 1645 г. Въ памяти приводится дополнительная роспись съ указаніемъ, что она была издана при Михаилѣ Θеодоровичѣ.

давать подводы, что вело къ столкновеніямъ, едва-ли кончавшимся въ пользу ямщиковъ; съ другой-же стороны, ямщики видѣли себя вынужденными усиленно ходатайствовать о запрещеніи давать подорожныя по сибирскимъ городамъ. Послѣднее, однако, было-бы неудобно, и правительство ограничивалось полумѣрами, которыя, возникнувъ по поводу сибирской гоньбы, вскорѣ получили значеніе общихъ мѣръ. А именно: предписывалось не посылать лишнихъ гонцовъ, не писать въ подорожныя подводы сверхъ указу, не давать изъ Сибирскаго приказа выходъ и кормъ лишнимъ гонцамъ и служилымъ людямъ, предписывалось доправлять лишнія подводы на виновныхъ [1]).

Довольно серьезное значеніе имѣлъ для сибирскихъ ямщиковъ и вопросъ о прогонахъ. Мы уже видѣли въ прошлой главѣ, что практикой далеко не были выработаны какія-либо общія правила, которыми могъ бы удовлетворительно разрѣшаться этотъ вопросъ. Съ тѣмъ-же начался и 17 вѣкъ. Въ принципѣ ямщики должны были получать прогоны при большей части отпусковъ, въ дѣйствительности-же они получали ихъ довольно рѣдко. Сибирскіе-же ямщики совсѣмъ не получали прогоновъ, по крайней мѣрѣ, до 1633 г., а, можетъ быть, не получали ихъ долго и послѣ. Но и тогда, когда они уже безусловно получали прогоны (между 60 и 70 г.г.), если бы они получали ихъ даже за всѣ отпускаемыя подводы, то и тогда они ни въ какомъ случаѣ не могли-бы окупать стоимость гоньбы. Такъ повѣривъ цифрамъ, показаннымъ въ ихъ челобитныхъ, (а цифры эти, можно думать, не очень преувеличены), пришлось-бы предположить, что на каждой подводѣ, отпущенной изъ прогоновъ, они терпѣли значительный убытокъ. Такъ, отпуская изъ Верхотурья въ Соликамскъ, они платили найму за подводу 4 рубля; разстояніе исчислялось въ 500 верстъ; слѣдовательно, по общей таксѣ—за 10 верстъ 3 деньги - они должны были-бы получать меньше рубля Принимая-же въ разсчетъ казенное исчисленіе верстъ, сдѣланное въ 1687 г., когда разстояніе между Верхотурьемъ и Соликамскомъ было опредѣлено въ 140 верстъ, приходится

1) А. И. V, 25, 145, А. Э. IV, 259, П. С. З., I, 18 и др. Существовало еще злоупотребленіе: одно и тоже лицо запасалось нѣсколькими подорожными на разныя имена; - тамъ-же. А. Э. IV, 277, Д. А. И. X, 98 и др.

считать, что они получали всего 26 коп. за подводу, что безусловно было имъ убыточно. Но убытки, конечно, были еще значительнѣе, разъ имъ вообще по возможности не платили. Хотя нѣсколько позднѣе рядомъ указовъ предписывалось платить прогоны и не давать подводъ безъ прогоновъ, причемъ устанавливалось также, кому платить прогоны изъ своихъ денегъ, а кому получать изъ казны [1]), но едва ли эти предписанія соблюдались, такъ какъ вопросъ о прогонахъ по сибирскимъ ямскимъ путямъ, равно какъ и по внутреннимъ московскимъ, продолжалъ быть острымъ до конца 17 вѣка. Въ послѣдней четверти 17 вѣка рѣшено было прибѣгнуть къ новой мѣрѣ, а именно: въ 1686 г. когда охотники главнѣйшихъ сибирскихъ ямовъ били челомъ въ Москву на извѣстныя уже намъ злоупотребленія и снова просили прибавки къ жалованью, по разсмотрѣнію, было установлено слѣдующее: служилымъ людямъ, посланнымъ въ Сибирь и изъ Сибири съ денежной и соболиной казной, со всякой мягкой рухлядью, гонцамъ и ссыльнымъ людямъ стали давать подводы безъ прогоновъ; всѣмъ-же посланнымъ на службу и возвращающимся съ сибирской службы стали давать подводы по сибирскимъ ямамъ не иначе, какъ изъ прогоновъ. Для дальнѣйшаго урегулированія этого вопроса было предписано послать съ Верхотурья сына боярскаго съ подъячимъ и двумя цѣловальниками и измѣрить дороги указной верстой (по 1000 саженъ въ верстѣ). Послѣднее было исполнено въ 1687 г., причемъ опредѣлилось, что отъ Тобольска до Тюмени 110

[1]) А. Э. IV, 192. Д. А. И. VI, 77. А. И. III, 78 86, 106, А. И. V, 145, 170 и др. Цѣны, почемъ платили ямщики за подводы, можно прослѣдить по другимъ источникамъ. Напримѣръ. для конца 30-хъ и начала 40-хъ годовъ: отъ Устюга до Сольвычегодска (разстояніе считалося 60 верстъ) платили по 16 алтынъ, по 16 алт. 4 ден., по 17 алт. 2 ден., по 18 алт. 4 д., по 19 алт., 2 деньги. По таксѣ слѣдовало за такое разстояніе всего 3 алтына До Тотьмы отъ Устюга (разстояніе считалось въ 250 в.) платили сами ямщики 1 р. 4 алт. 2 д., 1 р. 5 алт., 1 р. 7 алт. 2 деньги. Прогоновъ-же слѣдовало-бы получить 12 алт. 3 деньги. А. М. И. Д. П. Д. С. Л., св. 103, № 58, 1637 г. Между устюжскими цѣнами и верхотурскими не должно, кажется, ожидать большой разницы. По словамъ Буцинскаго, ц. соч., стр. 91, сибирскіе ямщики, можетъ быть, и вовсе не получали прогоновъ. Фишеръ, ц. с., стр. 203, говоритъ: „ямщики должны были тѣмъ, которые посыланы были за государственными дѣлами, давать показанныя подводы безденежно; однако, по времени учинена въ разсужденіи уплаты денегъ нѣкоторая отмѣна“.

верстъ, отъ Тюмени до Туринска—74 вер. 800 саж., отъ Туринска до Верхотурья—98 в. 400 саж., отъ Верхотурья до Соликамска—140 верстъ, отъ Тобольска до Демьяновскаго яма 122 вер. 800 саж., отъ Демьяновскаго до Самаровскаго яма -142 вер., отъ Самаровскаго до Сургута—134 в. 800 саж, отъ Самарова до Сохоруковыхъ юртъ, внизъ Иртыша - 500 вер. Не думаемъ, однако, чтобы этой мѣрой было достигнуто многое, такъ какъ въ самой Москвѣ не соблюдался установленный въ указѣ принципъ и, напримѣръ, въ 1688 г. уже требовалось, чтобы стрѣльцамъ, посылаемымъ съ отписками въ Москву, подводы давались безъ прогоновъ [1]).

Наконецъ, третій вопросъ о количествѣ клади. Еще въ 1609 г. при Василіи Шуйскомъ было приказано соликамскому воеводѣ оберегать ямщиковъ отъ насильства служилыхъ людей и не позволять класть на зимнюю подводу болѣе 15 пудовъ, а на лѣтнюю—болѣе 4 пудовъ, если не садятся сами; если-же садятся, то епанчу и чѣмъ сыту быть. Хотя указъ имѣлъ въ виду только охрану соликамскихъ ямщиковъ но, очевидно, что инціатива жалобъ шла изъ Сибири, такъ какъ наиболѣе тяжелая часть пути къ Москвѣ падала на долю верхотурскихъ ямщиковъ, отъ Верхотурья до Соликамской. Жалобы впослѣдствіи стали учащаться, и при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, во всякомъ случаѣ, до 1645 г., было предоставлено ямщикамъ право каждый тяжелый возъ взвѣшивать, при чемъ былъ опредѣленъ указной вѣсъ—зимой въ 20 пудовъ вмѣстѣ съ санями, а лѣтомъ 15 пудовъ. Какъ видно, однако, изъ челобитныхъ, служилые люди все таки нагружали иногда возы вдвое и втрое больше; когда ямщики требовали, чтобы имъ было дозволено взвѣшивать возы, служилые люди противились; когда дѣло восходило къ воеводамъ, воеводы были чаще на сторонѣ служилыхъ людей, чѣмъ на сторонѣ ямщиковъ. [2]) Такимъ образомъ, и этотъ вопросъ, несмотря на попытки Москвы разрѣшить его, оставался неурегулированнымъ.

Въ концѣ вѣка была сдѣлана попытка реформировать сибирскую гоньбу. Опредѣленно объяснить, въ чемъ заключался проектъ, трудно. Имѣется лишь краткое указаніе

[1]) А. И. V, 145. Лѣт. Зан. Арх. Ком., т. VII, Отд. IV, стр. 59, А. И. V, 170.

[2]) А. Э. II, 163, А. Э. IV, 277, Д. А. И. I, 114 и др.

Невилля на разсказъ, слышанный имъ отъ Спатаруса—пере водчика (Спафарій). Спафарій, по словамъ Невилля, „былъ посланъ кн. Вас. Вас. Голицынымъ въ Китай. Два года пробылъ онъ въ путешествіи, преодолѣвая многія трудности; но за то онъ собралъ множество свѣдѣній о мѣстахъ, которыми ѣхалъ; по возвращеніи своемъ въ Москву онъ обнадежилъ Голицына, что можно и по Сибири устроить путь столь-же удобный, какъ и по всякой другой европейской странѣ. Голицынъ приступилъ къ устройству дороги со всѣми удобствами для проѣзжающихъ. Отъ Москвы до Тобольска, главнаго города Сибири, устроили по нѣсколько деревянныхъ домовъ на каждыхъ десяти миляхъ, и населили въ нихъ по нѣсколько крестьянъ, отведя имъ земли, съ условіемъ, что каждый домъ долженъ содержать по три лошади для проѣзжающихъ, взимая за то плату въ свою пользу по три деньги за десять верстъ. По всей сибирской дорогѣ, такъ-же какъ и по всей Московіи, поставили столбы съ означеніемъ пути и числа миль. Тамъ, гдѣ снѣга столь глубоки, что лошади не могутъ итти, также построили домы и поселили въ нихъ осужденныхъ на вѣчное изгнаніе, снабжая ихъ припасами и заведя у нихъ большихъ собакъ, на которыхъ можно ѣздить по снѣгамъ въ саняхъ" [1]). Разсказъ, очевидно, переданъ Невиллемъ весьма неточно: ямская гоньба, какъ мы уже видѣли, была учреждена въ Сибири чуть-ли не за сто лѣтъ до Голицына, и иниціатива Спафарія, какъ слѣдуетъ думать, сводилась лишь къ какимъ то реформамъ Весьма возможно также, что именно съ этого времени въ особо глухихъ мѣстахъ были привлечены къ ямской гоньбѣ ссыльные. Ссыльныхъ селили въ особыхъ домикахъ, имѣвшихъ значеніе промежуточныхъ ямовъ. Это, вѣроятно, то-же явленіе, которое еще не такъ давно встрѣчалъ г. Максимовъ на Бѣломорскомъ побережьи —такъ называемыя „кушни", т. е. одинокія избушки, разбросанныя въ видѣ станцій въ наиболѣе глухихъ мѣстахъ, верстахъ въ 25 одна отъ другой; одинокій старикъ, жалкій, полу-

---

[1]) Любопыт. и нов. извѣст. о Московіи 1689 г. Цитир. по пер. Рус. Вѣст., 1841, т. IV, стр. 153—154. О Спафаріѣ см у Словцова, Историч. обозр. Сибири, М., изд. 1838, т. I. стр. 201. Здѣсь изложено о его поѣздкѣ въ Китай. Ср. Словарь достопам. люд. русск земли, ч. V; также — Сибирск. Вѣстн. 1823 г., кн. 17.

одичавшій, просящій у каждаго проѣзжающаго подаянья, является въ такихъ клушняхъ единственнымъ хранителемъ промежуточнаго яма [1]).

---

[1]) Годъ на Сѣверѣ, изд. 4, 1890 г., стр. 388 и сл.

V.

Смутное время тяжело отразилось на всемъ дѣлѣ ямского строенья. Не говоря уже о томъ, что движенья войскъ, осады и сопряженные съ ними опустошенія и пожары должны были по тѣмъ мѣстамъ, которыя служили театромъ совершавшихся событій, разогнать охотниковъ, на ямскомъ строѣ не могло не отразиться и общее броженіе умовъ, это вполнѣ обыкновенное для внутренней смуты явленіе. Населеніе отбывало отъ податей и повинностей, частью бѣжало изъ родныхъ угловъ, чтобы принять участье въ смутѣ, частью пользовалось смутой, чтобы уклониться отъ несенія своихъ обязанностей. Ямской строй, державшійся, какъ мы видѣли, главнымъ образомъ, на началахъ принужденія, требовавшій неослабнаго надзора и частыхъ переустроевъ, дозоровъ и переписей, расшатывался по мѣрѣ того, какъ за смутой ослабѣвала административная энергія власти; ямской строй пришелъ въ полный упадокъ, когда, между 16 1—1613 г.г., всѣ внутреннія заботы должны были стушеваться передъ однимъ сознаніемъ—отвратить надвигавшуюся на государство гибель. Правда, и въ эти годы правительство время отъ времени, видимо, дѣлало разныя распоряженія по ямской гоньбѣ, но распоряженія эти носили случайный характеръ: удовлетворялась потребность дня. Но эти-же распоряженія носятъ на себѣ признаки тѣхъ усилій, которыя необходимо было употреблять въ это время, чтобы сохранить хоть извѣстную возможность сношеній между центромъ и областями, безъ чего управленію, конечно, было-бы невозможно справиться съ своей задачей. Съ другой стороны, способствовали развалу ямского дѣла и сами охотники: они цѣлыми слободами бросали ямы—одни, потому что находили въ смутѣ случай удовлетворить своему вольнолюбію, воспитанному жизнью на большихъ дорогахъ, другіе, потому что, по мѣрѣ

того, какъ отбывало отъ повинностей населеніе, изсякалъ источникъ тѣхъ средствъ, которыя помогали охотникамъ служить ямскую службу.

Нельзя, конечно, сказать, чтобы такъ было вездѣ. Въ тѣхъ мѣстахъ, которыя оказались внѣ круга совершавшихся событій, а также и тамъ, гдѣ раньше, чѣмъ гдѣ бы то не было, слободская жизнь привилась и развилась, ямской строй могъ и не распасться. Быть можетъ, онъ и здѣсь былъ нарушенъ, но едва-ли въ цѣломъ. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ отписку шуйскихъ ямскихъ охотниковъ отъ 1612 г. въ полученіи подможныхъ денегъ съ посада [1]). Но, напримѣръ, въ Пронскѣ, въ концѣ 1611 г., видимъ почти полное раззореніе ямского строя. Пронская слобода, устроенная на 20 вытей, осталась въ это время лишь при десяти охотникахъ. Въ ихъ челобитной читаемъ: „нынѣ на пронскомъ яму отъ войны отъ крымскихъ и отъ ногайскихъ татаръ и отъ литовскихъ людей осталось только десять человѣкъ, а воевода правитъ на нихъ подъ посланниковъ и подъ гонцовъ подводы и имъ дей подводъ взяти негдѣ, а сошные люди подмоги имъ не даютъ и отъ тово они охудали и одолжали великимъ долгомъ, и впредь дей имъ и достальнымъ ямскимъ охотникомъ ямскія гоньбы гонять не мочно". Бояре, къ которымъ поступила эта челобитная, приказали воеводѣ принять самыя строгія мѣры къ тому, чтобы сошные люди давали новыхъ охотниковъ и всѣмъ охотникамъ подмогу; вмѣстѣ съ тѣмъ бояре послали общій наказъ о ямскомъ строеньи въ Пронскѣ. Едва-ли, однако, можно сомнѣваться, что, если наказъ и былъ приведенъ въ исполненіе, то лишь съ большимъ трудомъ [2]).

Смута кончилась, но ея истинное значеніе для ямского строя только послѣ этого и начало сказываться. Степень, въ какой разладился этотъ строй, видна изъ того, что еще долго послѣ воцаренія Михаила Θеодоровича съ разныхъ концовъ неслись въ Москву извѣстья о ямскомъ неустройствѣ. И это, несмотря на несомнѣнныя заботы правительства скорѣе возстановить гоньбу, необходимую уже по одному тому, что новое устроеніе государства вызывало подъемъ дѣятель-

---

[1]) Акты Шуйск., Гарел., стр. 9.

[2]) Акты Ряз. кр., Пискарева, стр. 45—48. Та-же грамота въ Ряз. Губ. Вѣд., 1846, 17.

ности какъ въ центрѣ, такъ и въ областяхъ, а, слѣдовательно, естественно требовало и усиленія гоньбы. Такъ, такія большія слободы (мы уже знаемъ это), какъ тульская и калужская, состояли изъ 10—12 охотниковъ еще въ 1616 г., ливенская слобода, устроенная на 20 паевъ, въ 1615 году считала только 13 чел. всего населенія; бѣлозерскіе ямы вновь устраивались только въ 1617 году; псковскіе и новгородскіе ямы обозначены запустѣвшими еще въ 1616 г., а въ воеводскомъ наказѣ 1617 г. читаемъ лишь предписаніе, „учинить въ Великомъ Новѣгородѣ охотниковъ по Государеву указу, каковъ имъ Государевъ указъ объ ямскомъ строеніи присланъ будетъ изъ Москвы"; тверской ямъ въ 1617 г. былъ въ полномъ раззореніи такъ что, напримѣръ, посланный въ Новгородъ съ грамотами изъ посольскаго приказа Петръ Ногинъ, доѣхавъ до Твери, дальше не могъ двинуться; охотники, по его словамъ, сбѣжавъ съ яма, жили на посадѣ, хоронясь у посадскихъ людей, а посадскіе люди не давали подводъ, говоря, что на то ямъ устроенъ; запустѣли отъ лихолѣтья и слободы по дорогѣ отъ Ярославля до Москвы и, напримѣръ, въ Ярославлѣ не было въ слободѣ пригоннаго двора еще въ 1621 г. [1]) Съ какимъ трудомъ налаживалась гоньба послѣ раззоренія, достаточно видно хотя бы на примѣрѣ Углича. До раззоренья тамъ была стройная гоньба,—объ этомъ не разъ уже приходилось намъ говорить. Послѣ раззоренья до 1617 г., видимо, своего яма не было, такъ какъ извѣстна грамота, по которой въ мартѣ 1617 г. отмѣнялось прежнее распоряженіе, предписывавшее поставить на Угличѣ для скорыхъ посольскихъ дѣлъ 30 подводъ съ Кашина и съ кашинскаго уѣзда. Двадцать подводъ были доправлены съ посада и уѣзда, а десять подводъ на кашинскихъ охотникахъ. Въ 1617 г., послѣ марта, съ новаго дозора, была устроена наново ямская слобода на десять вытей, но въ іюлѣ того-же года ямъ разбѣжался. Ближайшей причиной явился пріѣздъ государевыхъ пословъ и дворянъ, подъ которыхъ сразу потребовалось 107 подводъ.

---

1) Кн. Разр., I, стр. 184, 188; Тр. Орлов. Арх. Ком., 93 г., вып. 3—5, стр. 51; А. Ю. 38; Арх. М. И. Д. II. Д. С. Л. Св. 153 № 91, 1642 г.; II. Д. С. Л, № 5, св. 6, 1617 г., А. М. Ю. кн. переп. № 265, л. 391, Имп. Пуб. Б., F, IV. 522, Яросл. Губ. Вѣд., 1855 г., 18 (перепеч. въ Рукоп. слав. и русск., Вахромѣева, т. IV, стр. 252—253).

подводы и вообще весь отпускъ пришлось доправить на населеніи. Но силы посада до того истощились этимъ однимъ большимъ отпускомъ, что, когда затѣмъ надо было дать подводы подъ сборщика и трехъ пушкарей, оказалось невозможнымъ собрать даже столь малое количество подводъ. Положеніе вещей осложнялось еще тѣмъ, что черезъ Угличъ въ это время шла безпрестанная пересылка гонцами между Москвой и кн. Ѳ. П. Барятинскимъ, который находился тогда въ Устюжнѣ. Подводы, за отсутствіемъ ямскихъ заводныхъ подводъ, брались съ населенія. Но послѣднее, боясь поборовъ, изъ-за подводъ даже на торги не съѣзжалось, большею же частью бѣжало съ посада. Въ сентябрѣ 1617 г. воевода обо всемъ, что происходило, представилъ въ Москву и просилъ устроить ямъ наново. Вѣроятно, еще до іюля 1618 г. ямъ на Угличѣ былъ устроенъ опять. По крайней мѣрѣ, въ одной изъ грамотъ отъ этого года мы встрѣчаемъ упоминаніе объ ямскихъ охотникахъ. Въ 1623 г., однако, ямскихъ охотниковъ на Угличѣ было только 5 человѣкъ, что опять таки невольно наводитъ на мысль, что ямъ снова разстроился, такъ какъ угличская дорога была достаточно проѣзжа для того, чтобы слобода строилась не менѣе, чѣмъ на 10 вытей. Можно думать, что слободская жизнь на Угличскомъ яму установилась нѣсколько позже. [1])

Значительно препятствовало дѣлу скорѣйшаго возстановленія ямского строя еще и то обстоятельство, что правительству долго не удавалось справиться съ ближайшей своей задачей, въ связи съ которой, между прочимъ, долженъ былъ находиться и ямской строй, а именно—съ выясненіемъ платежныхъ силъ страны. Какъ извѣстно, вскорѣ послѣ раззоренья, были посланы въ разные города дозорщики, но работой ихъ въ Москвѣ остались недовольны: они, какъ оказалось, писали и дозирали воруя, однихъ по дружбѣ писали легко, другихъ по недружбѣ тяжело. Посланные-же въ іюлѣ 1619 г. вторые дозорщики не поспѣли съ своими книгами еще въ 1621 г. [2]) Естественно, что въ Москвѣ, при изданіи различныхъ распоряженій, имѣвшихъ цѣлью скорѣе устроить гоньбу тамъ, гдѣ она совсѣмъ урвалась, должны были руководствоваться доводимыми до свѣдѣнія изъ обла-

[1]) Угл. Акты, №№ 22, 29, 43, 48, 72, 100.

[2]) Г. Г. Д. III, 47; А. Э. III, 105, 121.

стей фактами, а не какимъ либо общимъ планомъ пересмотра ямского дѣла. Это-же вело къ тому, что многія распоряженія оказывались или недоубоисполнимыми или явно раззорительными для населенія. Если гоньба, основанная на такихъ распоряженіяхъ, все таки устраивалась, она скоро приходила опять въ разстройство. Такъ какъ, съ другой стороны, не только ямское дѣло, но и всѣ иные сборы и повинности падали на то-же населеніе, дѣйствительныя платежныя силы котораго оставались невыясненными, то вопросъ невольно осложнялся еще столкновеніями между различными центральными органами, главнымъ образомъ, между областными и спеціальными приказами. Слѣдствіемъ такихъ коллизій являлось, видимо, опять таки новое обремененіе населенія, въ зависимости отъ чего должно было еще болѣе страдать ямское дѣло. Нѣкоторую иллюстрацію въ этомъ отношеніи можетъ дать исторія курмышскаго яма до двадцатыхъ и въ началѣ двадцатыхъ годовъ. До іюня 1617 г. тамъ гоняли съ посада и уѣзда, такъ какъ ямъ не былъ еще устроенъ, но въ іюнѣ слѣдующаго года ямъ уже строился, при чемъ по грамотѣ изъ Казанскаго дворца правили на населеніи курмышскимъ охотникамъ подмогу по рублю съ четверти пашни съ живущаго да по четверти хлѣба и овса. Но въ 1620 г. ямъ пришлось переустраивать на ново и теперь уже по грамотѣ изъ Ямского приказа, при чемъ было приказано устроить на яму 15 охотниковъ, давъ имъ по 40 рублей жалованья на человѣка, а всего было приказано доправить ямскихъ денегъ по разсчету въ 800 рублей съ сохи. Изъ данныхъ не видно, отмѣнялось-ли, въ дѣйствительности, распоряженіемъ Ямского приказа распоряженіе Казанскаго дворца, но, судя по имѣющейся челобитной, слѣдствіемъ коллизіи явилось то, что на населеніи доправлялись сборы по обѣимъ грамотамъ. Изъ той-же челобитной, между прочимъ, видно, что подобныя столкновенія приказовъ по поводу курмышскихъ дѣлъ были уже и раньше, такъ какъ челобитчики ссылались на грамоту изъ Казанскаго дворца, въ которой предписывалось не слушать никакихъ указовъ изъ иныхъ приказовъ. [1]) Насколько можно судить, всѣ эти попытки

---

[1]) Акты Нижегород. Печерск. Вознесен. Мон., изд. Титова стр. 2, 3, 12, 32, 52—53.

возстановить гоньбу въ Курмышѣ дѣлались вообще не въ обычномъ порядкѣ, а на спѣхъ и безъ соображенія съ неизбѣжными послѣдствіями. Таково, напримѣръ, опредѣленіе оклада жалованья въ 40 рублей охотнику. Окладъ, какъ увидимъ далѣе, непомѣрно высокій. И, дѣйствительно, только, видимо, около 1626 г. слободская жизнь курмышскаго яма начала приходить въ норму. Окладъ охотничьяго жалованья на Курмышѣ постепенно падаетъ до нормальнаго 15 рублеваго оклада. [1])

Хотя, если судить по сохранившимся наказамъ стройщикамъ, не только въ первые годы царствованія Михаила Ѳедоровича, но еще, напримѣръ, и въ 1625 г., ямы строились вновь и возобновлялись тѣмъ-же порядкомъ, какой мы уже имѣли случай описать въ главѣ о ямскомъ строѣ во второй половинѣ 16 вѣка, хотя мы иногда даже встрѣчаемъ прямыя указанія стройщикамъ во всемъ справляться съ прежними устроями, съ устроями до раззоренія, но особыя условія переходнаго времени несли уже въ себѣ зародыши новой практики. Во первыхъ, раззоренное населеніе должно было возбуждать сомнѣніе не столько даже въ готовности, сколько въ возможности взять на себя ту особенную заботу о ямскомъ строѣ, какая возлагалась на него старой практикой; во вторыхъ, населеніе не вездѣ было раззорено одинаково, и по необходимости гоньба въ однѣхъ мѣстностяхъ должна была устраиваться частью на счетъ другихъ, менѣе раззоренныхъ. Уже при разсмотрѣніи гоньбы во второмъ періодѣ мы отмѣтили случаи, когда ямскіе охотники получали жалованье отъ казны. Но размѣръ этого жалованья былъ незначителенъ и, видимо, самая мысль о необходимости давать въ томъ или другомъ случаѣ охотникамъ жалованье возникала подъ вліяніемъ различныхъ особенностей каждаго случая. Ямской охотникъ выставлялся населеніемъ и содержался имъ; по схемѣ—между населеніемъ и выставляемыми имъ охотниками предполагалась опредѣленная, прочная связь, настолько опредѣленная и прочная, что правительству оставалось лишь наблюдать, чтобы произволъ со стороны населенія или со стороны охотника не урывалъ государева дѣла. Но въ отдѣльныхъ случаяхъ, преимущественно, какъ мы уже говорили раньше,

[1]) Симб. Губ. Вѣд., 1851 г. № 6 (Писц. кн. по Курмышу, 1626 г.), и № 24.

въ тѣхъ, когда слободы устраивались въ мѣстахъ новыхъ, малонаселенныхъ, гдѣ самое населеніе было вновѣ, или-же въ такомъ, напримѣръ, случаѣ, какъ устрой новгородскихъ посадскихъ слободъ, гдѣ по отношенію къ посаду отступили отъ общей практики, правительству приходилось восполнять явную непрочность связи между населеніемъ и охотниками, а иногда даже признавать законность ея отсутствія. Это выражалось въ томъ, что обязанность населенія давать охотникамъ подмогу правительство переносило на себя и давало подмогу уже отъ себя. Это-же, въ свою очередь, повело къ тому, что все населеніе, кромѣ подмоги своимъ охотникамъ, платило еще особый сборъ въ казну - подмогу, изъ общей суммы котораго платилось жалованье въ указанныхъ случаяхъ. Исторія сибирскихъ ямовъ показала намъ, что въ Сибири, гдѣ именно отсутствовала эта связь, съ перваго-же устроя охотникамъ опредѣлено было жалованье. Но, съ одной стороны, такіе случаи были только исключеніями —поэтому размѣръ собиравшейся подмоги и не долженъ былъ быть великъ; съ другой стороны, эти случаи уже были—слѣдовательно, прецеденты установились, и этимъ при возникновеніи условій, которыя придали бы исключительнымъ причинамъ, породившимъ эти прецеденты, общій характеръ, создавалась почва для превращенія частной практики въ общую.

Раззоренная смутой страна представляла полный комплексъ такихъ условій: населеніе частью разбрелось, частью еще не возвратилось на свои мѣста, а кто оставался на старомъ пепелищѣ, не зналъ, къ чему рукъ приложить. Между тѣмъ, гоньба была необходима; обстоятельства времени требовали усиленія гоньбы. Гдѣ гоньба и продолжала существовать, тамъ все могло оставаться по старому, гдѣ гоньба строилась заново, тамъ нельзя было надѣяться на населеніе, и правительство должно было взять всю заботу на себя. Слѣдовательно, прежде всего оно увидѣло себя вынужденнымъ замѣнить подмогу охотникамъ жалованьемъ изъ казны. Но у правительства не было денегъ; денегъ было менѣе, чѣмъ когда-либо; оставался, слѣдовательно, одинъ путь—разложить всю необходимую сумму на то-же населеніе, но теперь уже въ видѣ суммированнаго сбора, а не въ видѣ ряда сборовъ, какъ прежде. Правда, населенію было нисколько не легче платить одинъ большой сборъ, быть можетъ, даже большій,

чѣмъ совокупность прежнихъ отдѣльныхъ сборовъ, но за то этотъ сборъ, какъ общегосударственный, могъ взыскиваться съ лучшимъ успѣхомъ.

Перейдемъ къ фактамъ. Въ наказѣ пронскому воеводѣ отъ 1612 г. читаемъ: „и какъ къ тебѣ ся грамота придетъ, и ты-бъ, господине, пронского яму ямскихъ охотниковъ велѣлъ собрати, а собравъ переписати по имянамъ и ихъ женъ и дѣтей и братью и племянниковъ и сусѣдей и подсусѣдниковъ и захребетниковъ, и сколько у котораго ямского охотника для ямскія гоньбы лошадей, а переписавъ пронскаго яму ямскихъ охотниковъ, послалъ бы въ пронской и въ рязской уѣздъ пушкарей и затинщиковъ, и розсыльщиковъ, сколько человѣкъ пригоже, а велѣлъ сошнымъ людямъ быти къ себѣ тотчасъ. Да какъ сошные люди съѣдутся, и ты бы, господине, имъ говорилъ, чтобы они старымъ своимъ охотникомъ, которые нынѣ на яму, подмогу имъ денги и хлѣбъ давали по прежнему указу, по десяти рублевъ денегъ человѣку, да хлѣба по десяти чети ржи, а овса тожъ.“ [1]) Этотъ наказъ, по устанавливаемой имъ практикѣ, ничѣмъ, какъ видимъ, не отличался отъ извѣстныхъ намъ уже наказовъ второй половины 16 вѣка. Если ознакомиться съ нимъ подробнѣе, то окажется, что онъ составленъ въ болѣе, чѣмъ обыкновенно, энергичныхъ выраженіяхъ и заключаетъ въ себѣ болѣе рѣзкія предписанія, но послѣднее объясняется тяжелыми условіями междуцарствія, во время котораго онъ былъ изданъ, а мы уже говорили, что акты о ямской гоньбѣ этого времени носятъ на себѣ слѣды тѣхъ особенныхъ усилій, къ какимъ нужно было прибѣгать, чтобы хоть попытаться сохранить ямскую гоньбу. Но практика, повторяемъ, все та-же, старая, установленная до раззоренія. Ничѣмъ не отличается этотъ наказъ и отъ наказа нижегородскимъ стройщикамъ отъ 1617 г., изъ котораго узнаемъ, что стройщики должны были построить нижегородскій и алешковскій ямы съ сохъ, взявъ охотниковъ, по нихъ выборы и поручныя записи, а также установивъ охотникамъ сошную подмогу. [2]) Въ наказѣ о возобновленіи псковскаго яма отъ 1624 г., гдѣ встрѣчаемъ прямое предписаніе, прежде чѣмъ будетъ приступлено къ во-

[1]) Акт. Ряз. кр., стр. 46 - 47.

[2]) Оп. Щук. Муз., т. III, стр. 115—117.

зобновленію яма тщательно выяснить всѣ условія гоньбы до раззоренія, заключается, однако, уже слѣдующее предложеніе: „да какъ о томъ со псковскими посадскими и уѣздными людьми приговорите и по чему имъ на годъ приговорите давати подмоги, и вы-бъ по тому и учинили и тѣ подможныя денги велѣли съ посаду и съ уѣзду сбирать ежелѣть и давати ямскимъ охотникамъ изъ нашей казны; а больше того съ сошныхъ людей ямскихъ охотниковъ подмоги сбирати и ямскимъ охотникамъ давати не велѣли". Дальше читаемъ еще слѣдующее: „да какъ о томъ со псковскими съ посадскими и уѣздными людьми договоритесь и по скольку человѣкъ на ямѣхъ во Псковѣ и на Загорьѣ ямскихъ охотниковъ устроите, и по чему имъ договоритеся давати на годъ подмоги, или ихъ псковскіе посадскіе и уѣздные люди возмутъ на собя и похотятъ подводы отпускати и ямщиковъ подмогати сохами по прежнему, какъ было до раззоренья, и какъ впередъ будетъ лутчи и прочнѣе, чтобы ямы были всегда въ жилѣ и подводы бъ были всегда и ямской гоньбѣ помѣшки не было, и вы бъ объ томъ отписали къ намъ тотчасъ". [1]) Въ грамотѣ отъ 1625 г. по тому-же дѣлу, читаемъ вопросъ: „и какъ впередъ посадскіе и уѣздные люди похотятъ на ямахъ охотниковъ держати и ихъ подмогати и подводы отпускати: по прежнему-ль, какъ до раззоренья было, или какъ впередъ лутче, и прочнѣе, чтобы ямы были въ жилѣ и подводы бъ были въ отпускѣ всегда". [2]) Здѣсь уже ясно сказалась двойственность пріемовъ, практиковавшихся по отношенію къ ямскому строю: пріемъ старый, по которому охотники содержались съ сохъ, и пріемъ новый, по которому, хотя подмога и должна была собираться съ населенія, но итти охотникамъ должна была уже черезъ казну, въ видѣ жалованья. Правда, выборъ между этими двумя практиками предоставлялся населенію, но изъ приведенныхъ данныхъ видно, что къ этому времени уже всѣ симпатіи Москвы были на сторонѣ новаго порядка. Выше намъ пришлось отмѣтить случай столкновенія двухъ компетенцій—приказа Казанскаго дворца и ямского приказа—по поводу ямского строя въ Курмышѣ. Столкновеніе, видимо, произошло опять таки на почвѣ параллельнаго существо-

[1]) А. Э. III, 158.
[2]) Р. И. Б., II, 178.

ванія двухъ указанныхъ порядковъ. По грамотѣ изъ Казанскаго дворца ямскіе охотники должны были быть по старому устроены съ сохъ; по грамотѣ изъ ямского приказа проводился уже новый порядокъ: населеніе должно было платить большой ямской сборъ, а охотники должны были быть устроены на жалованьи, платимомъ изъ полученнаго съ населенія сбора [1]). Если причиной такого и имъ подобныхъ столкновеній компетенцій являлось неопредѣлившееся къ тому времени состояніе платежныхъ силъ страны, то ближайшимъ поводомъ въ данномъ случаѣ было то, что два приказа, не снесшись между собой, проводили каждый другую практику. Ямской приказъ проводилъ новую практику, но вѣдь онъ и былъ болѣе оріентированъ въ ямскомъ дѣлѣ.

Весьма большой интересъ для всего разсматриваемаго вопроса представляетъ грамота въ Муромъ отъ 1621 г. [2]) Хотя она адресована спеціально въ Муромъ, но и по формѣ, и по содержанію она, видимо, имѣетъ значеніе окружной грамоты. На это указываетъ введеніе къ ней, написанное въ томъ-же родѣ, въ какомъ писались введенія къ распоряженіямъ общаго характера въ грамотахъ, о которыхъ достовѣрно извѣстно, что онѣ были окружныя [3]). Описавъ положеніе страны послѣ раззоренія и изложивъ затѣмъ все, что произошло съ дозорщиками, которые до года изданія грамоты съ дозорными книгами не поспѣли, грамота прибавляетъ: „и тѣ книги (дозорныя) вскорѣ нынѣ не поспѣютъ, а наши доходы за тѣмъ стали. А только не сбирать ямскихъ денегъ, и ямщикамъ будетъ давать не чего; а не давати денегъ ямщикомъ нельзя для ихъ скудости и для того, что имъ нынѣ гоньба великая". Грамота далѣе перечисляетъ оклады ямскихъ денегъ прошлыхъ годовъ (1618—1621), послѣ чего указываетъ, что съ 129 г. окладъ былъ уменьшенъ на 10 алтынъ съ чети. Въ наступавшемъ тогда 130 г. окладъ былъ снова уменьшенъ на 4 алт. 5 ден. съ чети, „чтобъ вамъ сошнымъ людямъ въ ямскихъ денгахъ тягости не было и нашеб царьское призрѣніе вамъ всѣмъ было вѣдомо". Въ грамотѣ, наконецъ, категорически устанавливается, что, кромѣ уплаты ямскихъ денегъ, на ямскую гоньбу съ населенія

[1]) Акты Нижег. Печерск. Возн. Мон. стр. 52—53.
[2]) А. Э. III., 121.
[3]) Напр. Г. Г. Д., III, 47. А. Э. III, 105 и др.

больше никакихъ сборовъ требовать не будутъ: „а больше того ямщикомъ подмоги съ сохъ, и цѣловальникомъ на свѣчи, и на бумагу, и на чернила, и на дрова не давали-бъ“.

Такимъ образомъ, если до раззоренія охотники выставлялись и содержались съ сохъ, то послѣ раззоренья населенію была предложена другая практика: охотниковъ выставлять съ сохъ, но содержать ихъ на счетъ казны, за особый сборъ, который включалъ бы въ себѣ всѣ прежніе расходы населенія. Повидимому, только предлагая такую практику, предоставляя даже, какъ мы видѣли, населенію выбирать между этой практикой и старой, правительство, однако, въ дѣйствительности, не ограничивалось однимъ выраженіемъ сочувствія новому порядку. Населеніе могло частью сразу перейти на этотъ новый порядокъ, частью могло оставаться при старомъ, но новый окладъ ямскихъ денегъ, который уже въ 1616 г. равнялся 280 руб.,[1]) платили всѣ. Слѣдовательно, въ теченіи переходнаго времени, пока новый порядокъ окончательно не былъ вытѣсненъ старымъ, въ иныхъ мѣстахъ населеніе должно было нести двойную тяжесть: оно платило по новому ямскія деньги и по старому содержало охотниковъ. Но правительство едва-ли разсчитывало на это недоразумѣніе и, можно думать, вовсе не имѣло въ виду пользоваться имъ. Это вытекаетъ, напримѣръ, изъ уже цитированнаго дѣла по Курмышу, гдѣ въ резолюціи читаемъ: „а ямскихъ денегъ вдвое имати не велѣлъ“; еще яснѣе опредѣляется изъ грамоты въ Заозерскій станъ отъ того-же 1620 г.: „въ прошлыхъ во 126 и во 127 и во 128 году, по государеву указу сбираны съ городовъ, къ Москвѣ, въ ямской приказъ московскимъ и разныхъ городовъ охотникомъ на жалованіе, на прогоны, съ сохи по 800 рублевъ; а сверхъ того многіе охотники воровали, сошнымъ людемъ продажи и убытки чинили, имали подмогу и хлѣбъ самовольствомъ, сверхъ государева жалованья, что охотникамъ давали изъ государевы казны денежные сборщики“[2]).

Если, однако, подможная система окончательно была вытѣснена системой жалованья, то, съ другой стороны, въ новой системѣ довольно скоро опредѣлились два порядка:

[1]) Рум. муз., Гарел. отп., цит. уже Милюковымъ, Спорн. Вопр., стр. 91.

[2]) А. Э. III, 116.

одинъ, который являлся законченнымъ выраженіемъ этой новой системы, другой—являвшійся какъ бы утвержденной самимъ правительствомъ въ его прямыхъ интересахъ переходной формой отъ стараго порядка къ новому. Новый порядокъ былъ простъ и точенъ. Правительство сбирало ямскія деньги, изъ нихъ уплачивало охотникамъ жалованье и остатокъ собирало въ ямскомъ приказѣ. Такъ, въ 1620 г. по грамотѣ изъ ямского приказа предписывалось собрать съ Курмышскаго уѣзда ямскія деньги съ сохи по 800 руб., дать изъ нихъ пятнадцати охотникамъ по 40 рублей человѣку, а остальныя деньги прислать въ ямской приказъ. Въ томъ-же Курмышѣ предписано было воеводѣ дать въ 1648 г. десяти охотникамъ изъ собранныхъ ямскихъ денегъ по 15 рублей охотнику, а остальныя деньги прислать въ ямской приказъ. Въ Воронежѣ въ 1628 г. воеводамъ было предписано дать ямщикамъ изъ собранныхъ ямскихъ денегъ десяти человѣкамъ по десяти рублей, а остальныя деньги прислать въ ямской приказъ [1]). Но тамъ, гдѣ были большія слободы, правительство, желая облегчить взятую на себя обязанность изъ ямскихъ денегъ содержать охотниковъ, возлагало уплату жалованья охотникамъ на само населеніе. Это не была уже прежняя подмога, дававшаяся въ силу порядной, это было, по существу то-же жалованье, но оно шло изъ другого источника—не изъ общаго, а изъ дополнительнаго ямского сбора. Что такой сборъ былъ именно дополнительнымъ, отчетливо видно на примѣрахъ Пскова и Новгорода. Тамъ, по устрою 1622 и 1623 г.г., охотники получали изъ сбираемыхъ съ сохъ ямскихъ—8 рублей въ годъ; въ 1624 г. они получали 6 р., въ 1625 г.—5 р., въ 1626 г.—4 рубля въ годъ [2]). Но псковичи платили и общегосударственныя ямскія деньги. Напримѣръ, въ жалованной грамотѣ дѣвичью Іоанно-Предтеченскому монастырю, что въ Псковѣ, читаемъ: „съ тое ихъ монастырскіе вотчины монастырскимъ слугомъ и крестьяномъ нашихъ податей и денежныхъ поборовъ, и казечьихъ хлѣбныхъ запасовъ и кормовъ съ сошными людьми не давати, опричь ямскихъ денегъ и стрѣлецкихъ хлѣбныхъ запасовъ, городового и острожнаго

[1]) А. Воз. Печерск. мон., стр. 53, Симб. Губ. Вѣд., 1851 г., № 24. Вор. акты (Второва) II, стр. 169, А. Э. III, 121 и др.

[2]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. Св. 153, № 21, 1642 г.

дѣла; а ямскіе имъ деньги и стрѣлецкіе хлѣбные запасы давати и городовое и острожное дѣло дѣлати по писцовымъ и дозорнымъ книгамъ, съ живущего, съ сошными людми вмѣстѣ" [1]). Новгородскіе охотники еще въ 1637 г. получали жалованье съ сохъ (по старой памяти здѣсь этотъ дополнительный сборъ назывался ямскими подможными деньгами). Такъ, въ грамотѣ по дѣлу Тихвинскаго монастыря съ новгородскимъ и старорусскимъ посадами: „и вы бы Пречистыя Богородицы Тифина монастыря съ монастырскихъ посадскихъ людей, которые живутъ подъ монастыремъ на бѣлой землѣ, ямскимъ охотникомъ подможныхъ денегъ, по прежней нашей жалованной грамотѣ, имати не велѣли... а съ монастырскія вотчины ямскія деньги плотятъ съ сохами" [2]). Еще въ 1660 г. Новгородскіе охотники, какъ видно изъ уже не разъ цитированнаго дѣла объ устроеніи псковскаго и загорскаго ямовъ въ 1642—1667 г., получали жалованье изъ денегъ, собиравшихся съ сохъ. Но Новгородцы платили одновременно и ямскія общегосударственныя деньги [3]). По словамъ Котошихина, жалованье охотникамъ платилось изъ денегъ, спеціально для этой цѣли собиравшихся съ населенія, еще въ Смоленскѣ, Казани, Астрахани и въ иныхъ большихъ городахъ [4]). Мы знаемъ, что на такихъ-же началахъ въ 1658 г. былъ устроенъ ямъ въ Полоцкѣ [5]). Въ Козьмодемьянскѣ, гдѣ была большая слобода (въ 100 вытей), жалованье платилось изъ суммъ дополнительнаго ямского сбора [6]).

Указомъ 1680 г., который, какъ мы вскорѣ увидимъ установилъ новый окладъ ямского сбора и новую окладную, единицу, была сдѣлана попытка установить также и единообразіе въ дѣлѣ уплаты ямскимъ охотникамъ жалованья. Это мы узнаемъ изъ одной челобитной козьмодемьянскихъ охотниковъ. Въ 1681 г. они получали жалованья по окладу

---

1) А. Э. III, 133.

2) А. Э. III, 267, ср. А. И. III, 142.

3) Напр. А. Э. III, 139.

4) Котошихинъ, стр. 91.

5) П. С. З. I. 223.

6) Каз. Губ. Вѣд. 1856 г. статья Михайлова; Перетятковичъ, Поволжье 17 и 18 вв., стр. 33. Ср. Окладная роспись 1681 г. въ Чт. О. И. Д. 1893 г. кн. 4., а также роспись въ наказѣ Казанскому воеводѣ 1697 г., Рус. Вѣстн. 1841 г., 3, стр. 688.

всѣ сто человѣкъ 800 рублей да хлѣба по 800 четвертей ржи и по столько-же четвертей овса. Это жалованье имъ давали изъ козьмодемьянскихъ доходовъ, а чего не доставало, то изъ иныхъ городовъ вѣдомства Казанскаго дворца. Но въ 1680 г. была прислана въ Козьмодемьянскъ слѣдующая грамота: „Указали мы Великій Государь и бояре наши приговорили на наше Великаго Государя жалованье ямщикомъ ямскіе и полоненичные деньги збирать с уѣздовъ въ ямской приказъ по переписнымъ книгамъ 186 году. Стѣхъ денегъ давать ямщикамъ на наше Великаго Государя годовое жалованье и о томъ въ Кузмодемьянскъ квоеводе къ Петру Языкову наша Великаго Государя грамота послана, велено о зборѣ и о присылкѣ тѣхъ денегъ въ ямской приказъ учинить по нашему Великаго Государя указу и по грамотамъ каковы присланы кнему будутъ изъ ямского приказу; въ платежѣ тѣхъ полоненичныхъ и ямскихъ денегъ велено быть послушнымъ; а кузмодемянскимъ ямщикамъ нашего Великаго Государя денежнаго и хлѣбнаго жалованья до указу давать не велено". Давать-же жалованье отнынѣ было велено всѣмъ охотникамъ непосредственно изъ ямского приказа. [1]) Эта новая мѣра, распространявшаяся на всѣ ямскія слободы, измѣняла, видимо, не только порядокъ движенія суммъ къ центру, но и объединяла самую практику вопроса о томъ, на чей счетъ содержались ямщики. Однако, кузмодемьянскіе ямщики въ слѣдующемъ-же году стали жаловаться на „московскую волокиту" и добились того, что для всѣхъ городовъ вѣдомства Казанскаго дворца былъ оставленъ прежній порядокъ. По крайней мѣрѣ, въ той-же челобитной читаемъ: „И по нашему Великаго Государя указу козьмодемьянскимъ ямщикамъ Самошкѣ Дегтяреву стоварищами наше Великаго Государя денежное жалованье на прошлый на 189 годъ. по окладамъ ихъ велено дать, и впредь по вся годы давать безъ московскіе волокиты опричь таможенныхъ и кружечнаго двора зборныхъ денегъ изъ кузмодемьянскихъ денежныхъ доходовъ, потому, что имъ ямщикамъ гоньба бываетъ многая, а будетъ на тое ихъ дачю въ Кузьмодемьянску денежные казны взборе противъ окладу, недостанетъ и въ додачу имъ ямщикамъ

---

1) Каз. Губ. Вѣд. 1856 г. № 12.

наше Великаго Государя жалованье о присылке денежной казны исъКузьмодемьянска писать въ Чебоксары и Цивильскъ квоеводамъ, а впредь тѣмъ Кузмодемьянскимъ и всѣхъ городовъ ямщикомъ, которые вѣдомы въ приказе Казанскаго дворца, на наше Великаго Государя жалованье и на прогоны, денежную казну збирать стѣхъ городовъ и суѣздовъ, которые городы вѣдомы вприказе Казанскаго дворца". Но въ отличіе отъ того, что сдѣлано было бы прежде, если бы рядомъ съ общей практикой была оставлена и исключительная, тѣмъ-же указомъ предписывалось ямскихъ и полоняничныхъ денегъ въ ямской приказъ съ тѣхъ городовъ не сбирать, причемъ сообщалось, что въ ямскомъ приказѣ тѣ деньги „изъ окладу выложены". Эта исключительность для городовъ Казанскаго дворца была отмѣнена лишь впослѣдствіи, что видно изъ наказа казанскому воеводѣ отъ 1697 г. [1]).

Окладъ общихъ ямскихъ денегъ мѣнялся по годамъ: въ 1616 г. онъ равнялся 280 руб., въ 1617—350 руб., а затѣмъ—800 р., 584 р., 468 р., 400 р. и т. д. [2]).

Вторымъ нововведеніемъ, несомнѣнно болѣе позднимъ по времени, но находящимся въ прямой связи съ предъидущимъ, явилось то, что населеніе было освобождено и отъ обязанности выставлять охотниковъ. Это сдѣлалось не въ силу какой-либо мѣры, тѣмъ менѣе—въ силу какого либо одного распоряженія. Это сдѣлалось само собой, вытекло силой вещей изъ того, что охотники были переведены на жалованье; это упрочилось, благодаря ряду привзошедшихъ благопріятствовавшихъ обстоятельствъ.

Настоящій вопросъ необходимо, однако, разсматривать совмѣстно съ вопросомъ о томъ, какое направленіе приняла въ изучаемое время слободская жизнь. Въ своемъ мѣстѣ мы уже отмѣтили, что вся дѣятельность правительства съ появленія ямскихъ слободъ была направлена къ тому, чтобы создать спеціальный классъ людей, которые исключительно сосредоточились бы на ямской гоньбѣ. Цѣль была намѣчена ясно и опредѣленно, но средства, направленыя къ достиженію цѣли, не всегда ей соотвѣтствовали. Охотники, выставлявшіеся населеніемъ и получавшіе опредѣленіе своего

[1]) П. С. З., III, 1579, стр. 297—298.

[2]) Приложеніе № 2.

матерьяльнаго положенія отъ населенія, входя въ слободу, составляли вмѣстѣ общину, но въ основѣ связи между охотниками не столько лежала общность хозяйственныхъ интересовъ, сколько договорное соглашеніе между каждымъ изъ охотниковъ и выставившимъ его населеніемъ; слѣдовательно—степень въ какой каждая изъ договорившихся сторонъ желала или могла исполнить взятыя на себя обязательства. Въ виду того, однако, что ямская гоньба нерѣдко требовала отъ охотника большого напряженія силъ и средствъ, съ другой-же стороны, въ виду того, что населеніе, содержа охотника, должно было содержать лицо, службой котораго оно непосредственно не пользовалось, степень, въ какой каждая изъ сторонъ исполняла бы взятыя на себя обязательства, не могла быть настолько надежной, чтобы на этой почвѣ слободской строй развивался естественно. Достаточно было такихъ, напримѣръ, обстоятельствъ, какъ переходящее среднюю норму требованіе подводъ, какъ какая-нибудь случайность, вродѣ потери лошади, смерти или болѣзни одного или нѣсколькихъ, смотря по размѣрамъ слободы, вытчиковъ, чтобы большая часть, а иногда и вся слобода разбѣгалась. Съ другой стороны, достаточно было несвоевременной уплаты подмоги, чтобы данный охотникъ оказывался не въ состояніи справиться съ своей вытью; это ложилось бременемъ на остальныхъ, и слобода опять разбѣгалась. Такимъ образомъ, каждый новый устрой являлся въ исторіи каждой слободы, въ сущности, еще одной попыткой создать въ данномъ пунктѣ спеціальный классъ людей, которые прижились бы тутъ, составивъ изъ себя общину необходимыхъ для цѣлей управленія спеціалистовъ – гонебщиковъ. Другими словами: все, что было сдѣлано раньше, какъ бы само собой сводилось къ нулю, и все въ данномъ мѣстѣ начиналось сызнова. До конца 16 в. да еще и въ началѣ 17 в., слѣдовательно, если принять во вниманіе, какъ часто приходилось прибѣгать къ переустроямъ, въ общемъ и цѣломъ такая задача не была разрѣшена. Мѣстами слободы крѣпли и проявляли тенденцію разростаться, въ большей же части мѣстъ распадались при первомъ стеченіи неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Но, съ другой стороны, правительство, видя неотложную необходимость въ гоньбѣ, столь упорно и дѣятельно возвращалось все къ одной и той-же мысли, что извѣст-

ные слѣды этой упорной дѣятельности должны были, въ концѣ концовъ, остаться—образовался все-таки кадръ лицъ, дѣйствительно спеціализировавшихся на гоньбѣ. Быть можетъ, ихъ было не много, но они какъ бы кристаллизовали на себѣ все то, къ чему стремилось правительство, столь дѣятельно настаивавшее на спеціализаціи охотниковъ Правда, смутное время угрожало смести весь ямской строй, но сами обстоятельства, какъ мы видѣли, заставили правительство избрать иную систему вознагражденія охотниковъ. Эта новая система не была слѣдствіемъ теоретическихъ соображеній, и правительство, хотя и говорило о ней, что такъ будетъ „впередъ лутчи и прочнѣе", но, въ дѣйствительности, имѣло, главнымъ образомъ, въ виду интересъ дня; тѣмъ не менѣе система какъ разъ пришлась по потребности: она восполнила именно тотъ пробѣлъ, который такъ вредно сказывался на ямскомъ строѣ въ прошломъ періодѣ; новая система вознагражденія сразу превратила охотника изъ наймита, гонявшаго за населеніе гоньбу, въ самостоятельное лицо, въ полной мѣрѣ служившее государеву службу. Входя въ слободу, такой охотникъ получалъ уже цѣликомъ опредѣленіе своего положенія отъ слободы, съ ней и съ ней одной связывалъ свое положеніе, не разбиваясь, какъ прежде, между слободой и „стариной"; вступая въ слободу, онъ терялъ значеніе охотника за извѣстную группу земельныхъ владѣній, какъ это было прежде, когда эта группа земельныхъ владѣній не только выставляла, но и содержала его, а дѣлался членомъ особаго сословія ямщиковъ. Такимъ образомъ, если прежде каждый ямской охотникъ подвергался двумъ вліяніямъ: правительственному—въ служебномъ отношеніи, слободскому—въ хозяйственномъ, а основаніе этихъ вліяній видѣлъ въ договорѣ съ населеніемъ, то теперь, подвергаясь дѣйствію тѣхъ-же двухъ сферъ, не смотря на существованіе договора съ населеніемъ, видѣлъ уже основаніе этихъ вліяній въ самомъ состояніи своемъ, явившемся только слѣдствіемъ договора. Если прежде договоръ связывалъ его съ населеніемъ и лишь отчасти съ слободой, то теперь онъ связывалъ его уже съ слободой, не ставя ни въ какія дальнѣйшія отношенія къ населенію.

Съ этого началось. Но это вѣдь было и самое главное: съ одной стороны, повсемѣстно, въ видѣ небогатаго, но опре-

дѣленнаго наслѣдія прошлаго остался рядъ лицъ, вполнѣ пріурочившихъ себя къ слободской жизни въ качествѣ опытныхъ, прошедшихъ тяжелую школу охотниковъ-спеціалистовъ, съ другой—новые элементы возобновляемыхъ слободъ сразу вступали въ слободы при болѣе выгодныхъ для себя условіяхъ. Они еще были охотники, потому что шли въ слободы своей волей, но вмѣстѣ съ тѣмъ уже не были наймиты, такъ какъ поступали на государево жалованье. Цѣлая категорія неблагопріятствовавшихъ развитію слободской жизни условій, такимъ образомъ, сразу отпала. Осталась вторая категорія, т. е. тяжесть самой службы. Она продолжала быть угрожающей. Такъ, не говоря уже о переходномъ времени, т. е. до конца 20-хъ годовъ, когда, какъ мы видѣли, гоньба все никакъ не могла наладиться, но и послѣ мы часто встрѣчаемся съ жалобами ямщиковъ на чрезмѣрныя требованія подводъ, на слишкомъ малое жалованье, на притѣсненія приказныхъ людей. Напримѣръ, въ 1638 г. съ калужскихъ охотниковъ, имѣвшихъ на 40 вытяхъ 120 подводъ, потребовали подводъ до Алексина. Они выставили 80 подводъ и сказали: „хотя де насъ замучь на правежѣ и намъ дать опричь того нечего.“. [1]) Воронежскіе охотники долго и часто жаловались на притѣсненія воеводы Стрѣшнева. [2]) Мы уже знаемъ о безпрестанныхъ жалобахъ сибирскихъ ямщиковъ. Разныя челобитныя ямщиковъ извѣстны, напримѣръ, и по Вологдѣ. [3]) Но всетаки это были лишь частные случаи, противъ которыхъ принимались и частныя мѣры. Всей совокупностью своей такіе случаи, вѣроятно, много тормозили ходъ развитія слободской жизни, но въ нихъ не заключалось коренного, принципіальнаго противорѣчія съ условіями, необходимыми для этого хода. И мы, дѣйствительно, видимъ, что уже около 1627—1628—1629 г.г., когда была произведена перепись цѣлаго ряда ямскихъ слободъ, слободы хотя еще и не представляли, какъ отчасти это было указано и выше, картины вполнѣ устойчивой слободской жизни (напомнимъ: иные дворы пустовали, не вездѣ полный комплектъ вытей, на иныхъ слободахъ продолжало обнаруживаться, что дѣти и братья ямщиковъ стремятся изъ слободъ), но вмѣстѣ съ

[1]) А. Моск. Госуд., II, стр. 59.
[2]) Вейнбергъ, Воронежск. почта, стр. 418.
[3]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л., № 33, 1662 г.

тѣмъ не напоминали уже того времени, когда черезъ каждые почти 10—15 лѣтъ требовался полный переустрой. Послѣ конца 20-хъ годовъ слободская жизнь замѣтно начала развиваться. Хотя число вытей въ слободахъ большею частью оставалось безъ измѣненія, но по даннымъ всѣхъ послѣдующихъ годовъ, какими намъ удалось пользоваться, достаточно опредѣляется, что не только обыкновенно въ слободахъ считались полные комплекты охотниковъ, но что значительно увеличилось и общее число слободского населенія. Такъ, уже по переписи 1628 г. въ Тверской Московской ямской слободѣ при 60 вытяхъ въ слободѣ было 60 дворовъ, а въ 1686 г. при тѣхъ-же 60 вытяхъ—107 дворовъ; изъ нихъ въ 13 дворахъ полные вытчики, а въ 94—полувытчики. Если въ 1628 г. при 60 дворахъ считалось 230 ч., то, очевидно, что въ 1686 г. при 107 дворахъ населеніе слободы было значительно многочисленнѣе. Сколько именно—неизвѣстно. Въ другихъ московскихъ слободахъ, въ 1628 г.: въ переславской, при 60 вытяхъ и дворахъ—146 чел., въ коломенской, при 60 вытяхъ и 69 дворахъ—178 ч., въ рогожской—при 60 вытяхъ и 67 дв.—153 ч. Въ тѣхъ-же слободахъ въ 1673 г.—при томъ-же, очевидно, количествѣ вытей: въ переславской—243 чел., въ коломенской—231 чел., въ рогожской—310 чел. Во владимірской слободѣ въ 1642 г.—118 чел.; а по книгѣ описи городовъ 1678 г.—229 чел., въ муромской слободѣ въ 1628 г.—84 чел., а въ 1678 г.—215 чел.; въ Переяславлѣ рязанскомъ въ 1678 г. собственно охотниковъ—52 чел., а въ 1690 г.—117 ч.; всего-же населенія—210 ч.; въ костромской слободѣ въ 1628 г. при 25 вытяхъ 104 ч., а въ 1642 г. при тѣхъ-же 25 вытяхъ—223 чел.; въ вологодской слободѣ въ 1627 г. 9 дворовъ въ слободѣ, а въ 1678 г.—172 чел. и т. д. [1]) Иногда населеніе слободъ весьма быстро увеличивалось. Такъ, въ 1678 г. въ Псковской слободѣ—260 чел., а въ 1683 г.—309 ч.; въ Бѣлгородѣ въ 1665 г.—10 охотниковъ въ слободѣ, а въ 1678 г.—30 при 62 ч. населенія. [2]) Къ самому концу 17 вѣка насе-

---

[1]) Забѣлинъ, Матер. г Москвы, стр. 314, 724, 827, 872; А М. Ю. кн. пер. ямск, № 265, № 690; Д. А. И., IX, 106; Тр. Ряз. Арх. Ком., 95 г., стр. 196—199; Мерцаловъ. Вологодск. Старина, стр. 55.

[2]) Д. А. И., IX, 106; Д. А. И., X, 96; Багалѣй, Матерьялы, стр. 56.

леніе еще быстрѣе и значительнѣе увеличивалось. Такъ, напримѣръ, въ Сѣвскѣ въ 1678 г. считалось всего населенія въ слободѣ 92 ч., а въ 1711 г.—однихъ дворовъ было 225 при населеніи въ 787 ч. мужск. пола. [1]) Нельзя сказать, чтобы населеніе слободъ безусловно вездѣ увеличивалось. Въ Шацкѣ, напримѣръ, въ 1676 г. считалось въ слободѣ 42 дв., а въ 1678 г. всего населенія 27 ч.; въ Каширѣ, которая имѣла въ 1628 г. большую слободу—въ 1678 г.—всего 9 чел., въ Брянскѣ, гдѣ въ 1678 г. считалось 47 ч., въ 1681 г.—44 ч., въ 1685 г.—45 чел.; въ Ладогѣ въ 1655 г.—20 ч., въ 1678 г.—25 ч. [2]). Если бы такихъ случаевъ было и больше, все-таки трудно сомнѣваться, что слободы уже пережили критическое время и что слободская жизнь глубоко пустила корни.

Въ этомъ отношеніи довольно характерны слѣдующіе случаи. Въ Калугѣ, напримѣръ, въ 1638 г. была еще ямская слобода, но затѣмъ, видимо, была закрыта. Когда—неизвѣстно, во всякомъ случаѣ,—до 1661 г. Подъ этимъ годомъ находимъ слѣдующее дѣло: было приказано выбрать изъ посадскихъ людей 68 человѣкъ, которымъ и поручить гонять гоньбу, давъ по 30 р. жалованье каждому; до тѣхъ поръ, какъ видно изъ дѣла, гоняли гоньбу дворцовые крестьяне. Избранные 68 человѣкъ подали челобитную, въ которой просили заставить и другихъ посадскихъ людей гонять гоньбу вровень съ ними. Такъ какъ эти 68 чел. были въ виду гоньбы освобождены отъ всякихъ податей, то калужане -посадскіе заявили, что гонять имъ гоньбу съ тѣми вровень было-бы несправедливо. Въ Москвѣ рѣшили снять гоньбу съ 68 избранныхъ и приказали гонять всѣмъ посадомъ, но за то было постановлено и не освобождать никого отъ податей. Такимъ образомъ, въ 1661 г. калужане гоняли всѣмъ посадомъ. Но въ 1678 г. въ Калугѣ считалось уже 165 ямскихъ охотниковъ съ дѣтьми ямскими, братьями, племянниками и т. д. [3]) Допустивъ даже, что слобода здѣсь опять образовалась даже вскорѣ послѣ 1661 г., все таки надо признать, что населеніе ея

---

[1]) Д. А. И. IX, 106; Тр. Орл. Арх. Ком. 91 г., вып. 3, стр. 43.

[2]) Акты Моск. Госуд., II, стр. 475, Изв. Тамб. Арх. Ком. в. 39, стр. 150; Д. А. И. IX, 105, 106; Д. А. И., XI, 81.

[3]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. № 96, 1661 г., Д. А. И., IX, 106.

разрослось очень быстро.[1]) А мы уже какъ то говорили, что въ 1638 г. калужскій ямъ считался въ 40 вытей. По обычаю, вѣроятно, и по возобновленіи онъ былъ въ тѣхъ-же предѣлахъ. Другой такой-же случай имѣлъ мѣсто во Владимірѣ. Тамъ въ 1630 г. по причинамъ намъ неизвѣстнымъ было приказано ямскимъ охотникамъ нести тягло вмѣстѣ съ посадомъ, что, слѣдовательно, обозначало переходъ стройной гоньбы на гоньбу всѣмъ посадомъ. [2]) Но въ 1642 г., какъ мы уже знаемъ, въ слободѣ считалось 118 ч. охотниковъ, ихъ дѣтей, братьевъ и племянниковъ.

Тутъ-же мы должны указать, что въ общемъ направленіи правительственной дѣятельности какъ до Уложенія, такъ и послѣ Уложенія замѣчается отчетливое стремленіе разными мѣрами воспрепятствовать свободному переходу населенія съ одного тягла на другое, отъ одного вида тягла на другой. Если такое прикрѣпленіе къ тяглу должно было способствовать упроченію слободской жизни, то, съ другой стороны, оно-же показываетъ, что ростъ слободъ совершался естественно, изъ себя, а не путемъ пріема въ слободу сходящихся съ разныхъ сторонъ людей. Нельзя отрицать, что въ слободы приходило населеніе и со стороны. На это указываетъ цѣлый рядъ распоряженій, предписывавшихъ не принимать въ ямскія слободы бѣглыхъ людей и крестьянъ и выводить изъ ямскихъ слободъ сысканныхъ бѣглецовъ, а также устанавливавшихъ тѣ наказанія, которымъ подвергались слободскія власти за неисполненіе этихъ распоряженій. [3]) Но мы знаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ энергично боролось правительство съ ослушниками законовъ о прикрѣпленіи къ тяглу. Слѣдовательно, при условіи, что въ слободы все таки являлось пришлое населеніе, останется признать, что слободская жизнь тѣмъ не менѣе въ значительной мѣрѣ развивалась сама по себѣ.

Въ связи съ этимъ находится и другое явленіе. Въ то время, какъ по старой практикѣ всякая убывшая выть въ

---

[1]) Какъ видно изъ А. М. И. Д. П. Д. С. Л. № 147 1662 г., во всякомъ случаѣ, не раньше 1662 г.

[2]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. св. 38, № 100, 1630 г. Дѣла этого въ архивѣ не оказалось, и мы судимъ о немъ лишь по описи.

[3]) А И. IV, 187, Д. А. И. Ш, 83, Д. А. И, IV, 48; П. С. З, II, 998, А. Э, IV, 307 и мн. др.

слободѣ пополнялась населеніемъ, обязаннымъ ставить охотника, въ разсматриваемое время убывшая выть пополняется самой слободой. Умеръ охотникъ слобода заботится о томъ, чтобы выть была занята другимъ, бѣжалъ охотникъ слобода поднимаетъ вопросъ о сыскѣ его. Вмѣстѣ съ тѣмъ слобода старательно примѣняетъ удобное для нея то общее правило, по которому и слободская выть—тяглая выть, такъ какъ на слободу падаетъ опредѣленный кругъ обязанностей, и каждый слободской пай поэтому является представителемъ опредѣленной доли въ предѣлахъ этого круга. Слобода простираетъ въ виду этого свои права не только на охотника, но и на его семью. Къ серединѣ 17 вѣка мы видимъ эту практику точно выраженной въ цѣломъ рядѣ спеціальныхъ указовъ. Такъ, послѣ умершаго охотника, если у него остается малолѣтній сынъ, на выть садится родственникъ (въ нашемъ случаѣ двоюродный братъ) и гоняетъ гоньбу, пока малолѣтній „въ гоньбу не поспѣетъ"; если этотъ родственникъ—посадскій и, женясь на вдовѣ охотника, сводитъ ее на посадъ, а за малолѣтняго нанимаетъ гонять гоньбу—слобода выступаетъ съ требованіемъ, по которому второй мужъ охотничьей вдовы долженъ переселиться въ слободу, а не ставить за себя другого; правительство, однако, руководствуется слѣдующимъ правиломъ (спеціальный указъ 1657 г.): если вдова охотника вышла замужъ, „въ разные слободы и въ дворцовыя села", то, чтобы слобода не предъявляла правъ на второго мужа этой вдовы, вдова должна поставить когонибудь гонять гоньбу за себя; не поставитъ—берется въ слободу ея мужъ. Что-же касается вдовъ съ дѣтьми или бездѣтныхъ, „которые пошли замужъ за стрѣльцовъ и казаковъ", то мужья ихъ по женамъ (по спеціальному указу отъ 1647 г.) сдаются въ ямщики [1]). Въ связи съ этимъ читаемъ, напримѣръ, въ наказѣ монастырскому приказчику: „да и того ему, Феклисту, надъ крестьяны смотрѣть накрѣпко, чтобы... въ ямскихъ слободахъ на вдовахъ и на дѣвкахъ потому-жъ не женились". „По тому-жъ", какъ видно изъ того, что говоритъ наказъ раньше, обозначаетъ: „чтобъ въ томъ съ сторонними людьми вражды не было" [2]). Бѣглые-же ямщики,

[1]) А. М. И. Д. П Д. С. Л., № 101 св. 274, 1656—1670, г., № 47, 1660 г. Указъ 1657 г. повторенъ цѣликомъ въ указѣ 1673 г. П. С. З., I, 564.

[2]) А. Ю. 334.

по указу, сыскивались всякими сысками и возвращались въ тѣ слободы, откуда бѣжали. Если, напримѣръ, бѣглый ямщикъ оказывался даже въ стрѣльцахъ (а изъ стрѣльцовъ, въ виду военныхъ соображеній, возвращали не всегда безъ колебаній), то все таки его возвращали въ слободу [1]).

Въ литературѣ уже достаточно обсуждался вопросъ какъ о значеніи самаго факта этого стремленія правительства прикрѣпить каждое лицо къ его тяглу, такъ и о значеніи предпринятыхъ въ этомъ направленіи мѣръ. Было указано также и на то, въ какой мѣрѣ сами общины шли въ данномъ отношеніи на встрѣчу желаніямъ правительства. [2]) Едва-ли поэтому намъ нужно особенно подробно останавливаться на той параллели, какую можно было бы провести между, напримѣръ, цитированными указами 1647 и 1657 г.г. съ одной стороны, и рядомъ статей 19 главы Уложенія, съ другой. Такъ, то, что говорятъ эти указы о вдовахъ охотниковъ, вышедшихъ замужъ на сторонѣ, въ ст. 22 гл. 19 Уложенія опредѣлено по отношенію къ вдовамъ посадскимъ: „а которые вольные люди поженилися на посадскихъ на тяглыхъ вдовахъ и поженяся съ тягла сошли, а прежніе мужья тѣхъ ихъ женъ написаны въ писцовыхъ книгахъ на посадѣхъ въ тяглѣ, и тѣхъ людей, которые женилися тяглыхъ людей на женахъ имати на посадъ для того, что они поженилися на тяглыхъ женахъ и шли къ нимъ въ домы“. Тотъ указъ, который предписывалъ возвращать въ слободы сошедшихъ ямщиковъ, по отношенію къ посадскимъ выраженъ въ ст. 32 гл. 19 Уложенія: „а которые московскіе и городовые посадскіе люди стали въ ямщики, а на тяглѣ они сами стали и тяглыхъ отцовъ дѣти и тѣхъ, по сыску, имати же въ тягло по прежнему“. По отношенію къ посадскимъ принципъ, быть можетъ, выраженъ нѣсколько рѣзче, но этого и слѣдовало ожидать, такъ какъ отъ того, что сходили съ тяголъ посадскіе, страдала казна, а отъ того, что сходили съ вытей ямщики, въ большей мѣрѣ страдала слобода.

Предѣлы нашей темы не позволяютъ подробнѣе остановиться на этомъ вопросѣ, но въ немъ насъ вѣдь можетъ интересовать только одна сторона: мы нисколько не сомнѣваемся, что мѣры, которыми устанавливалось это прикрѣпленіе

[1]) П. С. З. т. I, 564, А. М. И. Д. П. Д. С. Л. № 47, 1660 г.

[2]) Лаппо-Данилевскій, ц. с., глава первая, отд. II, стр. 76—179.

охотника къ слободѣ, не были какими либо такими мѣрами, которыя инымъ общественнымъ единеніямъ оставались неизвѣстными, но что породило эти мѣры и къ чему онѣ должны были привести? Породило ихъ,какъ можно, кажется, выводить изъ всего сказаннаго, то, что слобода получила возможность требовать охотника въ свое полное распоряженіе, уже не какъ временнаго или случайнаго гостя на яму, а какъ представителя извѣстной доли слободскихъ обязанностей и при томъ съ тѣмъ и вошедшаго въ слободу, чтобы быть полнымъ представителемъ этой доли. Привело же это къ тому, что въ концѣ вѣка охотникъ такъ и опредѣлялся, какъ вѣчный житель ямской слободы.Такъ, въ дѣлѣ отъ 1692 г. читаемъ: „есть, государи, въ инсарской ямской слободѣ пустовая ямская гонбы выть мерина порозжа ямщика Васки Мухортова, а онъ Васка взятъ въ крестьянство... велите, государи, тое ямскую гоньбу выть мерина намъ сиротамъ вашимъ служить вмѣсто взятого крестьянина Васки Мухортова, пашнею и сѣнными покосы и всякими угодьи владѣть, дворомъ, и хоромы и городбою и огородною усадбой, и гуменнымъ мѣстомъ, и съ животиннымъ выпускомъ, его Васкинымъ жеребьемъ, съ инсарскими ямщиками въ рядъ ближнею и далнею службу служить". На челобитной находимъ помѣту: „велѣть ему ямская тое служба съ того тегла служить и собрать по немъ въ томъ порушную запись, что ему впустѣ тое службу не покинуть". Въ поручной по новымъ ямщикамъ (ручались ямщики инсарской-же ямской слободы) читаемъ обязательство, возлагавшееся на нихъ — „жить на слободѣ съ женою и дѣтьми вѣчно". [1])

Наконецъ, еще одна группа фактовъ. Хотя, по общему правилу старой практики, слободы заселялись охотниками, выставленными населеніемъ, но уже въ послѣдней четверти 16 вѣка отдѣльныя обстоятельства заставляли, какъ мы видѣли, отступать отъ общаго правила и прибѣгать къ устроенію слободъ путемъ прибора или путемъ перевода изъ какой-либо старой слободы въ новую Такъ, какъ мы знаемъ, строился сухловскій ямъ (въ 1596 г.), на который перевели десять охотниковъ изъ кожемяцкаго яма; такъ строились нѣкоторыя слободы

---

[1]) **А. Юр. Кал., I, 99.**

въ окраинныхъ новыхъ городахъ, такъ строились съ самаго начала сибирскіе ямы, такъ строились новгородскія посадскія слободы. Почему такъ строились новгородскія посадскія слободы мы точно не знаемъ. Обыкновенно-же наблюдаются двѣ причины, заставлявшія отступать отъ общей практики: во первыхъ, необходимость имѣть на вновь устраиваемыхъ ямахъ хоть нѣсколькихъ опытныхъ охотниковъ, такихъ, которымъ гоньба была-бы за обычай („для заводу ямского"), во вторыхъ, необходимость для правительства взять на себя ту заботу объ охотникахъ, которую нельзя было фактически возложить на населеніе, такъ какъ послѣднее само было внове или его въ данномъ мѣстѣ было мало Пока правительство не рѣшалось взять на себя обязанность вознаграждать охотниковъ, исключенія изъ правила не могли влiять на правило. Съ одной стороны, устройство слободъ по прибору требовало расходовъ; съ другой стороны, при каждомъ переводѣ охотниковъ изъ слободы въ слободу нарушалась уравнительность въ отбываніи населеніемъ повинности: приходилось (это мы и видимъ въ дѣлѣ объ устроеніи сухловскаго яма) заставлять населеніе, приписанное стряпней, къ устраиваемой слободѣ, выставлять охотниковъ и подмогать имъ въ предѣлахъ той слободы, съ которой охотники были сведены на устраиваемую слободу. Послѣ раззоренія, однако, правительство, какъ мы видѣли, обложило населеніе общимъ и довольно значительнымъ ямскимъ сборомъ; этимъ естественно устранились всѣ соображенія о возможной неуравнительности повинности въ тѣхъ случаяхъ, когда надо было въ данной слободѣ увеличить число охотниковъ или, наоборотъ, взять со слободы нѣсколько человѣкъ въ другую слободу; вмѣстѣ съ тѣмъ не представлялось уже прежнихъ денежныхъ затрудненій при устройствѣ слободъ путемъ прибора. Между тѣмъ историческія обстоятельства, расширявшія все болѣе и болѣе предѣлы государства, требовали увеличенія ямской сѣти, и, главнымъ образомъ, въ тѣхъ именно мѣстахъ, куда только направлялась русская колонизація; слѣдовательно—тамъ, гдѣ удобнѣе всего было строить ямы по прибору или путемъ перевода охотниковъ изъ старыхъ слободъ. Распространеніе такой-же практики и на слободы внутреннихъ городовъ не представляло бы уже ничего новаго или неожиданнаго.

Такимъ образомъ, передъ нами опредѣляется слѣдующій рядъ друга на друга вліявшихъ факторовъ: созданное смутой раззореніе вызвало у правительства рѣшеніе принять содержаніе охотниковъ на свой счетъ; необходимыя средства стали получаться путемъ увеличенія прежняго оклада ямскихъ денегъ; этимъ населеніе освобождалось отъ всякихъ другихъ расходовъ на ямскую слободу, оставшись лишь при обязанности поставлять на ямъ охотниковъ; но переводъ охотниковъ съ посошной подмоги на жалованье положилъ твердое основаніе упроченію слободской жизни; упроченіе послѣдней, въ связи съ общей тенденціей правительства прикрѣплять каждаго къ его тяглу, привело къ перерожденію ямской слободы, какъ искусственной общины въ ямскую слободу, какъ естественную общину; въ связи съ послѣднимъ обозначилось образованіе настолько многочисленнаго класса ямскихъ охотниковъ, что правительству уже незачѣмъ было настаивать на сохраненіи между населеніемъ и слободой какой-либо обязательной связи; въ результатѣ создалась новая практика, при которой не только содержаніе охотниковъ, но и самое устроеніе слободъ тамъ, гдѣ ихъ устраивали впервые или гдѣ почему-либо переустраивали, было взято правительствомъ уже всецѣло на себя; въ тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ слободы не нуждались больше въ общемъ переустроѣ, правительство сняло съ населенія заботу о пополненіи пустовавшихъ вытей, о сыскѣ бѣглыхъ охотниковъ и т. д., словомъ, все то, что при старомъ порядкѣ по общему правилу ложилось на это послѣднее. Иначе говоря: то, что, зародившись въ концѣ прошлаго періода, являлось тогда лишь отклоненіемъ отъ общей практики, теперь явилось правиломъ; что было правиломъ прежде, то осталось теперь лишь въ видѣ случайныхъ обломковъ стараго порядка.

Нѣтъ никакой надобности ставить вопросъ о томъ, съ какого времени точно опредѣлился указанный переломъ. Мы знаемъ уже, что реформой въ собственномъ смыслѣ тутъ было лишь одно: возвышеніе оклада ямскихъ денегъ. Это произошло, во всякомъ случаѣ, какъ мы говорили, не позже 1616 г. Съ того-же года стали давать охотникамъ и жалованье, но такъ какъ рядомъ продолжала существовать и старая практика, то, кажется, можно сказать, что въ большинствѣ случаевъ переводъ охотниковъ на жалованье завер-

шился къ 1620—1621 г.г. Такъ вытекало бы и изъ цитированной грамоты на Муромъ, особенно если признать ее окружной, такъ вытекаетъ и изъ грамоты на Курмышъ, такъ должно полагать и изъ грамоты въ Заозерскій станъ. [1]) Что-же касается второй части этого перелома, т. е. освобожденія населенія отъ обязанности давать охотниковъ, то, такъ какъ тутъ мы безусловно не имѣемъ дѣла съ реформой, а встрѣчаемся лишь съ прямымъ слѣдствіемъ ряда причинъ, то и временемъ, когда такая практика опредѣлилась, слѣдуетъ считать время, когда болѣе или менѣе опредѣлилось указанное перерожденіе ямской слободы изъ общины искусственной въ общину естественную. Это-же произошло, какъ можно думать, между концемъ 20-хъ и концемъ 40-хъ годовъ. Правда, мы еще и въ началѣ 20-хъ годовъ встрѣчаемъ случаи устроенія слободъ по прибору не только тамъ, гдѣ этого можно было бы ожидать въ виду особыхъ условій мѣстности, какъ напримѣръ, въ 1624 г. въ Воронежѣ, но и тамъ, гдѣ раньше всегда слободы устраивались путемъ выставленія охотниковъ населеніемъ, какъ напримѣръ, въ 1622 г., въ Козьмодемьянскѣ. Тамъ слободу прибиралъ Осипъ Хлоповъ: 50 охотниковъ онъ перевелъ изъ Свіяжска. [2]) Но въ видѣ общаго правила населеніе перестало выставлять охотниковъ, насколько мы это могли замѣтить, лишь повторяемъ, къ концу 40-хъ годовъ.

Нельзя, однако, сказать, чтобы прежняя практика была окончательно забыта. Такъ, когда въ 1659 г. понадобилось произвести общій пересмотръ дороги отъ Москвы черезъ Калугу до Сѣвска, было сдѣлано распоряженіе „по той дорогѣ въ городахъ, въ которыхъ городахъ ямовъ нѣтъ, и въ селахъ, и въ деревняхъ въ сорокѣ и въ пятидесяти верстахъ, для посылки скорыхъ Государевыхъ дѣлъ расписать станы, и на тѣхъ станахъ быть посадскимъ и уѣзднымъ людемъ по десяти человѣкъ съ подводы на готовѣ.“ Собрать же этихъ людей съ подводами было указано съ селъ и деревень, расположенныхъ у большой дороги и по сторонамъ ея въ ближнихъ мѣстахъ въ полуверстѣ и верстѣ, беря съ каждыхъ десяти крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ по

---

[1]) А. Э. III, 121, Акты Возн Печер. мон., стр. 52—53, А. Э. III, 116.

[2]) Ворон. Губ. Вѣд. 1850 г., 16; Перетятковичъ, Поволжье въ 17 и 18 в. в., стр. 33; Каз. Губ. Вѣд., 1856 г. № 12.

человѣку съ подводой. Болѣе внимательное разсмотрѣніе даннаго случая можетъ, впрочемъ, показать, что весь установленный тутъ распорядокъ нѣсколько необыченъ: подводы брались съ дворовъ, а не по обычному разводу, люди съ подводами не устраивались землей, а лишь группировались какъ бы во временныя станціи. Надлежитъ думать, что тутъ была примѣнена экстренная мѣра по поводу малороссійскихъ дѣлъ, тогда привлекавшихъ особое вниманіе правительства. Тѣмъ болѣе это вѣроятно, что въ томъ-же указѣ читаемъ: „а велѣно думному дворянину въ городахъ въ Калугѣ, въ Алексинѣ, въ Лихвинѣ, въ Казельскѣ, въ Перемышлѣ, въ Воротынскѣ и въ иныхъ городахъ, которые къ Калугѣ близки, взять съ помѣщиковыхъ и съ вотчинниковыхъ всякихъ людей съ крестьянъ и съ монастырскихъ вотчинъ съ десяти дворовъ по подводѣ съ телѣгами и хомуты, и быть тѣмъ подводамъ въ Калугѣ для подъему государевыхъ ратныхъ пѣшихъ людей и ружья и всякихъ запасовъ... а собравъ подводы безъ всякаго мотчанья, отнынѣ велѣно держать въ Калугѣ до государеву указу“.[1] Устраивая-же, напримѣръ, въ 1658 г. первый постоянный ямъ въ Полоцкѣ, правительство примѣнило уже новую практику: велѣло устроить ямъ на деньги, собранныя съ населенія.[2]

Неразъясненнымъ остается слѣдующій вопросъ. Какъ мы говорили, еще въ 16 вѣкѣ опредѣлились два денежныхъ сбора: одинъ—ямскія деньги, другой—ямская подмога, составившаяся изъ двухъ частей—ямщикамъ на ямы и прогоны и ямщикамъ на подмогу. Ямскія деньги къ концу вѣка взимались по окладу въ 20 рублей, а ямская подмога —по окладу въ 10 рублей. Послѣ раззоренія окладъ собственно ямскихъ денегъ значительно увеличился. Какъ уже было объяснено въ литературѣ, это увеличеніе оклада находилось въ связи съ общимъ недостаткомъ денегъ въ казнѣ и съ уменьшеніемъ рыночной стоимости рубля. Но мы, въ виду приведеннаго, должны включить въ число причинъ и спеціальныя причины: условія, среди которыхъ возобновлялась прекратившаяся за смутой гоньба, потребовали перевода охотниковъ съ сошной подмоги на жалованье, а это

---

1) П. С. З. I, 251.
2) П. С. З, I, 223.

вызвало необходимость въ большихъ средствахъ [1]). Параллельно съ большими ямскими деньгами остался, однако, и десятирублевый сборъ, та подмога, которая, какъ мы уже пытались установить, первоначально имѣла значеніе дополнительнаго сбора на жалованье охотникамъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нельзя было возложить ямское строенье непосредственно на населеніе. Что обозначалъ этотъ параллелизмъ? Имѣемъ-ли мы тутъ дѣло съ простымъ отвержденіемъ разъ установленнаго сбора давно пережившаго свое первоначальное значеніе, или-же существованію этого сбора слѣдуетъ искать дальнѣйшихъ объясненій? Въ то время, какъ собственно ямскія деньги назывались большими ямскими деньгами или точнѣе: „государевы ямскіе денги московскимъ и разныхъ городовъ охотникомъ на жалованье и прогоны", [2]) параллельный десятирублевый окладъ назывался малой ямщиной или точнѣе: „ямскіе денги ямскимъ охотникамъ на подмогу и на прогоны"; онъ назывался еще и такъ: „ямскіе по старымъ книгамъ въ Большомъ Приходѣ" [3]). Малую ямщину мы встрѣчаемъ на всемъ протяженіи 17 вѣка, вплоть до 1680 г., когда, по окончаніи переписи 1678 г., ямскія деньги стали взиматься съ новой оклад-

[1]) Милюковъ, Спорн. вопр., стр. 90. Вліяніе спеціальныхъ причинъ признавалъ, кажется, только Незабитовскій. О податн. системѣ, въ Собр. соч., стр. 22. Но Незабитовскій, не замѣтивъ факта перевода ямщиковъ съ сошной подмоги на жалованье, видѣлъ спеціальную причину въ увеличеніи гоньбы. Милюковъ, какъ можно думать, не обратилъ достаточнаго вниманія на то, что два параллельные сбора существовали еще въ концѣ 16 в. Это-же, однако, вотъ чѣмъ мѣняетъ ходъ сдѣланнаго имъ построенія: большія ямскія деньги развились не изъ десятирублеваго сбора, а изъ двадцатирублеваго; слѣдовательно, мы имѣемъ въ данномъ случаѣ не просто признаніе стараго оклада того-же сбора рядомъ съ новымъ окладомъ, а сосуществованіе двухъ различныхъ сборовъ, изъ которыхъ одинъ соотвѣтствовалъ своему назначенію, а второй по причинамъ, требующимъ разъясненія, остался, хотя и пережилъ ту цѣль, ради которой возникъ. Сосуществованіе двухъ ямскихъ сборовъ еще въ концѣ 16 вѣка признаетъ и Середонинъ Сочин. Флетчера, стр. 312—313. Онъ-же указываетъ, что къ концу вѣка 20 рублевый сборъ возросъ до 30 рублей. Но авторъ не представилъ данныхъ. Мы такого увеличенія не замѣтили.

[2]) А. Ю. 214, IX, XI, А. Э., III, 116, Угл. Акты, стр. 56, 71, 141 и мн. др.

[3]) Описаніе Долматовскаго Архива, № 962, стр. 79—87. Яросл. Губ. Вѣд. 1861 г., № 39, 41.

ной единицы—двора [1]). Установить можно только одно: до раззоренія ямскія деньги сначала одного, а потомъ и обоихъ окладовъ собирались въ приказъ Большого Прихода. Это видно не только изъ ряда отписокъ [2]), но и изъ прямого указанія въ извѣстной запискѣ о царскомъ дворѣ, гдѣ читаемъ: „Приказъ Большого Приходу, гдѣ со всей земли земляные доходы денежные сбираются, и ямскіе, и полоняничные деньги, и тамга большая“ [3]). Большія-же ямскія деньги, съ тѣхъ поръ, какъ мы встрѣчаемся съ ними, собирались въ ямскомъ приказѣ [4]). Какъ видно изъ самаго названія малыхъ ямскихъ—ямскіе по старымъ книгамъ Большого Прихода,—хотя Котошихинъ, перечисляя доходы Большого Прихода, и не упоминаетъ о малыхъ ямскихъ,—эти послѣднія и въ теченіи всего 17 вѣка (до 1678—1680 г.г.) собирались въ Большой Приходъ. На это прямо указываютъ сохранившіяся отписки [5]). Такимъ образомъ, невольно со-

---

[1]) О малыхъ ямскихъ до 70-хъ годовъ много указаній въ Опис. Долматовскаго Архива № 962, ц. стр. Въ 1669 г. Оп. Щук. муз., II, стр. 3; въ 1671 г.—Тр. Ряз. Арх. Ком., т. XIII, в. 2, стр. 197—198; въ 1673 г.—тамъ-же № 45. Отписка отъ 1678 г. въ описи Долм. Арх. цит. томъ, № 388, 397—а. Какъ видно изъ А. И. V, 49, еще до конца 1679 г. малая ямщина была отмѣнена, но на мѣстахъ продолжали взимать ее. Правительство, узнавъ объ этомъ, вновь въ 1679 г. подтвердило объ отмѣнѣ. Такимъ образомъ, фактически малая ямщина перестала взиматься развѣ только около 1680 г. Но, напримѣръ, съ Нижняго-Новгорода съ посада и уѣзда малая ямщина взималась еще въ 1682 г. Д. А. И. X, 32, стр. 86.

[2]) Напр., отписки въ А. Юр., 214.

[3]) А. И, II 355.

[4]) Объ этомъ свидѣтельствуютъ отписки, на основаніи которыхъ нами составлено Приложеніе № 2. Ср. Котошихинъ, стр. 91.

[5]) См. отписки въ ц. м. Описи Долматовскаго Архива, напр. № 278 для 1630 года; для 1655 года № 304, 307; для 1658—№ 313; для 1678 года № 388; въ отпискахъ А. Юр., 214, XII, Описаніе Щукинскаго Музея, т. II, стр 3 и др. Интересно, однако, отмѣтить, что для 1630 г. мы знаемъ указанія, что малая ямщина бралась съ Ярославля въ Костромскую четь, Яр. Губ. Вѣд. 1861 г. № 39, 41. Приведенныя-же выше отписки изъ Долматовскаго Архива относятся всѣ къ костромскому уѣзду, который, слѣдовательно, также вѣдался въ Костромской чети. Заставляетъ-ли это предполагать, что еще въ 30-хъ годахъ существовала зависимость, если не всѣхъ, то нѣкоторыхъ Четей отъ Большого Прихода (подробн. см. Милюковъ, Госуд. Хоз. Россіи, стр. 25—36), или-же мы имѣемъ тутъ дѣло съ какой-либо случайностью—установить не удалось. Лаппо-Данилевскій, ц. с. стр. 477, высказалъ предположеніе о томъ, что Ямской приказъ только со второй четверти 17 вѣка замѣнилъ

здается предположеніе, что малыя ямскія деньги были оставлены за Большимъ Приходомъ не безъ вполнѣ опредѣленной какой то цѣли. Впослѣдствіи она могла забыться, но первоначально должна была быть. Не слѣдуетъ-ли искать ее въ томъ, что малыя ямскія 17 вѣка и въ 17 вѣкѣ могли сохранить, если не все, то часть своего прежняго значенія: въ 16 вѣкѣ онѣ были деньгами на подмогу и прогоны, а теперь остались только деньгами на прогоны Но вмѣстѣ съ тѣмъ специализировались: въ отличіе отъ большихъ ямскихъ, которыя тратились не только на жалованье охотникамъ, но также на прогоны, малыя ямскія тратились лишь на отдѣльный видъ прогоновъ—тѣмъ лицамъ, которыя получали еще въ 17 вѣкѣ поденный кормъ и дорожное жалованье отъ Большого Прихода, т. е. посламъ другихъ государствъ и посылаемымъ въ иныя государства [1].

Подобно тому, какъ въ старину по жалованнымъ грамотамъ иные получали освобожденіе отъ яма, а потомъ отъ ямскихъ денегъ, такъ и теперь при перепискѣ грамотъ на царево имя за нѣкоторыми оставалась указанная льгота. Но въ общемъ, если принять во вниманіе то большое количество грамотъ, которымъ все-таки можно уже и сейчасъ пользоваться, слѣдуетъ сказать, что при перепискѣ грамотъ на царское имя, начиная съ Михаила Өедоровича, дѣлалась относительно ямскихъ денегъ обыкновенно специальная оговорка: „опричь ямскихъ денегъ". [2] Иными словами: ямскія деньги платили и тарханщики и льготчики. Это, напримѣръ, прямо выражено, въ извѣстной уже намъ грамотѣ 1620 г. въ Бѣлозерскій уѣздъ: „а тѣ денги (ямскія) велите сбирать... съ

Большой приходъ по сбору ямскихъ денегъ, но и то едва-ли вполнѣ. Тутъ, на нашъ взглядъ, произошло недоразумѣніе: г. Лаппо-Данилевскій не прослѣдилъ, какъ можно думать, судьбу большихъ ямскихъ и малыхъ ямскихъ отдѣльно. Авторъ сослался, между прочимъ, на Гарелинскую коллекцію отписокъ, но, кажется, и она не возбуждаетъ сомнѣній, такъ какъ и по ней малыя ямскія сбирались въ Большой приходъ, а большія ямскія—въ ямской приказъ. Впрочемъ, уже до насъ это было указано Милюковымъ, Спорн. вопр. стр. 147—148..

13) Котошихинъ стр. 87.

14) Напр. А. И. III, 94, 126, 129, 133, 142, А. Э. III, 133, 139, см. также у Горчакова, О земельн. влад., Прилож., стр. 33; Русск. Вѣст., 1841 г. т. 3, стр. 675 и мн. др. Хотя, напримѣръ, еще въ жалованной грамотѣ отъ 1618 г. кн. Разгильдѣеву и Мангушеву дается освобожденіе отъ ямскихъ денегъ. Арх. Баюшева, № 52.

помѣстныхъ и съ вотчинныхъ и съ монастырскихъ земель, съ грамотчиковъ, съ тарханщиковъ и со льготчиковъ, со всякихъ людей“. [1]) Исключеніе составляли, кажется, только вотчины Троицы Сергіева монастыря. [2]) Единственная льгота, которая обыкновенно давалась въ отношеніи къ платежу ямскихъ денегъ, это та, что нѣкоторыя владѣнія (большею частью, монастыри, хотя иногда и вліятельные бояре) получали право платить ямскія деньги непосредственно въ ямской приказъ. Льготчиковъ такого рода мы знаемъ довольно много. [3]) Если судить по сравнительно большому количеству отписокъ, гдѣ встрѣчаются подписи дьяковъ ямского приказа, хотя деньги взимались съ мелкихъ помѣстій, владѣльцы которыхъ едва-ли спеціально пользовались указанной льготой (мы судимъ объ этомъ потому, что попадаются отписки съ однихъ и тѣхъ-же владѣній, но иногда за подписью дьяка ямского приказа, а иногда за подписью мѣстнаго сборщика), то, кажется, населеніе очень цѣнило всякую возможность платить ямскія деньги въ Москвѣ, а не на мѣстѣ. [4]) Да и нельзя было, видимо, не цѣнить этой возможности, такъ какъ сборщики корыстовались сборами, правили его большимъ правежомъ, доводили населеніе собирая ямскія деньги, иногда до полнаго раззоренія. Нѣкоторое понятіе объ этомъ даетъ грамота Алексѣя Михайловича въ отвѣтъ на челобитье архимандрита Спасскаго монастыря (въ Ярославлѣ): „платятъ де они съ монастырскихъ вотчинъ ямскіе деньги на Москвѣ въ ямскомъ приказѣ, а какъ-де посылаютъ по городамъ къ воеводамъ и къ приказнымъ людемъ о тѣхъ ямскихъ деньгахъ наши грамоты и крестьяномъ де их отъ воеводъ и приказныхъ людей чинятся продажи и убытки великіе, и намъ бы ихъ пожаловати велѣть бы имъ съ монастырскихъ вотчинъ ямскіе деньги платить на Москвѣ въ ямскомъ приказѣ“. Тягостно было и то, что къ сбору денегъ „выбираютъ ихъ же крестьянъ и отъ того де крестья-

---

[1]) А. Э. III, 116.

[2]) Д. А. И, II, 49.

[3]) Напр. А. И., II, 77. А. С. М. I, 89, Лѣт. зан. Арх. ком т. V, стр. 91 и мн. др.

[4]) См., напр., отписки въ угличск. актахъ, въ архивѣ Баюшева, въ Гарелинск. собраніи.

номъ ихъ чинятся убытки великіе". Дѣло о сборѣ подъячимъ новгородскаго приказа Як. Даниловымъ въ Кевролѣ и на Мезени государевыхъ доходовъ и доимочныхъ денегъ въ 1689 г. даетъ почти законченную картину возможныхъ злоупотребленій при этихъ сборахъ на мѣстахъ. Подъячій, напримѣръ, приставилъ къ правежу своихъ трехъ человѣкъ, и они били крестьянъ безмѣрнымъ правежемъ на смерть, сбивая съ ногъ, въ головы и по плечамъ и т. п. [1]) Извѣстенъ случай, когда отъ притѣсненій при сборѣ ямскихъ денегъ разбѣжался цѣлый рядъ деревень. [2]) Правительство знало все это, и, какъ мы уже видѣли изъ грамоты на Муромъ отъ 1621 г., оповѣщало населеніе, что, кромѣ ямскихъ денегъ по окладу, ничего платить не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе—поборовъ и посуловъ сборщикамъ. Но то-же правительство, опасаясь, чтобы за неисправностью плательщиковъ доходы не стали, предписывало сборщикамъ, чтобы они населенію для своей „бездѣльной корысти" не наровили, сроковъ никому ни на одинъ часъ не давали; въ случаѣ неплатежа сборщики должны были прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ: „бить батоги и сажать въ тюрьму, а изъ тюрьмы вынося, бить на правежѣ нещадно, покамѣстъ они государевы ямскіе денги заплатятъ". [3]) Естественно, что сборщики, даже не прибѣгая къ злоупотребленіямъ, а только спасая себя, не могли не являться бичемъ для населенія.

Тяжесть ямской подати (впрочемъ, въ этомъ отношеніи ямская подать раздѣляла лишь судьбу общей финансовой системы того времени) была ощутительна тѣмъ болѣе, что, хотя уже давно (во всякомъ случаѣ, еще съ послѣдней четверти 16 вѣка, какъ это слѣдуетъ изъ цѣлаго ряда приведенныхъ при разсмотрѣніи ямского строя во второй половинѣ 16 вѣка данныхъ) ямскія деньги сбирались, если не повсемѣстно, то въ цѣломъ рядѣ мѣстъ, не со всей земли, а лишь съ живущихъ четвертей, съ дозоровъ-же послѣ раззоренія—уже почти повсемѣстно съ живущихъ четвертей,— но, какъ признало само правительство въ 1646 г., ям-

---

[1]) А. С., М, I, 89, Акты Ряз. Края, № 29, Чт. О. И. Д., 87 г., кн. 3, А. Моск. Гос., I, № 248.

[2]) Акты Возн. Печерск. мон., стр. 79 81.

[3]) Напр., А. Э., III, 116. Объ отвѣтственности воеводъ за сборы— П. С. З. II, 1184. 1309 и др.

скія деньги ложились на населеніе неровно, „инымъ тяжело, а инымъ легко“, причемъ инымъ удавалось и вовсе отбывать отъ платежа, такъ какъ ихъ именъ не было „ни въ разрядѣ въ спискахъ, ни въ писцовыхъ книгахъ“, и жили такіе въ уѣздахъ въ избылыхъ. [1]) Придумывая исходъ изъ положенія, правительство остановилось было на мысли замѣнить всякіе сборы, въ томъ числѣ и ямскія деньги, однимъ налогомъ, который падалъ бы на все населеніе. Какъ извѣстно, роль такого налога должна была сыграть увеличенная пошлина на соль, но извѣстно также, что попытка не удалась, и уже въ 1648 г. добавочная соляная пошлина была отмѣнена. [2]) Въ 1660 г. правительство, но теперь спеціально по отношенію къ ямскимъ деньгамъ, сдѣлало иную попытку: вовсе отмѣнило сборъ ямскихъ денегъ, ассигновавъ на ямской расходъ опредѣленную сумму—40,000 рублей изъ казны. [3]) Какія ближайшія основанія побудили правительство къ этой мѣрѣ, мы не знаемъ. Но въ слѣдующемъ году ямскія деньги уже снова сбирались. [4])

Какъ извѣстно, въ 1679—1680 г.г. была произведена реформа, по которой окладной единицей окончательно былъ принятъ дворъ. [5]) Въ указѣ читаемъ: „московскимъ и городовымъ ямщикомъ на наше великого государя годовое жалованье сбирать въ ямской приказъ съ городовъ, съ уѣздовъ ямскія и полоняничныя денги по переписнымъ книгамъ 186 и 187 годовъ съ патріаршихъ и архіерейскихъ и съ монастырскихъ съ крестьянскихъ и бобылскихъ по гривнѣ (20 денегъ) съ двора, а съ своихъ великаго Государя дворцовыхъ селъ и волостей и бояръ и окольничихъ и думныхъ и ближнихъ и всякихъ чиновъ служивыхъ людей съ крестьянскихъ и съ бобыльскихъ и съ задворныхъ и съ дѣловыхъ людей по десяти денегъ съ двора“. [6]) Такимъ образомъ, реформа устанавливала иную окладную единицу, соотвѣтственно – иное исчисленіе оклада, наконецъ, соединеніе

---

[1]) Г. Г. Д., III, 124.

[2]) А. Э. IV, 5, Г. Г. Д. III, 128. Подр. о добавочн. сол. пошлинѣ см. Лаппо-Данилевск., ц. с., стр. 24—26.

[3]) Ворон. Акты, изд. Ворон. Статист. Ком., Т. I, № 46, стр. 60.

[4]) См. Приложеніе № 2.

[5]) Подроб. см. Лаппо-Данилевскій, ц. с., стр. 249–262.

[6]) П. С. З. II, 1202, 1206, 1217, 1251, Д. А. И. VIII, 66, А. И. V, 49 и др

ямскихъ денегъ съ полоняничными. [1]) Съ указаннымъ окла домъ въ 10 и 20 денегъ съ двора мы встрѣчаемся уже до конца вѣка. Трудно опредѣлить, сколько когда всего собиралось ямскихъ денегъ, но, если бы это и удалось, цифры едва-ли могли бы послужить къ какимъ либо твердымъ выводамъ: все таки осталось бы выяснить сравнительное значеніе этихъ цифръ какъ для казны, такъ и для населенія, что, не смотря на уже извѣстныя попытки, едва-ли сейчасъ осуществимо. [2]) Котошихинъ опредѣлялъ, что ямскихъ денегъ сбиралось до 50 тысячъ и больше. [3]) Цифру надо, кажется, признать правильной, такъ какъ до послѣдней четверти 16 вѣка денегъ собиралось больше, чѣмъ нужно было для раздачи ямщикамъ, а, какъ мы уже знаемъ, въ 1660 г. предположено было раз дать ямщикамъ 40,000 рублей. При новомъ окладѣ ямскихъ вмѣстѣ съ полоняничными собиралось уже меньше. Такъ, въ 1680 г. въ росписи по ямскому приказу значится ямскихъ и полоняничныхъ 29,815 рублей между тѣмъ ямщикамъ слѣдовало выдать свыше 35,000 руб. [4]) Въ докладѣ по дѣлу тульскихъ ямщиковъ отъ 1687 г. читаемъ: „а въ прошлыхъ годахъ, какъ въ ямскомъ приказѣ сбирались ямскія деньги до 188 года, по четвертному окладу, и въ тѣхъ годахъ окладъ былъ положенъ нынѣшняго новаго окладу больше гораздо“. [5])

Платя ямскія деньги, населеніе, однако, не освобождалось и отъ подводной повинности. Этому мы имѣемъ многочисленныя свидѣтельства. При каждой большой посылкѣ, особенно, если она была въ томъ или иномъ отношеніи связана съ какой-либо военной цѣлью, населеніе обязывалось выставлять подводы. Но правительство несомнѣнно старалось внести въ отправленіе этой повинности нѣкоторый по-

---

[1]) На долю полоняничныхъ денегъ приходилось 4 деньги со двора. Такъ, изъ отписокъ отъ декабря 1678 года видимъ, что съ 25 дворовъ съ помѣстья и вотчины Куломзина было взято полоняничныхъ денегъ 16 алт. 4 деньги. Опись Долмат, Арх., № 962, отписка № 400. Ср. Милюковъ, Госуд. Хоз. Рос., стр. 72.

[2]) Напр., Ключевскій, Русскій рубль. М., изд. 1884 г.

[3]) Котошихинъ, стр. 91.

[4]) Милюковъ, Госуд, хоз., въ Приложен., стр. 12.

[5]) П. С. З II, 1251.

рядокъ. Такъ, опредѣлялось въ самомъ наказѣ, со сколькихъ дворовъ слѣдовало брать по подводѣ (съ 100, 50, 10 и т. д. дворовъ), опредѣлялось, чтобы раскладка общаго количества подводъ, положенныхъ на уѣздъ, была произведена самимъ населеніемъ, иногда въ точности вырабатывался весь планъ исполненія повинности. Такъ, когда въ 1632 г. потребовалось весьма большое количество подводъ въ Москвѣ, Москва была росписана на 14 участковъ; во главѣ каждаго участка былъ поставленъ сборщикъ, при которомъ состоялъ подъячій; каждому изъ сборщиковъ была дана соотвѣтственная инструкція. Въ Кремлѣ, напримѣръ, собиралъ подводы дворянинъ Внуковъ. Онъ долженъ былъ собрать съ земли съ тридцати саженъ круглыхъ по лошади съ телѣгой и съ человѣкомъ, а за лишнія сажени онъ долженъ былъ брать деньгами по 2 рубля за сажень. Ивану Засѣцкому, которому приказано было сбирать подводы съ деревяннаго города, надлежало взять съ черныхъ сотенъ торговыхъ людей и съ монастырскихъ слободъ крестьянъ съ 10 дворовъ по подводѣ, „а верстаться имъ въ подводѣхъ межъ себя самихъ". Тутъ-же узнаемъ слѣдующія подробности: „сбирати лошади съ телѣгами и съ людьми, не мѣшкая, съ 900 саженъ дробныхъ, а съ 30 саженъ круглыхъ по лошади съ телѣгою и съ человѣкомъ; а у которыхъ людей по мѣрѣ дворы меньше указныхъ 30 саж. длиннику, а поперечнику тожъ, а дробныхъ 900 саж. или двумя, или тремя или пятмя, и имъ дополнивати малыми дворы и сводить дробными сажени; а у которыхъ людей дворы не велики, меньше указныхъ 30 саженъ, а доведется съ нихъ взять лошадь съ телѣгою и съ человѣкомъ съ двухъ или съ трехъ, или съ четырехъ и больше, и съ тѣхъ людей лошади съ телѣгами и съ людьми имати, розвытя посаженно, съ 30 саженъ съ длиннику и съ 30 съ поперечнику, кто съ кѣмъ похочетъ дать лошадь съ телегою и съ человѣкомъ и чей дворъ съ кѣмъ ближе". [1] Но, съ другой стороны, по прежнему читаемъ въ наказахъ: „посадскимъ и уѣзднымъ людемъ сбирючи тѣ подводы насильства не чинить, чтобы никому въ подводахъ было не въ тягость", а рядомъ предписаніе собирать подводы безъ задержанія, иногда съ угрозой доправить на

---

[1]) А. Э. IV. 68, 71, 86; А. Ю. 350, А. Моск. Госуд., I, 349, 365, 366.

воеводѣ въ случаѣ проволочекъ. [1]) Какъ и прежде, населеніе тяготилось этой повинностью и часто жаловалось на чинимое ею раззореніе. Иногда въ отвѣтъ на эти челобитныя приказывалось выдать за подводы вознагражденіе. Какъ правило, однако, подводы выставлялись безмездно. [2]) Иногда эта обязанность населенія выставлять по мѣрѣ надобности подводы получала опредѣленную организацію и дѣлалась постоянной, напоминая отмѣченную при разсмотрѣніи предыдущаго періода обязанность населенія подмогать своимъ охотникамъ подводами. Такъ, въ 1678 г. было приказано тульскимъ, дѣдиловскимъ и иныхъ городовъ посадскимъ и уѣзднымъ людямъ подмогать тульскимъ ямщикамъ и давать подводы по грамотамъ и подорожнымъ. Въ указѣ имѣется ссылка на прежніе указы и приписка: „для нынѣшнія много службы и впредь.“ [3]) Насколько такая повинность считалась постоянной, видно, напримѣръ, изъ отписки ржевскаго (володиміровскаго) воеводы отъ 1664 г.: воевода жаловался, что осташковской слободы крестьяне въ ямской гоньбѣ не подмогаютъ. Такую-же отписку прислалъ въ томъ-же году, напримѣръ, и вяземскій воевода, жаловавшійся на приказчика дворцовыхъ селъ, который не присылалъ подводъ въ подмогу для ямской гоньбы. [4])

Изъ того, что уже было сказано выше, можно думать, нѣсколько опредѣлилось, что ямскія слободы, особенно же въ центральныхъ московскихъ уѣздахъ, начиная съ конца 20 годовъ стали постепенно образовывать изъ себя естественныя общины Гоняя гоньбу, охотники одновременно занимались хлѣбопашествомъ, торговлей и различными подсобными промыслами. Они занимались и частнымъ извозомъ. [5]) Иногда вытчики вели хозяйство своей семь-

---

[1]) Акты Воронеж. (Второва), II. стр. 30, 67, III, стр. 94, Р. И. Б. V, 297, А. М. Госуд. II, 104 и мн. др.

[2]) Напр. Угл. Акты, стр. 37—40, Вор. Акты, II, стр. 30 и др.

[3]) Д. А. И. VIII, 19. I.

[4]) Р. И. Б., XI. стр. 138, 245.

[5]) Вопросъ о частномъ извозѣ, которымъ несомнѣнно занимались ямскіе охотники (А. И., III, 57 и мн. др.), обыкновенно толкуется въ слѣдующемъ смыслѣ: разъ охотники могли наниматься у гостей и всякихъ людей подъ товары, то, очевидно, что ямская гоньба была доступна всему населенію. Особенно опредѣленно держался этого Лешковъ,

ей, но по большей части, какъ это, кажется, выясняется изъ разсмотрѣнія переписныхъ книгъ, сдавая землю бобылямъ за денежный и хлѣбный оброкъ; иногда, какъ это, напримѣръ, было въ Псковѣ еще и въ началѣ 40-хъ годовъ, охотники всю свою землю сдавали посадскимъ; иногда они широко пользовались наемнымъ трудомъ; иногда-же не только пахали сами всю землю, но еще брали на себя сверхокладную землю, съ которой платили государевъ выдѣльный хлѣбъ [1]).

Слободы, какъ и прежде, были разныхъ размѣровъ, смотря по разгону. Какъ на нѣкоторое отличіе отъ предшествовавшаго періода можно указать лишь на то, что уѣздныя слободы довольно быстро теряютъ въ теченіе 20—30 лѣтъ послѣ раззоренія свое самостоятельное значеніе, и мы ихъ видимъ обыкновенно приданными къ посадскимъ слободамъ. Такъ было и по Новгородской дорогѣ, и по Ярославской, и по Калужской, и по Вологодской и по другимъ [2]). Но тѣмъ шире разростались слободы посадскія. На основаніи ряда данныхъ мы могли установить слѣдующую (приблизительную, впрочемъ) карту: слободы центральныхъ уѣздовъ обыкновенно считались въ 60—100 вы-

ц. с. Рус. Вѣст., 1852 г., кн. 1. стр. 30, прим. 6. Но такой взглядъ въ корню неправиленъ. Одно дѣло—охотникъ, какъ служащій охотничью службу, и другое какъ частное лицо, имѣющее возможность наняться подъ кладь или пасажировъ. Они возили по найму товары „межъ своихъ дѣлъ“ (А. Э., III, 297); они брали тогда какую угодно цѣну, какъ договорятся. Напримѣръ, запрашивали за подводу отъ Ярославля до Москвы 70 рублей (Яросл. Губ. Вѣд., 1860 г., № 19). Такимъ образомъ, для вопроса о томъ, насколько ямская гоньба была доступна населенію, могли бы имѣть значеніе лишь данныя, которыя показывали бы, что населеніе могло пользоваться гоньбой ipso jure, какъ учрежденіемъ, существующимъ не исключительно для правительственныхъ цѣлей. Такихъ данныхъ, однако, нѣтъ. Но рядомъ съ этимъ мы знаемъ, что и должностныя лица не всегда могли пользоваться ямскими подводами; знаемъ также, что для того, чтобы пользоваться ямской гоньбой, какъ учрежденіемъ, даже служа государеву службу и при томъ—за собственные прогоны, нужно было вчинять особое ходатайство. Напримѣръ, челобитная рудознатцевъ отъ 1675—Д. А. И., VI, 24.

[1]) Кн. переп. ямск. слоб.; книги выдѣльнаго хлѣба новгородскихъ ямовъ 1624 и 1626 гг. въ Q, IV, 264, л. 351—392. Выдѣлялся четвертый снопъ съ паханной земли и пятый съ переложной.

[2]) Кн. переп. ямск. слоб., Экономич. примѣч. къ плану генеральн. межев. по Яросл., губ., Тульская старина, изд. 1863 г., стр. 36.

тей, слободы новгородскія и псковскія - въ 30 вытей, по дорогѣ къ Архангельску — 30 вытей, по дорогѣ къ Нижнему - 30 вытей, въ уѣздахъ къ юго-востоку—10 — 20 вытей. Но, конечно, бывали и исключенія: такъ, Козьмодемьянская слобода считалась въ 100 вытей, а Калужская только въ 40 [1]). На каждой выти и теперь, какъ и прежде, могъ сидѣть одинъ охотникъ, могли сидѣть и нѣсколько. [2]) Если не считать тѣхъ мѣстностей, гдѣ населеніе было еще не особенно многочисленно и гдѣ охотники нерѣдко получали земли иногда вдвое противъ государева указа, а иногда, по ихъ собственнымъ словамъ, пахали, сколько хотѣли, для 17 вѣка нормальнымъ земельнымъ окладомъ охотника можно считать 5 четвертей въ каждомъ полѣ и сѣна на 20 копенъ [3]). Окладъ жалованья колебался по времени и мѣстности. Сейчасъ послѣ раззоренья оклады, какъ мы уже видѣли, доходили мѣстами до 40 рублей въ годъ; въ началѣ двадцатыхъ годовъ чаще всего встрѣчаемъ норму въ 10—15 рублей; [4]) къ концу вѣка окладъ устанавливается между 20—25 рублями [5]). Въ копіи съ указной книги ямского приказа 1628 г. читаемъ: „137 г. октября 7 въ передней избѣ

---

[1]) А. Моск. Гос., II, стр. 59, 475, кн. Разр., I, стр. 1109, 1130, 1137, 1138, 1139, 1244, 1332, 1346, 1350, 1351; Вор. А. (Второва), I, стр. 131, II, стр. 3, 169; Тр. Ряз. Арх. Ком. 95 г., стр. 196—199; Изв. Тамб. Арх. Ком., вып. XXXIX, стр. 150; Д. А. И., т. IX, 13, 84, 105, 106; Акты Воз. Печерск. мон. стр. 53, Мерцаловъ, Вологодск. старина, стр. 55, Багалѣй Матерьялы, стр. 56, Каз. Губ. Вѣд., 1856 г., № 12.

[2]) Мы уже говорили выше (стран. 137 дан. кн.), что ямская выть не была приравнена къ двору. Въ концѣ 17 в. начинаетъ замѣчаться стремленіе приравнять выть къ опредѣленному числу дворовъ. По рукописи въ А. М. И. Д. „О почтѣ“, 1807 г. № 226, стр. 77, на выть было положено 4 двора. Указомъ 20 февраля 1703 г., дѣйствительно, выть обозначалась въ 4 двора. Указомъ 28 февраля 1705 г.—7 дворовъ; указомъ 2 іюля 1714 г.—пять дворовъ. П. С. З., т. V.

[3]) Кн. переп. ямск. слоб. Ср. Лаппо-Данилевскій, ц. с. стр. 372, пр. 2.

[4]) Уг. Акт., 141, Ворон. Губ. Вѣд., 1851 г. № 16, Вор. А., (Второва) II, стр. 162, Симб. Губ. Вѣд. 1851, № 24.

[5]) Калужскіе ямщики получали въ 80-хъ годахъ 24 рубля на выть, владимірскіе, переяславль-залѣсскіе, ярославскіе, нижегородскіе, болховскіе—23 р., тульскіе — 22 р. П. С. З II, 1251, новгородскіе - 25 рублей на выть въ 1660 г. А. М. И. Д. П. Д С. Л. св. 153, № 91, 1642 г. На мелкихъ ямахъ встрѣчаемъ и значительно меньшія жалованья. Напримѣръ, на бобровскомъ яму—5 руб. на выть. А. М. И. Д. П. Д. С. Л., св. 227, № 149, 1648 г.

бояре о ямскихъ денгахъ слушали росписи, что ямщикомъ государева денежнаго жалованья даютъ на Москвѣ и въ городѣхъ и что за ними денегъ и говорили бояре, чтобы ямщикомъ ямская гоньба гонять по прежнему какъ было до московскаго раззоренія а что послѣ московскаго раззоренія прибыло ямскіе гоньбы и на ямскіе подводы и о томъ бояре говорили доложити Государю, что о той лишней гоньбѣ Государь укажетъ и ихъ тогда боярской приговоръ о ямскихъ денгахъ и ямщикамъ о жалованьи будетъ". Тутъже приложена роспись, сколько прибыло лишней гоньбы. Но Государь указалъ, чтобы все оставалось по прежнему, такъ какъ лишняя гоньба—дѣло временное и впредь тому не быть [1]). По словамъ Олеарія, ямщики получали по 30 рублей ежегодно. Но, видимо, онъ зналъ только то, что слышалъ о новгородскихъ охотникахъ, которые, дѣйствительно, получали и 25 и 30 р. [2])

Въ тѣхъ слободахъ, гдѣ охотники получали жалованье не изъ общихъ ямскихъ денегъ, а изъ спеціальныхъ сборовъ на ямскую гоньбу, охотникамъ обыкновенно давалось сверхъ денежнаго жалованья и хлѣбное, причемъ денежное жалованье въ такихъ случаяхъ давалось по сравнительно меньшему окладу: напримѣръ—8 рублей, какъ въ Козьмодемьянскѣ, 2 рубля, какъ въ Свіяжскѣ, 5—4 рубля, какъ въ Псковѣ. Хлѣбъ опредѣлялся охотникамъ вездѣ, гдѣ мы могли прослѣдить, въ такомъ же количествѣ четвертей, сколько рублей полагалось деньгами: при 8 рубляхъ —8 четвертей ржи и 8 четвертей овса, при двухъ рубляхъ —2 четверти ржи и 2 четверти овса и т. д. [3]) Хлѣбъ, однако, выдавался какъ и жалованье, не по договору съ сохъ, а въ видѣ государева хлѣбнаго жалованья. Такъ его называютъ сами охотники, такъ онъ показывается и въ росписяхъ [4]). Намъ представляется, что эта хлѣбная дача явилась пря-

---

[1]) Имп. Пуб. Биб. О, IV, 9

[2]) Олеарій, Подроб. опис. путеш., пер. Барсова, изд. 1870 г., стр. 226.

[3]) Каз. Губ. Вѣд., 1856 г. № 12, А. М. И. Д. П. Д. С. Л. св. 91 № 153, 1642 г., Окладн. расх. росп., Ч. О. И. Д. 1893, кн. 4., Рус. Вѣстн. 1841 г. кн. 3.

[4]) Каз. Губ. Вѣд. 1856 г. № 12, Ч. О. И. Д. 1893 г., кн. 4, Рус. Вѣст. 1841 г., кн. 3.

мымъ слѣдствіемъ того порядка вещей, при которомъ ясно поставленная задача перевести охотниковъ на жалованье допустила столь длинный рядъ отклоненій, и именно въ сторону уже разобраннаго выше, признаннаго самимъ правительствомъ переходнаго порядка. По крайней мѣрѣ, мы имѣемъ основаніе думать, что въ смыслѣ общаго правила эта хлѣбная дача не входила въ виды правительства ни въ 1620 г., когда новый порядокъ болѣе или менѣе опредѣлился, ни въ 1680 г., когда былъ произведенъ общій пересмотръ ямского дѣла и соотвѣтственно ему была слѣлана попытка внести въ ямской строй единообразіе. Такъ, въ уже цитированной грамотѣ въ Заозерскій станъ отъ 1620 г. говорится съ укоромъ, что не смотря на получаемое жалованье, многіе охотники „воруютъ, емлютъ подмогу и хлѣбъ самовольствомъ", а въ окладной росписи 1681 г. противъ указанія, что козьмодемьянскіе охотники получаютъ хлѣбную дачу, находимъ помѣту: „справится, есть-ли земли за ними и давно-ль хлѣбъ даютъ". Охотники-же какъ видно изъ ихъ челобитной всегда получали хлѣбъ. Когда въ 1681 г. было предписано не давать имъ больше хлѣбнаго жалованья, потому что у нихъ земля есть, они напрасно ссылались на прежнюю практику; рѣшеніе отмѣнить хлѣбную дачу оказалось непоколебимымъ. Какъ мы уже знаемъ, козьмодемьянскимъ охотникамъ разрѣшили получать жалованье не изъ ямского приказа, безъ „московской волокиты", но хлѣбной дачи не вернули.[1]) Такимъ образомъ, рождается предположеніе, что хлѣбное жалованье создалось само собой между этими двумя крайними моментами времени, свидѣтельствуя о живучести старыхъ порядковъ, хотя и проявлявшихся теперь уже въ иныхъ формахъ.

Ямскіе охотники по прежнему получали и прогоны. Размѣръ прогоновъ старый — 3 деньги за 10 верстъ.[2]) Какъ и до раззоренія, въ разсматриваемомъ періодѣ прогоны не всегда давались на все

---

[1]) А. Э. III, 116; Каз. Губ. Вѣд. 1856 г. № 12, Чт. О. И. Д. 1893 г. кн. 4, стр. 51.

[2]) Котошихинъ, стр. 91, Вр. О. И. Д., кн. 13, Расходн. кн. новгород. митроп., А. Э. IV, 192 и др.

разстояніе по подорожной. [1]) Мы уже имѣли случай высказать предположеніе, что, прогоны, если судить по подорожнымъ конца 16 и начала 17 вѣка давались на каждый маршрутъ въ размѣрѣ установленной въ данномъ приказѣ практики; для разсматриваемаго времени, кажется, можно уже опредѣленнѣе сказать, что размѣръ выдаваемыхъ на каждую поѣздку прогоновъ опредѣлялся не дѣйствительнымъ количествомъ верстъ, которое приходилось проѣхать, а разъ навсегда, впредь до особаго распоряженія, установившейся для каждаго даннаго маршрута практикой. Къ этому приводитъ, напримѣръ, разсмотрѣніе поверстной книги, находящейся въ уже цитированной указной книгѣ 1628 — 1629 г.г. Изъ нея мы видимъ, что отъ Москвы до литовскаго рубежа прогоны выдавались въ размѣрѣ 16 алтынъ, а назадъ —13 алтынъ; до Чаронды – 28 алтынъ, а назадъ — 21 алтынъ; по калужской дорогѣ прогоны давались до перваго малорусскаго города, назадъ-же только отъ Сѣвска и т. д. [2]) Изъ другого источника знаемъ, что, напримѣръ, отъ Нижняго до Владиміра, разстояніе между которыми считалось въ 330 верстъ, давали прогоновъ всего 7 алтынъ, отъ Нижняго до Арзамаса, разстояніе между которыми считалось въ 110 верстъ, давали прогоновъ всего также 7 алтынъ, отъ Нижняго до Переяславль-Залѣсскаго (разстояніе 205 верстъ) —6 алтынъ. [3]) Въ грамотѣ, полученной въ 1622 г. въ Псковѣ изъ Новгородской чети, читаемъ: „будетъ прежъ сего псковскимъ гонцемъ, которые гоняютъ изъ Пскова къ Государю къ Москвѣ, даваны прогоны отъ Пскова до Москвы, и прогоны псковскимъ гонцамъ велѣно давати до Москвы изъ псковскихъ доходовъ, а будетъ прежъ того даваны отъ Пскова до Новагорода и прогонные деньги велѣно давати до Новагорода.“ [4]) Прогоны „подписывались“ на подорожныхъ по тому, какъ это завелось, а удавалось ямщикамъ даннаго яма добиться, чтобы „подписывались“ про-

---

[1]) Это можно прослѣдить, въ особенности, по подорожнымъ. См. стр. 75. примѣч. 5 дан. кн. Ср. также Олонецк. Губ. Вѣд. 1849 г., № 36.

[2]) Имп. Пуб. Биб. О, IV, 9.

[3]) Арх. М. И. Д. Прих.-расх. кн. Нижегородской четверти, 1615 г., по реестру книгъ по Нижнему-Новгороду, № 1: напр. Л. Л. 347, 350, 353, 361 и мн. др. Разстоянія—по Кн. Больш. чертежу, стр. 128—134.

[4]) Пск. Губ. Вѣд, 1845 г. № 51.

гоны по болѣе выгодному для нихъ разсчету, и практика мѣнялась. Для разъясненія этого вопроса представляетъ нѣкоторый интересъ дѣло по Козьмодемьянской слободѣ. По старой практикѣ подводы давались до Козьмодемьянска съ прогоновъ, а отъ Козьмодемьянска (т. е. внизъ по Волгѣ—до Казани) безъ прогоновъ. Видимо, иногда козьмодемьянскимъ охотникамъ удавалось добиться, чтобы прогоны подписывались не только вверхъ по Волгѣ, но и внизъ; однако, приказная практика одерживала, должно быть, верхъ, такъ что, получая многое число прогоновъ, охотники многія подводы гоняли все-таки безъ прогоновъ, потому что „на подорожныхъ, каковы даются изъ ямского приказу, прогоновъ на кузьмодемьянской ямъ не подписываютъ“. Въ 1697 г. 1 іюня охотники, наконецъ, выхлопотали указъ, по которому прогоны должны были обязательно подписываться по числу верстъ въ оба конца. 5 іюля, однако, охотники уже опять увидѣли себя вынужденными жаловаться на то, что приказы вернулись къ старой практикѣ. [1])

Остановимся на вопросѣ о прогонахъ нѣсколько подробнѣе. Въ приказной практикѣ 17 вѣка это былъ одинъ изъ довольно острыхъ вопросовъ. Въ виду того, что практика требовала постоянныхъ отписокъ, по поводу каждаго дѣла вызывала цѣлый рядъ послѣдовательныхъ бумагъ изъ центра въ область и изъ области къ центру, вообще пріучала областныя власти къ канцеляризму,—оживленный и, очевидно, съ теченіемъ времени все болѣе оживлявшійся обмѣнъ гонцами требовалъ весьма значительнаго количества подводъ. Такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ каждое не только важное, но иногда и обычное, такъ сказать—текущее дѣло поручалось не одному лицу, а двумъ или нѣсколькимъ, при чемъ каждое лицо сопровождалось нѣсколькими пушкарями, стрѣльцами и разсыльщиками, то и исполнительныя функціи управленія вызывали необходимость въ довольно большомъ количествѣ подводъ. Весьма много подводъ требовалось и на переѣзды лицъ, вновь назначаемыхъ на разныя должности въ областяхъ. Обыкновенно такія лица занимали должности не долго; отслуживъ, они обыкновенно возвращались въ Москву для отчета, тутъ-же вскорѣ получали новыя назначе

[1]) П. С. З., III, 1587, 1636. Подобное-же дѣло возникло и въ практикѣ Бронницкаго яма, П. С. З., III, 1400.

нія и вновь уѣзжали изъ Москвы. Много подводъ требовалось, конечно, и для каждаго посольскаго проѣзда. Но особенно много подводъ сходило подъ всякіе запасы и казну, тѣмъ болѣе—въ такое время, когда шли какія-либо военныя приготовленія. Но все это получало особое значеніе, если мы вспомнимъ, какъ велики разстоянія между Москвой и многими областями; если примемъ также во вниманіе, что сношенія съ окраинными областями, особенно съ Сибирью, и представляли преимущественный интересъ: туда и оттуда шли постоянные транспорты, вмѣстѣ съ тѣмъ отдаленность области отъ центра должна была вызывать болѣе дѣятельную переписку. Сибирскіе охотники, какъ мы уже знаемъ, довольно долгое время не получали прогоновъ вовсе; отъ Соликамска, какъ мы увидимъ дальше, гоньба велась на особыхъ условіяхъ, такъ что правительству она или ничего не стоила, или стоила очень мало, но все-таки еще оставалось весьма значительное разстояніе, платить за проѣздъ по которому правительство считало для себя убыточнымъ. Такимъ образомъ, одни эти сношенія съ Сибирью были уже достаточнымъ мотивомъ, чтобы поставить на очередь вопросъ о прогонахъ. Какъ намъ уже приходилось говорить, съ сибирской гоньбы вопросъ и начался. Но очень скоро обнаружилось, что бременемъ на бюджетъ ложится не только сибирская гоньба. Правда, однѣми ямскими подводами правительство не ограничивалось; чуть побольше посылка—сейчасъ же собирались обывательскія подводы; тѣмъ не менѣе и ямскихъ подводъ ежедневно въ разгонѣ было много. Если бы прогоны платились за каждую подводу по таксѣ и за все разстояніе, то, какъ не незначительна была такса (замѣтимъ, что она оставалась безъ измѣненія на протяженіи двухъ вѣковъ), общій расходъ на прогоны достигъ бы весьма большой суммы. Правительство прибѣгало поэтому къ разнымъ средствамъ съ цѣлью хоть нѣсколько уменьшить общую цифру этого расхода. Первое средство состояло въ указанной уже практикѣ назначать прогоны не за весь маршрутъ, а за часть его, второе – назначать прогоны не за все количество подводъ, а за часть ихъ, третье—при всякой возможности (быть можетъ, при всякомъ формальномъ предлогѣ—напримѣръ, „самое скорое дѣло“, „государево спѣшное дѣло“, „государево тайное дѣло“) назначать подводы безъ про-

гоновъ, четвертое—раскладывать маршрутъ на двѣ или нѣсколько частей, и одну часть оплачивать изъ казны, другую заставлять оплачивать изъ средствъ ѣдущаго, третью не оплачивать вовсе и т. д. [1]). Мы охотно допускаемъ, что первоначально, когда какая-нибудь комбинація создавалась впервые, имѣлись вполнѣ объяснимыя и опредѣленныя основанія, почему поступали такъ, а не иначе. Но съ теченіемъ времени, вѣроятно, эти основанія забывались, и примѣнялись тѣ комбинаціи, которыя болѣе подходили къ обычной въ подобныхъ случаяхъ практикѣ.

Со второй половины вѣка начинается стремленіе стать на иной, болѣе справедливый путь: пытаются не столько экономить путемъ недоплаты прогоновъ, сколько путемъ сокращенія числа гоняемыхъ подводъ. Кромѣ того, намѣченной цѣли пытаются достичь уже не путемъ узаконенія приказнаго обычая, а путемъ изданія общихъ нормъ. Первый указъ въ этомъ смыслѣ относится къ 16 октября 1649 г. По этому указу предписывалось обо всѣхъ маловажныхъ дѣлахъ присылать въ Москву съ нарочными гонцами, изжидая гонцовъ изъ иныхъ городовъ; точно также предписывалось и въ Москвѣ изъ приказовъ посылать не иначе, какъ сославшись другъ съ другомъ, чтобы по одной дорогѣ не посылалось нѣсколько гонцовъ. Тотъ-же указъ запрещалъ вовсе давать подводы тѣмъ посадскимъ людямъ, цѣловальникамъ и неслужилымъ людямъ, которые, хотя и привозили въ Москву разныя отписки изъ городовъ, но не исполняли этимъ спеціальнаго порученія; наконецъ, указъ вводилъ и такое правило: „а иныхъ гонцовъ изъ городовъ-же, стрѣльцовъ, и казаковъ и пушкарей, и разсыльщиковъ, и приставовъ и посадскихъ мужиковъ назадъ отпущать безъ подводъ, которымъ не доведется подводъ дать“. Въ указѣ прямо обозначенъ и мотивъ сдѣланныхъ постановленій: общій мотивъ—въ лишней гоньбѣ казнѣ убыль великая; спеціальный мотивъ - „чтобы Государевой казнѣ въ прогонахъ убыли не было, потому что нынѣ въ городѣхъ по новому письму передъ прошлыми годы въ ямскомъ денежномъ сборѣ убыль многая, и ямщикомъ Государева жалованья въ окладъ и на прогоны денегъ не достанетъ“ [2]). (Наличность спеціальнаго мотива и по-

[1]) Подорожн. См. стр. 75, пр. 5. См. также П. С. З., II, 1107.
[2]) П. С. З., I, 18.

зволяетъ предполагать, что ограниченія подобнаго рода были примѣнены впервые). Въ дальнѣйшемъ было предписано: посылать обо всѣхъ вѣстяхъ, кромѣ скорыхъ дѣлъ, не съ нарочными гонцами, а черезъ почту и не давать ямскихъ подводъ для исцовыхъ дѣлъ [1]). Всѣ эти указы шли къ тойже цѣли, какъ и прежняя практика, по которой казна платила не всѣ слѣдуемые прогоны, а лишь ту или иную часть ихъ, но и въ иной формѣ и инымъ путемъ. Одна практика не дѣлала, однако, лишней другую, такъ что, стремясь къ уменьшенію общаго размѣра разгона, правительство въ предѣлахъ этого разгона не отказывалось отъ своего обычая платить лишь часть того, что, въ сущности, слѣдовало бы заплатить.

Много раньше приведеннаго указа 1649 г., который (по крайней мѣрѣ, въ теоріи) долженъ былъ сразу значительно сократить размѣры ямского разгона, правительство разработало цѣлое спеціальное законодательство о числѣ подводъ для каждаго лица, смотря по его сану, родовитости и служебному положенію. Первый указъ такого рода былъ изданъ 8 марта 1627 г. [2]) Этотъ указъ былъ вскорѣ дополненъ специ-

---

[1]) П. С. З. I, 534, 541, Д. А. И. VI 77. Симб. Сборн., Малорос. дѣла, стр. 14—15.

[2]) Указъ 8 марта 1627 г. извѣстенъ въ литературѣ по основному списку, напечатанному Миллеромъ въ 20 т. Вивліоѳики, стр. 413 416; болѣе поздній списокъ напечатанъ въ Р. И. Б., IX, стр. 520 – 522. (Записн. кн. Моск. Стола 1626—1627 г.). Въ послѣднемъ спискѣ имѣются кое какіе пропуски. Печатаемый ниже списокъ извлеченъ изъ рукописи Имп. Пуб. Б. О. IV, 9. Мы считаемъ его самымъ точнымъ, такъ какъ рукопись, какъ мы уже имѣли случай говорить, представляетъ въ этой своей части копію съ подлинной указной книги ямского приказа 1628 г. Вотъ самая роспись: „Митрополитомъ по двадцати подводъ съ проводникомъ, архіепискупомъ по пятнадцати подводъ съ проводникомъ, епискупомъ по одинадцати подводъ съ проводникомъ, бояромъ по двадцати подводъ съ проводникомъ, околничимъ по пятнадцати подводъ съ проводникомъ, думнымъ дворяномъ по двѣнадцати подводъ съ проводникомъ, думнымъ дьякомъ по десяти подводъ съ проводникомъ, архимандритомъ по девяти подводъ съ проводникомъ, игуменомъ по пяти подводъ съ проводникомъ, стольникомъ 1-й статьѣ, князю Микитѣ Одоевскому, по десяти подводъ съ проводникомъ; 2-й статьѣ, князю Василію Туренину по осми подводъ съ проводникомъ; 3-й статьѣ Исаку Погожеву по шти подводъ съ проводникомъ, стряпчимъ: 1-й статьѣ, по шти подводъ съ проводникомъ, 2-й статьѣ по пяти подводъ съ проводникомъ; дворяномъ московскимъ: 1-й статьѣ, князю Ивану Катыреву,

альнымъ распоряженіемъ о томъ, въ какой мѣрѣ онъ долженъ относиться къ поѣздкамъ зимнимъ путемъ. Указъ состоялся 23 января 1628 г. Было предписано: „давать подводы зимнимъ путемъ противъ лѣтняго пути, а проводнічьей подводы зимнимъ путемъ оставливать не велѣно, а дѣтямъ боярскимъ и которымъ гонцамъ, которые посланы будутъ съ государевы грамотами, давать зимнимъ путемъ по одной подводѣ съ саньми да проводникомъ въ оглобли". 14 апрѣля того-же года „у Благовѣщенья Пресвятыя Богородицы на

по десяти подводъ съ проводникомъ, 2 й статьѣ, Князю Олексѣю Долгорукому по осми подводъ съ проводникомъ, 3-й статьѣ князю Ивану Козловскому, по шти подводъ съ проводникомъ, 4-й статьѣ Микитѣ Лихареву по пяти подводъ съ проводникомъ, 5-й статьѣ, Юрью Редрикову по четыре подводы съ проводникомъ, ловчему московскому по семи подводъ съ проводникомъ, діакомъ изъ приказовъ: Ивану Болотникову по шти подводъ съ проводникомъ, жильцомъ: 1-й статьѣ, по четыре подводы съ проводникомъ, 2-й статьѣ, по три подводы съ проводникомъ, головамъ стрѣлецкимъ, Лукьяну Мясному, по шти подводъ съ проводникомъ, дворяномъ изъ городовъ выбору по четыре подводы съ проводникомъ, изъ городовъ же дворовыхъ по три подводы съ проводникомъ, городовымъ дѣтемъ боярскимъ по двѣ подводы съ проводникомъ, сотникомъ московскимъ по четыре подводы съ проводникомъ, головамъ стрѣлецкимъ и казачьимъ изъ городовъ по четыре подводы съ проводникомъ, клюшникомъ путнымъ по четыре подводы съ проводникомъ, чарошникомъ и стряпчимъ и вѣкошникомъ (завѣдывавшимъ мягкой рухлядью) по три подводы съ проводникомъ, сытникомъ и подключникомъ по двѣ подводы съ проводникомъ, стремяннымъ конюхомъ по три подводы съ проводникомъ, конюхомъ-же стряпчимъ изъ задворныхъ по двѣ подводы съ проводникомъ, переводчикомъ по четыре подводы съ проводникомъ, толмачемъ по три подводы съ проводникомъ, псовникомъ по четыре подводы съ проводникомъ, охотникомъ по три подводы съ проводникомъ, псаремъ коннымъ по двѣ подводы съ проводникомъ, а пѣшимъ по одной подводѣ съ проводникомъ, трубникомъ по двѣ подводы съ проводникомъ, кречатникомъ и сокольникомъ и ястребникомъ, по три подводы съ проводникомъ, подъячимъ изъ приказовъ: добрымъ по три подводы съ проводникомъ, второй статьѣ подъячимъ по двѣ подводы съ проводникомъ, таможеннымъ и кабатцкимъ головамъ, которыхъ посылаютъ по городамъ: гостемъ по пяти подводъ съ проводникомъ; 2-й статьѣ головамъ торговымъ людемъ по три подводы съ проводникомъ, цѣловальникомъ по одной подводѣ за готовымъ съ проводникомъ". Въ этомъ спискѣ находимъ приписку отъ 1678 г., изъ которой видно, что въ этомъ году было сдѣлано распоряженіе, чтобы Касимовскому царевичу Василію Араслановичу дали 30 подводъ до Новаго Оскола. Приказывалось записать это въ ямскомъ приказѣ и впредь давать Касимовскому царевичу по 30 подводъ.

Сѣняхъ у заутрене“ Государь пожаловалъ „стольниковъ и стряпчихъ и московскаго списку дворянъ и дьяковъ сверхъ своего Государева прежняго указа велѣлъ прибавить лѣтнимъ путемъ по проводнику на подводу, а зимнимъ путемъ велѣлъ давать по прежнему указу, а проводничьи подводы велѣлъ зимнимъ путемъ отставить, потому что пишутъ проводника въ оглобли“. [1]) Тогда-же соотвѣтственно была измѣнена и роспись 8 марта: каждый изъ вышеупомянутыхъ чиновъ получилъ по одной подводѣ лишней. [2]) 10 Сентября того-же года было приказано давать московскимъ стрѣлецкимъ пятидесятникамъ по одной подводѣ человѣку и „давать и впредь“. [3]) Въ развитіе отдѣльныхъ частей этихъ указовъ, въ промежуткахъ между ними было предписано: „впредь во всѣ городы бояромъ и воеводамъ и дьякомъ и всякимъ приказнымъ людемъ, которымъ быть въ городахъ, подводъ съ Москвы въ города и изъ городовъ къ Москвѣ безъ государевыхъ именыхъ приказовъ не давать, а бояромъ и воеводамъ и всякимъ приказнымъ людемъ давать подводы, которые посланы будутъ спѣшно въ Астрахань, на Терекъ и въ Кольскій острогъ“. Извѣстенъ и еще одинъ указъ такого-же характера (отъ 21 октября 1628 г.): воеводамъ и приказнымъ людямъ давать подводы лишь въ дальніе города, каковыми было приказано считать города за Новгородомъ, Вязьмой, Торопцомъ и Казанью. [4])

Связь между всѣми этими тремя категоріями мѣръ (уплата прогоновъ не за все разстояніе, а сообразно маршруту, сокращеніе общаго размѣра разгона и указы о числѣ подводъ) едва-ли подлежитъ сомнѣнію, но мы выдѣлили указы о числѣ подводъ, въ виду нѣсколько иной, болѣе широкой

---

[1]) Имп. Публ. Библ., О, IV, 9.

[2]) По новой росписи устанавливалось: стольникомъ 1 статьѣ, кн. Микитѣ Одоевскому 11 подводъ; стольникомъ 2 ст., Василію Туренину — 9 подводъ; 3 ст. Исаку Погожеву—7 подводъ. Стряпчимъ 1 ст.—7 подводъ; 2 ст.—6 подводъ; дворянамъ московскимъ 1 ст. кн. Ивану Катыреву Ростовскому—11 подводъ; 2 ст., кн. Алексѣю Долгорукову 9 подводъ; 3 ст., кн. Ивану Козловскому—7 подводъ; 4 ст. Микитѣ Михалеву—6 подводъ; 5 ст. Борису Редрикову 5 подводъ. Дьякамъ изъ приказовъ, Ивану Болотникову и инымъ въ ту-же версту—7 подводъ, а инымъ дьякомъ—6 подводъ. О, IV, 9.

[3]) О, IV, 9.

[4]) О, IV, 9.

ихъ цѣли. Въ хронологическомъ порядкѣ, какъ мы видѣли, эти три категоріи мѣръ шли такъ: разсчетъ прогоновъ создался на почвѣ неизвѣстной намъ приказной практики 16 вѣка и развился въ приказной практикѣ 17 вѣка; указы о подводахъ были изданы въ годы новаго государственнаго строительства; указы о сокращеніи общаго размѣра разгона были изданы въ годы стремленій къ общимъ финансовымъ реформамъ (вспомнимъ, что какъ разъ на 1646—1648 г.г. приходится проектъ новой соляной пошлины). Соотвѣтственно съ этимъ, не отрицая общей всѣмъ тремъ категоріямъ мѣръ цѣли—сократить расходы на прогоны, признавая и извѣстное взаимодѣйствіе между этими категоріями мѣръ, мы должны, кажется, все таки признать, что указы о подводахъ по замыслу, по крайней мѣрѣ, имѣли основаніемъ болѣе широкіе мотивы, чѣмъ только соображенія о необходимости сократить расходы на прогоны: указами имѣлось въ виду вообще установить порядокъ, содѣйствовать занимавшему тогда правительство дѣлу общаго государственнаго уряда.

Какъ понятно само собой, и указы о числѣ подводъ, и указы о томъ, чтобы съ маловажными отписками не отправляли нарочныхъ гонцовъ должны были весьма благопріятно отозваться на положеніи охотниковъ. Мы уже говорили въ предъидущей главѣ, что обыкновенно даже вполнѣ оплаченная прогонами подвода не окупала стоимости ея отпуска. Слѣдовательно, если къ тому-же принять во вниманіе, что подводы не всегда оплачивались прогонами, то будетъ ясно, что вопросъ о числѣ подводъ, отпускаемыхъ слободой, положимъ, въ теченіи года, имѣлъ для слободы весьма серьезное значеніе. Несмотря, однако, на указанный рядъ мѣръ, разгонъ все-таки былъ очень большой, такъ что до самаго конца 17 вѣка охотники не переставали жаловаться на тяжесть своей службы. Многое слѣдуетъ объяснять тутъ злоупотребленіями. Какія злоупотребленія имѣли мѣсто въ сибирскихъ городахъ – мы уже знаемъ. Въ московскихъ, городахъ, быть можетъ, вопросъ и не стоялъ такъ остро, тѣмъ не менѣе и тутъ можно указать на рядъ случаевъ, свидѣтельствующихъ о дѣйствительно тяжелыхъ условіяхъ, среди которыхъ охотникамъ приходилось нести службу. Такъ, въ извѣстномъ слѣдственномъ дѣлѣ о кн. Д. П. Пожарскомъ

находимъ указаніе, что псковскіе воеводы брали подводы въ слободѣ насильно, прогоновъ не платили, больше тысячи подводъ взяли безъ всякаго найма и, преимущественно, для своихъ дѣлъ. [1]) Сохранилась челобитная воронежскихъ охотниковъ, въ которой они жаловались, что воевода многимъ начальнымъ людямъ и во всякія посылки давалъ ямскія подводы безъ подорожныхъ и безъ прогоновъ, а когда всѣ указныя лошади оказывались въ разгонѣ, онъ требовалъ лишнія подводы и „съ тѣхъ лишнихъ подводъ билъ ямщиковъ на правежѣ"; если-же сами охотники были всѣ въ разъѣздѣ, то ямскія подводы правились на женахъ. [2]) Извѣстно слѣдственное дѣло о касимовскомъ воеводѣ Алексѣѣ Кондыревѣ, который, по словамъ охотниковъ, чинилъ имъ многіе налоги и обиды, требуя лишнія подводы, билъ и увѣчилъ, а однажды пошелъ на слободу во главѣ вооруженнаго отряда и раззорилъ всю слободу [3]) Можно было бы привести и еще нѣсколько примѣровъ. [4]) Едва-ли къ тому же эти примѣры можно считать единичными случаями. Злоупотребленія выражались, однако, не только въ томъ, что съ охотниковъ брали лишнія подводы, брали силой, брали безъ подорожныхъ и прогоновъ, а и въ томъ, что подводы слишкомъ долго задерживались, чѣмъ причинялся новый рядъ убытковъ: незаконно взятая и долго невозвращаемая подвода не освобождала отъ обязанности выставлять подводы для ѣхавшихъ по подорожнымъ; слѣдовательно, охотникамъ приходилось нанимать подводы у стороннихъ людей. Злоупотребленія въ этой послѣдней формѣ были весьма, видимо, часты, такъ какъ извѣстенъ указъ, напримѣръ, отъ 1673 г., по которому запрещалось задерживатъ подводы по подорожнымъ больше двухъ дней. [5]) Мы приводимъ этотъ указъ только какъ примѣрный, такъ какъ едва-ли можно сомнѣваться, что онъ повторилъ лишь

[1]) Чт. О. И. Д., 1870 г., кн. I, стр. 37. Рѣчь здѣсь идетъ о Дм. Петров. Пожарскомъ, а не о знаменитомъ освободителѣ Москвы. На это указалъ уже Лаппо-Данилевскій, ц. с., стр. 343, пр. 4.

[2]) Вор. Акты, изд. Статист. ком., т. I, стр. 161 162. Вейнбергъ, Воронежская почта.

[3]) А. Юр. Кал., I, 58, III.

[4]) Напр. А. М. И. Д. П. Д. С. Л., св. 48, № 66, 1631 г., св. 135, № 43, 1640 г. и т. д.

[5]) П. С. З., I, 542.

то, что не разъ было устанавливаемо и раньше. Въ томъ же слѣдственномъ дѣлѣ о кн. Пожарскомъ (оно относится еще къ 1630 г.) ямщики, между прочимъ, обвиняли воеводъ и въ томъ, что они подолгу задерживали подводы.

Но жалобы охотниковъ на непосильный разгонъ нельзя цѣликомъ объяснять злоупотребленіями воеводъ. Какъ не разъ приходилось отмѣчать по поводу другихъ частностей ямского строя, Москва и въ этомъ отношеніи поступала такъ: установивъ опредѣленный принципъ, не затруднялась нарушать его, сообразуясь съ потребностями дня. Разъ надобилось отправить въ Москву или изъ Москвы большую посылку, отправить многихъ людей и т. д., охотники, въ силу самыхъ предписаній изъ Москвы, должны были выставлять столько подводъ, сколько требовалось, а не сколько могли; должны были везть туда, куда приказывалось, а не куда они обычно возили; наконецъ, задерживались подводы столько времени, сколько это было нужно, а не сколько въ принципѣ признавалось справедливымъ. Если охотники возражали, ссылаясь на прежнія грамоты и указы, съ ними поступали, какъ съ ослушниками. Такъ, въ 1634 г. московскія ямскія подводы должны были возить запасы для смоленскихъ шеиновскихъ полковъ до самой Вязьмы и только тамъ перемѣнялись. Иногда московскихъ ямщиковъ заставляли возить и дальше: до Дорогобужа и вплоть до Смоленска, причемъ имъ въ такихъ случаяхъ приходилось даже нанимать смѣнныя подводы. [1]) Когда въ 1667 г. назначено было посольство Нестерова къ султану, послѣдовалъ приказъ собрать съ воронежскаго яму подводы противъ московскаго отпуска, хотя въ Москвѣ всѣ слободы были большія, а воронежскій ямъ былъ устроенъ всего на десять вытей; указъ разрѣшилъ недостающія подводы, если бы понадобилось, собрать съ населенія, но, разумѣется, въ предѣлахъ такого указа ямскіе охотники могли быть принуждаемы выставить и такое число подводъ, которое имъ было не подъ силу. [2]) Въ виду подобнаго положенія вещей иногда между слободой и мѣстной властью, даже, быть можетъ, если послѣдняя и не прибѣгала къ какимъ-либо особымъ злоупотребленіямъ, отношенія очень обострялись. Мы знаемъ частыя жалобы

[1]) Акты Моск. Госуд., I, стр. 647, II, стр. 497.

[2]) Ворон. Акты (Второва), III, стр. 93—95, 98—99.

воеводъ на ослушаніе охотниковъ. Такъ, калужскій воевода въ 1638 году сообщалъ, что, собравъ 80 подводъ для посылки въ Алексинъ, онъ уже не могъ собрать съ ямщиковъ тѣ 20 подводъ, которыя ему было приказано собрать подъ стрѣльцовъ по грамотѣ изъ ямского приказа. На его требованія ямщики отвѣчали: „хоть де насъ замучь на правежѣ, и намъ дать опричь того нечего: лошадей у насъ больше того нѣтъ". Но такъ какъ калужскій ямъ былъ строенъ на 40 вытей при трехъ меринахъ на выть, то изъ Москвы было приказано править на ямщикахъ подводы нещадно. [1]) Ярославскій воевода, напримѣръ, жаловался въ 1664 г. на то, что ямщики отказались дать подводы подъ шубные кафтаны; не давая подводъ, отбили двухъ человѣкъ; при этомъ сказали, что и впредь подводъ не дадутъ. Отъ того-же года извѣстна жалоба и на клинскихъ ямщиковъ и т. д. [2]).

Ямскіе охотники получали еще изъ казны особое вознагражденіе за „упалыхъ" лошадей. Всѣ-ли получали или только нѣкоторые, во всѣхъ-ли случаяхъ или только въ исключительныхъ, это – не ясно. Въ дѣлѣ отъ 1687 г. находимъ челобитную тульскихъ охотниковъ, въ которой, между прочимъ, говорится: „а въ прошлыхъ годехъ ихъ братьѣ, московскимъ и розныхъ городовъ ямщикомъ на упалыя лошади, въ чигиринскую службу давано ихъ, великихъ государей, жалованья по пяти рублевъ на лошадь". Въ томъже дѣлѣ, въ докладѣ читаемъ: „и жалованья на упалыя лошади, по пяти рублевъ на лошадь, давано многихъ ямовъ ямщикомъ". [3]).

Для полноты очерка тѣхъ условій, при которыхъ ямскіе охотники несли службу, скажемъ еще нѣсколько словъ о состояніи ямскихъ дорогъ. О томъ, въ какомъ состояніи были сибирскія дороги, мы уже говорили; дороги московскія, конечно, не всѣ одинаково, были въ общемъ едва-ли въ лучшемъ состояніи. Объ этомъ достаточно свидѣтельствуютъ иностранцы, писавшіе о Россіи, одинаково какъ для 16, такъ и для всего 17 вѣка. Однако, свидѣтельства эти обыкновенно различаютъ зимній путь отъ лѣтняго. Зимой, говоритъ,

[1]) Акты Моск. Госуд., II, стр. 59.
[2]) Р. И. Б. XI, стр. 72—73, стр. 197 и др.
[3]) П. С. З., II, 1251.

напримѣръ, Дженкинсонъ, можно было легко проѣхать 500 верстъ въ 3 сутокъ (хотя онъ ѣхалъ зимой-же и всего не болѣе 400 вер. — около 6 сутокъ), за то лѣтнее движеніе затруднялось лѣсами, въ которыхъ дорога шла часто по пнямъ недавно срубленныхъ деревьевъ; дороги то и дѣло поворачивали на топи и болота, по которымъ не всегда были гати и мосты, а гдѣ и были—оказывались плохими. Отъ Москвы до Смоленска Таннеръ насчиталъ 533 моста, а мосты эти дѣлались изъ толстыхъ бревенъ, плохо связанныхъ между собой, такъ что переѣздъ по нимъ въ тяжеломъ экипажѣ былъ очень опасенъ. Невилль писалъ, что лѣтнимъ путемъ можно было проѣхать не болѣе 4—5 миль въ сутки. [1]) Въ описаніи путешествія антіохійскаго патріарха Макарія находимъ слѣдующіе отрывки о состояніи нѣкоторыхъ дорогъ въ лѣтнее время: „одному всевышнему Богу извѣстно, до чего трудны и узки здѣшнія дороги (отъ Путивля къ Москвѣ): всѣ дороги были покрыты водой, на нихъ образовались ручьи, рѣки, и непролазная грязь; поперекъ узкой дороги падали деревья, которыя были столь велики, что никто не былъ въ силахъ ихъ разрубить или отнять прочь; когда подъѣзжали повозки, то колеса ихъ поднимались на эти деревья и потомъ падали съ такой силой, что у насъ въ животѣ разрывались внутренности". Описывая дорогу отъ Калуги до Москвы, авторъ замѣчаетъ: „дорога чрезвычайно трудна, ибо, выѣхавъ на зарѣ въ пятницу, мы сдѣлали около пятнадцати верстъ, т. е. три большихъ мили, по лѣсамъ и горамъ, то поднимаясь, то спускаясь, по оврагамъ, по грязи и водѣ, образовавшейся отъ дождя, и только одинъ Богъ знаетъ, по какой узкой трудной дорогѣ... По этой причинѣ большинство ѣдущихъ въ эту страну отправляются во время Богоявленія и заговѣній, такъ какъ земля и дороги въ ту пору бываютъ ровны: нѣтъ ни подъемовъ, ни

---

[1]) Путешеств. Дженкинсона, Чт. О. И. Д. 1884 г., кн. 4, стр. 31—32. Хотя, напримѣръ, Томасъ Рандольфъ, ѣхавшій той-же дорогой, какъ и Дженкинсонъ, и при томъ - осенью, не жаловался на дорогу. Тамъ-же, стр. 93. Часть этой-же дороги (отъ Москвы до Ярославля) назвалъ „почти ровной" и авторъ „Дневника путешествія Марины Мнишекъ въ Москву и пребыванія поляковъ въ Россіи", въ Сказан. соврем. о Дмитр. Самозв., ч. IV, стр. 81. Ср. Ключевскій, Сказанія иностранц. о Московск. госуд., М. 1866 г., стр. 226—227.

спусковъ, но онѣ какъ бы вымощены плитами изо льда и глубокаго снѣга; и по той причинѣ, въ особенности, что экипажи, называемые санями, т. е. безколесные, скользятъ, передвигаясь съ быстротой свыше всякой мѣры". [1]) Пальмквисту состояніе дорогъ, по которымъ онъ проѣзжалъ, дало поводъ высказать предположеніе, что русскіе нарочно запускаютъ дороги, ведущія внутрь Россіи, чтобы затруднить доступъ внутрь страны иностранцамъ. [2])

Ямщики, однако, должны были ѣздить быстро не только зимой, но и лѣтомъ. [3]) При описанномъ состояніи лѣтнихъ дорогъ лошади быстро „безножили"; иная подвода, какъ жаловались ямщики, „сходитъ дважды или трожды, а впредь и не будетъ". [4]) Возможно, что именно этими обстоятельствами и слѣдуетъ объяснять появленіе указанныхъ выше подможныхъ денегъ за упалыхъ лошадей. Во всякомъ случаѣ, такое состояніе дорогъ не могло способствовать увеличенію благосостоянія охотниковъ.

Трудно, однако, рѣшить, насколько всѣ описанныя сейчасъ неблагопріятныя условія препятствовали развитію слободской жизни. Мы думаемъ, что при всемъ вредѣ, причинявшемся ими ямскому строю, послѣдній все таки развивался. Ямской разгонъ былъ великъ, злоупотребленія воеводъ наносили охотникамъ не мало вреда, вся служба была обставлена такъ, что охотники и въ 17 вѣкѣ, вплоть до конца его, часто жаловались, что обнищали и помираютъ голодной смертью. [5]) Существовало цѣлое довольно выработанное законодательство о запрещеніи держать у себя бѣглыхъ ямщиковъ, о наказаніи за ложь при сыскѣ бѣг-

---

[1]) Путеш. антіох. патріарха Макарія въ Россію, въ полов. 17 вѣка, описанное Павломъ Алеппскимъ, Чт. О. И. Д., 1897 г., кн. 4, стр. 119—120, стр. 134—135.

[2]) Эрикъ Пальмквистъ, Нѣсколько наблюденій надъ Россіей въ 1674 г. Мы пользовались переводомъ съ шведскаго, принадлежащимъ перу одного изъ чиновъ Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, а также любезными указаніями проф. Э. Н. Берендтса. Пальмквистъ, между прочимъ, дѣлаетъ замѣчаніе, что по мѣрѣ приближенія къ Москвѣ отъ Новгорода версты все короче и короче.

[3]) Ключевскій, Сказан. иностр., стр. 225. Путеш. Корнилія де Бруина черезъ Московію, Чт. О. И. Д., 1872 г., кн. 4, стр. 235.

[4]) Q. IV, 263, послѣ Л. 168.

[5]) Наприм. Каз. Губ. Вѣд. 1856 г., № 13, П. С. З., III, 1400, 1498, Вейнбергъ, Воронежская почта и др.

лыхъ ямщиковъ; были, какъ мы уже знаемъ, особыя правила, какими руководствовались при возвращеніи бѣглыхъ ямщиковъ въ слободы: извѣстно, что назначалась пеня въ 10 рублей за пристанодержательство бѣглаго ямщика (если помѣстье или вотчина, куда бѣжалъ ямщикъ уже перешли къ другому владѣльцу, съ послѣдняго брали только 5 рублей пени). [1] Слѣдовательно, бѣглые ямщики были вполнѣ обычнымъ явленіемъ. Но, съ другой стороны, надо принять во вниманіе, что вообще всѣ челобитчики и при всякой просьбѣ не жалѣли тогда мрачныхъ красокъ при описаніи своего положенія, а также и то, что бѣгали тогда не только ямщики, но и крестьяне, и посадскіе. Законодательство о бѣглыхъ ямщикахъ не представляется намъ болѣе интенсивнымъ, чѣмъ, напримѣръ, законодательство о бѣглыхъ крестьянахъ, [2] и мы, повидимому, не имѣемъ основаній думать, чтобы это законодательство развивалось самостоятельно, а не на почвѣ общихъ причинъ. Между тѣмъ, извѣстны слѣдующіе факты: въ самомъ началѣ 18 вѣка цѣлый рядъ слободъ является предъ нами въ видѣ весьма богатыхъ селеній, часто наиболѣе зажиточныхъ во всей округѣ. Такъ, ярославскіе ямщики въ дѣлахъ 1706—1712 г.г. выступаютъ въ качествѣ крупныхъ торговцевъ лѣсомъ и мукой Ямщики нижегородской слободы возбуждали зависть въ горожанахъ, и тѣ считали что торговая дѣятельность ямщиковъ наноситъ имъ крупные убытки. Въ концѣ 17 вѣка между козьмодемьянскими охотниками и посадскими людьми происходили распри изъ-за торговыхъ дѣлъ. Вологодскіе ямщики въ 1682 г. торговали большими торгами и т. д. [3]) Мы знаемъ также, что очень многія ямскія слободы еще до 60-хъ годовъ 17 вѣка вели торговлю всякими торгами. Когда въ 1662 г. стали снова собирать пятую деньгу на жалованье ратнымъ людямъ, и, въ числѣ дру-

---

[1]) П. С. З., I, 68, Д. А. И. IV, 68; Изв. Тамб. Арх. Ком., XXXIX, стр. 101.

[2]) Напр., сыщиковъ наказъ въ П. С. З. II, 998. Ср. Лаппо-Данилевскій, ц. с., стр. 158—164.

[3]) Дѣла о ярославск. ямщ. 1712 г. въ Арх. Яросл. Учен. Архивн. Ком.; Дѣйствія Нижегор. Архивн. Ком., в.в. 12 - 14, стр. 52; Каз. Губ. Вѣд., 1856 г., 13; Вологод. Губ. Вѣд., 1850 г. 15. Ср. Сборн. статист. свѣдѣній по московск. губ., М. 1877 г., стр. 27-29. У Олеарія читаемъ: „такъ какъ положеніе ямщиковъ очень обезпечено, то многіе изъ крестьянъ очень домогаются въ эту должность". Ц. перев., стр. 226.

гихъ, пятую деньгу стали сбирать и съ ямскихъ всякихъ торговъ, ямщики били челомъ въ Москву и добились указовъ, одного отъ 1663 г., другого отъ 1670 г., а третьяго отъ 1689 г., по которымъ съ московскихъ слободъ, „которые торгуютъ всякими торгами", приказано было брать на Москвѣ въ сотенную палату съ трехсотъ московскихъ вытей по пятидесяти рублей на выть, а съ нижегородскихъ и ярославскихъ слободъ по десяти рублей съ выти, съ касимовскихъ —по пяти рублей съ выти брать въ ямскія избы ежегодно. Въ 1697 г. стали брать десятирублевый сборъ и съ козьмодемьянскихъ охотниковъ. [1]) Самая мысль о привлеченіи ямскихъ охотниковъ къ участію въ общегосударственныхъ денежныхъ сборахъ, хотя бы только экстренныхъ, представляется намъ характерной. Въ одной памяти, присланной изъ ямского приказа, мы читаемъ, что по указу еще Іоанна IV (т. е. по даннымъ имъ уставнымъ грамотамъ слободамъ), подтвержденному всѣми государями и наново изданному Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, ямщики съ посадскими и уѣздными людьми ничего никуда не были обязаны платить; въ памяти далѣе говорится, что они до 1662 г. никакихъ податей не платили, никакого тягла не тянули и никакого издѣлія не дѣлали, гоняя только гоньбу. [2]) Если, слѣдовательно, была сдѣлана попытка отступить отъ этого кореннаго правила, то не потому-ли, что главный вопросъ, т. е. стремленіе обезпечить гоньбу, создать необходимый классъ спеціалистовъ, былъ почтенъ разрѣшеннымъ? Слѣдуетъ къ тому-же прибавить, что попытка эта въ дѣйствительности не была первой и не была случайной. Еще раньше пятой деньги 1662 г., когда въ 1654 г. стали собирать десятую деньгу, ямщики уже были привлечены къ сбору; [3]) въ 1679 г. (да и раньше)

---

[1]) П. С. З., I, 329 Г. Г. Д., IV,25, Каз. Губ. Вѣд., 1856 г., № 13.

[2]) Каз. Губ. Вѣд., 1856 г., № 13. Здѣсь, однако, необходимо обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство: въ первый разъ пятая деньга сбиралась сейчасъ послѣ раззоренія (тогда къ платежу были привлечены и ямщики, А Э., III, 70, 79—81); но тогда были не такія обстоятельства, чтобы правительство могло думать о ямской гоньбѣ; собирали со всѣхъ, никого не обходя. Пятую деньгу 1633 г. съ охотниковъ уже не собирали (Г. Г. Д., III, 99, А. Э. III, 242). Въ цитированной въ текстѣ памяти ямского приказа есть еще одна неточность: съ ямщиковъ въ 1654 г. сбирали десятую деньгу, А. И. IV, 93.

[3]) А. И., IV, 93, П. С. З., I, 129.

была сдѣлана попытка собирать съ ямскихъ охотниковъ стрѣлецкія деньги, [1]) въ 1697 г.—деньги въ корабельное строеніе. [2]) Охотники, какъ мы видѣли, стали доказывать свое исконное право не платить, но въ Москвѣ не могли не знать этого и до ихъ челобитій. Правительство пошло на уступки, вошло, какъ мы видѣли, въ сдѣлку съ ямщиками, но все-таки съ этого времени старыя охотничьи традиціи оказались нарушенными. Если бы указанныя неблагопріятныя условія, которымъ въ литературѣ до сихъ поръ придавали столь серьезное значеніе, оказывали болѣе сильное дѣйствіе, чѣмъ условія, благопріятствовавшія охотникамъ, то едва-ли правительство, столь нуждавшееся въ гоньбѣ, остановилось бы на мысли привлекать охотниковъ къ какимъ-либо платежамъ, иными словами—стало бы дѣлать положеніе охотниковъ еще болѣе невыгоднымъ.

Чѣмъ-же можно объяснить это кажущееся противорѣчіе? Главнымъ образомъ, конечно, тѣмъ, что въ 17 вѣкѣ ямскія слободы были уже большими сплоченными общинами, естественно развивавшимися. Всякія случайности, злоупотребленія воеводъ, бѣгство отдѣльныхъ охотниковъ—все это разбивалось о сплоченную общинную организацію. Если, напримѣръ, въ концѣ 16 вѣка, слобода разбредалась отъ того, что изъ десяти вытчиковъ одинъ умиралъ, а населеніе не ставило вмѣсто него другого, то во второй половинѣ 17 вѣка, когда слободу въ тѣ-же десять вытей невѣдомо кто всю выжегъ, охотники только просили пособія, но оставались на мѣстѣ. [3]) Слободы въ 40 - 60 - 100 вытей, не смотря на падежъ скота и иногда послѣдовательный рядъ пожаровъ, не получали иногда даже пособія, такъ какъ существовала увѣренность, что слобода и сама справится. [4]) Экономическому благосостоянію слободъ должно было много способствовать и то, что, какъ ни тяжела была ямская служба, она

---

[1]) Волог. Губ. Вѣд., 1854 г., № 42. Рѣчь тутъ идетъ о двухрублевомъ сборѣ съ двора, вмѣсто даточныхъ людей. Объ этомъ сборѣ еще въ 1640 г. см. Р. И. Б., X, стр. 272 Но ямщики тогда къ сбору еще не привлекались.

[2]) Каз. Губ. Вѣд, 1856 г., № 13

[3]) Ср. Имп. Пуб. Библ., Q. IV, 264, л. 238—268 съ Ворон. Губ. Вѣд., 1850 г., № 35.

[4]) Каз. Губ. Вѣд., 1856 г., № 13, П. С. З. II, 1251.

все таки, видимо, была легче обычнаго тягла. Если мы знаемъ рядъ указовъ о запрещеніи принимать бѣглыхъ охотниковъ, то, какъ уже приходилось говорить, еще больше указовъ извѣстно о запрещеніи принимать въ слободы бѣглыхъ крестьянъ и посадскихъ людей. [1])

Въ отличіе отъ предъидущаго періода слободская жизнь опредѣлялась уже не столько уставными грамотами, сколько спеціальными указами, вся совокупность которыхъ составляла особое ямское законодательство, служившее основаніемъ для рѣшеній по всѣмъ дѣламъ, которыя возникали по поводу ямской гоньбы и ямскихъ охотниковъ. Указы исходили общимъ порядкомъ и посылались въ ямской приказъ, гдѣ записывались въ указную книгу; при каждомъ дѣлѣ, если оно не вызывало новаго указа, рѣшеніе обыкновенно постановлялось по справкѣ изъ ямского приказа. [2]) Но рядомъ съ этимъ не считались отмѣненными и грамоты ямскимъ слободамъ, и еще въ Уложеніи мы встрѣчаемъ прямое указаніе на то, что ямскія слободы имѣли оберегальныя и о земляхъ, и о людяхъ жалованныя грамоты. [3]) Существованіе слободскихъ грамотъ признавалось еще и въ 1672 г. [4]) Нѣтъ прямыхъ данныхъ, которыя позволяли бы болѣе или менѣе точно опредѣлить соотношеніе между ямскими грамотами и ямскимъ законодательствомъ въ формѣ спеціальныхъ указовъ, но едва-ли практика и заботилась объ установленіи такого соотношенія. Когда послѣ раззоренія сталъ возобновляться ямской строй и, какъ мы видѣли, на началахъ, которыя постепенно видоизмѣнили прежнія формы до полной ихъ переработки, Москва естественно должна была создать рядъ нормъ, которыми бы опредѣлялись эти измѣненныя или новыя потребности. На этой почвѣ получило свое развитіе спеціальное ямское законодательство; то-же, что осталось безъ измѣненія, т. е. тѣ основныя начала, которыя нормировали положеніе ямскихъ слободъ среди другихъ населенныхъ пунктовъ, внутренній

---

[1]) Напр. Д. А. И. IV, 48, П. С. З., II, 998, стр. стр. 503. Здѣсь мы встрѣчаемся съ требованіемъ взыскивать съ ямскихъ старостъ „зажилыя деньги".

[2]) Напр., указн. кн. ямск. прик., Имп. Пуб. Биб., О, IV, 9, см. также ссылки подъ цитируемыми дальше указами.

[3]) Уложен., гл. XVIII, ст. 71.

[4]) П. З., I, 518 А.

строй слободской жизни, принципъ самостоятельнаго суда и управленія въ слободахъ,—по прежнему нормировалось грамотами. Но если такова вѣроятная схема, то общія условія жизни должны были внести въ нее еще одну черту: старыя грамоты въ приказахъ были извѣстны лишь постолько, посколько онѣ были переписаны на Государево имя; если даже предположить, что онѣ послѣ раззоренія были всѣ переписаны на имя Михаила Θеодоровича (изъ выше цитированнаго указа мы знаемъ, что нѣкоторыя были переписаны въ 1619 г.), съ ними справлялись не какъ съ руководящимъ началомъ при составленіи какого либо новаго указа, а лишь какъ съ руководящимъ началомъ при жалобахъ охотниковъ на несоотвѣтствіе указа съ имѣвшейся въ слободѣ грамотой. Съ другой-же стороны, указы, особенно первыхъ лѣтъ послѣ раззоренья, черпали свое содержанье, главнымъ образомъ, изъ тѣхъ-же грамотъ. На первый взглядъ тутъ можетъ быть усмотрѣно противорѣчіе, но его, въ дѣйствительности, не было: грамота, хотя бы каждая ямская слобода имѣла ее, всетаки оставалась спеціальнымъ закономъ; приказная практика, перерабатывая грамоту въ указъ, достигала этимъ изданія общаго закона; но въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ это происходило, видоизмѣнялось лишь то, что могло ближайшимъ образомъ задѣвать интересы правительства, охотно оставлялось безъ измѣненія то, что касалось внутренней жизни слободы.

Укажемъ нѣсколько примѣровъ. Въ силу уставныхъ грамотъ, какъ мы знаемъ, воевода и ихъ приказные не должны были въ городахъ ничѣмъ вѣдать и судить охотниковъ, а вѣдали ихъ ямскіе приказчики. Какъ видно изъ одной памяти ямского приказа, указъ объ этомъ былъ записанъ въ ямскомъ приказѣ до 1631 г. Въ силу уставныхъ грамотъ ямщики не должны были платить никакихъ податей и съ уѣздными и посадскими людьми ни во что не тянули. Какъ видно изъ памяти ямского приказа, еще въ 1620 году указъ объ этомъ былъ записанъ въ ямскомъ приказѣ. [1]) Какъ на примѣръ того, какъ указомъ развивались общія положенія уставныхъ грамотъ, сошлемся на указъ, записанный въ ямскомъ приказѣ также до 1631 г.:

[1]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. св. 48, № 66, 1631 г., Каз. Губ. Вѣд., 1856 г., № 13.

„по государеву указу таможеннымъ головамъ и вѣрнымъ цѣловальникамъ и откупщикамъ на Москвѣ и въ городѣхъ въ гонные ямскіе слободы зъ заказными памятьми для таможенные пошлины посылать не велѣно и на ямскихъ охотниковъ съ хлѣба мѣру и съ конскаго корма, который они межъ себя покупаютъ и съ молебныхъ канoновъ пошлины имать не велѣно“. [1]) Но рядомъ съ этимъ, когда напримѣръ, верхотурскихъ охотниковъ стали заставлять, согласно указу, давать подводы повседневно, охотники представили въ видѣ возраженія ссылку на уставную грамоту, по которой опредѣлялось, что они не должны давать подводъ въ весеннюю и осеннюю распутицы. По распоряженію изъ Москвы было предписано: сыскать грамоту и справиться съ ней; пока справка не будетъ наведена, не требовать въ весеннюю распутицу подводъ подъ запасы, но скорыхъ гонцовъ, согласно прежнему указу, отпускать и осенью, и весной безъ задержанья. [2]) Точно также было поступлено и по вопросу о привлеченіи въ 1662 г. охотниковъ къ платежу пятой деньги. Охотники ссылались на грамоты, освобождавшія ихъ отъ всякихъ сборовъ; это было принято во вниманіе, но привело къ сдѣлкѣ: рядомъ указовъ, какъ мы уже знаемъ, пятая деньга была замѣнена охотникамъ ежегоднымъ опредѣленнымъ окладомъ.

Это-же ведетъ насъ къ заключенію, что въ 17 вѣкѣ слободская жизнь, нормируясь отчасти по прежнему уставными грамотами, ближайшее опредѣленіе находила въ цѣломъ рядѣ спеціальныхъ указовъ. Въ предѣлахъ этого особаго права и складывалось какъ управленіе въ слободѣ, такъ и отношеніе слободы ко всей окружавшей ее территоріи. Во главѣ слободы попрежнему стояли два лица—приказчикъ и староста. Приказчикъ назначался изъ дѣтей боярскихъ [3]), находился въ непосредственномъ вѣдѣніи ямского приказа [4]), исполнялъ порученія послѣдняго [5]), а въ слободѣ вѣдалъ во всемъ и судилъ охотниковъ, наблюдая, „что-

---

[1]) А. М. И. Д. И. Д. С. Л. св. 48, № 66, 1631 г.

[2]) А. И. III, 234.

[3]) Р. И. Б., X, 38.

[4]) А. М. И. Д. И. Д. С. Л., св. 135, № 43, 1640, № 125, 1661 г.

[5]) Напримѣръ, собиралъ ямскія деньги и наблюдалъ за исполненіемъ спеціальнаго указа – Д. А. И., II, 49.

бы ямщикомъ ни отъ ково ни въ чемъ никоторыхъ продажъ напрасныхъ и налоговъ не было“ [1]). Онъ-же, попрежнему, прописывалъ подорожныя [2]). Староста, непосредственно вѣдая гоньбу, наряжалъ охотниковъ, собиралъ съ ямскихъ крестьянъ и бобылей оброки, велъ всю хозяйственную часть, смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы выти не пустовали, наблюдалъ, чтобы въ слободахъ не укрывались бѣглые, чтобы не было гулящихъ людей и воровъ, смотрѣлъ, чтобы не было пьянства и разгула и т. д. [3]). Но такъ какъ жалованье ямскимъ охотникамъ платили нерѣдко воеводы, подводы требовали воеводы, такъ какъ воеводы-же нерѣдко получали къ исполненію разныя предписанія по дѣламъ слободъ и такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ на положеніе слободъ, какъ увидимъ дальше, вліялъ не только ямской приказъ, но въ различныхъ отношеніяхъ и областной данной мѣстности приказъ, [4]) то приведенная только что схема должна была въ дѣйствительности получить нѣсколько иныя очертанія. Самостоятельность ямского приказчика по дѣламъ управленія слободой ограничивалась предѣлами, признававшимися со стороны воеводъ, а особая юридикція сводилась къ полученію приказчикомъ судебныхъ пошлинъ [5]). Вѣроятно, по большей части отношенія улаживались путемъ признанія со стороны

---

[1]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л., св. 48, № 66, 1631 г., св. 135, № 43, 1640 г. и мн. др.

[2]) Вейнбергъ, Воронежск. почта, стр. 409, думалъ, что ямскіе приказчики даже выдавали подорожныя. Это невѣрно. См. напр. А. М. И. Д. П. Д. С. Л. св. 3, № 1, 1606—1626 г.г., № 56, 1657 г. Пск. Губ. Вѣд., 1845 г. №№ 51-52, 1846 г., №№ 1—2. Лаппо-Данилевскій, ц. с., стр. 372, примѣч. 2. называетъ помѣщенныя здѣсь записи—загонной книгой. Намъ кажется, однако, что это—пачка разнородныхъ документовъ, между которыми помѣщены и записи изъ загонныхъ книгъ.

[3]) А. И. IV, 187, А. Э. IV, 307, Ар. М. И. Д. П. Д. С. Л. № 47, 1660 г., № 101, 1656—1674 г.г, Переп. кн. ям. сл., № 265. П. С. З. II, 998, III, 1503 и др.

[4]) Напр. Симб. Губ. Вѣд., 1851, 24. Ворон. Губ. Вѣд., 1850 г. 16 Акты Ворон. (Второва), II, стр. 169. По памяти изъ Устюжской чети доправлялъ воевода на охотникахъ деньги—А. Э, III, 140. По памяти изъ той-же чети воевода ставилъ охотниковъ на правежъ—Ар М. И. Д. П. Д. С. Л., св. 135, № 43, 1640 г. Ср. Д. А. И., V, 43.

[5]) Напримѣръ, извѣстны такіе случаи: ямщикъ московской коломенской слободы похитилъ шапку у посадскаго; пойманный съ этой шапкой, онъ былъ судимъ въ Нижнемъ воеводой. А. М. И. Д. П. Д. С. Л. № 89, 1662 г.

приказчиковъ своей зависимости отъ воеводъ [1]). Иногда, однако, дѣло доходило до полнаго разрыва. Тогда являлась необходимость въ спеціальномъ разслѣдованіи [2]).

Должность ямскихъ приказчиковъ была уничтожена по указу 1679 г. [3]). Указъ устанавливалъ, что ямщиковъ во всемъ долженъ вѣдать воевода; ямскихъ-же приказчиковъ приказано было написать въ службу, кто какую пригодится. Но и послѣ этого указа до послѣднихъ лѣтъ 17 вѣка мы въ отдѣльныхъ, по крайней мѣрѣ, слободахъ продолжаемъ встрѣчать ямскихъ приказчиковъ. Такъ, въ касимовской слободѣ былъ приказчикъ еще въ 1699 г., а въ воронежской слободѣ еще въ началѣ 18 вѣка [4]).

По своему общественному положенію охотники составляли спеціальный классъ людей, по Уложенію сравненный съ посадскими людьми меньшей статьи и съ людьми казенныхъ слободъ. За безчестье ямского охотника полагалось 5 рублей человѣку, тогда какъ за безчестье крестьянина полагался рубль [5]). Въ случаѣ, если меньшая половина обыскныхъ людей уличала во лжи большую половину, съ ямскихъ охотниковъ, какъ и съ посадскихъ людей и съ приказчиковъ вотчинныхъ и помѣщиковыхъ, бралась пеня въ размѣрѣ 10 рублей, въ то время какъ съ вотчинныхъ и помѣщиковыхъ старостъ только 5 рублей, а съ крестьянъ—рубль [6]). Нѣкоторую аналогію въ общемъ положеніи охотниковъ можно найти съ положеніемъ мастеровъ-спеціалистовъ, устроенныхъ особыми слободами и ра-

---

[1]) „А имъ (т. е. приказчику да старостѣ) потатчики воевода и приказные“—читаемъ въ челобитной устюжскихъ посадскихъ и уѣздныхъ людей на бобровскихъ и ягрышскихъ охотниковъ и властей ихъ. Потатчики же они потому, что получаютъ по 500—600 рублей въ годъ да праздничные. „А даютъ воеводѣ по 12 рублей мѣсячное, а дьякамъ—30 рублей, и на нихъ пиво варятъ, медъ имъ ставятъ, хлѣбъ, мясо и рыбу покупаючи носятъ“. (П. Д. С. Л. св. 103, № 58, 1637 г).

[2]) Напр. А. Юр. Кал. I, 58, III, гдѣ находимъ послушную грамоту воеводѣ о послушаніи подъячему ямского приказа, посланному для разслѣдованія о злоупотребленіяхъ воеводы, по жалобѣ ямского приказчика.

[3]) П. С. З., II, 779, А. И. IV, 274.

[4]) А. Юр. К., I, 58, III, Вейнбергъ, Воронежск. почта, стр. 419.

[5]) Улож., гл. X, ст. 94.

[6]) Улож., гл. X, ст. 162 То-же и въ Новоуказныхъ статьяхъ, П. С. З., I, 441.

ботавшихъ на Государя вмѣсто податей и повинностей. Такъ. въ Шелонской пятинѣ, въ Мусицкомъ погостѣ, была подобная слобода (она была устроена еще при Іоаннѣ IV, ее встрѣчаемъ и послѣ 1677 г.) колесныхъ мастеровъ. Они вмѣсто всякихъ податей и повинностей, дѣлали „пушечное закладное колесное и станочное дѣло“. Они также имѣли свою уставную грамоту, свой судъ, свое управлніе и т. д. [1]). Въ этомъ-же родѣ была близъ Пензы еще въ 60 хъ годахъ 17 вѣка Ванзыбейская слобода охотниковъ лосиной ловли. Слобода была строена по прибору, надѣлена землей, не платила податей, не несла повинностей и т. д. [2]).

Самая ѣзда производилась и въ 17 в., какъ и въ 16 в., въ одну лошадь, а если въ нѣсколько, то гусемъ; ямщики садились обыкновенно въ ногахъ у ѣхавшаго, а проводники верхомъ, спустивъ ноги межъ оглоблей. Подъѣзжая къ яму, обыкновенно свистомъ вызывали подводу на смѣну [3]). Сами охотники выѣзжали только въ экстренныхъ случаяхъ, обыкновенно-же посылали вмѣсто себя младшихъ членовъ семьи или рабочихъ; впрочемъ, такъ велось, вѣроятно только въ большихъ слободахъ. „Выходной“ нарядъ ямщика подробно описанъ въ одномъ судномъ дѣлѣ: зипунъ (лазаревъ) астрадинной (цѣна 2 р. 50 к.), шапка (вишневая) съ пухомъ (1 р. 50 к.), кушакъ бумажный съ ножами (50 к.), кафтанъ шубной полусуконный (подлазоревый) (2 рубля безъ гривны). Цѣны обозначены для 1628 г. [4]) Иностранцы, имѣвшіе дѣло съ охотниками, упрекаютъ ихъ въ наклонности къ воровству: особенно часто пропадали разныя вещи пословъ при смѣнахъ [5]). Изъ другихъ источниковъ можно вывести заключеніе, что охотники были склонны принимать у себя лицъ, почему-либо считавшихъ нужнымъ бѣжать хотя бы на время съ посада [6]). Во время первыхъ раскольни-

[1]) Д. А. И., VII, 36.

[2]) Строельная кн. г Пензы, изд. Борисовымъ, Ч. О. И, Д. 1899 г., кн. 1, стр. 36—37.

[3]) Олеарій, цит. пер., стр. 226, Корбъ, Diarium itineris, вѣнск. изд 1700 г., стр. 36, Рейтенфельсъ, пер. Тарнава-Боричевскаго, Ж. М. Н. Пр. ч. XXIII, стр. 45.

[4]) Ар. М. И. Д. П. Д. С. Л., св. 58, № 40, 1628 г.

[5]) Корбъ, ц. м., Ключевскій, Сказан. иностр., стр. 40.

[6]) Отеч. Зап., 1855 г. т. 101 отд. 2, челобитн. 17 в., стр. 122. Цитир. роспись М. Липинскаго, Ч. О. И. Д., 1883 г., кн. 1.

чьихъ движеній охотники, видимо, играли не малую роль: они и сами впадали въ расколъ и укрывали раскольниковъ [1]).

---

[1]) Напр. Д А., VIII, 50, II. Ср. Печерскій-Мельниковъ, Полн. собр. соч., изд. 1898 г., т. 13, стр. 92—96.

VI.

Въ предъидущихъ главахъ рѣчь шла о такъ называвшейся гоньбѣ по стройнымъ ямамъ, т. е. по ямамъ, которые были соотвѣтствующимъ образомъ строены правительственной властью Но на всемъ протяженіи исторіи ямской гоньбы, начиная со второй половины 16 вѣка, мы встрѣчаемъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ иную форму ямской гоньбы — въ однихъ отношеніяхъ приближавшуюся къ той, которая предшествовала появленію стройной гоньбы, т. е. выражалась въ отбываніи населеніемъ натуральной подводной повинности, а въ другихъ отношеніяхъ отдѣлялась отъ этой послѣдней, воспринявъ, по крайней мѣрѣ, въ частностяхъ практику стройной гоньбы. Другими словами: мы встрѣчаемъ такую форму подводной повинности, которая, отбываемая міромъ для правительственныхъ надобностей, получала постепенно организацію, подобную организаціи гоньбы по стройнымъ ямамъ. Технически эта форма называлась мірскими отпусками.

Намъ уже приходилось говорить, что давать подводы князю или его гонцамъ, подъ казну князя или запасы, подъ ѣхавшихъ на службу князя и подъ пословъ было повинностью, извѣстной населенію издавна. Повинность эта, какъ мы также говорили, первоначально состояла въ томъ, что, какъ представлялась надобность, мірскія власти собирали подводы съ населенія. Но со второй половины 16 вѣка мы замѣчаемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ слѣдующій порядокъ: населеніе непосредственно не отпускало подводъ, а повытно платило деньги, которыя считались мірскими ямскими деньгами и на которыя волость нанимала подводы, сколько потребуется. Такой же распорядокъ распространился весьма скоро и на цѣлые уѣзды, которые, такимъ образомъ, централизовали мірскіе отпуски. Отпуская подводы за мір-

скія деньги, каждая волость возила по своей землѣ и не дальше жилого мѣста другой волости, весь уѣздъ—не дальше жилого мѣста другого уѣзда. Но такъ какъ было бы обременительно да и неудобно во первыхъ, часто мѣнять подводы, во вторыхъ, непремѣнно мѣнять ихъ, то, вѣроятно, скоро-же установился такой порядокъ: подвода одной волости возила и по землѣ сосѣдней, какъ и послѣдняя по землѣ первой, волости - же между собой считались въ этихъ отпускахъ. Иногда и нѣсколько волостей такимъ образомъ объединялись, считаясь за одинъ. Иногда и нѣсколько уѣздовъ объединялись такимъ-же точно образомъ. Когда именно былъ установленъ такой счетъ между данными волостями, или уѣздами, скоро забывалось въ самихъ волостяхъ и уѣздахъ, но разъ можно было доказать, что счетъ былъ, то это уже служило основаніемъ для любой волости, конечно, для той, которой въ данную минуту это было выгодно, требовать, чтобы въ счетѣ за одинъ каждая изъ прежде считавшихся волостей признавалась и впредь. Если какая нибудь изъ такихъ волостей уклонялась отъ счета, достаточно было указать на фактъ прежняго счета, чтобы въ Москвѣ признали основательность требованія. Слѣдовательно, волости, считавшіяся за одинъ, признавались таковыми разъ навсегда, во всякомъ случаѣ, до спеціальнаго распоряженія изъ Москвы. Отпускаемымъ подводамъ велись книги; въ нихъ записывалось число подводъ и денежный расходъ по отпускамъ. Кто за кого черезъ чужую землю сколько верстъ гонялъ и сколько подводъ лишнихъ за годъ давалъ, когда именно и кому—во всемъ этомъ подмогавшія другу другу волости должны были считаться погодно. Лишнія подводы—этимъ терминомъ тутъ обозначался излишекъ противъ того числа, который слѣдовалъ бы съ волости, если бы она одна гоняла гоньбу и только до жилого мѣста другой волости, въ соотвѣтствіи, конечно, съ числомъ за нее отпущенныхъ сосѣдней волостью подводъ. Если между считавшимися происходилъ споръ, въ счетъ вмѣшивался воевода или осадный голова, или городовой приказчикъ, словомъ - мѣстная власть, и старостамъ, и цѣловальникамъ приказывалось счестъся межъ собой. Счетъ состоялся—мѣстный правительственный органъ именно и подлинно отписывалъ о счетѣ въ свою четь. Но такъ какъ

считавшіеся рѣдко удовлетворялись судомъ на мѣстѣ, то полагавшая себя обиженной сторона обращалась съ челобитьемъ въ Москву. Тогда или считавшихся жаловали судомъ на Москвѣ или изъ Москвы посылался указъ по которому у споривших брались росписи о лишнихъ подводахъ и расходахъ и отсылались за руками въ Москву. Рѣшеніе доправить эти лишнія подводы на виновной сторонѣ заканчивало дѣло. Однако, тѣ, на которыхъ доправляли, выступали, обыкновенно, въ свою очередь, обвинителями и опять тѣмъ-же порядкомъ начиналось все сначала. [1])

Весь этотъ порядокъ счета, какъ слѣдствіе рѣшеній власти по спорнымъ дѣламъ, является несомнѣнно выраженіемъ приказнаго управленія, а потому возникновеніе его должно быть отнесено, по крайней мѣрѣ, къ послѣднимъ годамъ первой половины 16 вѣка, во всякомъ случаѣ—не ранѣе конца 30 годовъ, когда приказное управленіе стало уже отливаться въ болѣе или менѣе опредѣленную форму. Но правильнѣе, кажется, думать, что и самое исполненіе подводной повинности въ формѣ отпуска подводъ, нанятыхъ на особыя мірскія деньги, явилось уже позднѣйшей формой отправленія данной повинности. Пока подводы отпускались въ незначительномъ количествѣ, незачѣмъ было прибѣгать къ такой усложненной системѣ отпуска. Не зачѣмъ было прибѣгать къ ней и до тѣхъ поръ, пока не опредѣлялось, что данный трактъ имѣетъ въ томъ или иномъ отношеніи государственное значеніе. Выше было уже показано, что на всѣхъ особо важныхъ дорогахъ правительство само заботилось объ обезпеченіи правильнаго сообщенія, учреждая стройную ямскую гоньбу. Слѣдовательно, и переходъ отъ отпусковъ въ видѣ сбора подводъ къ отпускамъ въ видѣ сбора особыхъ мірскихъ денегъ на наемъ подводъ едва-ли долженъ былъ произойти ранѣе указаннаго времени. Къ этому же насъ приводитъ и слѣдующее: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ранѣе установленія мірскихъ отпусковъ существовали стройные ямы; такъ, напримѣръ, въ 1548 на Тотьмѣ былъ стройный ямъ, а ко времени Бориса Годунова тамъ уже застаемъ мірскіе отпуски [2]). Въ Соликамскѣ мірскіе отпуски

[1]) А. Э. П., 78, А. И. II, 81, Ар. М. И. Д. П. Д. С. Л., св. 1, № 1, 1582 г. и др.

[2]) Акты Юшкова. № 163, ср. съ П. Д. С. Л., св. 135, № 43, 1640 г.

начались едва-ли ранѣе 1583 г. [1]) Въ Вяткѣ до 1580 г. были стройныя ямы, послѣ этого года встрѣчаемъ мірскіе отпуски [2]). Эти факты невольно приводятъ къ мысли, что отпускъ подводъ въ формѣ мірскихъ отпусковъ явился скорѣе на смѣну стройной ямской гоньбы, которая по тѣмъ или инымъ причинамъ не привилась въ данной мѣстности, чѣмъ самостоятельнымъ развитіемъ подводной повинности.

Почему, однако, въ одной мѣстности мы встрѣчаемъ стройную ямскую гоньбу, а въ другую - гоньбу въ формѣ мірскихъ отпусковъ? Прямого отвѣта на этотъ вопросъ было бы безполезно искать въ актахъ. Можно, однако, думать, что стройная гоньба какъ ни мало стоила она правительству въ 16 вѣкѣ, все таки являлась для него предметомъ и большихъ заботъ и извѣстныхъ расходовъ; слѣдовательно, по дорогамъ, гдѣ происходило усиленное движеніе, особенно-же гдѣ, главнымъ образомъ, шла кладь, перевозка которой обходилась дороже всего, правительство находило полный разсчетъ возлагать заботу объ отпускахъ всецѣло на населеніе. И, дѣйствительно, мы видимъ мірскіе отпуски преимущественно въ Перми, Сольвычегодскѣ, Соликамскѣ, Чердыни, т. е. на главныхъ путяхъ транспортированія клади. Но при всѣхъ этихъ предположеніяхъ слѣдуетъ тѣмъ не менѣе отмѣтить, что извѣстную роль тутъ все таки игралъ случай.

Въ этомъ смыслѣ весьма характерна исторія Соликамскаго яма. Въ 1583 г., по показаніямъ самихъ пермичей, съ сибирскаго взятія пожалованы имъ были для сибирскихъ отпусковъ пермскіе денежные доходы - дань и оброкъ, и присудныя, и таможенныя, и кабацкія деньги, и они этими деньгами отпускали всякіе сибирскіе отпуски Но съ 1600 г., уже при Борисѣ Годуновѣ, приказано было эти деньги брать на Царя, а сибирскихъ отпусковъ съ пермичей не сложили. Между тѣмъ, по ихъ словамъ, отпуски эти были тяжелые, такъ какъ приходилось гонять далеко—отъ Кайгородка до Верхотурья 500 верстъ, отъ Перми до Ужги 450 верстъ, до Вятки 500 верстъ, а лѣтнимъ водянымъ путемъ отпускать въ судахъ до Казани и до Соли Вычегодской по 1000 верстъ. Въ общемъ имъ обходились эти отпуски по 5000 рублей и больше въ годъ Оспускали-же они одной Пермью. Чтобы

[1]) А. Э., II, 54.

[2]) А. Э., I, 170, ср. съ А. Э. II, 54, 71, 78 и др.

не разбрестись розно, они предложили такой компромиссъ: устроить въ Соликамскѣ стройный ямъ Пермью, Вяткой и Каргополемъ. Планъ былъ одобренъ, и ямъ въ Соликамскѣ въ томъ-же 1606 г. былъ устроенъ, но уже въ 1607 г. обнаружилось, что воевода, стакнувшись съ пермичами началъ притѣснять вятскихъ ямщиковъ. Пермичамъ такія притѣсненія были очень выгодны, такъ какъ до устройства усольскаго яма пермичи получали съ вятчанъ прогонныя деньги и могли на вятчанъ приклепывать прогоны. Если бы удалось согнать вятскихъ ямщиковъ съ яма, было-бы легко вернуться къ старому порядку, а попутно и закрѣпить вятчанъ въ счетѣ съ собой за одинъ. Воевода сталъ бить и мучить вятскихъ ямщиковъ безъ вины напрасно. Такъ, въ 1607 г. по послѣднему зимнему пути онъ послалъ вятскихъ ямщиковъ съ якорями и парусами на Верхотурье, такъ что тѣ назадъ не поспѣли; иныхъ онъ отпустилъ на побывку домой и въ Москву, а записалъ ихъ бѣглыми, чѣмъ воспользовался, чтобы на вятчанахъ пріѣхавшихъ съ торгомъ, доправить подъ гонцовъ суда, подводы и гребцовъ; кромѣ того, онъ не устроилъ, не смотря на указъ, вятскихъ ямщиковъ ни дворами, ни пашнями, ни сѣнокосами, избивъ при этомъ посыльщика, прибывшаго отъ ямщиковъ съ грамотой. Новгородская четь, куда послѣдовала челобитная вятчанъ на обиды воеводы, сдѣлала послѣднему суровый выговоръ, но это не помогло: черезъ шесть мѣсяцевъ тому-же воеводѣ предписывалось отпустить вятскихъ ямщиковъ на родину, а гоньбу гонять и отпускать подводы предписано пермичамъ однимъ [1]).

Такимъ образомъ, тутъ стройный ямъ и возникъ, и былъ уничтоженъ по чисто случайнымъ причинамъ. Вѣроятно, случай игралъ не малую роль и въ исторіи вятскихъ стройныхъ ямовъ (не было ихъ потомъ никогда, какъ видно изъ того, что при устроеніи въ 1744 г. почтъ въ вятскомъ намѣстничествѣ, по неимѣнію ямщиковъ [2]) содержаніе почтъ было возложено на купечество и мѣщанство въ городахъ и на сельскихъ обывателей въ округахъ), между тѣмъ какъ въ 1580 г. были на Вяткѣ ямскія слобо-

[1]) А. Э. II, 54, 71, 78, 82; ср. Спицынъ, Подати, сборы и повинности на Вяткѣ, стр. 9—11.

[2]) Столѣтіе Вятск. губ., I, стр. 255.

ды, что видно изъ пожалованія преподобному Трифону на содержаніе Успенскаго монастыря въ 1580 г. въ Хлыновѣ ямской пустоши. Эта пустошь запустѣла еще до писцовъ. [1]).

Насколько случай имѣлъ въ данномъ вопросѣ значеніе, видно, наконецъ, изъ того, что въ предѣлахъ области, отбывавшей гоньбу міромъ, встрѣчаются, однако, и стройные ямы. Такъ, въ устюжскомъ уѣздѣ были бобровскій и ягрышскій ямы. Рядомъ съ Тотьмой, гдѣ гоняли міромъ, былъ стройный шуйскій ямъ (стройный, однако, съ тѣми оговорками, которые читатель найдетъ нѣсколько дальше). [2])

Трудность точнаго разрѣшенія даннаго вопроса увеличивается еще тѣмъ, что неизвѣстно, какіе города и уѣзды отбывали гоньбу міромъ, какіе пользовались стройнымъ ямомъ. Несомнѣнно, что Пермь (за исключеніемъ, какъ мы уже знаемъ, попытки 1607 г.), Соликамскъ, Чердынь, Кайгородокъ, Вятка, Каргополь, Двина, Сольвычегодскъ, Тотьма, Еренскъ, Кунгуръ, Устюгъ Великій отбывали гоньбу міромъ еще и въ 16 вѣкѣ и такъ вплоть до конца 17 вѣка Для конца 17 вѣка, г. Лаппо-Данилевскій, основываясь на А. Э, IV, 250, указываетъ, что такихъ городовъ было, повидимому, десять: Владиміръ, Путивль, Устюгъ Великій, Сольвычегодскъ, Каргополь, Еренскъ, Тотьма, Соликамскъ, Двина, Пустозеро. [3]) Сюда-же слѣдуетъ отнести и Арзамасъ, пропущенный авторомъ, хотя онъ также помѣченъ въ А Э. IV, 250, какъ городъ, гоняющій гоньбу. Но въ этомъ спискѣ очевидны пробѣлы: нѣтъ Перми и Чердыни, [4]) Вятки, Кайгородка; тутъ также пропущены: Вязьма, въ которой въ 1661 г. гоньбу гоняли выборные изъ посадскихъ, подъ наблюденіемъ таможеннаго головы, [5]) Калуга и Дорогобужъ, гдѣ въ томъ-же году гоняли всѣмъ посадомъ. [6]) Впрочемъ, въ этихъ городахъ, какъ мы знаемъ, бывала и стройная гоньба; очень часто случалось, что въ силу какихъ-либо исключительныхъ условій иногда въ данномъ мѣстѣ

---

[1]) А. Э. I, 370.

[2]) П. Д. С. Л., св. 103, № 58, 1637 г., св. 48, № 66, 1631 г., Св. 135, № 43, 1640 г. Д. А. И. X. 89.

[3]) Лаппо-Данилевскій, ц. с. стр. 366, пр. 3.

[4]) А. И. V, 81, 173 и др.

[5]) П. Д. С. Л. 1662 г., № 147, № 165.

[6]) П. Д. С. Л. 1662 г. № 147, 1661 г. № 96.

вдругъ закрывали стройный ямъ, заставляя гонять гоньбу міромъ. Такъ, напримѣръ въ 1658 г. было сдѣлано въ Можайскѣ [1]); такъ еще было сдѣлано въ 1587 г. въ Одоевѣ, гдѣ въ 1628 г. была опять стройная гоньба [2]). Съ другой стороны, въ приведенномъ спискѣ упомянуты города, которые имѣли несомнѣнно и стройные ямы: Владиміръ [3]), также и Арзамасъ, имѣвшій слободу въ 1628 г. и 1629 г. [4]) Весьма возможно, что въ 168' г., къ которому относится приведенная роспись, въ Арзамасѣ стройная гоньба уже прекратилась, но во Владимірѣ она, вѣроятно, была еще и въ 1681 г. Владиміръ же попалъ въ роспись вѣроятно, по старой памяти, такъ какъ въ 1630 г., дѣйствительно, Владимірскимъ ямщикамъ было велѣно быть съ посадскими въ тяглѣ [5]). Въ тѣхъ формахъ, въ какихъ мы встрѣчаемъ мірскіе отпуски въ концѣ 16 вѣка, нельзя не видѣть отдѣльныя черты общей ямской организаціи, при чемъ кромѣ того тутъ-же замѣчается смѣшеніе и взаимодѣйствіе старинныхъ мірскихъ распорядковъ съ новыми приказными. Въ то время какъ завѣдываніе самыми отпусками лежало на выборныхъ мірскихъ людяхъ общій надзоръ за отпусками поручался воеводамъ и его приказнымъ. Разграниченія компетенцій не было, и поэтому воеводское управленіе проникало вглубь настолько, насколько того хотѣлъ воевода и его приказные. Объединяющимъ центральнымъ органомъ являлась четь, вѣдавшая данную мѣстность. Въ нее стекались жалобы, отъ нея исходили рѣшенія; нѣкоторыя изъ послѣднихъ имѣли принципіальное значеніе; обыкновенно они закрѣпляли обычай, чѣмъ придавали ему силу закона. Можно сказать, что такимъ путемъ мало по малу создалось особое право мірскихъ ямскихъ отпусковъ.

На исторіи гоньбы въ отдѣльныхъ уѣздахъ это сдѣлается яснѣе. Какъ уже мы сказали, пермичи съ сибирскаго взятія по 1600 г. отпускали отпуски на пермскіе разные доходы. Послѣ 1600 г. и до 1606 г. они отпускали уже въ до-

---

1) П. Д. С. Л. 1658 г. № 96.

2) Акты Юшкова, № 230, А. М. Ю. кн пер., ям. слоб., 265.

3) Д. А. И. IX, 106, Разряд. кн. Моск. ст. 1669 г.

4) Ар. М. Юст. Переп. кн. Ямск. слоб., № 265, Л. Л. 418—427; Акты Моск. Госуд., I, 213.

5) П. Д. С. Л. св. 38, № 100, 1630 г.

полненіе къ другимъ сборамъ и повинностямъ. Хотя, добиваясь въ 1606 г. устройства у нихъ стройной гоньбы, они и скрыли, что получали подмогу отъ вятчанъ, но мы знаемъ изъ другихъ актовъ, что съ ними считались вятчане. [1]) 1607 г. вообще былъ годомъ большого разстройства во всемъ ямскомъ дѣлѣ въ Перми: былъ устроенъ ямъ, но ямщики на немъ не держались, часть разбѣжалась сама, часть была разогнана воеводой, такъ что, когда приходила казна или запасы, не на чѣмъ было отправлять ихъ; населеніе же, зная, что есть ямъ, не хотѣло давать мірскихъ подводъ. [2]) Когда, въ декабрѣ того-же года, ямъ былъ уничтоженъ, нужно было все таки пройти извѣстному времени, прежде чѣмъ населеніе опять вернулось къ прежнему порядку ямскихъ отпусковъ. До 1623 г. этотъ порядокъ былъ таковъ: отпускалъ отпуски земскій староста, сбирая подводы повытно; отпускалъ онъ съ посаду, куда должны были по наряду пріѣзжать подводы; при отпускахъ состоялъ и цѣловальникъ, дававшій на нужный ямской расходъ сошныя деньги. Однако, часто случалось, что вытныя подводы, за отдаленностью иныхъ волостей отъ посада, къ сроку на посадъ не поспѣвали, случалось также, что у цѣловальниковъ не имѣлось на рукахъ сошныхъ денегъ; тогда приходилось брать деньги взаймы изъ большихъ процентовъ и нанимать подводы по дорогой цѣнѣ, чѣмъ, конечно, чинились населенію большіе убытки. Явилась поэтому мысль приставить къ мірскимъ отпускамъ особое должностное лицо, которому-бы и можно было поручить цѣликомъ все дѣло, мимо земскихъ старостъ и цѣловальниковъ. Челобитная пермичей была удовлетворена, и тогда пермскіе отпуски получили слѣдующую организацію: во главѣ ихъ сталъ выборный ямской староста, при немъ —ямской дьячекъ; міромъ выбирались ямщики, сколько нужно; старосты на отпуски собирали съ сошныхъ людей деньги, по разсчету, дѣлаемому раньше, сообразно съ обычными размѣрами гоньбы; собранныя деньги записывались въ книги, книги велись и разгону; каждый годъ ямской староста и дьячокъ отчитывались передъ лучшими людьми въ присутствіи воеводы; ямскіе старосты и дьячки мѣнялись ежегодно. Надзоръ за ямскими старостами и дьячками принад-

[1]) А. Э. II, 78.
[2]) А. И. II, 81.

лежалъ воеводамъ; центральное управленіе сосредоточивалось въ новгородской чети. [1])

Прося ввести у нихъ такую организацію, пермичи просили лишь о томъ, что уже было въ другихъ городахъ. Такъ, ямскихъ старостъ встрѣчаемъ въ Устюгѣ Великомъ еще въ 1610 г. [2]) а у Соли Вычегодской еще раньше, въ 1606 г. [3]) Когда и гдѣ впервые возникли ямскіе старосты при мірскихъ отпускахъ—сказать трудно, но опять таки думаемъ, что эта должность не старинная. Она прежде всего искусственно созданная: въ ней отразилось весьма отчетливо стремленіе распространить на спеціальную отрасль правительственнаго управленія принципъ общаго мірского хозяйственно-административнаго распорядка и вмѣстѣ—сблизить систему мірскихъ отпусковъ съ системой стройной ямской гоньбы.

Дальнѣйшимъ движеніемъ этой организаціи явилось стремленіе отстранить воеводъ вовсе отъ мірскихъ отпусковъ и передать вѣдѣніе отпусками головамъ таможеннаго и кружечнаго двора. Начало этой мѣры относится, видимо, къ двадцатымъ годамъ 17 вѣка. Такъ, въ Устюгѣ Великомъ она была примѣнена указомъ 1621 г. [4]), въ Соли Вычегодской или въ томъ-же году, или немногимъ ранѣе, во всякомъ случаѣ, не позже 1623 г. [5]) На Двинѣ гораздо позднѣе—въ 1646 г. [6]) Едва ли въ этой мѣрѣ сказался какой нибудь административный планъ; вѣрнѣе, она—простое слѣдствіе жалобъ на налоги, убытки и продажи, чинимыя воеводами и приказными ихъ людьми по поводу ямскихъ отпусковъ. Переданные-же въ одномъ мѣстѣ въ вѣдѣніе таможеннаго головы отпуски стали по примѣру передаваться и въ другихъ мѣстахъ.

Въ дѣлѣ объ ямскихъ устюжскихъ отпускахъ [7]) читаемъ: „въ прошломъ 7130 г. по Государеву указу и по докладной выписи съ помѣтой думнаго дьяка Ивана Гаврилова велѣно на Устюгѣ Великомъ ямскіе денги сбирать и

[1]) А. Э. III, 144, А. М. И. Д. П. Д. С. Л. св. 261, № 121. 1654 г.

[2]) А. Э. II, 158.

[3]) А. Э. II, 50.

[4]) П. Д. С. Л., св. 91, № 46, 1636.

[5]) Кн. Ямск. отп. по Сольвычег. Арх. М. И. Д., по реестру Сольвычегод. кн. № 2.

[6]) Д. А. И. III, 55, 116. Д. А. И. V, 40.

[7]) П. Д. С. Л. св. 91, № 46, 1636 г.

держать въ таможнѣ и ямскіе отпуски отпускать таможенному головѣ да съ нимъ быть устюжскому ямскому старостѣ да лучшимъ двумъ или тремъ человѣкамъ, кого они выберутъ посадомъ и уѣздомъ или кто по Государеву указу впередъ въ таможенные головы съ Москвы на Устюгъ присланы будутъ, а воеводамъ того денежнаго ямского збору и разходовъ и денежной казны въ съѣзжей избѣ держати не велено". Подробнѣе объ этомъ новомъ строѣ узнаемъ изъ наказовъ двинскимъ таможеннымъ головамъ. Голова, пріѣхавъ на мѣсто назначенія, у прежняго головы долженъ былъ взять деньги, что остались за расходомъ у ямскихъ старость и цѣловальниковъ, и покупныя суда, и всякія снасти. Потомъ онъ отставлялъ отъ службы старость и цѣловальниковъ и приказывалъ посадскимъ старостамъ и земскимъ людямъ выбирать къ ямскому отпуску новыхъ старость и цѣловальниковъ, самыхъ добрыхъ и прожиточныхъ людей, кому такое дѣло было-бы за обычай и кому можно было-бы вѣрить. Взявъ выборы, голова съ товарищами и съ нововыбранными старостами и цѣловальниками вмѣстѣ, сбирая съ посадскихъ людей и съ уѣздныхъ крестьянъ деньги, долженъ былъ опускать всякіе отпуски, покупать и нанимать суда, уговариваться въ наймахъ съ ярыжными. Голова во всемъ смотрѣлъ надъ выборными старостами и цѣловальниками, считалъ ихъ въ деньгахъ понедѣльно или помѣсячно „чтобъ они деньги въ приходъ имали и въ разходъ давали и въ книги записывали прямо безъ приписки". Имъ-же вмѣнялось въ обязанность не корыстоваться мірскими деньгами, а наоборотъ заботиться объ экономіи, „чтобы ихъ отпускомъ тѣ ямскіе всякіе отпуски передъ прежними годы отпустить съ большою убавкой". А какъ кончиття годъ, голова долженъ былъ привезть отпускныя книги въ четь, а деньги, оставшіяся отъ отпусковъ, какъ и копіи съ книгъ, оставить въ таможенной избѣ, гдѣ ихъ получалъ новый голова [1]).

Противъ описаной двинской практики въ Устюгѣ Великомъ встрѣчаемъ нѣкоторыя отклоненія: такъ, напримѣръ, тутъ во всѣхъ ямскихъ расходахъ таможенныхъ головъ и ямскихъ старость въ приходѣ и расходѣ велѣно считать на

[1]) Д. А. И. Ш, 55, 116, Д. А. И. V. 40.

Устюгѣ, въ земской избѣ, для чего выбирались особые счетчики. Безъ такого счета книги не могли отвозиться въ Москву, что въ 1654 г. ставится прямо въ вину таможенному устюжскому головѣ Григорію Губану [1]). Это-же дѣло интересно еще и тѣмъ, что тутъ заключается постановленіе на будущее время головъ и старостъ считать въ земской избѣ въ приходѣ и расходѣ помѣсячно.

Такой же порядокъ мірского учета головы и старосты практиковался и въ Сольвычегодскѣ въ 1658 г., (а „денегъ осталось по мірскому счотному списку"—Арх. М. И. Д., кн. 25, по реестру сольвыч. кн.). Неизвѣстно только считались-ли здѣсь лишь погодно, или-же и помѣсячно.

Фактически, видимо, дѣло обстояло однако, нѣсколько иначе: всѣмъ отпускомъ завѣдывалъ староста, который нанималъ подводы, ярыжныхъ, покупалъ суда, снасти, велъ весь расходъ, собиралъ сошныхъ (огловыхъ?) лошадей, отпускалъ по подорожнымъ. Таможенный голова, главнымъ образомъ, участвовалъ въ раскладкѣ ямскихъ денегъ и руководилъ ихъ сборомъ. Книги, какъ это видно изъ 4 пересмотрѣнныхъ нами книгъ сольвычегодскихъ отъ 1624, 1654, 1658, 1680 гг., [2]) велись отъ имени головы и старосты, но вездѣ указывается, что расходы дѣлалъ староста и что онъ-же отпускалъ отпуски.

Староста смѣнялся вездѣ погодно; голова не вездѣ. Такъ, изъ книги сольвычегодской 1624 г. видно, что въ 1623 г. въ Сольвычегодскѣ былъ другой голова (л. 5), а на Двинѣ головы Иванъ Мѣльцовъ и Денисъ Петровъ были съ 1649 г по 1654 г. [3]) Впрочемъ, можетъ быть, тутъ простое исключеніе. По крайней мѣрѣ, мы знаемъ прямое указаніе, что на Двинѣ таможенные головы назначались съ Семе-

---

[1]) Д. А. И. III, 117.

[2]) Точное заглавіе этихъ книгъ, хранящихся въ Арх. М. И. Д., таково: Книга Сольвычегодскаго таможеннаго и кружечнаго дворовъ головы (имя) да ямского старосты (имя) расходные на ямскіе прогоны. Книга 1624 г. по реестру Сольвычег. кн. № 2; книга 1654 г.—П. Д. С. Л., св. 283, № 56, 1654 г.; книга 1658 г.—по реестру Сольвыч. кн. № 25; книга 1680—по тому-же реестру № 39. Книгу 1654 г. зналъ уже Лаппо-Данилевскій, ц. с., стр. 37. примѣч 1. Конецъ ея, къ сожалѣнію, сильно попорченъ. Отлично за то сохранилась книга 1624 г.

[3]) Ср. Д. А. И., III, 55 съ Д. А. И. III, 116, II.

нова дня одного года по Семеновъ день другого года. [1]) При ямскихъ отпускахъ состоялъ ямской дьячекъ, приставъ, ямскіе старѣльцы для береженья и каморникъ или дворникъ.

Староста, расходуя мірскія деньги, долженъ былъ всячески заботиться, чтобы при счетѣ не быть обвиненнымъ въ приклепываніи расходовъ. Ему потому предписывалось, покупая суда и всякую судовую снасть, а также нанимая на суда многихъ людей, къ покупкамъ и къ найму призывать земскихъ судеекъ и цѣловальниковъ, „чтобы та ихъ покупка мірскимъ людемъ была вѣдома"; въ расходныхъ деньгахъ и всякихъ покупкахъ брать также у всякихъ чиновъ людей отписи за руками „впредь для вѣдома и очищенія;" наконецъ, ярыжныхъ, кормниковъ и конныхъ проводниковъ, нанимаемыхъ для отпусковъ, вписывать въ книги своего сбору по именамъ отчествамъ и прозвищамъ, съ указаніемъ, кто которой волости и деревни. [2]) Въ книгахъ сольвычегодскихъ читаемъ, напримѣръ,—„взялъ онъ, сынъ боярскій Иванъ Сушинскій и стрелецкій десятникъ Лука Евсѣевъ по договору деньгами 4 рубли и отпись есть, а у договора были въ таможнѣ ружной староста Дмитрій Балдаковъ, посацкой цѣловальникъ Василей Куновъ и посыльщики Иванъ Петелинъ, Лука Моисеевъ съ товарищи." [3])

Воеводы, которые при такой системѣ, не должны были касаться ямскихъ отпусковъ, а главное,—вѣдать ямской денежный сборъ, не безъ борьбы отступались отъ этой вѣтви управленія, столь удобной для поборовъ и насильства. Иногда они даже добивались отмѣны новыхъ порядковъ и возвращенія ямского денежнаго сбора въ съѣзжую избу. Такъ это было въ 30-хъ годахъ въ Великомъ Устюгѣ. Но съ начала 1635 года опять ямскіе отпуски были переданы въ завѣдываніе таможеннаго головы и ямского старосты; тогда воевода послалъ своихъ стрѣльцовъ, не смотря на указъ, собирать ямскія деньги въ съѣзжую избу, а ямскихъ стрѣльцовъ (десять человѣкъ, данныхъ, по указу, головѣ для береженья ямскихъ отпусковъ) приказалъ хватать и хотѣлъ

---

[1]) Д. А. И. V, 40.

[2]) Д. А. И. III, 117.

[3]) Напр. кн. 1624 г. л. 14 об., л. 41 и мн. др.

уже бить ихъ кнутомъ, но удалось его кое-какъ упросить. [1]) Та-же борьба, повидимому, происходила и въ Устюгѣ. Тамъ уже въ 1621 г. ямскими отпусками, какъ мы сказали выше, завѣдывалъ таможенный голова, но въ 1644 г. устюжане, видимо, едва помнили объ этомъ порядкѣ; у нихъ тогда вѣдалъ ямскіе отпуски воевода и всячески тѣснилъ населеніе. Представляя же обо всемъ этомъ въ Москву, они только просили какъ нибудь облегчить имъ ихъ тяжелое положеніе. Два года тянулось дѣло и лишь въ 1646 г. былъ посланъ указъ объ устраненіи воеводъ отъ ямскихъ отпусковъ и о передачѣ этого дѣла опять таможеннымъ головамъ. [2])

Но ямской староста подъ надзоромъ таможеннаго головы отпускалъ отпуски только съ посада; въ предѣлахъ уѣзда гоньба сдавалась обыкновенно откупщикамъ или подрядчикамъ, каждому въ извѣстномъ пунктѣ. Эта система практиковалась и тамъ, гдѣ на посадѣ ямскими отпусками завѣдывалъ только одинъ ямской староста, какъ, напримѣръ, въ Перми, какъ напримѣръ, въ Великомъ Устюгѣ въ 1610 г., т. е. до передачи ямскихъ отпусковъ въ вѣдѣніе таможенныхъ головъ. [3]) Весьма немного свѣдѣній дошло до насъ объ этихъ откупщикахъ и подрядчикахъ, но все таки можно возстановить, что они, обязываясь держать ямъ, за гоньбу получали деньги изъ таможенной избы или отъ ямского старосты, а раньше какъ можно думать, судя по А. Э II, 158 („да они-жъ (братья Архангельскаго монастыря) де въ тѣ три годы платили ямскимъ старостамъ и ямскимъ откупщикамъ съ монастырскія вотчины 289 р. 25 алтынъ"), съ населенія непосредственно. Въ уѣздныхъ ямахъ велись свои загонныя книги, по нимъ и учитывался подрядчикъ или откупщикъ, представляя свои записи, выдавая въ полученіи денегъ отписи. (Кн. Сольвычег. 1658 г. л 256–259; кн. Сольвычег. 1680 г., л. 78 и др.). Примѣромъ такой приходной деньгамъ и расходной отпускамъ уѣзднаго яма можетъ служить книга Бобровскаго яма Устюжскаго уѣзда 1649 г. [4])

---

[1]) П. Д. С. Л. св. 103, № 58, 1637 г.

[2]) П. Д. С. Л. 1644 г. № 24, св. 166. На Устюгѣ въ 1646 г. ямскія дѣла правились въ съѣзжей избѣ подъячимъ, который былъ одновременно подъячимъ съѣзжей избы и ямскихъ дѣлъ. Р. И. Б., XII, стр. 245.

[3]) А. Э. II, 158.

[4]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. св. 242, № 136, 1649 г.

Ямской подрядчикъ для таможенной избы, ямской откупщикъ —для населенія, въ глазахъ своихъ ямщиковъ онъ былъ ямскимъ старостой. Такъ онъ называлъ и самъ себя, такъ за нимъ, очевидно, осталось это названіе и офиціально, тѣмъ болѣе, что онъ, дѣйствительно, исполнялъ всѣ функціи ямского старосты. Иногда это были лица выборные, какъ въ Сольвычегодскихъ трехъ уѣздныхъ ямахъ въ 1658 г. (кн 1658 г., л.л. 256 – 259), но всегда-ли – утверждать нѣтъ данныхъ. Можно, однако, думать, что всегда. На это указываетъ уже одно то, что подрядчикъ получалъ право въ случаѣ надобности собирать огловыхъ (?) отпускныхъ посошныхъ коней (кн. 1680 г., л. 78), право, которое едва ли было бы предоставлено не выборному, а подрядчику въ смыслѣ простого предпринимателя. Это-же заставляетъ думать, что подрядчики уѣздныхъ ямовъ вообще были больше мірскими должностными лицами, чѣмъ ведшими предпріятіе ради его доходности.

Впрочемъ, нужно отмѣтить, что и въ данномъ отношеніи въ различныхъ мѣстностяхъ была, видимо, и различная практика. Въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ существовало три уѣздныхъ яма—Лалской, Ильинской и Спасскій ямы. Связь уѣздныхъ ямовъ съ посадскимъ была, сколько можно видѣть изъ книгъ, тѣсная; уѣздные ямы не стремились къ самостоятельности, и ямскіе откупщики держались зависимаго положенія, какъ извѣстныхъ границъ своей отвѣтственности. Въ Устюжскомъ же уѣздѣ бобровскій и ягрышскій уѣздные ямы не только временами отбивались отъ всякой связи съ мірской организаціей, но и стремились къ полной самостоятельности и къ положенію стройныхъ ямовъ. Уже въ 1631 г. охотники бобровскаго яма жалуются на таможенныхъ устюжскихъ головъ и вѣрныхъ цѣловальниковъ требуя, чтобы тѣ платили имъ прогоны, какъ охотникамъ на Москвѣ и въ городахъ, чтобы не брали у нихъ подводъ сверхъ общаго для всѣхъ ямовъ росписанія, чтобы также не посылали къ нимъ съ заказными памятями для таможенной пошлины, не брали съ нихъ хлѣба мѣру и съ конскаго корма, который они межъ себя покупаютъ и съ молебныхъ каноновъ пошлины, чтобы, наконецъ, во всемъ ихъ вѣдѣлъ ихъ судейскій приказчикъ.[1]) Таможенный голова, счи-

---

[1]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. св. 48, № 66, 1631 г.

тая уѣздный ямъ неотъемлемой частью общаго дѣла устюжскихъ отпусковъ, смотрѣлъ на бобровскихъ ямщиковъ, какъ на остальныхъ уѣздныхъ крестьянъ, но бобровскіе ямщики признавали себя членами гонной слободы и потому требовали для себя правъ другихъ гонныхъ слободъ въ Москвѣ и на городахъ. Рѣшеніемъ ямского приказа эти требованія были признаны заслуживавшими уваженія. Поэтому неудивительно, что въ 1634—1637 г.г. обнаружилось стремленіе старостъ итти дальше по пути къ полной самостоятельности: ямскіе старосты бобровскаго и ягрышскаго ямовъ, какъ видно изъ челобитной устюжанъ [1]), сами стали собирать деньги съ уѣздныхъ людей на ямскіе отпуски, при чемъ сбирали много—по 40 и 50 р. съ сошки—но въ деньгахъ счету не давали, заручившись предварительно помощью воеводъ и приказныхъ, которымъ изъ мірскихъ денегъ удѣляли до 1000 рублей въ годъ и больше. Послѣдовавшимъ, однако рѣшеніемъ Устюжской чети этому своевольству былъ положенъ конецъ, и въ 1649 г. мы уже узнаемъ изъ цитированной выше книги бобровскаго старосты, что деньги на ямскіе отпуски онъ получалъ изъ таможенной избы. Состоялся, слѣдовательно, какъ бы компромиссъ: слобода была признана гонной, но въ денежномъ расходѣ ямской староста былъ поставленъ въ зависимость отъ таможенной избы.

Вѣроятно, такая разница въ практикѣ должна быть объяснена тѣмъ, что уѣздные ямы Сольвычегодскаго уѣзда образовались послѣ новой организаціи сольвычегодскихъ отпусковъ, а уѣздные ямы устюжскаго уѣзда—раньше: это были стройные ямы, которые только вошли въ мірскую организацію. Точнѣе: должны были войти, но это не могло состояться безъ извѣстной борьбы.

Наконецъ, въ уѣздахъ глухихъ, гдѣ гоньба была сравнительно незначительна, распорядокъ остался все тотъ-же, какой былъ тамъ и до начала второй половины 16 вѣка: по прежнему гоняютъ съ сохъ, выставляя подводы по мѣрѣ надобности. Гоньбой завѣдывали тутъ земскіе старосты, а въ монастырскихъ земляхъ – монастырскіе приказчики или монастырскія власти. Въ этомъ отношеніи любопытна челобитная отъ 1667 г. архимандрита и братьи соловецкаго

---

[1]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. св. 103, № 58, 1637 г.

монастыря на крестьянъ Кольскаго уѣзда Ковской волости, [1]) гдѣ читаемъ: „которые де ихъ монастырскіе керецкіе бобыли подводы изъ Керети до Ковды возятъ, и Ковскія волости крестьяне по вся годы своимъ озорничествомъ задерживаютъ съ лошадьми, мимо ковскую волость велятъ прогонивать къ Кольскому острогу до Княжія губы тридцать верстъ, и въ томъ ихъ монастырскимъ бобылемъ чинятся убытки и протори великіе. И намъ великому государю пожаловати бы ихъ соловецкаго монастыря архимандрита Варѳоломея съ братьею, велѣть бы ихъ бобылемъ Керецкія волости возить подводы по прежнему до Ковды, а мимо Ковду подводъ возить не велѣти бы, а имъ ковдянамъ велѣти бъ подводы ставить до Керети, а въ лишнихъ подводахъ счетъ держать имъ ковдяномъ съ ихъ соловецкаго монастыря бобылями пополамъ". Если сравнить ее съ челобитной ковдянъ отъ 1597 г. [2]), которая, въ свою очередь, касается счетовъ, возникшихъ несомнѣнно на много лѣтъ раньше, то въ существѣ отношеній не увидимъ никакой разницы. Для этой мѣстности по отношенію къ организаціи мірской гоньбы столѣтіе прошло, не принеся съ собой никакихъ измѣненій.

Каждую изъ этихъ трехъ системъ можно, конечно, разсматривать какъ самостоятельный мѣстный укладъ, какъ слѣдствіе самостоятельныхъ причинъ. Но едва-ли не правильнѣе, взглянувъ на нихъ въ исторической перспективѣ, признать ихъ тѣсную между собой связь: первоначальная форма - гоньба міромъ въ точномъ смыслѣ этихъ словъ, дальнѣйшая форма—выдѣленіе гоньбы въ самостоятельную отрасль мірского самоуправленія. Послѣдняя форма, въ свою очередь, разбилась на два вида, разница между которыми сводилась къ различной степени опредѣленности организаціи: хотя замѣна воеводскаго смотрѣнія смотрѣньемъ таможенныхъ головъ имѣла значеніе простого практическаго удобства, но она-же повела и къ принципіальнымъ послѣдствіямъ. Сосредоточенная во всѣхъ отношеніяхъ въ рукахъ спеціальныхъ должностныхъ лицъ, гоньба получила тѣмъ самымъ весь смыслъ особой задачи управленія; какъ

[1]) Д. А. И. V, 42.
[2]) Д. А. И. I, 140.

таковая, она изъ не имѣвшей границъ натуральной повинности превратилась въ совокупность правъ и обязанностей, какъ на сторонѣ государства, такъ и на сторонѣ населенія.

Историческая преемственность этихъ формъ едва-ли подлежитъ сомнѣнію. Всѣ мѣстности одинаково прошли черезъ неорганизованную мірскую гоньбу, но не всѣ на ней остановились. Изъ числа послѣднихъ, т. е. пошедшихъ дальше, всѣ прошли черезъ первыя попытки организаціи, т. е. черезъ мѣры, выдѣлившія гоньбу въ самостоятельную отрасль мірского самоуправленія путемъ учрежденія должности мірскихъ ямскихъ старостъ, но не всѣ на этомъ остановились.

Остается, слѣдовательно, разсмотрѣть, какія-же причины вліяли на все это различіе формъ въ разныхъ мѣстностяхъ? Главная—размѣры гоньбы. Въ мѣстахъ, гдѣ гоньба была сравнительно небольшая, не было и основаній отходить отъ старинныхъ порядковъ. Гдѣ гоньба разросталась, тамъ, какъ это и указалъ въ своей челобитной пермскій земскій староста въ 1623 г. [1]), трудно и невыгодно было оставаться при такихъ порядкахъ, и гораздо болѣе удобными для населенія начинали казаться тѣ, которые уже имѣлись въ другихъ городахъ, быть можетъ, уже на опытѣ показавшіе свою пригодность.

Тамъ, гдѣ главный отпускъ сосредоточивался въ одномъ какомъ-нибудь центральномъ пунктѣ, къ этому пункту тянулъ весь уѣздъ; ему-же подмогалъ сосѣдній уѣздъ, а иногда и нѣсколько уѣздовъ. Счетъ въ предѣлахъ уѣзда велся сообразно съ тѣмъ, какъ была организована гоньба: лежавшіе ближе къ центральному пункту, тянули къ нему, лежавшія далѣе отъ него – тянули къ уѣздному яму. Тянули они по раскладкѣ, дѣлавшейся въ центрѣ уѣзда, а иногда и въ уѣздномъ ямѣ, если онъ пользовался самостоятельностью. По заручному мірскому приговору таможенный голова и ямской староста, или одинъ ямской староста, смотря по мѣсту, разрубалъ на сохи, смѣтивъ общую сумму противъ ожидаемой гоньбы, по скольку на соху придется, тутъже по особымъ спискамъ назначалъ очереди, кому выставлять сошныхъ лошадей для дальнихъ посылокъ, а за недо-

---

[1]) А. Э. III, 144.

хожихъ лошадей съ мелкихъ костей бралъ по разводу деньгами. Брали, слѣдовательно, различно: когда больше, когда меньше; въ иныхъ мѣстахъ очень много, въ иныхъ несравненно меньше. Такъ въ Сольвычегодскѣ въ 1624 г. было собрано 1693 р. 15 ал. 3½ д. (кн. 1624 г., № 2 л. 4 об.), изъ которыхъ израсходовали 1505 р. 11 ал. 4 деньги (л. 180 об.) да отпущено было 587 огловыхъ (?) сошныхъ лошадей. Сбирали-же въ этомъ году съ сохи по 120 рублей. Въ 1654 г. сбирали съ сохи по 160 рублей; сколько собрали всего—неизвѣстно, израсходовали 1360 р. 9 ал. да отпустили 550 огловыхъ посошныхъ лошадей. [1]) Въ 1658 г. сбирали по 140 р; должно было быть собрано 1646 р. 11 ал. 4 д. (кн. № 25, л. 10), но оказалось въ недоборѣ 301 р. 28 ал. 5½ д; израсходовано 1285 р. 4 ал. 5 д. (л. 259) да отпустили 496 огловыхъ сошныхъ лошадей. Въ 1680 г. сбирали всего по 80 руб. съ сохи, и всего приходу было 800 р. 21 ал. 3 д. (кн. № 39, л. 76). Въ Перми усольцамъ и чердынцамъ напримѣръ, въ 1660 г. отпуски обходились по 1500 рублей и больше на соху. [2]) Въ Великомъ Устюгѣ въ 1642 г. сбирали по 9 рублей съ гривной съ сошки, въ 1650 г. по девяти рублей съ сошки, въ 1652 г. по 15 и 18 рублей съ сошки (устюжане считали такой размѣръ сбора непомѣрнымъ), а въ 1653 г.—30 рублей съ сошки. [3]) Всего выходило въ Устюгѣ до 10000 р. въ годъ. [4]) Расходъ по отпускамъ составлялся изъ расхода на покупку судовъ и снастей для лѣтнихъ отпусковъ рѣкой, на покупку сбруи и сѣделъ, на выдачу наемной платы кормщикамъ, гребцамъ, ямщикамъ, носильщикамъ, проводникамъ, изъ расхода на кормы проѣзжавшимъ, платы таможенному головѣ и старостѣ за постоялое, жалованье дьячку, приставу, каморнику, стрѣльцамъ, мелкаго расхода по таможенной избѣ и т. подоб. Инымъ проѣзжавшимъ съ подорожными давали вмѣсто подводъ и кормовъ деньгами, иногда давали только часть подводъ, указанныхъ въ подорожныхъ, а за остальныя—деньгами. Кормъ писался не во

---

[1]) А. М И. Д. П. Д. С. Л. св. 283, № 56, 1654 г.

[2]) А. Э. IV, 121.

[3]) Д. А. И. III, 117. По П. Д. С. Л. за 1652 г. св. 276, № 132—въ 1650 г.—десять рублей съ сошки, а въ 1649—12 р. съ сошки.

[4]) П. Д. С. Л. св. 103, № 58, 1637 г. Р. И. Б. XII, стр. 384 для 1663 г.

всѣхъ подорожныхъ. По крайней мѣрѣ, по отношенію къ сибирскимъ подорожнымъ имѣется на этотъ счетъ точное указаніе: „а кормецъ въ подорожной служивымъ людемъ написанъ по прежнему, какъ въ прошлыхъ годѣхъ и нынѣ изъ сибирскихъ городовъ воеводы служилымъ людемъ кормецъ въ подорожныхъ писали, по ихъ челобитью, для ихъ бѣдности и для дальнихъ служебъ... А съ Москвы нынѣ зимою и по сю пору отъ Государя въ подорожныхъ сибирскимъ служивымъ людемъ кормъ писанъ; а которымъ служивымъ людемъ корму не писано въ подорожныхъ и тѣмъ служилымъ людемъ даютъ на Москвѣ государево годовое денежное жалованье и за выходъ деньги и кормъ до сибирскихъ городовъ". [1]) Изъ этой-же грамоты узнаемъ, что воеводамъ сибирскимъ кормъ въ дорогѣ не полагался, такъ какъ за ними помѣстья и вотчины и такъ какъ государево жалованье дается имъ на Москвѣ на три года. Изъ Сольвычегодскихъ книгъ и изъ книги Бобровскаго яму узнаемъ, что кормъ давался довольно часто и въ общемъ стоилъ не мало.

Кромѣ того, изъ мірскихъ денегъ платили еще за пропускные суда, т. е. за суда, шедшія мимо даннаго посада—центра ямскихъ отпусковъ уѣзда. Плата была таксирована: „а которые суда пойдутъ съ Вологды мимо Тотьмы и Устюга кормщикамъ брать за тѣ суда и за снасти на Устюгѣ прогоны за большое судно съ сажени по двѣ гривны, а съ малыхъ судовъ съ сажени по гривнѣ". [2]) Эта такса была установлена, видимо, спеціальнымъ указомъ; она, кажется, имѣла и общее значеніе, такъ какъ ссылки на нее встрѣчаются для разныхъ мѣстъ.

Число подводъ опредѣлялось подорожными, но считалось злоупотребленіемъ писать въ подорожныхъ болѣе подводъ, чѣмъ это полагалось по указу 1627 г., общему, какъ для стройныхъ ямовъ, такъ и для мірской ямской гоньбы. Но указъ соблюдался плохо, и часто подорожныя заключали въ себѣ предписаніе давать больше подводъ, чѣмъ для даннаго проѣзжавшаго полагалось; еще чаще проѣзжавшіе сами требовали больше подводъ, чѣмъ было прописано въ подорожныхъ. Впрочемъ, тутъ повторялось то-же явленіе, о ко-

[1]) А. Э. III, 42.

[2]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. св. 91, № 46, 1636 г.

торомъ мы уже достаточно говорили при разсмотрѣніи судьбы стройныхъ ямовъ въ 17 вѣкѣ.

Наиболѣе подробныя свѣдѣнія удалось намъ найти о мірскихъ отпускахъ Чердыни, Усолья (Соликамска) и Кайгородка. Они должны были отпускать отпуски, подмогая другъ другу, но чердынцы и усольцы не хотѣли ни въ чемъ уступать кайгородцамъ, а вскорѣ вступили въ споръ и между собой. Вслѣдствіе этого на всемъ протяженіи 17 вѣка эти взаимно подмогавшія другъ другу мѣстности никакъ не могли привести въ ясность свои отношенія по ямскимъ отпускамъ. Отпускали съ сохъ, по сошному разводу. Кайгородъ считался сначала (въ 1614 г.) въ 6 сохахъ, а около 1632 г.—въ $2^1/_2$ сохахъ, Чердынь въ $5^1/_2$ сохахъ, Соликамскъ въ $2^5/_8$ сохахъ. [1]) По правилу, каждая изъ подмогавшихъ другъ другу мѣстностей выбирала цѣловальниковъ и отправляла ихъ съ деньгами въ остальныя. Кайгородцы, видимо, исполняли свои обязанности довольно аккуратно, но усольцы и чердынцы съ начала 17 вѣка перестали посылать цѣловальниковъ въ Кайгородъ. Послѣдніе не разъ обращались къ мѣстнымъ властямъ, жаловались и въ Москву, но никакого рѣшенія имъ не выходило. Наконецъ, въ 1614 г. было приказано чердынцамъ и усольцамъ сосчитаться въ прежнихъ отпускахъ, впредь отпускать совмѣстно, а за уклоненіе отъ счета въ прошлыхъ годахъ вышелъ указъ, взявъ 3 чердынцевъ лучшихъ людей и 2 усольцевъ, бить ихъ батоги и вкинуть въ тюрьму на мѣсяцъ [2]). Но и эти строгія мѣры не привели къ миру. Положеніе осложнялось еще и тѣмъ, что и между усольцами и чердынцами возникла распря, виновниками которой были, видимо, усольцы: отказывая чердынцамъ въ счетѣ почти въ теченіи семи лѣтъ, они на нихъ-же клепали ложно и добивались указовъ, которые обѣляли ихъ и заставляли нести всю тяжесть отпусковъ однихъ чердынцевъ Только въ 1622 г., когда, наконецъ, опредѣлилось, что сами собой чердынцы, кайгородцы и усольцы не сосчитаются, въ Москвѣ прибѣгли къ рѣшительной мѣрѣ: было приказано чердынскому воеводѣ сослаться съ усольскимъ и кайгородскимъ воеводами, выбравъ лучшихъ людей усольцевъ, чердын-

[1]) А. Э. III, 39, Д. А. И. IV, 100.

[2]) А. Э. III, 39, 40.

цевъ и кайгородцевъ, съѣхаться вмѣстѣ на погостѣ межъ Соликамской, Чердыни и Кайгородка и сосчитать спорящихъ вправду, „во всемъ по книгамъ, въ прямыхъ расходахъ, съ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ годахъ межъ нихъ счетъ не бывалъ“. Этотъ указъ вообще характеренъ: приведемъ его поэтому нѣсколько подробнѣе: „и велели бы вы (прежде чѣмъ считаться) у Усольцевъ, и у Кайгородцевъ, и у Чердынцевъ, у посадскихъ людей и у волостныхъ крестьянъ, у сборщиковъ и у закащиковъ, которые съ тѣхъ городовъ съ посадовъ и съ уѣздовъ во всякіе сборы сбирали съ нихъ всякіе доходы, сыскати и поимати у нихъ тѣ ихъ сборныя книги, за ихъ или за отцевъ ихъ духовныхъ руками, да по тѣмъ книгамъ велели ихъ счесть по годамъ, порознь, вправду, въ приходѣ и въ расходѣ, безо всякія понаровки: да будетъ по ихъ книгамъ которыя деньги ихъ сбору плачены въ нашу казну, и у нихъ въ тѣхъ деньгахъ велели имати для справки отписи за дьячими приписями; а будетъ которые деньги ихъ сбору сверхъ тѣхъ отписей будутъ у нихъ въ остаткѣ и ихъ про тѣ деньги велели распросить накрѣпко, на какіе у нихъ расходы тѣ деньги вышли, или кому въ почесть и въ посулы давали. Да что про тѣ деньги скажутъ, и у нихъ той ихъ сказкѣ велели ихъ взять рѣчи, за ихъ и за отцевъ ихъ духовныхъ руками“. Деньги-же, которыя оказались бы при счетѣ взятыми излишне, приказано было назадъ отдать сошнымъ людямъ. Сверхъ того воеводамъ вновь повторяется считать всѣхъ вправду, причемъ бросается имъ въ укоръ: „а се вы воеводы всякъ своему городу норовите, межъ городовъ счету прямого не даете для своей бездѣльныя корысти“. Своекорыстіе воеводъ, дѣйствительно, должно было играть весьма серьезную роль во всѣхъ этихъ безконечныхъ спорахъ о счетѣ. [1])

Едва-ли, однако, этимъ дѣло кончилось, тѣмъ болѣе. что съ 1632 г. присоединился новый предлогъ для раздоровъ: вятчане, которые, какъ мы знаемъ, сначала имѣли стройные ямы, потомъ отпускали съ Пермью, потомъ вмѣстѣ съ Пермью (Усольцами и Чердынцами) и Кайгородкомъ держали ямскихъ охотниковъ въ Перми, наконецъ, подмогали пермичамъ въ отпускахъ, съ 1632 г. стали откупаться

[1]) А. Э. III, 129.

отъ ямскихъ отпусковъ, присылая 500 рублей подможныхъ денегъ ежегодно. Деньги эти дѣлились между усольцами, чердынцами и кайгородцами по числу сохъ: чердынцы брали половину, усольцы—134 р. 7 алтынъ 5 денегъ, а кайгородцы получали 116 р. 24 алт. 3 деньги. Между тѣмъ, съ 1652 г., когда опредѣлилось по переписнымъ книгамъ, что Чердынь сравнительно съ Усольемъ обезлюдѣла и что къ тому-же Усолье вообще разбогатѣло, а кромѣ того къ Усолью отъ Чердыни были приписаны въ тягло два чердынскихъ погоста—Обвинской и Инвинской, сошнаго-же письма съ чердынцевъ не было сбавлено, а усольцамъ сошнаго письма не прибавлено и, наконецъ, когда чердынцамъ удалось доказать, что усольцамъ въ отпускахъ и тяглѣ помогаютъ гости и гостинной сотни торговые люди, у которыхъ у Соли Камской соляные промыслы и варницы, чердынцы добились на Москвѣ рѣшенья, по которому имъ было разрѣшено подмогать въ отпускахъ не по сошному письму, а по переписнымъ книгамъ. Такимъ образомъ, чердынцамъ отпуски стали дешевле. Но тогда возникъ вопросъ о вятскихъ деньгахъ, которыя продолжали дѣлиться между чердынцами и усольцами по сошному письму. Усольцы добились въ 1676 г. на Москвѣ указа, въ силу котораго было предписано чердынцамъ впредь пользоваться и вятскими подможными деньгами не по сошному письму, а по переписнымъ книгамъ; за прошлые-же годы, т. е. съ 1652—1676 г.г. чердынцы обязывались заплатить переемныя (взятыя излишне) 1320 р. 8 алт. вятскихъ денегъ. Но въ томъже году чердынцы поѣхали въ Москву, гдѣ доказали, что усольцамъ то не поверстка, на что они ссылаются и что на нихъ положено мало. Тогда было предписано гонять чердынцамъ по переписнымъ, а вятскія деньги брать по сошному письму; что-же касается переемныхъ денегъ, то ихъ велѣно не править впредь до счета на Москвѣ. [1]) Съ 1654 г. чердынцамъ, усольцамъ и кайгородцамъ подмогали еще кунгурцы и новоселебные крестьяне Степанова городища. До 1664 г. они присылали лишь подможныя деньги; съ этогоже года должны были войти въ общій распорядокъ подмоги по гоньбѣ; иногда, однако, они сами уклонялись отъ подмоги,

---

[1]) А. И. V, 8, Д. А. И. IV, 100.

иногда ихъ притѣсняли болѣе сильные сосѣди, такъ что и тутъ происходили распри, вродѣ описанныхъ [1])

Болѣе другихъ отличались несговорчивостью усольцы; они слали челобитную за челобитной, обвиняя своихъ сосѣдей во всевозможныхъ несправедливостяхъ, иногда выигрывали дѣла, но подъ конецъ, видимо, составили себѣ опредѣленную славу несправедливыхъ обвинителей. По крайней мѣрѣ, въ Москвѣ рѣшительно взяли сторону чердынцевъ. Такъ, напримѣръ, въ 1681 г. усольцы били челомъ на чердынцевъ въ томъ, что эти не строятъ у Соли своего стоялаго ямского двора, такъ что, слѣдовательно, всю тяжесть осенняго и весенняго постоя, когда, по случаю бездорожья, въ Сибирь нѣтъ пути, приходилось выносить усольцамъ однимъ. Усольцы, какъ они объяснили въ челобитной, не разъ обращались къ чердынцамъ о счетѣ, но тѣ зачитывались уѣздными своими дворами на Вильвѣ, въ Уролкѣ, въ Косѣ, въ Ускіевѣ. Усольцы-же, кромѣ постоялаго двора у Соли держали также уѣздные дворы на Сурмогѣ, на Ику, вверхъ по Усолкѣ, на Яйдѣ, на Чикманѣ, на Молчанѣ. Чердынцы-же, въ свою очередь, показали что ямской дворъ для своихъ пріѣздовъ они, чердынцы, издавна держатъ у Соли. Въ Москвѣ рѣшили споръ въ пользу чердынцевъ: у Соли имъ стоялаго двора не держать, а ямской дворъ, если не имѣютъ его, поставить. [2]) Гораздо меньше споровъ извѣстно между яренчанами и сольвычегодцами, которые считались за одинъ, но и тамъ, видимо, дѣло не обходилось безъ подобныхъ-же недоразумѣній. [3]) Споры выходили также изъ-за того, что въ одномъ подмогавшемъ пунктѣ не перемѣняли подводъ, ѣхавшихъ мимо этого пункта изъ другого, чѣмъ, слѣдовательно, одинъ пунктъ обременялся за счетъ другого. Иногда имѣли мѣсто прямыя злоупотребленія: такъ, брали лошадей силой, не возвращая потомъ по принадлежности, откупались отъ гонцовъ и посланниковъ, вслѣдствіе чего эти послѣдніе брали людей и подводы силой у тѣхъ, кто не долженъ былъ давать подводъ цѣловальники одного уѣзда съѣзжали съ ямского двора другого уѣзда, забирая съ собой и деньги

---

[1]) А. И. V, 173, 246.

[2]) А. И. V. 81.

[3]) Д. А. И. X, 98. Яренчане несли $1/3$ расходовъ, а Сольвычегодцы $2/3$; кн. 1680 г. № 39. по реестру Сольвычегодск. кн., л. 78.

и книги, чѣмъ дѣлали затруднительнымъ счетъ въ отпущенныхъ отпускахъ и т. д. Все это совершалось не безъ покровительства воеводъ; злоупотребленія со стороны послѣднихъ только еще болѣе осложняли отношенія [1]).

Мы привели эти факты не столько потому, что они въ достаточной мѣрѣ рисуютъ бытовую сторону мірскихъ отпусковъ, сколько и для того, чтобы показать, насколько менѣе совершенной представлялась эта мірская организація гоньбы въ сравненіи съ правительственной, подробности которой уже были изложены выше. Злоупотребленія возможны были одинаково и при одной, и при другой системѣ, но тамъ, гдѣ гоньбу гоняли міромъ, къ общимъ злоупотребленіямъ присоединялись еще и злоупотребленія въ предѣлахъ внутреннихъ разсчетовъ, неизбѣжныя къ тому-же, такъ какъ каждый уѣздъ естественно добивался подъ предлогомъ уравнительности сложенія съ себя возможно большей части общаго дѣла и общихъ тягостей. Слѣдовательно, въ самой основѣ этой организаціи лежала неустранимая причина раздоровъ, превращавшая гоньбу въ источникъ вѣчныхъ пререканій и судьбищъ. Правительство привлекалось къ разбору этихъ мірскихъ распрей весьма часто и охотно, но правительство не могло имѣть въ виду дѣйствовать рѣшительно, такъ какъ единственно цѣлесообразнымъ было бы уничтожить мірскіе отпуски и замѣнить ихъ стройной гоньбой, а это стоило бы дорого. Когда распри подмогавшихъ другъ другу уѣздовъ начинали отражаться на исправности самой гоньбы—а это естественно должно было случаться не рѣдко—правительство принималось за строгость и подвергало виновныхъ наказаніямъ. Но наказаніе переживалось, старые счеты возгорались съ новой силой, и съ новой силой они отражались на гоньбѣ. Постепенно съ усовершенствованіемъ организаціи устанавливался большій контроль, отчасти не только ограждавшій населеніе отъ произвола воеводъ, но вмѣстѣ обезпечивавшій и самую гоньбу, но основа всѣхъ мірскихъ отпусковъ—стоимость ихъ населенію—отъ усовершенствованія организаціи выигрывала мало: уравнительности препятствовало своевольство мірскихъ властей, и, слѣдовательно, непремѣнно одни

[1]) А. Э. II, 50, А. И. II, 136, А. И. III, 187, П. Д. С. Л. св. 173 № 83, 1644—1648 г.г. и др.

должны были расходоваться больше, чѣмъ другіе; послѣдніе, въ свою очередь, едва ли также что-нибудь выигрывали отъ этого. По крайней мѣрѣ, по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ удалось прослѣдить, какъ показано выше, размѣръ сборовъ приблизительно все тотъ же, а съ 50-хъ годовъ начинаетъ замѣтно возрастать, но, повидимому, нигдѣ не уменьшается. [1])

О дальнѣйшей судьбѣ мірскихъ отпусковъ мы не имѣемъ свѣдѣній, но, судя потому, что еще въ 1683 г. встрѣчаемъ тѣ-же распорядки и, видимо, тѣ же споры у яренчанъ съ сольвычегодцами и у чердынцевъ съ усольцами, можно думать, что до конца 17 вѣка никакихъ измѣненій въ описанномъ строѣ не произошло. [2]) Въ 1680 г. велѣно было на Вяткѣ ямскимъ старостамъ не быть (какъ, впрочемъ, и цѣлому ряду другихъ мірскихъ должностей), а, слѣдовательно, съ этого времени мірскіе отпуски должны были получить здѣсь уже нѣсколько иную организацію. [3])

Ко всему сказанному должно прибавить, что населеніе, отпускавшее ямскіе мірскіе отпуски, не освобождалось

---

[1]) Нѣкоторое представленіе о своевольствѣ мірскихъ ямскихъ властей (кромѣ того, что уже сказано было выше) даетъ и слѣдующая, напримѣръ, челобитная устюжанъ отъ 1678 г.: „да въ прошломъ-же государь въ 184 году, онъ-же Григорей Мылниковъ (таможенный голова) да ямской староста Алексѣй Кремлевъ съ товарыщи со всего мірского совѣту, по заручному приговору розрубили и собрали на ямскіе отпуски на малую сошку по 5 рублевъ, и въ тѣхъ деньгахъ, по твоей великаго государя грамотѣ, въ приходѣ и расходѣ велено его Григорья съ товарыщи намъ сиротамъ твоимъ счесть; и онъ Григорей твоему великаго Государя указу учинился непослушенъ и ямскихъ и ружныхъ своихъ книгъ невѣдомо для какого вымыслу на счетъ не далъ. Да онъ-же Григорей, надѣясь на свое озорничество и ябедничество, безъ совѣту-жъ всѣхъ монастырей и насъ сиротъ твоихъ безъ заручныхъ приговоровъ, разрубилъ въ другой поборъ и собралъ изъ-за великаго правежу съ Устюга-жъ съ посаду и съ монастырскихъ вотчинъ и со всего Устюжскаго уѣзду на ту-жъ малую сошку по 15 жъ рублевъ, будто онъ, Григорей, съ ямскими старосты зборными тѣми ямскими деньгами свои многіе заемные ямскихъ отпусковъ кабалы выкупалъ тысячи на полтретьи и болше, а у кого въ тѣ кобалы они такіе великіе деньги займовали и кабалы выкупали, а намъ сиротамъ твоимъ про то и по се число невѣдомо". Р. И. Б., XII, стр. 486—487.

[2]) Д. А. И. X, 89, 98

[3]) Д. А. И. X, 18.

этимъ отъ уплаты ямскихъ денегъ въ казну. Этому мы имѣемъ прямыя свидѣтельства. [1]) Но за то, если собирались подводы въ большомъ количествѣ, напримѣръ, для перевозки ратныхъ запасовъ въ Сибирь или изъ Сибири, правительство платило за нихъ наемъ. Впрочемъ и тутъ, наемъ платился, быть можетъ, лишь въ случаѣ особыхъ жалобъ. [2])

[1]) Р. И. Б. XII, стр. 198, 1196—1197, 1442 и др.

[2]) А. Э, IV, 120.

VII.

Какъ намъ уже приходилось говорить, центральное ямское управленіе образовалось одновременно съ ямской гоньбой. Если мы правы, считая, что до великокняженія Іоанна III ямской гоньбы въ видѣ опредѣленной организаціи не было, то, очевидно, что до великаго князя Іоанна III не должно было быть и центральнаго ямского органа. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы уже говорили, что первоначально общее завѣдываніе ямской гоньбой входило въ вѣдомство казначеевъ. Дьяки, состоявшіе при казначеѣ, сначала, можно думать, всѣ, а потомъ, — нѣкоторые, которые такимъ образомъ спеціализировались, являлись исполнителями его распоряженій по ямскому дѣлу. [1]) Изъ того, что мы знаемъ объ этомъ періодѣ центральнаго ямского органа, можемъ выводить, что казначей и ямскіе дьяки вѣдали ямщиковъ, рѣшали дѣла по спорамъ между населеніемъ и ямщиками по поводу ямской гоньбы и сопряженныхъ съ ней для населенія обязанностей, утверждали выборы ямщиковъ, выдавали имъ на ямской расходъ деньги, считали ямщиковъ по загоннымъ книгамъ, посылали ямскихъ стройщиковъ и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы уже знаемъ, что ямскіе-же дьяки вели кормовыя книги и писали изъ нихъ росписи, по которымъ посламъ и посольскимъ людямъ давался кормъ. [2]) Ямскіе дьяки главнымъ образомъ лишь опредѣляли норму, но не произвольно, а соотвѣтственно прежнимъ записямъ, какъ которому послу и гонцу прежде давалось. [3])

---

[1]) См. стр. 77—82 дан. кн.

[2]) См. пр. 3 на стр. 80 дан. кн.

[3]) Наприм. „а кормъ ему велѣно давати съ яму изъ дворца своего, а писанъ кормъ у діаковъ, которые ямы вѣдаютъ“. Сб. Ист. Общ., т. LIX, стр. 43. „А что ему корму, и то писано у ямскихъ діаковъ“. Тамъ-же, стр. 214. „А кормъ посланнику давати по записи ямскихъ діаковъ“. Лихачевъ, Библіот. и арх. моск. госуд., стр. 57, примѣч. „А на кормъ имъ давати по ямской памяти“. Тамъ же, стр. 58, примѣч.

Какъ извѣстно уже изъ грамоты на Тотьму, казначей показанъ близкимъ къ ямскому дѣлу еще въ 1548 г. [1]) Подъ 1550 г. мы уже встрѣчаемъ упоминаніе о ямской избѣ: „чтобы у тебя тѣ прогонныя деньги по той выписи, какова тебѣ дана изъ ямскіе избы были всѣ собраны". [1]) Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что казначей къ этому времени былъ уже устраненъ отъ ямскихъ дѣлъ. Такъ, въ касимовской уставной грамотѣ отъ 1567 г. читаемъ: „а сужу ихъ (ямскихъ охотниковъ) язъ царь и великій князь, или наши казначеи, или кому будутъ приказаны ямскія дѣла судити." Въ той же грамотѣ читаемъ: „да тѣ свои отпуски (должны) присылать(воеводы, городовые приказчики и другія власти, если требуютъ ямскія подводы) къ дьякамъ въ ямскую избу для справки ямскихъ книгъ." [2]) Подъ 1574 г. находимъ уже наименованіе ямского центральнаго органа ямскимъ приказомъ: „а слободчика бы еси Гвоздя (ямского приказчика вокшерскаго яма) да старосту (ямского) Окулка въ шести рубляхъ и въ хлѣбѣ далъ на поруку и учинилъ срокъ стать на Москвѣ въ ямскомъ приказѣ". [3]) Между названіями „ямская изба" и „ямской приказъ", однако, никакого различія, видимо, не дѣлалось. Такъ, подъ 1578 г. встрѣчаемъ: „а роспись кормовая взяти ему у діаковъ въ ямской избѣ". [4]) Подъ 1579 г. встрѣчаемъ упоминаніе о ямскомъ приказѣ [5]), а подъ 1583 г. опять о ямской избѣ. [6])

Быть можетъ, ямская изба обособилась въ совершенно отдѣльное учрежденіе раньше конца 1579 г., что какъ будто вытекаетъ изъ грамоты на Гавриловскій ямъ ямскому сборщику, гдѣ читаемъ предписаніе взять у келаря Спасскаго монастыря списокъ съ грамоты и представить въ ямской приказъ къ дьякамъ Стахѣю Иванову и Меньшому Башеву. Здѣсь дьяки ямского приказа исполняютъ функцію, которую, какъ мы уже знаемъ, въ 1532 г. исполнялъ въ аналогичномъ-же случаѣ казначей [7]). Къ мысли, что такое

[1]) Цитируемъ по Библ. и арх. моск. госуд., Лихачева, стр. 57, примѣч

[2]) См. стр. 152 и 154 примѣч. дан. кн.

[3]) А. Сп. Мон., I, XLIII.

[4]) Библ. и арх. моск госуд., Лихачева, стр. 58, примѣч.

[5]) А. Сп. М. I, L.

[6]) Библ. и арх. моск. госуд., Лихачева, стр. 58, примѣч.

[7]) А. С. М., I, L, ср. съ А. С. М., I, IX, Позже 1567 г. намъ уже не попадалось указаній на казначеевъ, какъ на лицъ, вѣдавшихъ

полное обособленіе произошло раньше 1579 г., насъ ведетъ еще то соображеніе, что, напримѣръ, въ 1574 г. въ цѣломъ рядѣ документовъ, касавшихся столь важнаго дѣла, какъ переустрой девяти новгородскихъ и ряда псковскихъ слободъ встрѣчаемъ упоминанія только о двухъ дьякахъ, вѣдавшихъ тогда ямской приказъ, но нигдѣ мы не встрѣтили никакого упоминанія о казначеяхъ [1]). Чтобы стать на такомъ предположеніи твердо, слѣдовало-бы еще показать, что казначеи въ это время уже и не судили по ямскимъ дѣламъ, но по этому вопросу мы вообще не нашли данныхъ.

Во всякомъ случаѣ, въ 1604 г. ямской приказъ упоминается уже въ источникахъ, какъ совершенно самостоятельное учрежденіе, находившееся въ вѣдѣніи отдѣльнаго спеціальнаго судьи и дьяка (вѣроятно, двухъ дьяковъ). Такъ, извѣстна грамота Бориса Годунова отъ 5 іюня 1604 г. окольничьему Михаилу Михайловичу Салтыкову и дьяку Сарычу Шестакову. Хотя въ грамотѣ не сказано, что она адресована въ ямской приказъ, но по содержанію она можетъ относиться только къ ямскому приказу: предписывается въ ней сдѣлать распоряженіе сборщикамъ по всѣмъ ямамъ, чтобы они готовили для Цесарева посла (Логау) по двѣсти подводъ на яму. Кромѣ того изъ другихъ источниковъ извѣстно, что дьяки Сарычъ Шестаковъ и Фирсъ Лазаревъ были дьяками ямского приказа въ 1606 г. [2])

Такимъ образомъ, вопросъ о времени, съ какого слѣдуетъ считать начало ямского приказа, разрѣшается различно, смотря по тому, что понимать подъ началомъ ямского приказа. Если понимать подъ нимъ только ту извѣстную дѣятельность, какую предназначенъ былъ осуществлять центральный ямской органъ, то ямской приказъ возникъ одно-

---

ямское дѣло. Отмѣтимъ также, что въ А. С. М., I, L ямской приказъ названъ „дворовымъ ямскимъ приказомъ“, что объясняется тѣмъ, что актъ относится къ Ярославлю, который былъ тогда въ опричнинѣ. Дьякъ Стахѣй Ивановъ нѣсколько раньше (въ маѣ 1579 г., а грамота Спаск. Мон. относится къ декабрю) былъ дьякомъ „двороваго разряда“ (А. Э., I, 302). О значеніи названія „дворовый приказъ“ см. Платоновъ. Очерки по исторіи смуты, изд. 1899 г., стр. 153—155.

[1]) Имп. Библ. Новгор. устр. кн. Q. IV, 260, напр. Л. Л. 329, 372, 405 и др.

[2]) Пам. Дипл. Сн., II, стр. 899. О дьякахъ Сарычѣ Шестаковѣ и Фирсѣ Лазаревѣ см. Имп. Публ. Библ., Q. IV, 260, л. 26, 53 и др.

временно съ ямской гоньбой. Первое упоминаніе о ямскихъ дьякахъ, какъ уже приходилось говорить, намъ извѣстно отъ 1490 г. [1]) Слѣдовательно, уже тогда было и центральное ямское управленіе [2]). Если понимать подъ ямскимъ приказомъ болѣе или менѣе спеціализировавшееся учрежденіе, хотя бы еще продолжавшее оставаться въ вѣдѣніи казначеевъ, то, во всякомъ случаѣ, мы встрѣчаемся съ нимъ уже въ 1550 г. Если, наконецъ, понимать подъ ямскимъ приказомъ полное обособленіе ямского центральнаго органа отъ вѣдомства казначеевъ, то съ такимъ учрежденіемъ мы не должны встрѣтиться раньше 1567 г., т. е. года изданія касимовской грамоты. Думаемъ, что обособленіе произошло между концомъ 60-хъ и концомъ 70-хъ годовъ. [3])

---

1) Записн. кн. явлен. Алябьеву, изд. Лаппо-Данилевскаго, № 353.

2) О томъ, что ямскіе дьяки конца 15 вѣка и ямскіе дьяки 16 вѣка вплоть до того времени, когда они уже обозначаются сидящими въ ямской избѣ или приказѣ, представляютъ одну и ту-же должность, достаточно писалъ уже Лихачевъ, Библ. арх. моск. госуд., стр. 57—58 примѣч. Путемъ ряда выписокъ за 1503—1583 годы онъ наглядно показалъ тождественность функцій. Намъ уже приходилось показать это и на участіи ямскихъ дьяковъ въ писаніи полныхъ и докладныхъ грамотъ. Стр. 77—80 дан. кн.

3) Въ литературѣ этотъ вопросъ рѣшается различно. Миллеръ былъ такого мнѣнія, что ямской приказъ образовался или при Борисѣ Годуновѣ, когда онъ воцарился самостоятельно, или при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, когда Борисъ Годуновъ былъ правителемъ. (Др. Вивліоѳика, изд. 2, т. XX, стр. 413). Первое упоминаніе о ямскомъ приказѣ было ему извѣстно только отъ 1618 - 1619 г.г. (ц. с., стр. 416). Успенскій ссылался на какое-то извѣстіе отъ 1516 г. (Опытъ пов. о русск. древн., изд. 2-е, стр. 300). (Лихачевъ высказалъ предположеніе, что извѣстіе, на которое ссылался Успенскій, есть указаніе на ямскихъ дьяковъ Данилу Клобукова и Юрья Лелечина, подписывавшихъ полныя при намѣстникахъ Плотовѣ Даниловѣ и Ромодановскомъ-Телеляшѣ. Извѣстіе это Лихачевъ привелъ въ трехъ спискахъ. Разрядн. дьяки, стр. 51—52). Карамзинъ, относя учрежденіе ямского приказа къ Іоанну Ш, привелъ указаніе на ямскую избу отъ 1578 г. (Ист., т. IX, стр. 114, примѣч. 516). Гр. Толстой сослался на А. И. П., 355. т. е. на записку о царскомъ дворѣ и приказахъ отъ 1610—1613 г.г., какъ на первое извѣстное ему упоминаніе о ямскомъ приказѣ (Ист. фин. учр. древ. Россіи стр. 54). Въ предѣлахъ этихъ данныхъ рѣшали вопросъ Сергѣевъ, Домбровскій, Руфъ Иван въ, Неизвѣстный авторъ въ „Прибавл. къ общ. цирк.“, Бржозовскій, Шпилевскій. Хрущовъ, ц. с., стр. 11, склоненъ думать, что ямской приказъ учрежденъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ.. Бѣляевъ опредѣленно отнесъ ямской приказъ ко времени Іоанна IV.

Изъ тѣхъ сравнительно весьма немногихъ данныхъ, которыми мы могли располагать о дѣятельности ямского приказа до воцаренія Михаила Θеодоровича, можно сдѣлать лишь слѣдующіе выводы. Къ числу обязанностей ямского приказа принадлежали: всѣ заботы по устройству ямовъ; слѣдовательно, ямской приказъ посылалъ предписанія областнымъ властямъ, велъ съ ними дальнѣйшую переписку, иногда посылалъ своихъ стройщиковъ, выдавалъ подорожныя, усчитывалъ ямскихъ охотниковъ по загоннымъ книгамъ, разсматривалъ челобитныя ямскихъ охотниковъ, судилъ слобожанъ со сторонними людьми и стороннихъ людей съ слобожанами [1]). Мѣстными органами ямского приказа были всякіе областные власти, подобно тому какъ вообще всѣхъ московскихъ приказовъ; спеціальными мѣстными органами были ямскіе приказчики [2]). Иногда ямской при-

---

(Лекц. по ист. русск. законод., стр. 502). Соловьевъ былъ склоненъ относить основаніе приказовъ вообще ко времени послѣ Іоанна III; въ томъ числѣ, вѣроятно, онъ имѣлъ въ виду и ямской приказъ (Ист., I, стр. 1520—1521, 1681). Владимірскій-Будановъ указываетъ на то, что ямской приказъ упоминается съ 1516 г. (Обзоръ, стр. 208). Лихачевъ считаетъ временемъ появленія ямского приказа время, съ котораго упоминается о ямскихъ дьякахъ (Разр. дьяки, стр. 49—55; Библіот. и арх. Моск госуд., стр. 56—58). Ивановъ (Описан. госуд. арх. стар. дѣлъ стр. 74—75) считалъ, что учрежденіе этого приказа теряется въ самой глубокой древности; первая ссылка на приказъ, извѣстная автору, относится къ 1566 г. Пановъ не могъ сказать ничего положительнаго о времени учрежденія ямского приказа, зная лишь, что онъ упоминается съ 1610 г. (Московск. приказы, Моск. Вѣд., 1855 г., № 82, стр. 332). Неволинъ сослался на Успенскаго и Карамзина (Образ. управл, Полн. собр. соч., VI, стр. 167). Дмитріевъ думалъ, что ямской приказъ выдѣлился изъ земскаго (Ист. Судебн. инстанц., стр. 124). Ключевскій указалъ, что уже въ 1536 г. говорится о дьякахъ въ Москвѣ, которые ямы вѣдали (Боярск. дума, изд. 2 стр. 279). Иловайскій считаетъ, что ямской приказъ, повидимому, учрежденъ при Іоаннѣ III. (Ист. Рос. т. III. стр. 443).

[1]) Новг. устройн. кн.; А. С. М., I, XXXIX, XLIII, XLIV, XLVII, L; Касим., грамота; Пам. Дипл. Сн., X, стр. 474 и др.

[2]) Напримѣръ, при проѣздѣ папскаго посла Александра Комулея въ 1597 г. можайскій губной староста и городовой приказчикъ писали: „присло къ намъ холопемъ твоимъ твоя... грамота изъ Емского приказу, за приписью твоего Государева дьяка Захарья Свиязова, а велѣно намъ холопемъ твоимъ съ Можайска съ посаду и съ Можайсково уѣзду посоха собрати и мосты мостити по болшой по Смоленской дороги съ Иваномъ Зачесловскимъ вмѣстѣ за одинъ, да намъ-же холопемъ, холо-

казъ посылалъ еще на мѣста спеціальныхъ ямскихъ сборщиковъ, ямского приказа посланниковъ и т. п., которые иногда исполняли обязанности ямскихъ стройщиковъ, иногда какъ будто были какой-то властью надъ ямскими приказчиками [1]). Денегъ ямской приказъ въ это время еще не собиралъ [2]). Вѣроятно, необходимыя ему на расходъ денежныя суммы онъ получалъ изъ приказовъ, вѣдавшихъ доходы [3]). Отмѣтимъ также, что между 1583 и 1595 г.г. веденіе кормовыхъ книгъ, видимо, было передано изъ ямского приказа въ посольскій. По крайней мѣрѣ, подъ 1581 г. читаемъ: „давати велети послу кормъ по московской выписи, какова ему дана изъ ямской избы", подъ 1583 г. читаемъ: а за кормы... велѣти крестьянамъ платити денги по ямской по меншей росписи, какова съ ними послана изъ ямской избы", но подъ 1595 г. уже читаемъ: „по указной росписи, за приписью государева печатника и посольскаго діака Василья Яковлича Щелкалова давалъ послу корму" [4]). Съ тѣхъ поръ указанія на кормовыя росписи, данныя изъ посольскаго приказа, встрѣчаемъ безпрестанно [5]). Это обстоятельство можетъ имѣть то значеніе, что до извѣстной степени знаменуетъ постепенную спеціализацію ямского приказа

Изъ перечисленныхъ функцій ямского приказа нѣкоторыя,

пемъ твоимъ приказана церковное каменное дѣла, да намъ-же Государь приказана посольской кормъ и питье готовити, и изъ иныхъ приказовъ многія твои государевы дѣла намъ холопемъ твоимъ приказаны". Пам. Дипл. Сн., X, стр. 474. О томъ, что ямскіе приказчики находились въ непосредственномъ вѣдѣніи ямскихъ приказовъ, см. выше цитир. грам. Спас. Мон., также—касим. грамоту.

[1]) Напримѣръ, присланникъ Зачесловскій въ П. Д. Сн., X, стр. 474; сборщикъ Третьякъ Окорокъ на Гавриловскомъ яму, А. С. М., I, L; стройщикъ вокшерскаго яма Леонтій Дмитріевъ, которому предписывается поставить на судъ въ ямскомъ приказѣ ямского приказчика (слободчика), А. С. М., I, XLIII; въ указѣ 1604 г. говорится о сборщикахъ по всей ямской дорогѣ, по которой долженъ былъ итти посолъ, Пам. Дипл. Сн., II, стр. 899.

[2]) Объ этомъ мы уже подробно говорили выше. Стр. 233 236 дан. кн.

[3]) Главнымъ образомъ, вѣроятно, изъ Большого Прихода. Ср. Середонинъ, ц. с., стр. 308 и сл.

[4]) Пам. Дипл. Снош., X, стр. 43; Лихачевъ, Библ. и арх. моск. госуд., стр. 58, примѣч.; Пам. Дипл. Сн., X, стр. 417.

[5]) Напримѣръ, П. Д. Сн., X, стр. 451, П. Д. Сн., II, стр. 396, 416, 422, 790, 907 и др.

однако, осуществлялись иногда и другими приказами. Такъ, извѣстна грамота, предписывающая новгородскимъ дьякамъ въ 1556 г. счесть новгородскихъ девяти ямовъ ямщиковъ, подписанная дьякомъ Андреемъ Васильевымъ, который въ это время, какъ можно предполагать, былъ разряднымъ дьякомъ, но, во всякомъ случаѣ, не былъ дьякомъ ямского приказа [1]). Извѣстенъ случай пожалованья ямскимъ въ Новгородѣ. Случай относится къ 1556 г.; грамота была послана за приписью дьяка Ивана Выродкова, который также, во всякомъ случаѣ, не былъ дьякомъ ямского приказа [2]). Подорожныя выдавались не только ямскимъ приказомъ, но и другими приказами [3]). Въ случаѣ споровъ между населеніемъ сосѣднихъ мѣстностей, подмогавшихъ другъ другу въ ямской мірской гоньбѣ, рѣшались дѣла также не въ ямскомъ приказѣ. Такъ, споръ между яренчанами въ 1582 г. рѣшали бояре князь Θедоръ Михайловичъ Трубецкой съ товарищами, а грамоту подписалъ дьякъ Тимофей Θедоровъ, который въ это время былъ дьякомъ Большого Прихода [4]). Въ 1578 г. по этому же дѣлу была послана грамота за приписью дьяка Андрея Арцыбашева, который былъ тогда дьякомъ Большого Прихода, вмѣстѣ съ Θедоровымъ [5]). Попадали ли вообще такія дѣла на разсмотрѣніе ямского приказа, мы не знаемъ. По ходу вещей слѣдуетъ, кажется, предположить, что ямской приказъ не касался мірской гоньбы.

---

1) Д. А. И., I, 104. О дьякѣ Андреѣ Васильевѣ мы судимъ, главнымъ образомъ, по группѣ актовъ въ Доп. Акт. Истор., т. I, гдѣ подпись Андрея Васильева находимъ исключительно подъ дѣлами, какими вѣдалъ Разрядъ. Напр., №№ 26, 47, I, 51, I, XIV, XV, XVII, 58, 67, 80 и т. д. Ср. Лихачевъ, Разряд. дьяки, стр. 279—280

2) Д. А. И., I, 105. О томъ, что Иванъ Выродковъ не былъ ямскимъ дьякомъ, можно судить по вышеуказанной группѣ грамотъ. Напр. №№ 47, III, 102, 109 и т. д. Ср. Лихачевъ, ц. с., стр. 281—284.

3) Напр., подорожная отъ 1561 г., Чт. О. И. Д., 1847—1848 г., кн 4; подорожн. въ Пам. Дипл. Снош. томы I, II, X; въ Сборн. Ист. Общ., т. 71; въ пачкѣ подорожныхъ въ Арх. М. И. Д., II. Д. С. Л. св. 3, № 1, 1606 г. Видимо, какой приказъ посылалъ, тотъ и выдавалъ подорожныя.

4) А. М. И. Д. II. Д. С. Л., св. I, № 1 1582 г. О дьякѣ Тимофеѣ Θедоровѣ находимъ въ А. Э. I, 312, гдѣ онъ показанъ дьякомъ Дворцоваго Четвертнаго приказа. Также для 1581 г. въ Д. А. И. I, 255 (Дворовый Большой Приходъ) и др.

5) Объ Арцыбашевѣ въ А. Э. I, 299 (по Двинскому уѣзду, вѣдомства Большого Прихода).

(Въ 17 вѣкѣ навѣрное не касался). Его назначеніе сводилось къ завѣдыванію стройной гоньбой Но рядомъ - отъ 1579 г. мы знаемъ грамоту въ Ярославль сборщику, по которой этотъ послѣдній не долженъ былъ брать съ вотчины Спасскаго монастыря лишнихъ охотниковъ къ Москвѣ на житье; грамота была послана за приписью дьяка Степана Лихачева. [1]) Въ этомъ году дьяками ямского приказа были Стахѣй Ивановъ и Меньшой Башевъ [2]) Это еще, можетъ быть, ничего бы не доказывало, если бы изъ другихъ источниковъ не было извѣстно, что Степанъ Лихачевъ въ 1579 г. былъ дьякомъ Большого Прихода. [3])

Такимъ образомъ, и въ предѣлахъ стройной ямской гоньбы мы замѣчаемъ иногда воздѣйствіе со стороны другихъ центральныхъ органовъ, мимо ямского приказа. Но отсутствіе матерьяла, которое дѣлаетъ для насъ невозможнымъ уловить всѣ нити административныхъ распорядковъ того времени, не даетъ еще права утверждать, что мы имѣемъ дѣло съ административнымъ хаосомъ. Нѣкоторой иллюстраціей въ этомъ смыслѣ можетъ служить рядъ документовъ о заготовленіи дорожныхъ кормовъ и о денежныхъ выдачахъ царевичу Кайбулѣ и другимъ воеводамъ, по случаю похода ихъ черезъ Новгородскую область къ шведскому рубежу. Документы относятся къ концу 1555 г. Грамоты о заготовленіи на ямахъ кормовъ для людей и лошадей шли изъ ямской избы; грамоты о деньгахъ, данныхъ изъ Москвы на этотъ кормъ, а также о томъ, чтобы кормовщикамъ давались деньги изъ Новгородской казны, шли изъ финансоваго приказа (вѣроятно, изъ Большого дворца) [4]).

---

1) А. Сп. Мон., I, XLIX.

2) А. Сп. Мон., I, L. У арх. Досиѳея, Опис. Соловецкаго Мон., III, стр. 33. читаемъ: „въ дворцовой разрядъ къ околничему нашему къ Стахѣю Иванову". Показаніе относится къ маю 1589 г. Въ грамотѣ Спасскому Мон. Стахѣй Ивановъ названъ дьякомъ ямского приказа. Грамота датирована 12 декабремъ 1579 г. Какъ примирить эти два показанія, мы не знаемъ.

3) Лихачевъ, Разряд. дьяки. Указатель, стр. 46, утверждаетъ это, ссылаясь на извѣстные ему документы Археографич. комиссіи.

4) Д. А. И., I, 70, I V. Отмѣтимъ, кстати, что подъ третьимъ изъ этихъ пяти документовъ, технически ямского содержанія, находимъ подпись дьяка Путилы Нечаева. Лихачевъ, Разр. дьяки, стр. 262 265, высказываетъ увѣренность, что Путила Нечаевъ (Михайловъ) былъ въ

распредѣленіе функцій мы видимъ и въ дѣлахъ о проѣздѣ пословъ: грамоты о подводахъ, о починкѣ дорогъ, о заготовленіи кормовъ шли, сколько мы знаемъ, изъ ямского приказа [1]). Можно думать, что на эту сторону ямского дѣла, такъ сказать - техническую, не посягало никакое другое учреждение. Съ ямскимъ приказомъ сталкивались другіе приказы, вѣроятно, главнымъ образомъ, въ вопросахъ о нарушеніяхъ ямскими стройщиками, сборщиками и приказчиками спеціальныхъ привиллегій отдѣльныхъ лицъ, учрежденій и мѣстностей. Такія-же столкновенія должны были имѣть мѣсто и въ дѣлахъ судныхъ. Хотя уставныя грамоты опредѣляли ямскихъ охотниковъ подсудными ямскому судьѣ (казначею, а потомъ—ямскому приказу), но едва-ли удавалось провести этотъ принципъ въ его полнотѣ. Впрочемъ, мы дѣлаемъ это предположеніе исключительно на основаніи практики нѣсколько позднѣйшаго времени; опредѣленныхъ данныхъ для конца 16 вѣка у насъ нѣтъ.

Выше мы сказали, что ямской приказъ въ это время не касался финансовой стороны ямского дѣла. Но прогоны, доправляемые на виновныхъ въ ослушаніи, шли въ ямской приказъ. Во всѣхъ ли случаяхъ или только въ какой-либо категоріи случаевъ—неизвѣстно. Такъ, въ 1550 г. сытникъ Мартыновъ, по приказу дворецкаго, долженъ былъ доправить прогоны на ослушникакъ по выписи, данной изъ ям-

---

это время дьякомъ помѣстнаго приказа. Доводы автора таковы: за семь мѣсяцевъ этотъ дьякъ подписалъ семьдесятъ грамотъ, которыя всѣ безъ исключенія касаются помѣстьевъ и землевладѣнія; въ одномъ вотчинномъ дѣлѣ отъ 1559 г. дьякъ прямо обозначенъ дьякомъ помѣстной избы. Но грамота, на которую мы ссылаемся, относится къ 1555 г. и касается технически ямского вопроса. Въ грамотѣ-же находимъ указаніе: „писали есьма къ вамъ напередъ сего и неодинова". Грамота помѣчена 2 декабремъ, а грамота отъ 25 ноября, аналогичнаго-же содержанія, подписана Иваномъ Матцневымъ, о которомъ (Д. А. И., I, 51, XIII) мы навѣрное знаемъ, что онъ былъ дьякомъ ямской избы и именно въ это время. Такимъ образомъ, или мы имѣемъ тутъ дѣло съ мало объяснимымъ вмѣшательствомъ помѣстной избы въ кругъ вѣдомства ямской избы, или-же мы должны предположить, что Путила Нечаевъ одновременно былъ и дьякомъ ямской избы. Послѣднее предположеніе кажется болѣе вѣроятнымъ.

[1]) Напр., П. Д. Сн., II, стр. 899, X, стр. 474.

ской избы. Въ 1556 г. въ ямскую избу были внесены прогоны, взысканные въ Новгородѣ [1].

Подъ 1610—1613 г.г. ямской приказъ опредѣляется какъ учрежденіе, „гдѣ устраиваютъ ямы для гонцовъ по городамъ; а на ямахъ, гдѣ Государь пошлетъ, вездѣ бъ были переменные лошади, а прогоны емлютъ изъ Большого приходу.“ [2]) По словамъ Олеарія, ямской приказъ вѣдалъ всѣхъ царскихъ ямщиковъ, выдавалъ подорожныя и соотвѣтственно послѣднимъ—прогоны. [3]) Котошихинъ опредѣлилъ ямской приказъ, какъ приказъ который вѣдалъ всѣхъ московскаго государства ямщиковъ, давалъ имъ жалованье и выдавалъ прогоны; онъ-же собиралъ ямскія деньги. [4]) Рейтенфельсъ опредѣлилъ ямской приказъ, какъ учрежденіе, которое отправляетъ по приказанію Царя извощиковъ и гонцовъ, куда нужно, безъ малѣйшаго промедленія. [5]) Ближайшее разсмотрѣніе документовъ, свидѣтельствующихъ о дѣятельности ямского приказа въ 17 в., позволяетъ намъ различать слѣдующія его функціи: 1) ямской приказъ заботился объ устроеніи ямскихъ слободъ, 2) собиралъ большія ямскія деньги, 3) велъ счетъ ямскому расходу, т. е. жалованью, платимому ямскимъ охотникамъ и прогонамъ, выдаваемымъ по подорожнымъ, 4) выдавалъ подорожныя, 5) судилъ ямскихъ охотниковъ во всѣхъ дѣлахъ.

Какъ мы уже знаемъ, слободы строились обыкновенно мѣстной властью или спеціально присланными изъ Москвы стройщиками. Наказъ объ устроеніи слободы исходилъ отъ ямского приказа. Такъ, когда переустраивалась слобода въ Пронскѣ въ 1612 г., наказъ шелъ изъ ямского приказа; вся переписка при построеніи нижегородскаго яма, курмышскаго яма, воронежскаго яма, угличскаго яма и т. д. велась съ ямскимъ приказомъ. [6]) Но рядомъ съ этимъ можно установить,

---

1) Лихачевъ, Библ. и арх., стр. 57, примѣч., Д. А. И., I, 51, XIII.

2) А. И., II 355.

3) Олеарій, ц. пер., стр. 290—291.

4) Котошихинъ, стр. 91.

5) Пер. Тарнава-Боричевскаго, Ж. М. Н. Пр., ч. XXIII, стр. 34.

6) Акты Ряз. Кр., № 22, Опис. Щук. Муз., III, стр 115—116, Акты Воз. Печерск. мон., стр. 52 53, А. Ворон. (Второва), II, стр. 2—4, Угличск. Акты, стр. 22. Въ этомъ актѣ нѣтъ приписи дьяка, но упомянутъ подъячій Микитка Злобинъ, который въ этомъ году (1617) былъ подъячимъ ямского приказа. (Дѣло въ рукописяхъ И. А. Вахромѣева).

что сибирскіе ямы строились по грамотамъ изъ казанскаго дворца, а впослѣдствіи изъ сибирскаго приказа. [1]) Пермскій ямъ строился по грамотамъ изъ Новгородской чети. [2]) Псковскій ямъ при всѣхъ его переустрояхъ вплоть до 1667 г., строился по грамотамъ изъ Новгородской чети. [3]) Полоцкій ямъ строился по грамотамъ изъ приказа великаго княжества литовскаго. [4])

Ямскія деньги собирались различнымъ порядкомъ: до конца 20-хъ годовъ и нѣсколько, быть можетъ, позже, на мѣста посылались особые ямскіе сборщики; иногда это были недѣльщики ямского приказа, иногда—ямскіе пристава; иногда ямской приказъ поручалъ сборъ ямскому приказчику главной мѣстной слободы [5]) Но и тогда уже этотъ порядокъ не являлся общимъ: порученіе собирать ямскія деньги давалось и областной власти [6]). Начиная съ 30-хъ годовъ, хотя, можетъ быть, и тогда посылались изъ ямского приказа особые сборщики, обыкновенно не только надзоръ за сборомъ, но и самый сборъ ввѣрялся воеводамъ. Въ послѣдней четверти вѣка, если опять таки не вездѣ, то во многихъ городахъ, ямскія деньги по памятямъ изъ ямского приказа собирали исключительно воеводы. Такъ, въ указѣ отъ 1688 г. находимъ ссылку на переписку между стрѣлецкимъ и ямскимъ приказомъ отъ 1683 г., гдѣ читаемъ: „которые воеводы въ городахъ денежныхъ доходовъ на указные сроки не сберутъ и къ Москвѣ сполна не пришлютъ, тѣ деньги велѣно править на нихъ, воеводахъ.“ [7]) Какъ

---

1) Изъ Казанскаго дворца—1600 г. (ямъ въ Епанчинѣ) - Р. И. Б., II, 47, А. И., II, 45, III, 78, 86, 106; изъ Сибирскаго приказа—1643 г.— А. И., III, 222, 234; IV, 22, 23; V, I; Д. А. И., IV, 89.

2) А. Э., II, 54, 78.

3) Р. И. Б., II, 178, А. Э., III, 158, А. М. И. Д. П. Д. С. Л., св. 153 № 91, 1642-1677 г.г.

4) П. С. З., I, 223.

5) А. Э. III, 97, 101, 116, 121; Д. А. И., II, 49; Ак. Возн. Печ. Мон., стр. 52.

6) Наприм., для 1624 г. А. Углич., стр. 152.

7) П. С. З., II, 1309. Этотъ переходъ можно отчетливо видѣть при разсмотрѣніи отписокъ по одному помѣстью. Пользуемся коллекціей отписокъ въ Оп. Далмат. Арх., № 962: до 1632 г. деньги сбирали или особые сборщики, или по наказу воеводы приказные или выборные цѣловальники; послѣ этого года до конца вѣка исключительно воевода и его приказные. Ср. А. Ю., 214, IX—XII.

мы знаемъ, общій порядокъ долженъ былъ значительно нарушаться еще и тѣмъ, что многіе получали право доставлять деньги непосредственно въ ямской приказъ. [1])

Жалованье охотникамъ, какъ мы уже знаемъ, обыкновенно платилось на мѣстѣ изъ собранныхъ ямскихъ денегъ; жалованье, однако, платилось и изъ случайныхъ суммъ (напримѣръ, въ Вологдѣ въ 1636 г. заплатили жалованье охотникамъ изъ денегъ, оставшихся отъ раздачи стрѣльцамъ) [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ была и другая практика: жалованье платилось въ самомъ ямскомъ приказѣ. Это можно видѣть изъ довольно извѣстной въ литературѣ челобитной ямского подъячаго Григорія Всполохова: „и послѣ, государь, того велено намъ подъячимъ деньги наличные, у кого что въ пріемѣ есть, роздать московскимъ и городовымъ ямщикомъ въ твое великаго государя годовое жалованье, изъ приказу не выходя, тотчасъ, и сняты были съ насъ однорядки, чтобъ роздать изъ приказу не выходя... И я холопъ твой, взявъ тое его съ денгами коробку, сорвавъ печать его, и учалъ не разсмотря ямщикамъ отдавать съ руки на руку". [3]) Этотъ порядокъ, по которому жалованье давалось въ Москвѣ въ приказѣ, козьмодемьянскіе охотники въ уже извѣстной намъ челобитной назвали „московской волокитой". [4]) Въ иныхъ, наконецъ, мѣстахъ, какъ объ этомъ мы уже говорили, жалованье давалось изъ спеціальнаго дополнительнаго ямского сбора съ населенія—напр., въ Новгородѣ, въ Полоцкѣ, Астрахани, Смоленскѣ и т. д. [5]) Къ концу вѣка произошло, повидимому, значительное объединеніе практики, и вся дѣятельность по уплатѣ жалованья ямщикамъ сосредоточилась въ ямскомъ приказѣ. [6])

---

[1]) См. стр. 236 - 238 дан. кн.

[2]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. св. 88, № 17, 1636 г.

[3]) Челобитная Григорія Всполохова, дьяка (дьякомъ онъ не былъ; онъ—подъячій) ямского приказа, роскошное изданіе Общества любит. древн. письмен., по печатному тексту—строки 507—523.

[4]) Каз. Губ. Вѣд., 1856 г. № 13.

[5]) См. стр. 218 дан. кн.

[6]) Д. А. И. VIII, 66; XII, 31; Каз. Губ. Вѣд., 1856 г. № 13. Милюковъ, Госуд. хоз. Россіи, стр. 87, говоритъ: „ямскія и полоняничныя, послѣ сліянія въ 1679 г, были также переданы сборомъ изъ Четей въ ямской приказъ. Эти слова, вѣроятно, слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что и полоняничныя деньги были послѣ 1679 г. переданы въ

До семидесятыхъ годовъ 17 вѣка при отправкѣ кого-либо изъ Москвы прогоны обыкновенно выдавались изъ ямского приказа. Если, напримѣръ, кто-либо получалъ право требовать ямскія подводы безъ прогоновъ, то все таки тѣ подводы, на которыхъ эти лица пріѣзжали въ Москву, записывались для счета въ ямскомъ приказѣ. При посылкахъ порядокъ обыкновенно былъ таковъ: посылавшій приказъ давалъ подорожную или самъ, или посылалъ за подорожной въ ямской приказъ, но о прогонахъ давалъ память въ ямской приказъ. Если подводъ нужно было много, то все дѣло о посылкѣ рѣшалось уже въ ямскомъ приказѣ. Если ямской приказъ не за долго передъ этимъ давалъ по какому-нибудь случаю деньги въ другой приказъ (иногда—въ долгъ), то, ссылаясь на это, онъ могъ ходатайствовать, чтобы отпускъ былъ отпущенъ на суммы этого другого приказа. Тогда дѣлался докладъ и по докладу исполнялось рѣшеніе. Если въ ямскомъ приказѣ вообще не было суммъ, онъ отписывался, и тогда прогоны давались изъ пославшаго приказа. [1]) Къ началу семидесятыхъ годовъ порядокъ былъ круто измѣненъ. По крайней мѣрѣ, въ одной грамотѣ читаемъ: „въ прошломъ въ 180 году указали мы, великій государь, изъ котораго приказу съ Москвы въ городы и куды пригоже будутъ посланы для нашихъ великаго

ямской приказъ; ямскія-же деньги и раньше не собирались въ Четяхъ. Если, можетъ быть, и имѣются въ этомъ смыслѣ какія-либо отдѣльныя указанія, то, въ виду огромнаго числа прямыхъ свидѣтельствъ, которыя не оставляютъ сомнѣнія, что ямскія деньги собирались въ ямской приказъ, а не въ Чети, едва-ли такимъ отдѣльнымъ указаніямъ слѣдуетъ придавать значеніе. Лаппо-Данилевскій, ц. с. на стр. 457, говоря, что въ Галицкую четь поступали ямскія деньги, сослался на А. Э., III, 100 и 101. Но въ обоихъ документахъ мы прямо читаемъ: „да тѣ-же, Государь, посадскіе люди (на которыхъ по пямяти изъ Галицкой чети нужно было собрать разные сборы для отправки въ Четь) стоятъ на другомъ правежѣ, ямского приказу у недѣльщика у Микиты Стогова въ ямскихъ деньгахъ“. Или: „да изъ ямского приказу недѣльщикъ правитъ Микита Стоговъ на нихъ-же ямскихъ денегъ“. Интересно, между прочимъ, сравнить съ П. С. З., II, 1251. Изъ доклада мы видимъ, что послѣ 1680 г. ямскія деньги съ дворцовыхъ селъ сталъ собирать приказъ Большого дворца, хотя раньше и съ дворцовыхъ селъ собиралъ ямской приказъ. Резолюція была положена слѣдующая: ямскія и полоняничныя деньги и съ дворцовыхъ селъ сбирать въ ямской приказъ

[1]) П. С. З., I, 18; А. Ю. 364, 1; Р. И. Б., XI, стр. 366 и мн. др

государя дѣлъ, всякихъ чиновъ люди и скорые гонцы и всякая наша великаго государя казна на ямскихъ подводахъ, и на тѣ подводы прогонные деньги до тѣхъ мѣстъ, кто куды съ чѣмъ посланъ будетъ, и назадъ до Москвы, давать на Москвѣ изо всѣхъ приказовъ, кто откуды посланъ будетъ". Этимъ-же указомъ устанавливалось, что только приказъ „сбора ямскихъ денегъ" не долженъ былъ давать прогоновъ. Другими словами: опредѣлялась практика прямо противоположная той, какая была раньше. [1]) Есть основаніе думать, что такое измѣненіе практики произошло не сразу, а лишь заключило рядъ предъидущихъ мѣръ. Такъ, напримѣръ, нѣсколько раньше, въ августѣ 1671 г., было приказано гонцамъ и всякихъ чиновъ людямъ, посылаемымъ изъ Разряда, а также и въ случаѣ посылки казны изъ Разряда, давать прогоны изъ Разряда. [2]) Мотивъ этихъ распоряженій высказанъ въ цитируемомъ-же указѣ: „для того что въ ямскомъ приказѣ многія ямскія деньги отъ раззоренья воровскихъ казаковъ въ недоборѣ, въ прогоны давать нечего, и ямщики отъ того оскудали и многіе разбрелись". Трудно рѣшить насколько эти мѣры могли имѣть общее, а не временное только значеніе. Во всякомъ случаѣ, вскорѣ послѣ того ямской приказъ опять расходовалъ на прогоны. Это видно изъ того, что по росписи 1680 года ямщикамъ на жалованье и на прогоны было истрачено 35,481 р. 24 алт. ½ д., между тѣмъ мы знаемъ, что на жалованье ямщикамъ по окладамъ въ 1687 г. давалось всего 29,320 рублей; слѣдовательно, какъ не приблизителенъ этотъ разсчетъ, очевидно, что извѣстная часть расходовъ шла на прогоны [3]).

Кромѣ ямскихъ денегъ въ ямскомъ приказѣ въ разное время сбирались и нѣкоторые чрезвычайные сборы. Такъ, въ 1678—1679 г.г. приказъ собиралъ даточнымъ людямъ на кормъ по рублю съ двора, полтинный сборъ и десятую деньгу, въ 1680 г.—полуполтинный сборъ, полтинный и десятую деньгу [4]). Этими сборами, конечно, значительно воз-

---

[1]) Д. А. И., VI. 77.

[2]) П. С. З., I, 498.

[3]) Выводимъ по сравненію Росписи, въ Прилож. къ труду Милюкова Гос. Хоз., стр. 12 съ П. С. З., II, 1251, стр. 862.

[4]) Д. А. И., VIII, 49, II; Д. А. И., VIII, 28, IX, XI; Д. А. И. IX, 68; Р. И. Б. XI, стр. 348. Сборы такого рода обыкновенно сбирались въ при-

вышался доходный списокъ приказа, такъ что, напримѣръ, въ 1680 г. при предположенномъ поступленіи собственно ямскихъ денегъ въ суммѣ 29,815 рублей (съ полоняничными), при дѣйствительномъ поступленіи въ суммѣ 25,309 р. и при полученіи недоимки прежнихъ лѣтъ въ суммѣ 935 р. 12 алт. 1 д. общій итогъ доходовъ приказа равнялся 236,924 р. 26 алт. 2½ д. Но деньги эти сейчасъ-же передавались въ соотвѣтствующіе приказы, такъ что ямской приказъ по отношенію къ этимъ суммамъ, неимѣвшимъ прямого отношенія къ его спеціальности, игралъ лишь роль сборщика. Впрочемъ, изъ этихъ-же суммъ приказъ, пользуясь случаемъ, покрывалъ и свой дефицитъ. Такъ, въ томъ-же году при собственномъ расходѣ въ 35720 р. 24 алт. ½ д., онъ располагалъ ямскими и полоняничными лишь въ суммѣ 26,244 р. 12 алт. 1 д. [1]).

О томъ, какъ ямскія деньги привозились въ ямской приказъ, какъ хранились, какъ записывались и расходовались, мы узнаемъ почти съ исчерпывающей полнотой изъ уже цитированной челобитной подъячаго ямского приказа Григорія Всполохова. Вотъ разсказъ этого подъячаго Въ мартѣ 1671 г. отъ воеводы изъ Нижняго Новгорода по общей отпискѣ привезъ въ приказъ триста рублей ямскихъ денегъ съ Нижняго съ посада посадскій человѣкъ, а съ уѣзда подъячій. Придя въ приказъ съ нѣсколькими коробьями денегъ, они подали отписку и деньги дьяку. Дьякъ отмѣтилъ на отпискѣ резолюцію: деньги принять, записать въ приходъ, а о недосланныхъ деньгахъ послать къ воеводѣ грамоту, чтобы онъ не медлилъ съ присылкой остальныхъ денегъ. Подъячій принялъ отписку, а деньги поставилъ въ „денежную казенку". Въ силу приказнаго распорядка подъячій долженъ былъ „получить деньги съ руки на руку, осмотря въ коробьяхъ на лицо". Когда являлась необходимость произвести расходъ (напримѣръ, платить жалованье ямщикамъ), дьякъ засаживалъ за это дѣло подъячихъ, и каждый изъ послѣднихъ платилъ изъ той кассы, которой завѣдывалъ. Насколько слабъ былъ контроль надъ этой дѣятельностью подъячихъ, видно изъ того, что недочетъ

казѣ Большого Прихода; напр. П. С. З., I, 494, 547; сборъ 1678 г. по 25 коп. съ двора въ Печатномъ приказѣ; П. С. З., т. II, 1210.

[1]) Роспись въ Прилож. къ труду Милюкова, Гос. Хоз., стр. 12.

въ деньгахъ, образовавшійся (по показанію самого виновнаго, едва-ли, нужно предполагать, точному) въ мартѣ, не былъ обнаруженъ еще въ ноябрѣ. Но оно и понятно: хотя подъячіе были обязаны записывать всѣ получаемыя и выдаваемыя деньги въ книги, но записывали-ли они или нѣтъ—за этимъ никто не наблюдалъ, кромѣ нихъ самихъ. Практиковались поэтому самыя разнообразныя злоупотребленія: подъячіе пускали деньги въ торговые обороты, давали деньги въ ростъ, принимая деньги въ большей суммѣ, записывали въ меньшей, а потомъ доказывали, перекоряясь другъ съ другомъ, что недочетъ произошелъ отъ того, что дачи одного дѣлались изъ кассы другого, что дачи одного покрывались отписями другого и т. д. Такимъ образомъ случалось, напримѣръ, что на подъячемъ вдругъ образовывался начетъ въ нѣсколько тысячъ рублей. Изъ той-же челобитной, между прочимъ, выясняется, что обнаруженіе злоупотребленій было явленіемъ рѣдкимъ и довольно случайнымъ. Подъячій Всполоховъ, напримѣръ, утверждаетъ, что все дѣло о немъ возникло лишь потому, что, послѣ перевода кн. Хованскаго изъ судей ямского приказа на службу въ Смоленскъ, у него, Всполохова, съ дьякомъ Михаиломъ Чертовскимъ изъ-за приказныхъ дѣлъ учинилась ссора. Какъ только они поссорились, на другой-же день Чертовскій запечаталъ „въ казенку" всѣ приходо-расходныя книги Всполохова за пять лѣтъ, не давъ даже „которые денги въ расходъ даваны въ расходные книги записывать и въ приходѣ и въ расходѣ изправитца". Созвавъ подьячихъ, дьякъ сталъ считать Всполохова и сдѣлалъ на него начетъ въ семь тысячъ. Но въ шести тысячахъ Всполоховъ не признавался, доказывая, что считали его „вскорѣ", не давъ ему сыскать „многихъ выписокъ и росписокъ, по которымъ денги даны, а въ расходные книги не записаны". Дьякъ доложилъ о начетныхъ деньгахъ боярину, и послѣдній распорядился описать и опечатать имущество подъячаго, но самому подъячему велѣлъ по прежнему оставаться въ приказѣ, но „сидѣть велѣлъ опасно". Тѣмъ не менѣе бояринъ доложилъ о растратѣ Государю, и изъ Разряда былъ присланъ въ ямской приказъ для счета всѣхъ подъячихъ дьякъ съ подъячими. Разрядный дьякъ произвелъ учетъ наново и снова начелъ на Всполохова семь тысячъ съ лишнимъ. Всполоховъ опять сталъ оправдываться выписками,

по которымъ будто бы деньги были правильно израсходованы, но лишь не записаны въ книги. Однако, дьякъ „тѣ расходные столпы держалъ у себя многое время, и указу по нихъ ничего не учинилъ“. Дьякъ тѣмъ временемъ получилъ новое назначеніе, и все дѣло перешло къ назначенному въ ямской приказъ думному дьяку Григорію Караулову, который вновь началъ все сначала Всполоховъ и другіе подъячіе снова вмѣсто недостававшихъ денегъ представили отписи и разныя свои записи о томъ, что деньги были въ свое время израсходованы. Григорій Карауловъ призналъ часть расходовъ, но все таки оставилъ начетъ въ 2900 рубляхъ. Тутъ былъ назначенъ вѣдать ямской приказъ Бутурлинъ. Подъячій и ему представилъ всѣ свои отписки, а также „на письмѣ подносилъ подносныхъ своихъ расходовъ на свою братью подъячихъ, которые денги давалъ (онъ) въ расходъ своего пріему, а иные подъячіе тѣ (его) расходы подписывали, таясь (его) своими дачами на 2420 р.“. Но Бутурлинъ этихъ отписокъ и заявленій не принялъ, говоря, что онъ безъ указа и безъ подписной челобитной принять ничего не можетъ, такъ какъ счесть подъячихъ было указано разрядному дьяку, а не ему, и ему указа о счетѣ дано не было. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ на подъячихъ править, „правы-ль, не правы-ль“, начтенную сумму по памяти разряднаго дьяка. [1])

Мы, можетъ быть, нѣсколько затруднили изложеніе этимъ подробнымъ пересказомъ, но нами руководило соображеніе, что случай, описанный Всполоховымъ, не можетъ быть признанъ единичнымъ. Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, какъ неисправно велись подъячими денежныя записи и въ другихъ приказахъ; знаемъ также, что вообще правительство было точно освѣдомлено въ какихъ ненадежныхъ рукахъ находятся казенныя деньги. Такъ, извѣстенъ указъ отъ 1669 г. во всѣ приказы: „которые сидятъ у его государева дѣла у приходу и расходу его государевы денежные казны, чтобъ они подъячіе, будучи въ приказѣхъ, его государевы денежные казны себѣ отнюдь ничего не имали и не крали, и изъ приказовъ въ займы никому не давали ни малаго и заемныхъ кабалъ и записей въ его государевой денежной

---

[1]) Челоб. Гр. Всполохова, ц. изд., строки 325—540.

казнѣ ни на кого не имали... и считать въ его государевой денежной казнѣ въ приказахъ дьякамъ помѣсячно, чтобъ одноконечно у подьячихъ денежная наличная казна за расходы всегда была въ (цѣлости), а начету на подъячихъ ничего не было". [1]) Указъ такого-же содержанья извѣстенъ и отъ 1680 г. [2])

Наконецъ, ямской приказъ судилъ и вѣдалъ ямскихъ охотниковъ во всѣхъ дѣлахъ. Мы знаемъ, что это положеніе, какъ основной принципъ, установилось еще во второй половинѣ 16 вѣка въ жалованныхъ грамотахъ. Внутренній распорядокъ въ самой слободѣ предоставлялся ямскому приказчику и старостѣ, надзоръ за исполненіемъ слободой ея обязанностей поручался мѣстной власти, пререканія рѣшались ямскимъ приказомъ, общее управленіе ямскимъ строемъ принадлежало послѣднему-же. Судомъ слобода тянула къ общему суду только въ опредѣленныхъ грамотами случаяхъ, въ большинствѣ-же случаевъ по дѣламъ между охотниками была подсудна суду приказчика; по дѣламъ съ сторонними людьми и стороннихъ людей съ охотниками подлежала суду ямского приказа. Съ этой схемой отношеній мы встрѣчаемся и послѣ раззоренія. Мы знаемъ, напримѣръ, что, когда въ 1619 г. охотниковъ нѣкоторыхъ слободъ стали привлекать къ городовому дѣлу съ посадскими и уѣздными людьми, они подали черезъ ямской приказъ челобитныя, и ямской приказъ, справившись съ старыми грамотами охотниковъ, приговорилъ дать не только имъ, но и охотникамъ всѣхъ ямовъ грамоты объ освобожденіи отъ городового дѣла [3]). Нѣсколько раньше, въ 1613 г., когда Спасскій монастырь билъ челомъ о припискѣ сельца Святикова къ Владимірскому яму, челобитная съ верху была отдана съ резолюціей на распоряженіе ямского приказа. [4]) Въ одномъ дѣлѣ по спору между охотниками шуйскаго яма и тотемцами читаемъ слѣдующую выписку изъ указной книги ямского приказа: „а въ Государевомъ Царевомъ Вел. Кн. Михаила Θеодоровича вс. Р. указѣ въ ямской приказъ написано: которые сторон-

---

[1]) Д. А. И., V, 89.
[2]) П. С. З., II, 802.
[3]) П. С. З., I, 518 А.
[4]) А. Э., III, 8.

ніе люди учнутъ бить челомъ Государю на ямскихъ охотниковъ въ искѣхъ своихъ и тѣмъ велѣно на ямскихъ охотниковъ тѣхъ своихъ исковъ искать имъ и отвѣчать на Москвѣ въ ямскомъ приказѣ, а въ городѣхъ воеводамъ и приказнымъ людемъ ямскихъ охотниковъ ничѣмъ вѣдати и судити не велѣно". [1]) Въ другомъ дѣлѣ читаемъ: „а по Государеву указу велѣно въ городѣхъ ямщиковъ во всемъ вѣдать ямскимъ приказчикамъ". [2]) Когда въ 1665 г. ярославскій воевода донесъ, что ярославскіе ямщики указу учинились не послушны и не дали подводъ, дьякъ помѣтилъ на отпискѣ: „послать въ ямской приказъ память, чтобъ подводъ въ Ярославлѣ съ яму подъ тѣ кафтаны дать безъ мотчанья". Далѣе читаемъ: „память въ ямской приказъ послана и кафтаны къ Москвѣ присланы". [3]) Въ этомъ смыслѣ, можетъ быть, еще болѣе характеренъ слѣдующій примѣръ: 7 ноября 1665 г. ржевскій воевода сообщилъ, что патріарховы и монастырскіе крестьяне не дали подводъ подъ хлѣбные запасы; на отпискѣ была сдѣлана помѣта: „о патріарховыхъ кресьянѣхъ на патріарховъ дворъ послать память сейчасъ, о монастырскихъ въ монастырскій приказъ". Но на отпискѣ того-же воеводы отъ того-же числа о томъ, что урвалась ржевская ямская гоньба, была сдѣлана помѣта, по которой память была послана въ ямской приказъ [4]) Такихъ и имъ подобныхъ примѣровъ мы могли бы привести еще нѣсколько. [5]) Но рядомъ съ этимъ мы знаемъ, что по всякимъ своимъ дѣламъ охотники сибирскихъ слободъ, пермскаго яма, пока онъ существовалъ, псковскаго яма, козьмодемьянскаго яма обращались не въ ямской приказъ, а въ областной. Они обращались туда и съ просьбами о прибавкѣ жалованья, и съ просьбами объ увеличеніи или измѣненіи земельнаго надѣла, и съ просьбами объ отмежеваніи земель, и съ жалобами на воеводъ и т. д. [6]) Мы

---

[1]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л., св. 135, № 43, 1640 г.

[2]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л., св. 48, № 66, 1631 г.

[3]) Р. И. Б., XI, стр. 73.

[4]) Р. И. Б., XI, стр. 74—75.

[5]) Р. И. Б., XI., стр. 197, 245, 358 и др. Когда, напримѣръ, воронежскую слободу въ 1660 г. невѣдомо кто выжегъ, вся переписка велась черезъ ямской приказъ. Ворон. Губ. Вѣд., 1850 г., № 35.

[6]) Напр. А. И., II, 45, III, 58, 78, 86, 106, 222, 234, IV, 22, 23 Д. А.

знаемъ также что, когда, напримѣръ ямскіе охотники, взявъ въ 1623 г. въ Соликамскѣ подрядъ, не исполнили его, посадскіе жаловались на охотниковъ и жалобу послали въ устюжскую четь; приговоръ послѣдовалъ оттуда-же. [1]) Почти въ самомъ концѣ вѣка (въ 1686 г.), когда возникло земельное дѣло между охотниками козьмодемьянскаго яма и сосѣдними крестьянами, все дѣло велось въ приказѣ казанскаго дворца. [2]) Земельный споръ между бронницкими ямщиками и Антоніевскимъ монастыремъ рѣшался въ помѣстномъ приказѣ въ 1690 г. [3])

Что-же касается собственно судебныхъ дѣлъ, то основной принципъ, по которому охотники были подсудны ямскому приказу во всѣхъ дѣлахъ, видоизмѣнялся, какъ можно думать, соотвѣтственно тому, какая подсудность пересиливала: подсудность по лицамъ, по мѣстности или по предметамъ спора, а въ предѣлахъ подсудности по лицамъ—сторона истца или отвѣтчика. Мы знаемъ, напримѣръ, такіе случаи: ямской охотникъ переяславской слободы Нечаевъ былъ ограбленъ приказчикомъ вотчины царевича Алея Кучумова (ростовскаго уѣзда)—дѣло разбиралось въ посольскомъ приказѣ. [4]) Въ посольскомъ-же приказѣ разбиралось дѣло по жалобѣ ярославскаго охотника Тихонова на нѣмецкаго торговаго человѣка Александрова въ боѣ и грабежѣ. [5]) Здѣсь подсудность отвѣтчика пересиливала, видимо, подсудность истца. Мы имѣемъ, впрочемъ, основаніе думать, что ямскіе охотники могли не удовлетворяться рѣшеніемъ того суда, который выносилъ имъ приговоръ и, если судъ этотъ происходилъ не въ ямскомъ приказѣ, то путемъ жалобъ въ ямской приказъ могли переносить дѣло изъ судившаго ихъ приказа въ ямской. Въ этомъ смыслѣ имѣетъ извѣстное значеніе слѣдующее дѣло. Тотемскій посадъ отпускалъ одно время ямскіе отпуски наемными ямщиками; сосѣдній - шуйскій ямъ, пропуская безъ смѣны многія тотемскія подводы и

И. IV, 89; А. Э. II, 51 78, А., И., II, 181; А. Э. III, 158 и др. Каз. Губ. Вѣд., 1856 г., № 12, 13; Псков. Губ. Вѣд., 1841 г., №№ 14—15 и т. д.

1) А. Э., III, 140.

2) Каз. Губ. Вѣд., 1856 г. № 13.

3) Ѳедот.—Чеховск. А. Гр. Распр., II, № 161.

4) А. М. И. Д. П. Д. С. Л., св. 11, № 15, 1622 г.

5) А. М. И. Д П. Д. С. Л., св. 58, № 40, 1628 г.

суда, отказывался стать съ тотемскими къ счету. Тотемцы тогда подали челобитную въ устюжскую четь. Послѣдняя навела справку въ ямскомъ приказѣ: нѣтъ-ли тамъ списка съ загонныхъ книгъ шуйскаго яма, и, если есть, то сколько и въ какомъ году шуйскіе охотники отпустили подводъ. Это справка была нужна устюжской чети для того, чтобы сличить данныя шуйскихъ загонныхъ книгъ съ показаніями челобитчиковъ. Получивъ справку, все остальное производство устюжская четь вела уже отъ себя и, наконецъ, послала въ Вологду грамоту, по которой шуйскіе охотники признаны были обязанными заплатить посаду извѣстную сумму. Но когда охотники узнали рѣшеніе, они черезъ своего приказчика подали въ ямской приказъ челобитную, въ которой доказывали, что устюжская четь не имѣла права ихъ судить. Тогда ямской приказъ послалъ въ устюжскую четь слѣдующую память: „по Государеву и Цареву и Великаго князя всеа Русіи Михаила Өеодоровича указу дьяку Дмитрію Карпову велѣти отписать въ ямской приказъ къ окольничьему ко кн. Семену Васильевичу Прозоровскому да къ дьяку къ Василію Яковлеву да Никифору Демидову Государева Грамота на Вологду изъ устюжской чети по челобитью тотемскихъ ямщиковъ на шуйскихъ ямщиковъ въ ямской гоньбѣ въ пропускахъ и въ счетѣ съ тотемскими ямщиками послана-ли и будетъ послана, по какому государеву указу мимо ямсково приказу отпущена, а по Государеву указу шуйскихъ ямщиковъ велѣно судомъ и во всякихъ дѣлахъ вѣдати въ ямскомъ приказѣ а опричь ямского приказа нигдѣ ихъ не судятъ“. [1]) Мы видимъ изъ этой памяти, что, если основная схема отношеній подъ вліяніемъ приказной практики и забывалась, то, съ другой стороны, она-же могла служить и поводомъ (быть можетъ, впрочемъ, въ гораздо большей степени формальнаго характера) для протестовъ со стороны заинтересованныхъ лицъ и учрежденій.

Для опредѣленія отношеній между ямскимъ приказомъ и областными разсмотримъ еще, въ какомъ порядкѣ имѣло теченіе дѣлопроизводство при устроеніи ямовъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыми во всѣхъ дѣлахъ вѣдали областные

[1]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. св. 135, № 43, 1640 г. Ср. Д. А. И. V, 53.

приказы. Одной изъ такихъ мѣстностей, напримѣръ, былъ Псковъ. При возобновленіи псковскаго яма въ 1642 г., послѣ переписки новгородской чети съ воеводой, изъ чети послѣдовалъ приказъ командировать мѣстнаго сына боярскаго для дозора и повальнаго опроса; о результатахъ дозора дозорщикъ подалъ воеводѣ; воевода отписалъ въ четь. Четь послала запросы: одинъ—въ ямской приказъ о прежнихъ устрояхъ, другой – въ помѣстный приказъ о земляхъ. Всѣ данныя послужили чети матерьяломъ для доклада, послѣ чего четь послала воеводѣ приказъ объ устроеніи яма. Когда воевода донесъ, что ямъ устроенъ, четь послала память въ ямской приказъ [1]). Изъ этого, казалось-бы, слѣдуетъ, что затѣмъ четь отказывалась уже отъ дальнѣйшихъ какихъ-либо правъ своихъ распоряжаться судьбой псковскаго яма или въ какомъ-либо отношеніи влiять на эту судьбу. Но мы не имѣли бы права удивляться, если бы какія-либо намъ еще неизвѣстныя данныя показали, что, и сдавъ псковскій ямъ ямскому приказу, четь продолжала относиться къ псковскимъ охотникамъ, какъ къ жителямъ мѣстности, во всѣхъ дѣлахъ подчиненной ей, какъ областному приказу. Въ Калугѣ до 1661 г., какъ намъ уже приходилось говорить, гоняли гоньбу дворцовые крестьяне. Въ 1661 г. приказъ Большого дворца, по челобитью дворцовыхъ крестьянъ, опредѣлилъ освободить ихъ отъ гоньбы, возложивъ гоньбу на посадскихъ, изъ которыхъ подъ наблюденіемъ воеводы должны были быть избраны 68 человѣкъ. О своемъ рѣшеніи приказъ послалъ двѣ памяти: одну – въ ямской приказъ о томъ, чтобы онъ послалъ воеводѣ грамоту о выборѣ, другую – во владимірскую четь о томъ, чтобы она послала калужскому воеводѣ послушную грамоту. Но посадскіе пожелали гонять гоньбу всѣмъ посадомъ. Воевода отписалъ объ этомъ во владимірскую четь, и та постановила резолюцію [2]).

Всѣ дѣла по мірской гоньбѣ были изъяты изъ вѣдѣнія ямского приказа: ими вѣдали областные приказы [3]). Дѣла о подводахъ, собиравшихся съ населенія, вѣдались въ ямскомъ приказѣ лишь по столько, по сколько эти под-

---

1) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. св. 153, № 91, 1642 г.

2) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. № 96, 1661 г.

3) А. Э. III, 39, 40, 102 (здѣсь грамота изъ приказа Большого Дворца, такъ какъ рѣчь идетъ о мірской гоньбѣ въ Юрьевцѣ Поволь-

воды должны были собираться въ дополненіе къ ямскимъ подводамъ, но и тогда, вѣроятно, ямской приказъ сносился съ соотвѣтствующимъ приказомъ. Сборъ подводъ, если такой сборъ являлся самостоятельнымъ, внѣ соотношенія съ ямскими подводами, вѣдался подъ наблюденіемъ областного приказа тѣмъ приказомъ, который вѣдалъ данную группу лицъ. Такъ, о подводахъ съ монастырей грамота посылалась изъ монастырскаго приказа, о подводахъ съ патріаршихъ вотчинъ - изъ Патріаршаго Разряда [1]) О подводахъ, которыя слѣдовало собрать съ данной мѣстности, указъ посылался изъ областного приказа. Такъ, если, напримѣръ, нужно было перевезти какіе-либо запасы на многихъ подводахъ, тотъ приказъ, по иниціативѣ котораго запасы отправлялись или получались, сносился съ областнымъ приказомъ, вѣдавшимъ данную мѣстность; этотъ приказъ писалъ воеводѣ, отправляя иногда память въ приказъ, вѣдавшій ту мѣстность, куда запасы отправлялись [2]).

Приведенныхъ данныхъ, конечно недостаточно, чтобы пытаться установить какія-либо общія положенія. Ближе всего, казалось-бы, слѣдуетъ изъ этихъ данныхъ тотъ выводъ, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ настолько случайнымъ распредѣленіемъ обязанностей по ямскому дѣлу между цѣлымъ рядомъ приказовъ, что нѣтъ даже надобности искать слѣдовъ какой-либо системы Но болѣе внимательное отношеніе къ тѣмъ-же даннымъ не можетъ не показать, что какъ эта неопредѣленность, такъ и то, что можно было бы считать случайностью, повторяется въ достаточной мѣрѣ систематически и все время проявляется въ одномъ и томъ же направленіи. Такъ, какой приказъ строилъ ямъ, такой его и вѣдалъ, но одновременно не могъ быть увѣренъ, что ямской приказъ не заявитъ о своихъ правахъ. Иначе говоря: въ однѣхъ мѣстностяхъ ямы въ большей степени вѣдались ямскимъ приказомъ, въ другихъ — больше областнымъ прика-

---

скомъ, который вѣдался въ Большомъ Дворцѣ (ср. списки Лаппо-Данилевскаго, въ Прилож., стр. 543); подъ грамотой припись дьяка Ивана Болотникова, а онъ въ это время былъ въ приказѣ Большого Дворца, какъ это видно изъ А. Э., III, 104), 144 и мн. др.

1) Напр. А. Э. IV. 68, 71, 86 и др.

2) Напр. А. И. IV. 25, А. Э. IV, 120, Р. И. Б., V, 297, Д. А. И. V, 53 и др.

зомъ данной мѣстности. При этомъ можно также замѣтить, что ямы, вѣдавшіеся въ ямскомъ приказѣ, своимъ строемъ представляли нормальный типъ; ямы, вѣдавшіеся областными приказами, обыкновенно въ томъ или иномъ отношеніи выражали исключеніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, строя и вѣдая данный ямъ, каждый приказъ обращался за всѣми справками все-таки въ ямской приказъ; беря на себя иниціативу въ какомъ-либо ямскомъ вопросѣ, распорядительную часть данный приказъ предоставлялъ обыкновенно тому же ямскому приказу. Всѣ тѣ условія, какія могли бы выясниться при спеціальномъ изученіи московскихъ приказовъ, а именно—выдѣленіе спеціальныхъ приказовъ изъ общихъ, конкурренція между кругомъ вѣдомства областныхъ приказовъ и кругомъ вѣдомства спеціальныхъ приказовъ, созданіе приказной практики путемъ наслоенія другъ на друга разновременныхъ и подъ вліяніемъ различныхъ, иногда случайныхъ причинъ сформировавщихся новообразованій и т. д.,—всѣ эти условія одинаково имѣли значеніе и для судьбы ямского приказа. Послѣдній былъ только спеціальнымъ приказомъ, но такъ какъ ямское дѣло во многихъ отношеніяхъ затрагивало и общіе интересы каждой мѣстности, то и въ предѣлахъ своей спеціальности ямской приказъ не всегда могъ сохранить свою исключительность. Если ямской приказъ тѣмъ не менѣе продолжалъ все время оставаться однимъ изъ такихъ спеціальныхъ приказовъ, значеніе которыхъ цѣликомъ никогда не утрачивалось, то, какъ мы думаемъ, можетъ быть, благодаря только тому, что онъ являлся вмѣстѣ съ тѣмъ и архивомъ всѣхъ ямскихъ дѣлъ. Мы уже знаемъ, что въ 16 вѣкѣ въ ямскомъ приказѣ хранились кормовыя книги, что тамъ-же хранились и загонныя книги; на одной изъ новгородскихъ устройныхъ книгъ мы находимъ помѣту: „а подлинныя книги (пшасского яма) посланы ко Государю въ Москву по грамотѣ изъ ямского приказа"; мы знаемъ также, что областные приказы, принявъ къ разсмотрѣнію то или иное ямское дѣло, посылали за справками въ ямской приказъ; въ ямскомъ-же приказѣ въ особыхъ указныхъ книгахъ велась запись всѣхъ указовъ по ямскому дѣлу, тамъ-же хранились и платежныя книги и т. д. [1])

---

[1]) Библ. и арх. моск. госуд., Лихачева, въ Прилож., стр. 13 14;

Какъ мы уже имѣли случай видѣть изъ челобитной Гр. Всполохова, все это, вмѣстѣ съ деньгами, хранилось въ „казенкѣ“ ямского приказа. [1]) Такимъ образомъ, если областные приказы пересиливали ямской, такъ какъ послѣднему трудно было иногда отстоять свои исключительныя права на отдѣльныя точки области, вѣдавшейся во всѣхъ отношеніяхъ въ областномъ приказѣ, то извѣстнымъ противовѣсомъ преобладанію областныхъ приказовъ надъ компетенціей ямского приказа являлось то, что всѣ необходимыя данныя и свѣдѣнія можно было получать только отъ ямского приказа.

Подобно тому, какъ ямской приказъ по спеціальному порученію собиралъ иногда не однѣ ямскія деньги, онъ вѣдалъ иногда не только ямскія дѣла. Такъ, подъ 1639 г. читаемъ, что Государь, „слушавъ росписей городовъ володимерсково и московсково судныхъ приказовъ, указалъ для поспѣшенья, чтобы дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ въ судныхъ дѣлѣхъ волокиты не было, взяти изъ приказовъ городы и судити по приказомъ бояромъ:... изъ московсково приказу Резань съ пригороды, Ряской, Кошира въ ямскомъ приказѣ боярину кн. Ондрею Васильевичю Хилкову“. [2]) Ямской-же приказъ, напримѣръ, еще въ 1636 г. вѣдалъ и московскихъ недѣльщиковъ: „въ ямской приказъ къ боярину... велѣно отписать, кто имяны на Москвѣ и въ городѣхъ въ ямскихъ приказчикѣхъ и на Москвѣ въ недѣляхъ, и которыхъ городовъ дѣти боярскіе“. [3]) Кромѣ того, ямской приказъ иногда вѣдалъ дѣла, передаваемыя въ него по особому приказу, въ виду жалобъ на то, что въ томъ приказѣ, куда данное дѣло поступило первоначально, оно разбиралось неправильно или пристрастно. Такихъ дѣлъ мы знаемъ два— одно отъ 1643 г. по челобитной Юдиныхъ на двоюроднаго брата, скрывшаго изъ корыстныхъ цѣлей родство съ чело-

---

Имп. Пуб. Библ., Q. IV, № 262, л. 16; А. М. И. Д. П. Д. С. Л. св. 135, № 43, 1640 г.; А. Моск. Госуд., II, № 439, стр. 271—272 и др.

[1]) Напр., „Онъ, Михайло, на другій день приходные и расходные книги съ моево сидѣнья съ 172 году запечаталъ въ казенку“. Чел. Гр. Всполохова, строки 329—331. Этотъ малоизвѣстный, кажется, фактъ могъ бы служить нѣкоторымъ подкрѣпленіемъ въ пользу мнѣнія о томъ, что подъ казной понимался и архивъ.

[2]) Р. И. Б., X, стр. 157.

[3]) Р. И. Б., X, стр. 38.

битчиками, другое—отъ 1627 г. по жалобѣ сторожа ярославскаго гостиннаго двора на дьяковъ Суднаго приказа, неправильно рѣшившихъ его дѣло съ однимъ торговымъ человѣкомъ, который—„самъ собой выкралъ", а обвинилъ въ кражѣ неизвѣстныхъ воровъ, будто бы дѣйствовавшихъ въ сообществѣ съ сторожемъ. [1])

Въ ямскомъ приказѣ кромѣ судьи, а иногда и двухъ, сидѣли два дьяка (иногда три, подъ конецъ вѣка - четыре и пять дьяковъ. При приказѣ былъ цѣлый рядъ подъячихъ, приставовъ и сторожей. Подъячіе дѣлились на верстанныхъ и неверстанныхъ; первые получали жалованья отъ 24 - 13 р. и отъ 6 - 1 рубля; вторые не получали жалованья. Всѣхъ подъячихъ бывало до 20 человѣкъ. Пристава получали иногда по 8 рублей, иногда меньше; ихъ бывало и по 6, и по 3 чел.; сторожа получали, напримѣръ, въ 1675 г. по 8 рублей въ годъ. [2]) Весь расходъ по ямскому приказу опредѣлялся, напримѣръ, въ 1687 г. въ 273 р. 13 алт. на жалованье подъячимъ, приставамъ и сторожамъ и въ 75 рублей въ годъ на приказный всякій расходъ, а въ 1680 г. - на жалованье подъячимъ—150 рублей, а на приказный мелкій расходъ—49 рублей. [3])

Ямской приказъ помѣщался до 1670 г. въ Кремлѣ, а послѣ того—на дворѣ Ивана Андреевича Милославскаго, вмѣстѣ съ челобитеннымъ приказомъ. [4]) По замѣчанію Снегирева, этотъ дворъ находился на теперешней Замоскворецкой улицѣ. [5]) По словамъ Корнилія де Бруина, въ его время ямской приказъ находился снова въ Кремлѣ. [6])

Списокъ судей ямского приказа и дьяковъ мы отнесли въ „Приложенія". [7]) По словамъ Миллера, въ 1681 г.

---

[1]) Акт. граж. распр. Ѳедот.—Чеховск. т. I. № 110; част. коллек. актовъ проф. Липинскаго, № 166. Котошихинъ, однако, уже не зналъ такой практики, такъ какъ онъ прямо указываетъ что переносить дѣло изъ приказа въ приказъ можно было только до суда, а не послѣ рѣшенія. Котошихинъ, стр. 97.

[2]) Опис. госуд. разрядн. архива, П. Иванова, стр. 63, Замысловскій, Царствованіе Ѳеодора Алексѣевича, I, изд. 1871 г., стр. XLVI, Прилож.

[3]) П. С. З. II., 1251; Милюковъ, Госуд. Хоз., Прилож., стр. 12.

[4]) П. С. З., I, 466.

[5]) Снегиревъ, Москва, т. I, стр. 172.

[6]) Чт. О. И. Д., 1872 г. кн. 2, стр. 88, путеш. Корнилія де-Брунна

[7]) Приложеніе № 3. Списокъ составленъ нами заново.

ямской приказъ былъ соединенъ съ Стрѣлецкимъ. [1]) Никакихъ указаній для разъясненія этого вопроса мы не нашли, но въ 1687 г. навѣрное эти оба приказа были опять самостоятельны, такъ какъ стрѣлецкимъ приказомъ тогда вѣдалъ Ѳедоръ Леонтьевичъ Шакловитовъ, а ямскимъ приказомъ—Григорій Никифоровичъ Собакинъ. [2])

Къ сожалѣнію, дѣлъ ямского приказа почти не дошло до насъ. Мы знаемъ только то, что осталось въ дѣлахъ другихъ приказовъ, или что вошло въ спискахъ въ грамоты изъ другихъ приказовъ; наконецъ, вѣроятно, можно было бы еще найти отдѣльныя грамоты ямского приказа въ различныхъ мѣстныхъ архивахъ [3]).

[1]) Др. Рос. Вивл., т. XX, стр. 401.

[2]) Ср. въ нашемъ „Прилож.“ № 3 съ Др. Рос. Вивл., II, XX, стр. 403.

[3]) Въ Имп. Пуб. Библ. хранятся указныя книги (подлинныя) ямского приказа отъ 1706 г. при стольникѣ Матвѣѣ Алексѣевичѣ Головинѣ—F. II, 148, и отъ 1720 г., при князѣ Юріѣ Ѳедоровичѣ Щербатовѣ—F. II, 149.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1. [1])

Извѣстный историкъ Гергардъ Фридрихъ Миллеръ (род. 1705 г., ум. 1723 г.), бывшій съ 1766 г. начальникомъ Московскаго Архива Иностранной коллегіи, что нынѣ Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ принималъ весьма дѣятельное участіе въ составленіи изданной Новиковымъ „Древней Россійской Вивліоѳики“. Это извѣстно давно. На это имѣется, между прочимъ, прямое указаніе въ предисловіи Новикова ко второму изданію Вивліоѳики: „не могу я пройтить молчаніемъ,—сказано тамъ,—чтобъ не засвидѣтельствовать передъ читателями моими объ отличномъ усердіи покойнаго г. Миллера въ ревностномъ споспѣшествованіи сему изданію. Сей отличный и знаменитый ревностію и усердіемъ своимъ мужъ ко всему тому, что могло только споспѣшествовать пользѣ исторіи россійской, доставилъ ко мнѣ множество не только что изъ Архивы Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, но и изъ собственной книго-хранительницы, которую собиралъ онъ съ великимъ тщаніемъ во всю жизнь свою“.

Но Миллеръ доставлялъ Новикову не только „превосходные, древніе и старинные акты“, какъ говоритъ Пекарскій въ біографіи Миллера [2]), но и законченныя отдѣльныя статьи. Въ библіотекѣ Моск. Гл. Архива Мин. Ин. Дѣлъ хранится среди другихъ рукописей Миллера черновикъ его статьи объ ямскомъ приказѣ, напечатанной въ 20 томѣ Новиковской Вивліоѳики второго изданія. Рукопись эта—тетрадь, [3]) состоящая изъ пяти отдѣльныхъ листовъ разныхъ форматовъ; написаны рукой самого Миллера три листа, а

---

[1]) Перепечатываемъ эту нашу замѣтку изъ Чт. О. И.Д., 1899 г., кн. 3.

[2]) Ист. Импер. Акад. Наукъ, т. I, стр. 332.

[3]) Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, по описи портфелей Миллера, портф. № 338, тетр. 4.

два—рукой переписчика. Первый листъ—общія разсужденія о ямскомъ приказѣ, вошедшія въ статью Вивліоѳики, листъ пятый списокъ судей, бывшихъ въ ямскомъ приказѣ съ 1630–1690 г.г., вошедшій также въ указанную статью. На отдѣльномъ листѣ имѣется списокъ съ указа 1627 г. о томъ, кому сколько давать подводъ; списокъ этотъ также вошелъ въ статью. Для сличенія рукописи съ печатной статьей приведемъ текстъ той и другой:

Рукопись.

Когда въ старыя времена (зачеркнуто: изъ) Государевымъ дѣломъ кто куды пос (вставлено: ы) ланъ былъ, то либо онъ на сво- (зачерк.: емъ) ихъ лошадяхъ, или на свой коштъ на наемныхъ, ѣхать долженствовалъ, а иногда и позволеніе имѣлъ лошадей для такой поѣздки (вставлено: по) купать, которые (зачеркн: по возвращеніи съ) окончаніи пути въ Государеву казны отда (вставлено: ва) ны были. Пріѣзжавшимъ изъ иностранныхъ государствъ посламъ, посланникамъ и гонцамъ, и возвращавшимся въ свои земли, да (вставлено: ва) ны были отъ города до города подводы, собираемыя съ городскихъ жителей по благоусмотрѣнію городовыхъ начальниковъ, за что плачиваемы были изъ казны не большіе прогоны. (Зачеркнуто: о покупкѣ лошадей для посланныхъ (за Государевымъ) во время Государя и Царя

Древн. Рос. Вивл., т. XX, стр. 412 и сл.

Въ старыя времена, когда за государевымъ дѣломъ кто куда посланъ былъ, то онъ либо на своихъ лошадяхъ, либо на свой коштъ на наемныхъ ѣхать долженствовалъ, а иногда съ позволенія для такой поѣздки покупалъ лошадей, и по окончаніи пути отдавалъ оныхъ въ Государеву казну. Пріѣзжающимъ изъ иностранныхъ Государствъ посламъ, посланникамъ и гонцамъ съ возвратомъ даваны были отъ города до города подводы, собираемыя съ городскихъ жителей по благоусмотрѣнію городскихъ начальниковъ за что назначаемы были изъ казны небольшіе прогоны. Изъ того слѣдуетъ, что въ то время ямского учрежденія въ Россіи еще не было; а уповательно произошло оное

Ивана Васильевича (дѣломъ) свидѣтельствуетъ слѣдующая выписка изъ Государственнаго Посольскаго Архива.) Изъ того слѣдуетъ, что въ то время ямского учрежденія въ Россіи еще не было, а уповательно произошло оное отъ мудраго Царя Бориса Ѳеодоровича Годунова, либо тогда, когда онъ правилъ государствомъ, яко первый министръ и шуринъ Государя Царя Ѳеодора Іоанновича, или когда послѣ того онъ самъ воцарился; но подлинныхъ доказательствъ тому не найдено. Смутнымъ временемъ послѣ Годунова даже до благополучнаго царствованія Государя Царя Михаила Ѳеодоровича такое важное происшествіе, знатное число граждакъ и крестьянъ въ ямщики преобразившее и вразсужденіи того изобильнымъ земель владѣніемъ ихъ снабдившее, кажется неприлично; но учинилось ли оное въ первые годы правленія Царя Михаила Ѳеодоровича, о семъ такожде для тогдашней съ шведами и поляками войны сумнѣваться можно...

отъ мудраго Царя Бориса Ѳеодоровича Годунова, либо тогда, когда онъ правилъ государствомъ, яко первый министръ и шуринъ Государя Царя Ѳеодора Іоанновича, или когда послѣ того онъ самъ воцарился. Смутнымъ временемъ послѣ Годунова, даже до благополучнаго царствованія Государя Царя Михаила Ѳеодоровича такое важное происшествіе, знатное число гражданъ и крестьянъ въ ямщики преобратившее и вразсужденіи того изобильнымъ земель владѣніемъ ихъ снабдившее, кажется неприлично; но не учинилось ли оное въ первые годы правленія Царя Михаила Ѳеодоровича?

Затѣмъ въ рукописи слѣдуетъ разсужденіе „о справкахъ изъ разряднаго архива о существованіи ямского приказа уже въ 1618 и 1619 гг.“ Въ Новиковскомъ изданіи (стр. 416) между этими двумя разсужденіями вставленъ списокъ съ указа 8 марта 1627 г. о подводахъ; въ рукописи же указъ переписанъ на особомъ листѣ. То же самое, какъ уже ска-

зано выше, и на стр. 417—427 Новиковскаго изданія, гдѣ приведенъ списокъ „судей“ ямского приказа, составляющій въ рукописи отдѣльный листъ. Въ остальномъ рукопись и печатная статья вполнѣ сходны между собой, если не считать двухъ—трехъ перестановокъ фразъ, нѣсколькихъ стилистическихъ поправокъ и т. п.

Такимъ образомъ, можно считать безспорнымъ, что статья о ямскомъ приказѣ въ 20 т. Новиковской Вивліоѳики принадлежитъ Миллеру.

Дальнѣйшія розысканія въ этомъ направленіи привели насъ, однако, къ убѣжденію, что почти и весь остальной матеріалъ 20-го тома былъ составленъ Миллеромъ. Исключеніе представляетъ только 6 частей „Послужного списка“, напечатанныхъ на стр. 1—131; хотя, вѣроятно, и этотъ списокъ, представляющій сокращенный при вольномъ россійскомъ собраніи послужной списокъ, доставленный собранію М. Н. Шереметьевой, былъ проредактированъ Миллеромъ. По крайней мѣрѣ, въ томъ же 388-мъ портфелѣ въ тетрадяхъ № 1 и № 2 находимъ выписки изъ дѣлъ и разрядовъ объ окольничьихъ, составленныя за тѣ же годы и за дальнѣйшія. Что-же касается части 7-й „послужного списка“, напечатанной въ Вивліоѳикѣ отдѣльно, уже въ концѣ 20 тома на стр. 421—442, то она, видимо, цѣликомъ составлена Миллеромъ. Имъ-же составлена цѣликомъ и статья „Московскіе и другіе старинные приказы“, куда, между прочимъ, вошла и статья объ ямскомъ приказѣ. Во первыхъ, въ разобранномъ нами портфелѣ заключены многіе матерьялы, вошедшіе въ статью о приказахъ; во вторыхъ, тутъ-же мы находимъ на 10 листахъ рукопись, озаглавленную: „вѣдомость о нѣкоторыхъ московскихъ приказахъ“; сличеніе этой рукописи съ печатнымъ текстомъ удостовѣряетъ полное сходство.

Какъ на примѣръ, взятый на выдержку, укажемъ:

Рукопись, портф. № 333, тетр. 3.	Печатн. текстъ, стр. 312.
Золотая меньшая палата. По записной книгѣ во 144 году іюля въ 7 день были у Государя Литовскіе посланцы въ золотой меньшей палатѣ. Въ	Золотая меньшая палата, о коей по записнымъ книгамъ значится, 1636 году, что въ оной іюля 7 дня были у Государя Литовскіе посланцы;

записной 188 г. книгѣ написано: марта 8 числа по указу Царя Θеодора Алексѣевича бояре, окольничьи и думные люди сидѣли въ золотой меньшей палатѣ за расправными дѣлами изъ разныхъ приказовъ и т. д. (Лист. 3 обор. рукоп.).

1680 году, что марта 8 числа по указу Царя Θеодора Алексѣевича въ оной сидѣли за расправными дѣлами изъ разныхъ приказовъ бояре, окольничіе и думные люди и т. д.

Не дѣлаемъ дальнѣйшихъ выписокъ, такъ какъ отношеніе рукописи къ печатному тексту во всѣхъ ея частяхъ остается тѣмъ-же.

№ 2.

Оклады ямскихъ денегъ.

Настоящая роспись составлена по матерьяламъ, указаннымъ въ выноскахъ. Большая часть окладовъ показана по разсчету. Если въ основаніе разсчета бралась отписка, выданная на ямскія деньги съ владычныхъ и съ монастырскихъ вотчинъ, то высчитывался окладъ на соху по 700 четвертей при средней землѣ и по 600 четвертей при доброй землѣ. (Напр., углич. акты, стр. 184, 199). Для свѣрки мы пользовались собраніемъ Гарелинскихъ отписокъ (Рум. Музей). Послѣднія систематизированы уже Милюковымъ, Спорн. вопр., стр. 91—92.

1618 г.	съ сохи 800 р., съ чети - 1 р.		[1]
1619 г.			[2]
1620 г.			[3]
1621 г.	. 584 р., съ чети . . .	24 ал. 2 д.	[4]
1622 г.	. 468 р., ...	19 ал. 3 д.	[5]
1623 г.			[6]
1624 г.			[7]

[1] [2] [3] А. Э. III, 116; Уг. А., стр. 56, 71, А. Юр. 214, IX. А. Возн. Печерск. Мон., стр. 53.

[4] А. Ю. 214, X; А. Э. III, 116.

[5] [6] А. Э. III, 121, А. Юр. 214, XI, Уг. А., стр. 141.

[7] Оп. Долм. Арх. № 268.

1625 г.	съ сохи 468 р., съ чети	19 ал. 3 д.	[1])
1627 г.			[2])
1628 г.			[3])
1629 г.			[4])
1630 г.	400 р.,	16 ал. 4 д.	[5])
1631 г.			[6])
1632 г.			[7])
1633 г.			[8])
1634 г.	534 р.	22 ал. 1 1/2 д.	[9])
1635 г.			[10])
1636 г.			[11])
1637 г.			[12])
1638 г.			[13])
1639 г.			[14])
1640 г.			[15])
1641 г.	726	30 ал. 1 1/2 д.	[16])
1642 г.	726	30 ал. 1 1/2 д.	[17])
1644 г.	784	32 ал. 4 д.	[18])
1645 г.			[19])
1649 г.			[20])
1650 г.			[21])
1651 г.			[22])
1652 г.			[23])
1653 г.			[24])
1654 г.			[25])

---

[1]) Уг. Ак. стр. 159.

[2]) Уг. Ак. стр. 163.

[3]) [4]) Уг. А. стр. 163, Оп. Долм Арх. № 272, 273, 274, 275, 276, Акты Моск. Госуд., I, 248.

[5]) [6]) [7]) [8]) Уг. Акты, стр. 173, 184, 189; Яр. Губ. Вѣд., 1861 г. № 41.

[9]) [10]) [11]) [12]) [13]) [14]) [15]) Уг Акты стр. 195, 199, Оп. Долм. арх. № 289. Арх. Кн. Баюшева, 80, 81, 82.

[16]) Угл. акт. стр. 209, 210.

[17]) Угл. акт., стр. 213.

[18]) Отписки Гарелина.

[19]) Оп. Долм. архива, № 295.

[20]) [21]) [22]) Оп. Долм. арх., № 297; Костр. Старина, вып. 2, стр. 11.; Арх. кн. Баюшева, 86.

[23]) [24]) [25]) Оп. Долм. арх. № 301, Труды Ряз. Арх. Ком., т. XIII, вып. 2, стр. 194, № 5 По разсчету въ Акт. Юр. Кал., II, 246, XI въ 1653—рубль съ четверти, но тутъ простая переплата 4 денегъ. Арх. кн. Баюш., 88.

1655 г. съ сохи 784 р., съ чети . . . 32 ал. 4 д. [1])
1658 г. . . . . [2])
1659 г. . . . . [3])
1660 г. ямскія деньги не взимались. [4])
1662 г. съ сохи 784 р., съ чети . . . 32 ал 4 д. [5])
1664 г. . . . . [6])
1665 г. . . . . [7])
1666 г. . . . . [8])
1667 г. . . . . [9])
1668 г. . . . . [10])
1669 г. . . . . [11])
1670 г. . . . . [12])
1671 г. . . . . [13])
1672 г. . . . . [14])
1673 г. . . . . [15])
1674 г. . . . . [16])
1675 г. . . . . [17])
1676 г. . . . . [18])
1677 г. . . . . [19])

---

[1]) Оп. Долм. арх. № 304, 307.

[2]) [3]) Оп. Долм. арх. 312, 313, 319., Арх. кн. Баюшева, 92.

[4]) Акты Ворон. Ст. Ком., № 46.

[5]) Оп. Долм. арх., 324.

[6]) Оп. Долм. арх., 329.

[7]) Оп. Долм. арх., 330, 332, Т. Ряз. арх. ком., т. XIII, вып. 2, стр. 196, № 21, арх. кн. Баюш. 94.

[8]) Тр. Ряз. арх, ком. 92 г., т. VII, стр, 28, Тр. Р. А. К. т. XIII, в.2, № 24.

[9]) Костр. Старина, вып. 2, стр. 4, Тр. Р. А. К., т. XIII, в. 2, № 25,26

[10]) Арх. кн. Баюшева, 95.

[11]) Оп. Долм. ар., 349, Оп. Щук. муз., т. II, стр. 3, арх. кн. Баюшева, 97,

[12]) Оп. Долм. ар., 360, Вор. акты, III, стр. 155.

[13]) Оп. Долм. ар., 363, Тр. Р. А. К., т. XIII, в. 2, 35, Вор Губ. Вѣд, 1851 г., № 6.

[14]) Ар. кн. Баюш., 99.

[15]) Оп Долм. арх 367, А. Юр. Кал. т. II, 246, XV (переплочено 4 деньги) Тр. Р. А. К., т. XIII, в. 2, 41, 42.

[16]) Оп. Долм. арх., 371, Арх. кн. Баюшева, 102.

[17]) Оп. Долм. арх., 377, Тр Ряз. А. Ком., т. XIII в. 2, 44, 45, 47, 48, Арх. кн. Баюшева, 104.

[18]) А. Юр. Кал , т. II, 246, XVI, Тр. Ряз. А. К., т. XIII, в. 2, 50.

[19]) Оп. Долм. арх. 383, 385, Тр. Ряз. А. К., т. XIII, в. 2, 51, Арх. кн. Баюшева, 107,

1678 г. съ сохи 784 р., съ чети . . 32 ал. 4 д. [1])
1679 г. . . . . [2])
1680 г. по 20 и по 10 денегъ съ двора. [3])

№ 3.

Личный составъ Ямского Приказа.

Настоящіе списки составлены нами по матерьяламъ, указаннымъ въ скобкахъ за каждымъ именемъ. Списки дополнены по списку Миллера, напечатанному въ Древн. Росс. Вивліоѳикѣ, т. XX, стр. 417—421. Имена, заимствованныя изъ списка Миллера, напечатаны разрядкой. Имена, которыхъ нѣтъ совсѣмъ у Миллера или которыя не упоминаются у него подъ приводимыми нами датами, отмѣчены звѣздочкой. Разногласія со спискомъ Миллера объяснены въ выноскахъ. [4])

А. Судьи Ямского Приказа.

1604 г. Окольничій Михаилъ Михайловичъ Салтыковъ * (Пам. Дипл. Сн., II, стр. 899). [5])

1611 г.—Бояринъ Никита Дмитріевичъ Вельяминовъ * (Г. Г. Д., II. 219; А. И. II, 314).

1616—1617 г.г.—Ѳедоръ Семеновичъ Пушкинъ * (Кн. Разр., I, стр. 409; Опис. Щукинск. Музея, III, стр. 117).

1618—1619 г.г.—Бояринъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій * (П. С. Зак., I 518, А; Д. А. И., II, 84).

---

[1]) Оп. Долм. арх., 386, 387, 395, 398, 399; Изв. Археол. Общ. т. III, стр. 230, Тр. Ряз. арх. ком., т. XIII, в. 2, 58, Арх. кн. Баюшева, 108.

[2]) Арх. кн. Баюшева, 109.

[3]) А. Э., IV, 250, 251; Д. А. И. VIII, 66 и др. Арх. кн. Баюшева, 111, 113, 114.

[4]) Списокъ Миллера начинается только съ 1628 г. Изъ другихъ списковъ извѣстны: списокъ Каразина, Арх. М. И, Д., библ., № 226—396, но онъ составленъ по Миллеру; незначительныя измѣненія о дьякахъ укажемъ дальше; онъ начинается съ 1630 г.; списокъ въ „Прибавл. къ общ. цирк. по главному управл. почтъ и тел.“, 1845 г., № 32 неточенъ и кратокъ; списокъ Хрущова, въ ц. с. прилож., стр. 85. Этимъ спискомъ мы не могли пользоваться, такъ какъ въ немъ не указаны источники.

[5]) См. стр. 298 дан. кн.

1625—1628 г.г.—Бояринъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій * (Р. И. Б. IX, стр. 469; Вор. А. (Втср.) II, стр. 4; Ворон. Губ. Вѣд. 1850 г., № 16).

1628 г. (не позже сентября) Бояринъ князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ и Миронъ Андреевичъ Вельяминовъ * (Вор. Акты, (Втор.), II, стр. 170, Вор. Губ. Вѣд. 1851 г., № 16; П. Д. С. Л. св. 68 № 25) [1])

1629 г. Бояринъ Князь Иванъ Лось Ѳеодоровичъ Волконскій.

1630—1634 г.г. Бояринъ князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ (Р. И. Б IX, стр. 526; Кн. Разр. II, стр. 302, 368) [2])

1635—1639 г.г. Бояринъ князь Андрей Васильевичъ Хилковъ (Угл. Акты, 147, 150, Р. И. Б., X, стр. 2, 38, 105, 157). [3])

1640—1641 г г. Окольничій Ѳедоръ Васильевичъ Волынскій (А. Э. III, 297, П. Д. С. Л. св. 35, № 43, Р. И. Б., X, стр. 202, 240) [4])

1643—1648 г.г. Окольничій князь Семенъ Васильевичъ Прозоровскій (П. Д. С. Л. св. 154, № 121; Вор. Акты (Втр.), II, стр. 68; Акты Ворон. Статист. Комит. 34; А. Рязан. Края, 28; Р. И. Б., X, стр. 302, 402) [5])

1660 г Окольничій Иванъ Андреевичъ Милославскій (Вор. Акты, II, стр. 144, Вор. Губ. Вѣд. 1850 г., № 35; Акты Ворон. Стат. Комит., 46). [6])

---

[1]) У Миллера кн Пожарскій еще въ 1628 и 1629 г.г. Пожарскій ушелъ изъ приказа между іюнемъ (А. И. Ш, 167) и сентябремъ 1628 г., когда уже былъ, какъ видно изъ рук. О. IV, № 9, Имп. Публ. Библ., Лыковъ. Миллеръ говоритъ также о совмѣстномъ сидѣньи Лыкова съ Волконскимъ, который, по словамъ Миллера, былъ изъ за вражды съ Пожарскимъ скоро переведенъ въ холопій приказъ. По нашимъ свѣдѣніямъ Лыковъ сидѣлъ съ Вельяминовымъ; очевидно, что съ Волконскимъ, если Лыковъ и сидѣлъ, то послѣ декабря 1628 г. и до 1630 г., слѣдуя Миллеру-же.

[2]) У Миллера Лыковъ обозначенъ съ 1629 вдвоемъ съ Волконскимъ, а съ 1630 г. одинъ.

[3]) У Миллера Хилковъ лишь съ 1631 г.

[4]) У Миллера—по 1642 г.

[5]) У Миллера—по 1650 г. Во всякомъ случаѣ, не позже іюня этого года, такъ какъ въ іюнѣ 1650 г. онъ былъ уже путивльскимъ воеводой (Д. А. И. Ш, 73).

[6]) У Миллера съ 1650 по мартъ 1663 г.

1663 г. (съ августа) Бояринъ Князь Иванъ Андреевичъ Хованскій * (Р. И. Б., X, стр. 566) [1])

1663 г. Думный дворянинъ Григорій Борисовичъ Нащокинъ (Р. И. Б, X, стр. 566). [2])

1665 г. Окольничій князь Никита Яковлевичъ Львовъ [3])

1667—1669 г. Бояринъ князь Иванъ Андреевичъ Хованскій * (Д. А. И., V, 46, XIII; Вор. Акты, III, стр 94 Челоб. Гр. Всполохова, строка 325) [4]).

1669—1670 г.г. Бояринъ князь Иванъ Борисовичъ Рѣпнинъ (Челоб. Гр. Всполохова, строка 348) [5])

1670—1671 г.г. Думный дьякъ Григорій Степановичъ Карауловъ (Вор. А., III, стр. 156 Вор. Губ. Вѣд., 1851, № 6)

1671—1675 г.г. Дворянинъ Иванъ Ѳедоровичъ Бутурлинъ (Д. А. И, VI, 24 XVI; Челоб. Гр. Всполохова, строка 425) [6]).

---

[1]) У Миллера—въ 1665 г. Если это и вѣрно, то, во всякомъ случаѣ, только съ 31 августа 1665 г. такъ какъ весь 1664 г. и по конецъ 1665 г. Хованскій былъ на службѣ внѣ Москвы (Р. И. Б., XI, стр. 328. Д. А. И., V, I, XX.).

[2]) У Миллера—только съ 1666 г.

[3]) У Миллера Львовъ сидитъ съ Хованскимъ съ 1665 г. По нашимъ свѣдѣніямъ Хованскій сидѣлъ съ Нащокинымъ съ 1663 г., въ 1664 г. Хованскаго не было въ Москвѣ до конца 1665 г., а въ 1666 г. самъ-же Миллеръ указываетъ Нащокина. Слѣдовательно, если Львовъ и сидѣлъ въ приказѣ, то весьма непродолжительное время и едва-ли съ Хованскимъ.

[4]) У Миллера только съ 1668 г.

[5]) Это показаніе Миллера подлежитъ сомнѣнію: въ 1670 г въ іюнѣ Иванъ Борисовичъ Рѣпнинъ былъ уже въ Тобольскѣ воеводой (Д. А. И. VI, 9, 15). Онъ тамъ былъ и въ мартѣ 1671 г. (А. И., V, 218). Въ декабрѣ 1667 г. онъ былъ еще воеводой въ Смоленскѣ (Д. А. И. V 60). Въ 1668 г. самъ Миллеръ показываетъ въ ямскомъ приказѣ одного Хованскаго. Слѣдовательно, если Рѣпнинъ и былъ въ приказѣ, то въ 1669 г. и лишь въ первыхъ мѣсяцахъ 1670 г., такъ какъ по показанію въ Др. Рос. Вивл., т. III, стр. 208, онъ былъ съ 17 мая 1670 г. уже въ Тобольскѣ. Изъ челобитной Григорія Всполохова ясно, что Рѣпнинъ былъ назначенъ въ 177 г., когда Хованскій былъ назначенъ воеводой въ Смоленскъ.

[6]) У Миллера указанъ съ 1672 г. До этого года былъ, вѣроятно, Карауловъ, который въ 1672 г. уже въ приказѣ Казанскаго дворца. (Д. А. И, VI, 67, V).

1675 г. Окольничій Григорій Никифоровичъ Собакинъ [1]).

1677 г. съ 7 сентября 1680 г. Окольничій Алексѣй Петровичъ Головинъ (Д. А. И., IX, 46: А. И., V, 29; Кн. Разр., II, стр. 1095; Имп. Пуб. Биб. О, IV, 9; Д. А. И. VIII, 28, VI; Р. И. Б., XI, стр. 349, 357) [2]).

1687 г. Бояринъ Григорій Никифоровичъ Собакинъ. (П. С. З, т. II, 1251).

1689 г. съ 31 іюля по 1690 г. 18 мая. Окольничій Петръ Авраамовичъ Лопухинъ. (Розыскн. дѣло о Ѳед. Шаклов. т. I, 382 и др.)

1690 г. съ 20 мая и въ 1691 г. Окольничій Кондратій Ѳомичъ Нарышкинъ. (Раз. дѣло о Ѳед. Шакл., т. I, стр. 1035—1036 и др.; П. С. З. III, 1048, 1503).

1700 г. Бояринъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ * (Акты Ворон. Ст. Ком. 121).

Б. **Дьяки ямского приказа**.

1555—1556 г.г. (вѣроятно, и 1560 г.) Иванъ Мацневъ* (Д. А. И., I, 51 XIII, 70, I).

1564 г Андрей Тишковъ * (Лихачевъ, Библ. и арх. моск. госуд., стр. 58, примѣч.)

1574 г. Семенъ Ѳедоровичъ Мишуринъ * (Имп. Публ. Библ., Q. IV, 260, л. 141).

1574 г. Иванъ Дорофеевъ Собакинъ * (Имп. Пуб. Библ. Q. IV, 260, л. 141)

Раньше 1578 г. Иванъ Евсковъ * (А. С. М., I, XLVII)

1577—1578—1579 гг. Василій Колударовъ * (Р. И. Б., II, 240, Др Рос. Вивл., XIV, стр. 350, А. Сп. Мон., I, XLVII).

1579 г. Стахѣй Ивановъ * (А. Сп. Мон., I, L).

1579 г. Меньшой Башевъ * (А. Сп. Мон, I, L).

1597 г. Захарій Свіязовъ * (Пам Дипл. Сн., X, стр. 474).

1604 1606 Сарычъ Шестаковъ * (П. Д. С., II, стр. 899, Имп. Публ. Б., Q, IV, 260, л. 26, л. 53 и др.).

---

[1]) Собакинъ могъ быть только съ декабря 1675 г., такъ какъ въ концѣ ноября былъ еще Бутурлинъ. Вѣрнѣе, впрочемъ, что они сидѣли вмѣстѣ.

[2]) У Миллера онъ-же и въ 1686 г., что весьма вѣроятно.

1606 г. Фирсъ Лазаревъ * (Имп. Пуб. Библ., Q. IV, 260, л. 53).

1611—1612 г.г. Филиппъ Ларіоновъ * (Ряз. Губ. Вѣд. 1846 г. № 17 А. Ряз. Края, 21) [1]).

1615—1630 г.г. Андрей Подлѣсовъ (Ар. М. И. Д. кн. по Нижн.-Новг., № 1, л. 347; П. С. З, I, 518, А; А. Э. III, 116, 121, Угл. А., 82; Д. А. И, II, 49; Акты Нижег. Возн. Мон., стр. 53, Вор. А, II, 170; Уг. А, 100; П. Д. С. Л., св. 68, № 25, Вор. Губ. Вѣд., 1850 г., 16; кн. Разр., II, стр. 302) [2]).

1615—1616 г.г. Никита Леонтьевъ * (Ар. М. И. Д. кн. по Нижн.-Новг., № 1, л. 365; Оп. Щук. Муз. III, стр. 117) [3]).

1616—1618 г.г. Данило Яковлевъ * (Оп. Щук. Муз. III, стр. 116., Кн. Разр. I, стр. 664).

1618—1619 г.г. Чемесовъ * (Кн. Рязр. I, стр. 664).

1619 г. Коноплевъ * (Кн. Разр. I, стр. 664).

1619 г. Богданъ Губинъ * (Д. А. И. II, 49) [4]).

1624 г. Иванъ Парфеновъ * (А. М. И. Д. Кн. по Сольвыч. № 2, л. 7 об.).

1624 г. Ѳедоръ Кузьмищевъ * (А. М. И. Д. Кн. по Сольв., л. 11).

1628—1631 г.г. Петръ Копнинъ (П. Д. С. Л., Св. 68, № 25, Вор. Губ. Вѣд. 1851 г., № 16, Кн. Разр. II, стр. 302).

1630—1636 г.г. Ѳедоръ Апраксинъ (Кн. Разр. II, стр. 302, 368; А. Угл., 138, 147, 150; Р. И. Б., IX, стр. 526, Р. И. Б., X, стр. 2).

1631—1632 г.г. Александръ Дуровъ (Кн. Разр. II., стр. 368, А. Угл., 131).

1632—1648 г.г. Василій Яковлевъ (Р. И. Б. IX, стр 526.

---

[1]) Въ 1622 г. онъ уже дьякъ пушкарскаго приказа, Д. А. И, II, 48.

[2]) У Миллера Андрей Подлѣсовъ показанъ лишь съ 1628 г. Въ 1631 г. Подлѣсовъ уже въ Астрахани, кн. Разр., II, стр. 352, куда онъ посланъ въ 1630 г., кн. Разр. II, стр. 302. Въ 1611 и 1612 г. онъ дьякъ Галицкой чети, А. Ряз. Кр. №№ 5 и 6.

[3]) Въ 1622 г. онъ уже дьякъ каменнаго приказа, А. Моск. Госуд., I, 151, гдѣ онъ служилъ еще и въ 1631 г., Д. А. И., II, 58. Точныя свѣдѣнія о его службѣ въ ямскомъ приказѣ мы имѣемъ только для 1615 и 1616 г., но вѣроятно онъ больше и не служилъ, такъ какъ съ 1616 г. мы встрѣчаемъ въ ямскомъ приказѣ второго дьяка Данилу Яковлева.

[4]) Въ 1622 г. онъ, видимо, уже не былъ въ приказѣ. Лихачевъ, Разр. дьяки, Прилож., стр. 57.

Угл. А., 147, 150, 162, 163, 170, 175. Р. И. Б., X, стр. 2, 38, 105, 202, 240, 302, 402; Акты Ряз. Кр., 38, Вор. А., II, 68) [1]).

1636 - 1644 г.г. Никифоръ Демидовъ (Р. И. Б., X, стр. 38, 105, 202, 240; П. Д. С. Л., Св. 135, № 43, Св. 154, № 121, Уг. А., 170, Акты Ряз. Края, 28) [2]).

1642 г. Михаилъ Бухаровъ * (П. Д. С. Л, Св. 154 № 121) [3]).

1643—1645 (до марта) Григорій Углевъ.

1645—1646 г.г. Артемій Хватовъ (Угл. А., 175; Акты Ворон. Стат. Ком., 34) [4]).

1646—1667 г.г. Никита Головнинъ (Р. И. Б., стр. 302, А. Вор. Ст. Ком. 46, А. Вор., II, стр. 144, Вор. Ак., III, стр. 94, Д. А. И., V, 46, XIII, А. Моск. Гос., т. II., 1109) [5]).

1648—1650 г.г. Герасимъ Дохтуровъ (Ак. Моск. Госуд., II, 420) [6]).

1653 г. Сидоръ Давыдовъ (Ак. Ряз. Края, 29) [7]).

1659 г. Павелъ Симановскій (А. М. Г., II, 1109) [8])

1660—1663 г.г. Иванъ Горяйновъ (Вор. Губ. Вѣд., 1850 г., № 35, Р. И. Б., X, стр. 566; В. А., II, стр. 144; А. Вор. С. К., 46;) [9]),

---

[1]) у Миллера только съ 1633 г.

[2]) Въ службѣ Никифора Демидова послѣ февраля 1647 г. былъ кратковременный перерывъ, но въ ноябрѣ 1641 г. онъ еще былъ въ Москвѣ (Р. И. Б., X, стр. 300, а отъ 1 февраля 1642 г. имѣется отписка за его подписью (У. А, 170). Въ февралѣ 1645 г. онъ уже въ Новгородѣ (Р. И. Б., V, стр. 24).

[3]) Михаилъ Бухаровъ былъ недолго. Онъ былъ назначенъ вмѣсто уѣзжавшаго Демидова, но послѣдній вернулся въ приказъ уже не познѣе марта 1643 (А. Ряз. края, 28).

[4]) Въ декабрѣ 1646 г. онъ уже въ пушкарскомъ приказѣ (А. Э., IV, 12), а въ сентябрѣ въ ямскомъ приказѣ на его мѣстѣ уже Никита Головнинъ (Р. И. Б. X, стр. 302). Миллеръ опредѣляетъ, что Хватовъ уволенъ изъ приказа 18 августа 1646 г.

[5]) У Миллера—Головкинъ; поэтому въ 1666 г. показанъ умершимъ; а въ 1668 г. опять показанъ тотъ-же Никита Головкинъ и опять сказано, что онъ умеръ. Дальше 1667 г. о Головкинѣ мы свѣдѣній не нашли.

[6]) Мы точно не знаемъ, когда онъ былъ назначенъ, но, вѣроятно, послѣ Яковлева сейчасъ-же. Въ 1650 г. въ февралѣ онъ еще былъ въ ямскомъ приказѣ, а раньше іюля того-же года былъ уже въ Псковѣ Д. А. И., III, 74.

[7]) Вѣроятно, онъ былъ съ 1650 г., послѣ Дохтурова. У Миллера—съ 1654.

[8]) У Миллера съ 1657 г.

[9]) У Миллера съ 1661 по 1667.

1667 г. Иванъ Чистой (Д. А. И. V, 46, XIII; Вор. Акты. III, стр. 94) [1]).

1666—1671 г.г. Василій Якимовъ [2]).

1666—1675 г.г. Михаилъ Чертовскій [2]) (Для 1671 г.— Ворон. Губ. Вѣд. 1851 г., № 6; для 1669 г. - Челоб. гр. Всполох, строка 328).

1669—1671 г.г. Артемій Козловъ (А. Юр. Кал., III, 365; Вор. А., III, стр. 156, Вор. Губ. Вѣд., 1851 г. № 6) [3]).

1675 г. Афанасій Башмаковъ (Д. А. И. V, 24, XVI) [4])

1678 -1679 г.г. Юрій Блудовъ (Д. А. И. VIII, 19, I, Д, А. И IX, 46 А. И. V, 29, Имп. Пуб. Б., F., IV, 648) [5]).

1675—1680 г.г. Семенъ Домашневъ (Д. А. И. IX, 46; А. И. V, 29, Д. А. И. VI, 24, XVI); [6])

1677 г. Яковъ Чичаговъ * (Опис. Долм. Арх., стр. 63)

1678—1680 г.г. Иванъ Клементьевъ * (А. И., V, 29; Кн. Раз. II, стр. 1096, Д. А. И., VIII, 28, VI, IX; 49, II; 66; А. Юр. К., II, 246, XVII; А. И. V, 29).

1678—1680 г.г. Борисъ Остолоповъ * (Д. А. И. IX, 46; Д. А. И. VIII, 28, VI, XI; 49, II; 66; А. И. V. 29, К. Разр.. II, стр 1096).

1680 г. Филиппъ Артемьевъ * (Д. А. И. VIII, 28, VI, XI)

1686 г. Артамонъ Афанасьевъ [7]).

1686 -1689 г.г. Гавріилъ Хлудовъ.

1686 г. Федоръ Деревнинъ [8]).

1685—1689 г.г. Алексѣй Зуевъ (Раз. дѣло о Ѳед. Шакл.,

---

[1]) У Миллера съ 1666 г., въ томъ-же году отставленъ, назначенъ въ 1668 г. и опять отставленъ.

[2]) У Миллера обозначенъ въ ихъ службѣ перерывъ между 1666—1668 г.г., но едва-ли это слѣдуетъ изъ челоб. Гр Всполохова, строки 320 и сл.

[3]) У Миллера только съ 1671 и, видимо, до 1675 г.

[4]) У Миллера—еще въ 1677 г.

[5]) У Миллера—съ 1675 г. Въ 1679 г. Блудовъ умеръ (Д. А. И. IX, 46).

[6]) У Миллера только по 1677 г.

[7]) О немъ мы знаемъ только, что въ 1683 г. онъ былъ въ приказѣ казанскаго дворца, Д. А. И. X, 85. Тамъ-же и въ 1684, А. И V, 115.

[8]) Не о Гавріилѣ-ли Деревнинѣ тутъ рѣчь? Ѳедора Деревнина мы вообще нигдѣ никогда не встрѣчали, а Гавріилъ Ѳедоровичъ Деревнинъ былъ очень вліятельнымъ дьякомъ въ концѣ 17 в.; вскорѣ онъ—думный дьякъ. Но въ ямскомъ приказѣ, кажется, Гавріилъ Деревнинъ не былъ.

т. I, стр. 825, 826. Вельяминовъ-Зерновъ, Изслѣд. о касим. царяхъ и царев., I, 482) [1]).

1686 г Иванъ Меркуловъ * (Вел.-Зерн., I. 482).

1686 г. Андрей Озеровъ.

1689 г. Григорій Родіоновъ

1699—1700 г.г. Иванъ Золотухинъ * (Акт. Вор. Ст. Ком. А. Юр. Кал. I, 58, III) [2]).

Дополненія и важнѣйшія опечатки.

Къ стр. 35—36. Говоря объ ойратскомъ уставѣ, мы не упомянули объ изслѣдованіи проф. Голстунскаго „Монголо-ойратскіе законы 1640 г.", изд. 1880 г. Въ этомъ изслѣдованіи находимъ переводъ съ подлиннаго текста законовъ. Ничего новаго, однако, для нашего изложенія этотъ переводъ не даетъ. Ср. приведенныя въ нашей книгѣ тексты Леонтовича и Палласа съ текстомъ проф. Голстунскаго на стр. 39: „непремѣнно должно давать три законныя подводы; дожно различать обязанности посланнаго, отправляющагося по дѣламъ вѣры и правленія; посланному, отправляющемуся по случаю болѣзни главнаго князя и его супруги, или по случаю нападенія великаго непріятеля должно давать подводы".

Къ стр. 129., пр. I., гдѣ напечатано: Q. IV, 1236, л. 263 и сл. Слѣдуетъ читать: Q. IV, № 263, послѣ л. 236 и сл.

Къ стр. 131, къ строкѣ 11 снизу надлежитъ примѣч. 5, отнесенное ошибочно къ стр. 130, а вмѣсто примѣч. 5 къ 130 стран. надлежитъ пропушенное: А. Сп. М., I, XXXIX.

Къ стр. 175. Вмѣсто Руфъ Игнатьевъ слѣдуетъ читать Руфъ Ивановъ.

Къ стр. 190. Здѣсь въ примѣч. Сулешевъ показанъ, какъ дѣятель начала 16 вѣка. Слѣдуетъ читать начала 17 вѣка.

[1]) У Миллера онъ только съ 1686 г.

[2]) У Миллера онъ еще въ 1689 г.

Цѣна 2 р. 50 к.

